

КИР БУЛЬЧЕВ

ЗАКОН ДЛЯ ДРАКОНА

КИР
БУЛЫЧЕВ
—
ЗАКОН ДЛЯ
ДРАКОНА

КИР
БУЛЫЧЕВ

ЗАКОН ДЛЯ
ДРАКОНА

Москва 1993

ВНИМАНИЕ !

Издательство «Хронос» доводит до сведения всех заинтересованных лиц и организаций, что обладает исключительными правами на издание произведений Кира Булычева (И.В.Можейко) на всей территории Российской Федерации и стран Содружества. Литературное агентство издательства осуществляет охрану прав автора и уполномочено вести переговоры от его имени.

Булычев Кир

Б90 Полное собрание сочинений. Серия А. Т. 2: Закон для дракона.— М.: «Хронос», 1993.— 416 с.

ISBN 5-85482-04-8

Во второй том серии А («Взрослая фантастика») полного собрания сочинений Кира Булычева включены повести из цикла о космическом докторе Павлыше: «Закон для дракона», «Белое платье Золушки» и роман «Поселок».

ISBN 5-85482-004-8

ББК 84Р7

© «Хронос», 1993

ЗАКОН
ДЛЯ
ДРАКОНА

Повесть

...Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змеями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми зверями, которые не только проезжим, но и жителям са-мим наскучили.

Иван Стаденгден. «География»,
С.-Петербург, 1753 год.

1

Павыш проснулся за десять секунд до того, как по внутренней связи его вызвали на мостик. Проснулся, потому что работали вспомогательные двигатели. Если не жить долгие месяцы внутри громадного волчка, который стремительно ввинчивается в пустоту, почти неуловимый гул вспомогательных двигателей не вызовет тревоги. Но еще не зная, что произошло, Павыш сел на койке и, не открывая глаз, прислушался. А через десять секунд щелкнул динамик, и голос капитана произнес:

— Павыш, поднимитесь ко мне.

Капитан сказал это сухо, быстро, словно был занят чем-то совсем иным, когда рука протянулась к кнопке вызова. Капитан оторвался от своих дел ровно на столько, чтобы сказать четыре слова.

Снова щелчок. Тихо. Лишь настырно, тревожно, как еле слышная пожарная сирена, гудят вспомогательные двигатели — корабль меняет курс.

В штурманском углу мостика горел свет. Глеб Бауэр рассматривал на экране звездный атлас. Капитан стоял у пульта и курил, слушая по связи старшего механика. Потом ответил:

— Надо сделать так, чтобы хватило. Мы не можем задерживаться.

— Привет, доктор, — сказал Глеб.

Павлыш увидел на экране перед Бауэром объемный снимок планеты. Сквозь завихрения циклонов проглядывали зеленые и голубые пятна.

— Что случилось? — спросил он тихо, чтобы не отвлекать капитана.

— Берем больного. Срочный вызов, — ответил Бауэр.

Капитан набирал на пульте данные, которые передали межпланетники.

— Должно получиться, — решил он наконец.

Он отошел от пульта и показал Павлышу на потертое «капитанское» кресло, в котором сам никогда не сидел, но как хозяин непременно предлагал посетителям. «Попасть в кресло» означало серьезный и не всегда приятный разговор.

— Садитесь и прочтите, что мы от них получили. Несмотря на правду, но вы поймете.

Павлыш уселся в кресло и повернулся к экрану, где возникли голубые буквы гравиграмм.

«БАЗА-14 КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ «СЕГЕЖА». СРОЧНО.

СТАНЦИЯ НА КЛЕРЕНЕ ЗАПРАШИВАЕТ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ. КРОМЕ ВАС, В СЕКТОРЕ НИКОГО НЕТ. СООБЩИТЕ ВОЗМОЖНОСТИ».

Вторая гравиграмма:

«БАЗА-14 КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ «СЕГЕЖА». СРОЧНО.

ВАШ ЗАПРОС СООБЩАЕМ. СВЯЗЬ С КЛЕРЕНОЙ НЕУСТОЙЧИВА. ПОДРОБНОСТИ НЕИЗВЕСТНЫ. ДАЕМ ПОЗЫВНЫЕ СТАНЦИИ. ЕСЛИ НЕ СМОЖЕТЕ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ СВОИМИ СИЛАМИ, ИНФОРМИРУЙТЕ БАЗУ».

Третья шла гравиграмма с Клереном.

«РАДЫ, ЧТО ВЫШЛИ НА СВЯЗЬ. ЕСТЬ ПОСТРАДАВШИЕ. ВРАЧ ТЯЖЕЛОМ СОСТОЯНИИ. ЖЕЛАТЕЛЬНА ЭВАКУАЦИЯ. НА СТАНЦИИ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КАТЕР. МОЖЕМ ВСТРЕТИТЬ ОРБИТЕ».

В следующей гравиграмме Клерена сообщала данные для корабля о месте и времени встречи, затем возник текст, имевший прямое отношение к Павлышу:

«...ВАШ ЗАПРОС СОСТОЯНИИ ОСТАЛЬНЫХ ПОСТРАДАВШИХ СООБЩАЕМ: СПРАВИМСЯ СВОИМИ СИЛАМИ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИСЛАТЬ ВРАЧА ПРИНИ-

МАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬЮ. РАБОТАЕМ СЛОЖНОЙ ОБ- СТАНОВКЕ. ДОКЛАД ПРИШЛЕМ КАТЕРОМ».

Капитан увидел, что Павлыш дочитывает последнюю гравирамму.

— Извини, — сказал он, — что не разбудил сразу. Решили, что не откажешься. Подарили полчаса сна — царский подарок.

Павлыш кивнул.

— Но, впрочем, отказаться не поздно...

— Если сомневаешься, — вмешался Бауэр, — я с удовольствием тебя заменю. Я даже больше похож на доктора. Для этой роли ты выглядишь слишком легкомысленно.

— Когда randеву с катером? — спросил Павлыш.

— Сегодня вечером. В двадцать двадцать.

— А характер ранений доктора... и что там за сложности?

— Через полчаса снова выйдем на связь. Милош справится здесь без тебя?

— Он летом проходил переподготовку. К тому же у нас хорошая аппаратура и связь с базой — всегда можно получить консультацию.

— Я так и думал, — сказал капитан с облегчением.

— Сколько я там пробуду? — спросил Павлыш.

— Месяца два, — предположил капитан. — Если будет плохо, придется сворачивать станцию.

2

Как только сообщили, что катер поднялся с планеты, Павлыш поспешил к переходнику. На то, чтобы выгрузить раненого и взять Павлыша, было отведено шесть минут. Бауэр шел сзади, катил контейнер с медикаментами и вещами, нужными на станции, и вслух завидовал. Следом вышагивал Милош и повторял, как урок: «Второй ящик слева, в правом углу...» Он не столько опасался, что забыл, как лечить, страшнее забыть, где что лежит.

— Он тебе поможет, если что, — успокоил Павлыш, не оборачиваясь.

— Кто?

— Твой пациент. Он же медик.

...Когда люк отошел в сторону и два человека в потертых, голубых когда-то комбинезонах вкатили носилки, Павлыш с первого взгляда понял, что этот пациент еще не скоро начнет подсказывать Милошу, как его лечить.

В белой массе бинтов была широкая щель — глаза — и узкая — рот. Глаза были открыты и застыли, будто в испуге. Павлыш провел над ними ладонью — показалось, что человек мертв. Но веки среди бинтов дрогнули, человек заметил жест Павлыша.

— Ничего, — произнес он тихо, — ничего...

Капитан наблюдал эту сцену с мостика, по телесвязи. Он понял, что Павлышу трудно ступить в проход к катеру и оставить больного...

— Иди, Слава, — велел капитан. — Если надо, вызовем базу.

Носилки стояли в проходе. Люди, вкатившие их, ждали.

— Там... — начал доктор с Клерены. Он был в сознании, но говорить ему было больно, а удерживаться в сознании невероятно трудно. Он будто цеплялся за край действительности, висел на нем, держась кончиками пальцев, хотел сказать что-то важное...

— Пошли, — поторопил один из людей с планеты. Он был очень велик ростом. — А то не успеем.

— Тут письмо. — Второй человек, пониже и, видно, очень худой — комбинезон на нем висел, — протянул Милошу большой синий конверт. — Мы только это успели подготовить. Здесь отчет и данные наблюдений.

Милош взял конверт, но вряд ли сообразил, что делает. Бауэр отобрал конверт у него.

Павлыш положил руку на плечо Милошу.

— Приступай, — сказал он.

Раненый был без сознания.

3

«Наверно, эти люди сильно устали, — размышлял Павлыш. — Или я им не понравился». Катер вошел в высокие облака. Громоздкий человек управлял машиной. Он был сказочно грязен. И хоть второй человек, худой, тоже был сказочно грязен, все-таки, если устраивать между ними соревнование, выиграл бы пилот. Павлыш подумал, что не иначе как у пилота на планете есть коварный враг, который утром окунул его в болото. А может быть, у них нет воды и притом разбились все зеркала.

Словно догадавшись, о чем размышляет новый доктор, пилот обернулся.

— Дикое зрелище, правда? — Голубые глаза на буром лице казались фарфоровыми.

Павлыш не посмел оспаривать его мнение.

— Мы не познакомились. Я Джим, — представился громоздкий пилот.

— Лескин, — отозвался другой. Он полулежал в кресле, закрыв глаза.

— Владислав Павлыш, Слава. — И тут же Павлыш подумал, что поспешил приглашать собеседников к интимности в общении.

— Доктор Павлыш, — произнес Лескин. — Что ж, очень приятно.

— Что с больными? — спросил Павлыш.

— Разное, — ответил пилот Джим. Лескин снова закрыл глаза. — У Леопольда сломана нога. У Татьяны-большой лихорадка. У остальных — что придется. На вкус, на цвет товарища нет.

— А у вас? — сразу перешел к делу Павлыш.

— У меня? — Пилот в затруднении повернулся к Лескину, но поддержки не получил. Тогда он опустил штурвал и закатал выше локтя рукав. Там обнаружился глубокий, суще не заживший шрам, словно по руке ударили топором. — А лихорадкой я уже два раза болел, — поспешил он успокоить Павлыша.

— Джим, не запугивай доктора, — сказал Лескин. Голос у него был высокий и чуть капризный.

— Как спустимся, я вами займусь, — пообещал Павлыш. — Через два дня и следов не останется.

При этих словах Лескин окончательно проснулся и проговорил назидательно:

— Вы нетактичны, молодой человек. Стрешний — замечательный врач.

— Я не хотел поставить под сомнение...

— А я повторяю, что Стрешний — отличный врач и делал все, что было в человеческих силах. Вы же, не зная наших условий...

Павлыш хотел было огрызнуться, потому что считал себя тоже неплохим врачом, но сдержался. Лескин, вернее всего, ревновал. Стрешний был его другом. А Павлыш выступал в роли безусого лейтенанта, которого прислали во взвод, где вчера ранили любимого командира.

У Лескина было длинное мятое лицо с мягким, обвислым носом, но большего никак не разберешь: лицо разрисовано грязью, словно у индейца, вышедшего на тропу войны.

— Рация у нас слабенькая, — провел отвлекающий маневр пилот Джим, который явно был человеком миролюбивым, что вообще свойственно гигантам. — Экспедиционная, второй вариант. Мы уж так обрадовались, что вы к нам идете. Очень боялись, что доктор не выдержит. А этот юноша вместо вас — толковый?

— Он третий механик, — объяснил Павлыш. — По второй специальности — хирург.

Павлыш не стал делиться с новыми знакомыми своими сомнениями и тревогами.

4

Катер замер. Кресло снова прижалось к спине. Павлыш нашупал на груди пряжку. Лескин протянул руку в серой перчатке, чтобы помочь. Пилот Джим уже поднялся и опустил штору на пульт.

— С приездом, — произнес он. — К счастью, моросит...

Рядом с ним Павлыш чувствовал себя недомерком.

Лескин подобрал сумку Павлыша.

— Не спешите, — сказал он, — нас встретят.

В дверь постучали. Три раза. Джим пробрался назад, чтобы открыть грузовой люк. Лескин поторопил:

— Не задерживайтесь.

Павлыш шагнул через порожек, и Лескин, поддерживая его под локоть, настойчиво, словно хотел посекретничать, потащил к вездеходу, стоявшему в трех шагах от катера. Люк вездехода был распахнут, перед ним стоял мальчишка, измазанный, как и остальные, глядел на небо и не обратил на Павлыша никакого внимания. Джим вытаскивал контейнер, Павлыш хотел было ему помочь, но здесь это было не положено — Лескин втолкнул его в вездеход, в обычный экспедиционный вездеход, обжитой, словно дом.

Джим и мальчишка вталкивали в люк громоздкий контейнер, и это было непросто. Они спешили. Лескин уселся у открытого верхнего люка, глядел наружу и молчал.

Когда погрузка окончилась, маленький водитель обернулся к Павлышу и сказал глубоким, красивым голосом:

— Здравствуйте, доктор. Я Татьяна-маленькая.

Павлыш представился, еле удержавшись от желания сообщить, что никогда еще не видел столь грязной женской физиономии.

Татьяна-маленькая уверенно уселась на место водителя и рванула так, что Павлыш чуть было не врезался головой в контейнер. Он подумал, что не успел даже заметить, какая здесь погода. Вездеход подкидывало на ухабах. Они не удосужились сделать дорогу.

5

Вездеход проехал ровную площадку и резко остановился. Свет за иллюминаторами изменился. Стал теплым, желтым.

— Вот и приехали, — обрадовала Татьяна.

Павлыш отметил, что его спутники сразу расслабились, словно напряжение, владевшее ими, исчезло.

— Помогите подхватить контейнер, — сказал Джим. — Обидно будет разбить что-нибудь, когда мы уже приехали домой.

— Там, кстати, селедка, — сообщил Павлыш. — И черный хлеб.

— Селедка, — сладострастно произнес Джим. — Я сам по-нашему ящик, как скупой рыцарь свой любимый сундучок.

Татьяна открыла люк, и никто не мешал Павлышу выйти первым.

Вездеход стоял в гараже, сооруженном надежно, как крепостной бастон. Двери были закрыты. Гараж освещен ярко, и с первого взгляда видно, что он удобен и даже уютен, как бывают уютны рабочие кабинеты или мастерские, хозяева которых не заботятся о впечатлении на окружающих, а просто живут здесь и трудятся.

Перед вездеходом стояла тонкая женщина с короткими, легкими, вьющимися темными волосами, которые опускались челкой на лоб. У нее было маленькое лицо с острым подбородком и большими глазами, с губами полными и чуть загнутыми кверху в уголках. Она гляделась принципиальной чистюлей — ни на комбинезоне, ни на лице, ни на узких ладонях не было ни пятнышка грязи. С водой здесь в порядке, отметил Павлыш.

— Доктор Павлыш? — спросила она, но не стала ждать ответа. — Здравствуйте. Меня зовут Нина Равва. Я начальник станции. Вы будете жить в комнате, где раньше жил Стрешний. Отдохните, потом поборете с нами.

— Спасибо, — ответил Павлыш, поборов соблазн подчеркнуть, как приятно встретить чистого человека.

Что-то загрохотало по крыше, словно на нее рухнул камнепад. Задрожали лампы. Одна из них лопнула, и посыпалась осколки.

Все замерли, ждали. Камнепад продолжался.

— Что это? — спросил Павлыш, но никто не услышал.

— Пошли! — крикнул Джим. — Он теперь не скоро угомонится.

— Сколько раз я говорил, — напомнил Лескин, — чтобы покрасить крышу в зеленый цвет.

— Надо бы... — начала Татьяна-маленькая, но Нина ее перебила:

— И не думай. — Они друг друга отлично понимали.

Павлыш обратил внимание на широкую полосу пластиря на лбу Татьяны и, когда та провожала его до комнаты, предложил ей:

— Если у вас царапина, загляните ко мне, а то загноится.

— У меня почти зажило, — ответила Таня, но Павлыш не поверил.

— И вообще, шрам украшает разведчика. Совершенно не понимаю Нину, которая даже челку отпустила, чтобы никто не видел, как ей дракон по лбу полоснул. Хорошо еще, что глаз цел.

Они остановились перед дверью.

— Заходите, — сказала Таня. — Здесь жил Стрешний. Только ничего не перекладывайте на столе. Доктор вам это-го не простит. Он аккуратный.

6

— Обед через полчаса, — известила Татьяна. — Мы проходили мимо столовой. Третья дверь от вас. Запомните?

— Спасибо, а где госпиталь?

— Вам все Нина расскажет. Вы за больных не беспокойтесь. Если бы дело только в них, мы бы вас не звали. Будут другие, — закончила она убежденно и тут же переменила тему: — В шкафу вещи Стрешнего. Вы можете пользоваться. Он не обидится. Там накомарник и так далее.

Татьяна исчезла.

Оставшись один, Павлыш решил переодеться. Он прибыл в синем повседневном мундире Дальней Службы и походил на попугая среди воробьев. Он распаковал сумку, достал мыло, щетку. По раковине суетливо бегали маленькие насекомые, похожие на черных муравьев. Павлыш смыл их струей воды, умылся, потом подошел к окну. Сквозь решет-

ку был виден склон холма, на вершине которого и стояла станция. По склону, убегавшему вниз, к лесу, рос мелкий кустарник, среди которого поднимались редкие коренастые деревья. А дальше, до горизонта, тянулась скучная серо-зеленая равнина. Далеко, в дымке, можно было разглядеть еще один холм. Километрах в трех по равнине текла река, отражавшая светлые сизые облака, полуопрозрачные, пропускавшие солнечный свет, отчего все предметы отбрасывали легкие расплывчатые тени, а сами оставались бесплотными и невесомыми. Площадка перед станцией была пуста, лишь у края ее, над столбом с каким-то прибором вился рой насекомых.

В келье оставались следы пребывания Стрешнего. На столе лежали книги, разрозненные листки, кассеты. В углу висел свернутый грязный комбинезон. Но койка была аккуратно застелена.

Среди бумаг на столе лежала толстая книга в зеленом переплете. Павлыш открыл ее. Доктор оказался консерватором. Он не только вел дневник, но вел его от руки. Печать доктора показалась Павлышу легким для чтения, буквами округлые, каждая отдельно.

Глаза помимо воли побежали по первым строчкам: «Мой дневник не может представлять ни научной, ни литературной ценности. Скорее, это средство организовать собственные мысли...»

Павлыш захлопнул дневник. Никто ему не давал права читать его.

Тут Павлыш понял, что уже прошло сорок минут. Нескоро. Все, наверное, собрались в столовой, новый человек на далекой станции — событие, придется отвечать на обязательные вопросы, а ведь далеко не всегда знаешь, что нового в Большом театре и закончена ли шахта на Луне. Павлыш взглянул в зеркало. Доктор должен подавать пример окружающим — подтянут, выбрит, аккуратен. И тут раздался взрыв.

Станция содрогнулась. Кто-то побежал по коридору. И стало тихо.

Столовая была пуста. Люди покинули ее в спешке — чистые тарелки стояли на столе, из-под крышки кастрюли поднимался пар, стулья отодвинуты, один из них упал, и никто не удосужился его поднять...

— Ох уж эти тайны, — в сердцах пробурчал Павлыш, ставя стул на место. — Загадки, тайны и летучие голландцы. Сейчас окажется, что я здесь один. Остальные исчезли в неизвестном направлении.

Собственный голос прозвучал неестественно, и Павлыш осекся. Он постоял несколько секунд, прислушался, потом покинул столовую и пошел по коридору к выходу, к гаражу.

Станция была невелика, но казалась обширной из-за множества дверей, закоулков и тупичков, лабораторий, складов и комнатушек неизвестного назначения. Потыкавшись в двери, Павлыш остановился перед дверью побольше других, которая, как ему показалось, вела в гараж. Дверь была закрыта изнутри на основательный самодельный засов. Павлыш с трудом отодвинул его. Ошибка: оказалось, что дверь вела прямо на улицу. В лицо Павлышу пахнуло теплым влажным воздухом, наполненным жужжанием насекомых. Павлыш сделал шаг наружу, и тут его грубо схватили за плечо и рванули назад.

Лескин закрыл засов.

— Вы с ума сошли? — спросил он бесцеремонно.

— Извините, — ответил Павлыш, — я еще не освоился с обычаями.

— Если будете так осваиваться, недолго здесь проживете, — сообщил Лескин.

К удивлению Павлыша, он был умыт и оказался вполне респектабельным человеком лет пятидесяти, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, словно природа использовала для их изготовления не резец, а стамеску.

— В лучшем случае напустили бы полную станцию комаров, — продолжал Лескин. — Перезаразили бы всех лихорадкой. Себя в первую очередь. И не обижайтесь. Привыкнете. Тоже при виде открытой двери будете впадать в ужас. Вы столовую искали?

— Нет, — ответил Павлыш. — Обедающих.

— Обедающие в гараже. Обед задерживается. А я вас искал.

Дверь в гараж оказалась совсем рядом.

— Заходите, — сказал Лескин уже мирно. — Сейчас они вернутся.

Гараж был пуст. Вездеход исчез. Лескин прислушался и поспешил к рубильнику у ворот гаража.

— Не пугайтесь, доктор, — предупредил он.

Павлыш не знал, чего ему следует пугаться, и на всякий случай сделал шаг к стене.

В расступившихся вратах гаража показался тупой лоб изъеденца. Вездеход полз медленно, с достоинством, как лесоруб, возвращающийся домой с добрым бревном. Так же торжественно вездеход пересек гараж и замер, уткнувшись в дальнюю стенку. На буксире он приволок громадную серую тушу, с которой свисали два черных лоскута, каждый с парус фрегата.

На фоне белого прямоугольника ворот прыгали две человеческие фигурки. Они вели себя как куклы в театре теней, размахивали ручками, суетились. Нечто большое и темное застило на мгновение свет, и тут же затрещали выстрелы. Кто-то поднял рубильник, дверь закрылась и словно отрезала шум и суматоху.

— Все здесь? — спросила Нина. Лицо ее было закрыто чьим-то вроде чадры. Она держала в руке пистолет.

— Все, — ответил Джим, спрыгивая с вездехода. — Я пересчитал.

Татьяна-маленькая подошла к серой туше, поставила на нее ногу.

— Магараджа Хайдерабада и убитый им тигр-людоед. Где фотограф?

— Не паясничай, Татьяна, — сказал Лескин. — Может, он еще живой.

— Ни один тигр не уходил живым от выстрела молодого магараджи, — возразила Татьяна.

Татьяна где-то потеряла пластырь. Весь лоб у нее был в крови. Павлыш отметил это, но в тот же момент ноги поднесли его к чудищу, распластанному на полу. Это оказался дракон. По крайней мере, другого слова Павлыш не смог подобрать. Голова была не меньше метра в длину, поблескивали желтые зубы, стеклянные глаза угрожающе пучились, а черные паруса оказались крыльями.

Так вот кто виновник бед и несчастий, поверженный и побежденный.

— Вот такая птичка-невеличка, — произнес Джим, подходя к Павлышу. — Не приходилось раньше встречать? Размах крыльев — пятнадцать метров.

— Не дай бог, — ответил Павлыш. — Я не стремлюсь к таким знакомствам.

Рядом с Павлышом стоял невысокий лысеющий человек с полным добрым лицом.

— Это он вас преследовал? — спросил Павлыш.

— Преследовал? — Сосед Павлыша мягко улыбнулся. Словно ему понравилось, как звучит это слово. — Преследо-

вал. Как мягко сказано. Будто девушку преследовал настойчивый поклонник. Нет, он на нас охотился. — Человек неловко опирался на палку.

— Значит, вас можно поздравить?

— Да, это первый, — сказала Нина, откидывая чадру. — Познакомьтесь: Леопольд. Наш геофизик, сейсмолог.

— Поглядите. — Татьяна подняла край крыла. — Это я вчера стреляла. В крыло попала.

— А как же смертельный выстрел магараджи? — спросил Леопольд. Он поморщился. Стоять ему было больно. Он держал ногу на весу.

Под крылом обнаружилась лапа, которая заканчивалась загнутыми когтями, похожими на ятаганы.

— Кинжал бы сделать, — произнес Джим. — Цены ему на Земле не будет. У коллекционеров.

— Еще наберешь себе кинжалов, — ответила Нина, — этого мы разрежем на мелкие кусочки, чтобы узнать, как он устроен.

Она посмотрела на Павлыша, как бы давая понять, что это уж его задача.

— Так он не единственный? — спросил Павлыш.

Вопрос развеселил разведчиков.

— А с кем же мы воевали, пока вездеход в гараж заезжал? — удивилась Татьяна. — Там его родственники. Они будут жестоко мстить.

И, как бы в подтверждение ее слов, вновь загрохотало по крыше. Гремело так, что объясняться приходилось знаками. Плотно скроенный гараж раскачивался, и Павлышу захотелось поскорее убраться в открытую дверь, что вела внутрь станции. Джим погрозил потолку массивным кулаком, но этот жест никакого действия на хулиганов не оказал. Лескин вытащил пистолет и направил его вверх. Нина схватила его за руку. Все стояли, запрокинув головы, и ждали — и тут крыша не выдержала. В отверстие, показавшееся в лопнувшем металле, хлынул белый свет, и Павлыш разглядел желтые ятаганы, рвущие металл, словно картон.

От недолгого, но шумного и яростного боя с драконом, который обязательно желал отомстить за смерть своего родственника, у Павлыша остались сбивчивые, отрывочные воспоминания — так человек, который хочет представить себе

по порядку, как проходила семейная ссора, не может понять, с чего же она началась. Он помнил, что Лескин стрелял вверх, помнил, что дракон проникался в дыру и одна из его лап болтала в воздухе, норовя схватить кого-нибудь из людей, отступивших к стене, помнил, что Джим подключил пожарный шланг и струя воды, попавшая в раскрытую пасть, заставила чудовище отпрянуть, но что сам он делал в эти две-три минуты, так и не вспомнил, хоть и надеялся, что не проявил особой трусости.

— Вот и все, — сказала Нина, глядя в широкое с рваными краями отверстие, над которым низко летели облачка. — Придется сегодня ночью чинить крышу. Добровольцы есть?

— Я сделаю, — вызвался Джим. — Вы мне не помощники.

— А я? — спросил Павлыш.

— Вам придется возиться с этим. — Нина показала на дракона.

— Не вздумайте от него чем-нибудь заразиться, — предупредил Лескин.

— А теперь вернемся в столовую, — предложила Нина, — и продолжим прерванную трапезу. Леопольд, отправляйся в лазарет, доктор зайдет к вам после обеда.

Павлыш наскоро обработал рану Татьяны-маленькой, которая с одинаковым stoicizmом переносила боль и укоры Павлыша и даже успела поведать, как удалось убить дракона.

— Это еще доктор Стрешний придумал. Ведь их ничего не берет. Можно даже пулей в голову попасть, но мозг такой малюсенький, что только добро переводить. Стрешний догадался сделать чучело человека и подсоединить к заряду взрывчатки. Три дня они приманку не брали. Может, только на движущуюся цель реагируют...

— Их много? Потерпите, сейчас заканчиваю.

— Ничего, я терпеливая. Сразу много не бывает. Я их уже различать научилась. Этот, которого взорвали, довольно маленький. А есть мамаша — она просто застилает солнце. Это она, по-моему, к нам сейчас лезла. Драконы кружат в небе, точно коршуны, — и совсем не страшно. А пикируют, как камень. Секунда — и он здесь. Если ты в черном или зеленом, еще может обойтись, а любое светлое пятно для них — словно для быка красная тряпка. Вы, может, заметили, что мы даже лица грязью мажем?

— Заметил.

— Это не патология, а необходимость.

— А как-нибудь без грязи нельзя?

— Что еще придумаешь? Грима у нас нет. Скафандры — светлые, в них и вовсе не выходи. Можно обернуться платком. Нина так и делает. Но в здешней жаре только она и может в нем работать. Грязь удобнее.

9

— Садитесь, доктор, — пригласила Нина. — Пора вводить вас в курс дела.

Павлыш послушно сел. Татьяна убежала в госпиталь кормить больных.

— Мы вас как будто специально пугаем. Не планета, а кошмар какой-то, — посочувствовала Нина. — Фантастический роман. Срочный вызов с далекой станции. Там какая-то неведомая угроза уносит жизнь за жизнью. Затем появление незнакомцев, носилки, загадочное путешествие над страшной планетой.

Джим принес кастрюлю с супом и разлил по тарелкам. Половник в его руке казался чайной ложкой. И тарелка у него была особая, видно, возил с собой — в нее умещалось литра три.

— Разгадка таилась в страшном чудовище, которое преследовало мирных ученых, — сказала Нина.

— И его кормили молоденькими научными сотрудниками, — поддержал Джим.

Лескин не участвовал в игре. Он принял суп, ел методично и как-то скучно, словно взрослый, случайно попавший на детский праздник.

Татьяна вернулась из лазарета, села.

— Как же получилось, что о драконах не было известно раньше? — спросил Павлыш.

— Сами удивляемся, — ответила Нина. — Почему-то первая экспедиция о них ни словом не упомянула. Я думаю, потому, что их лагерь был далеко отсюда, на берегу моря, там свои проблемы и своя фауна.

— Тоже не всегда приятная, — добавила Татьяна.

— Да. А когда они искали место для постоянной станции, то им приглянулся наш холм. Тогда шли дожди. Проливные дожди, с утра до вечера. А в дожди эти твари не летают. Отсиживаются в гнездах.

— Это мы сейчас ходим головы задрав, — сказала Татьяна. — А тогда было как на курорте. Только-только дожди кончились, потеплело. Мы с Ниной куда-то ехать собира-

лись; я в вездеход села, она прибор несла. Как она среагировала, уму непостижимо — я сижу, и вдруг Нина влется в люк, прибор где-то потеряла, люк захлопнула. А он ка-ак бабахнет по крышке. Я ничего не понимаю... Помнишь, Нина?

Нина кивнула. А Павлыш позволил себе усомниться, что Нина когда-нибудь гуляла по этой планете, как по курорту.

— Ну ладно, — произнесла Нина, дождавшись, когда Татьяна закончит рассказ. — Все ясно. Павлыш уже видел дракона. У нас есть и другие проблемы. И лучше с ними познакомиться сразу. Проблема номер два — комары. Это не комары, а изверги, для меня лично хуже драконов. Жало в сантиметр длиной, пробивают любую ткань. Они выходят на охоту за нами, как только зайдет солнце. Если искусят, заболеешь лихорадкой. Сейчас Татьяна-большая в госпитале лежит. Вот так и живем — днем драконы, ночью комары, а нам приборы круглосуточно проверять...

— Вы не подумайте, — сказал Лескин, покончив с сумом, — что мы жалуемся на жизнь. Везде свои трудности.

— Я и не думал...

— Погодите. С другой стороны, вы можете недооценить наши проблемы в силу той легкости, с которой у нас, к сожалению, обычно говорят о серьезных вещах. Если не принять мер, то трудно представить, чем это кончится. Вы ешьте, суп остынет.

— Он не может, — ответила за него Татьяна, — он придумывает, как избавиться от дракона. Мы все через это прошли, доктор.

Лазарет оказался кельей чуть побольше других. На одной половине стояло две кровати. Ближняя к двери была застелена, на второй лежал Леопольд. За ширмой, на другой половине, тоже была кровать. На ней спала темнокожая курчавая женщина.

— Таня, ты спиши? — спросил Леопольд, когда Павлыш кончил осматривать его ногу.

— Нет. Я проснулась. Доктор, я хочу с вами познакомиться. — Голос был слабым.

У Татьяны-большой был жар, лоб влажный, глаза блестят... Губы казались светло-голубыми на шоколадном лице.

— Через час начнется последний припадок, — сказала Татьяна. — Я уже знаю. Третий раз болею. При этой лихорадке все как по часам. Зато я драконов не боюсь. Они на черных не бросаются.

— А на той неделе кто на тебя бросался? Медведь?

— Это был дракон-дальтоник, — ответила Татьяна.

Она поглядела на Павлыша не без кокетства. Павлыш ей понравился.

— Там на полке должна стоять тетрадь доктора Стрешнисго, — сказал Леопольд. — На ней написано «Комариная лихорадка». В ней же история болезни Татьяны.

Павлыш достал тетрадку. Знакомый почерк. Словно Павлыш принял дежурство в клинике.

Когда Павлыш добрался до гаража, дракон уже был разложен на полу — перепончатые крылья расправлены, когтистые лапы прижаты к брюху, оскаленная пасть запрокинута. Дракон стал почти похож на бабочку на булавке под стеклом.

Джим стоял на крыше вездехода и снимал дракона сверху. Остальные ждали, пока он кончит съемку, и мешали ему советами. Особенно Лескин, который считал, что Джим все делает неправильно. Он был астрономом и считал фотографирование своей епархией.

Дракон был страшен. Нетрудно представить себе, каков он в рабочем состоянии — управляемый снаряд в полтонны весом.

— И за что он нас так не любит? — задумчиво проговорила Таня-маленькая.

— Плохо то, — сказала Нина, увидев вошедшего Павлыша, — что мы не можем до окончания срока бегать от драконов. В конце концов они нас поодиночке перережут.

— Вы не устали, Павлыш? — спросила Нина. — Тогда будете руководить вскрытием.

Павлыш вдруг понял, что пора знакомства прошла. Никто больше не будет сравнивать его со Стрешним, заранее уверенный в том, что прежний доктор был лучше. Начинается работа. Павлыш вышел на дежурство, и теперь он должен придумать, как отделаться от драконов.

... К полуночи Павлыш измотался так, словно весь день таскал камни. Главное было позади — расчлененный дракон по частям рассован по холодильникам и сосудам. Примитивная, но удачно скроенная боевая машина где-то на уровне птеродактиля. Его очень трудно убить. Наверное, мина-ловушка была оптимальным средством борьбы с ним. Еще лучше обзавестись зенитной пушкой. Правда, Павлыш понимал, что любой запрос такого рода на базу привел бы к тому, что на станцию вместо пушки прислали бы психиатра.

— Ну что ж, — сказал в ответ на эту информацию Джим, который никогда не унывал. — Будем закладывать мины. Где наша не пропадала...

— Отнеси сердце в холодильник, — велел ему Павлыш. — Потом зайдемся желудком. И на сегодня все.

Павлыш освоился и даже начал помыкать разведчиками. Джим послушно поволок на склад пластиковый мешок с десятикилограммовым сердцем дракона.

В половине второго, обнаружив, что желудок дракона почти пуст, если не считать дюжины камешков, Павлыш объявил конец рабочего дня, довольно длинного первого дня на незнакомой планете (еще утром он был в нескольких тысячах километров от этого райского уголка). Они с Джимом долго мылись под душем, стараясь, довольно безуспешно, стереть с себя запах дракона.

— Выяснил, доктор, кого жрут драконы? — спросил Джим, вытираясь.

— Никого они не жрут, — ответил Павлыш. — Я не шучу.

Уже засыпая, Павлыш добрался до каюты и провалился в сон, как в бездонную яму.

10

— Доброе утро, доктор, — сказал Джим. Он стоял над кроватью Павлыша, наклонив голову, потому что ему везде приходилось нагибаться. — Я тебя не разбудил?

Вопрос был лишним. Джим разбудил Павлыша.

— Сколько я проспал?

— Недолго, — ответил Джим. — Семь часов. После вчерашних дел можно проспать и больше. Но мы с Таней-маленькой собрались в лес, и я подумал, что тебе может быть интересно. Заодно вывезем останки дракона. А то он очень плохо пахнет. Кстати, Татьяна-большая уже встала и дежурит на кухне. И даже поставила чай в расчете на то, что ты по утрам завтракаешь. Опасайся! Татьяна — женщина тропическая и очень эмоциональная. Ну хорошо, я пойду грузить мясо.

Сначала Павлыш заглянул в лазарет. Леопольд читал. Нога его не беспокоила. Павлыш присел на край койки, и они проговорили с Леопольдом о пустяках. Доктора любят на утреннем обходе поговорить о пустяках с выздоравливающими. Кроме того, Павлышу и Леопольду было приятно поговорить друг с другом, поскольку они испытывали взаимную симпатию.

Татьяну-большую Павлыш нашел в столовой. От вчерашнего приступа и следа не осталось. Она обрадовалась, увидев доктора, и Павлыш подумал, что она вообще-то очень

здоровый и энергичный человек и ей весело и интересно жить на свете. Пятнистый комбинезон сидел на ней элегантно, как парадный мундир капитана звездного лайнера.

— А, знаменитый драконоборец, здравствуйте! — приветствовала его Татьяна. Она уплыла на кухню, гремела там кофейником. Потом крикнула оттуда: — Когда перебьете всех драконов, оставьте мне одного маленького.

— Зачем?

— У нас в деревне он будет пользоваться большим успехом. Старики говорят, что раньше в наших краях было много драконов. Потом перевелись. Некоторые до сих пор в эти сказки верят. Раньше вообще было много разных зверей.

— А теперь?

— Теперь некоторых не осталось.

— В чем усматриваете причину?

— Трудно сказать... Кстати, вы смотрели записки Стрешнего? От него должен оставаться дневник. Он может вам оказать полезным.

— Я видел этот дневник. Но не могу же без разрешения его читать.

— Стрешний бы не обиделся. А вы там отыщете что-нибудь полезное, у него были некоторые соображения, может быть, они натолкнут вас на разгадку.

Когда Татьяна принесла кофе, вошел Джим.

— Пора ехать, — сказал он.

11

Джим прицепил тележку с останками дракона к вездеходу, и они отвезли груз вниз, к мусорной яме. Других драконов не было. Шел мелкий, частый дождь, а драконы такой погоды не любят.

Потом вездеход отправился вниз, к реке, где у Джима была работа: как геолог, он давно собирался осмотреть там обнажения, но все руки не доходили.

Павлыш сидел рядом с Таней-маленькой, которая вела машину.

— Здесь много зверя? — спросил Павлыш.

— Мало, — ответила Таня. Она закусила нижнюю губу, темная прядь упала на бинт. Таня показалась Павлышу похожей на маленького ковбоя, которому на родео попался особенно вредный мустанг.

Пологие берега ручья, поросшие кустами и колючей травой, становились все круче, ручей, пополнявшийся ключа-

ми и дождевой водой, превращался в настоящую реку. По полосе гнилой травы и обломков ветвей можно было догадаться, как высоко поднималась вода в половодье. Вездеход перевалил через толстый поваленный ствол и замер у невысокого обрыва, где река подточила склон холма.

Джим вылез первым. Он задержался у люка, глядываясь в небо.

— Я займусь делами, — сказал Джим, — а вы, если хотите, погуляйте вокруг. Только осторожно.

Павлыш с Таней прошли несколько метров вниз по течению и остановились над прозрачной быстриной, где играли синие мальки.

— А комары здесь есть?

— Не знаю, — ответила Татьяна, поднимая капюшон, потому что дождь неожиданно усилился и капли, взбивая мыльные пузыри, застучали по воде.

Павлыш увидел на земле клочок белой шерсти. Он поднял его.

— Вы говорили, что здесь мало зверей...

— Это сурок пострадал. Наверное, сурок. — Татьяна подошла. — А вы мне сначала показались снобом. Знаете, такие прилетают иногда, из Дальнего флота. Все на них блестит, как на древнем генерале. И смотрят они на нас, болезных с презрением: ах, какие вы грязные и неухоженные, какие вы обыкновенные!

— Вы изменили свое мнение к лучшему?

— Дракона вы славно распопрошили. Будто всю жизнь этим занимались.

Разговаривая, они прошли дальше, в лес. Впереди, на полянке, Павлыш услышал какую-то возню. Он схватил Таню за руку, и она, на мгновение позже Павлыша поняв, в чем дело, замерла.

Поверх кустов полянка казалась пустой и безжизненной. Шуршание, чавканье доносились снизу.

Они осторожно приблизились к прогалине.

Две небольшие птицы дрались над полуобглоданным скелетом какого-то крупного животного. Не обращая на них внимания, здоровая многоноожка вгрызаясь в череп, сбрасывая ножками белые пушинки шерсти.

— Татьяна! Павлыш! — кричал Джим. — Вы куда подевались?

— Пошли, — сказала Таня. — Это всего-навсего сурок.

— Сурок? Я думал, что они маленькие.

— Большие, но безобидные. Мы их иногда встречаем в лесу.

Джим стоял у вездехода. Дождь перестал.

— Скорей! — крикнул он. — Дракон прилетел!

Павлыш поднял голову. Под самой тучей медленно кружил дракон. Павлыш подтолкнул Татьяну, чтобы она первой забиралась в люк. Опуская крышку люка, Павлыш еще раз взглянул вверх. Дракон все так же кружил над ними, на вид мирный и безопасный.

12

Когда вездеход добрался до холма, небо совсем просветлило. Облака неслись быстро, будто спешили куда-то, в другой район, где срочно требовался дождь. Начало парить.

Павлыш не стал дожидаться, пока вездеход подойдет к дверям гаража. Откинул люк и выскочил на упругую, выпотаптанную землю у здания станции.

— Я открою дверь! — крикнул он Джиму.

— Назад! — гаркнул Джим.

И тут же Павлыш почувствовал острый укол. И еще один... Нападение комаров было неожиданным и предательским: ведь им положено дожидаться ночи. Павлыш остановился, отмахиваясь от них.

Джим что-то кричал.

Павлыш понял, что единственное спасение — скорее скрыться в гараже. Он побежал к двери и взялся за широкую рукоять, чтобы отвести дверь в сторону. Двигатель вездехода взревел, будто машина тоже кричала на Павлыша, и тут Павлыш непроизвольно взглянул вверх.

Дракон падал на него, как камень.

Павлыш не мог оторвать глаз от увеличивающегося, словно в мультипликационном фильме, чудовища. Он даже различал зубы в открытой пасти. И в то же время не мог заставить себя побежать, скрыться, спрятаться — это было нереально, это не могло к нему относиться... Ведь он мирно открывал двери гаража и никогда не обижал драконов...

На самом деле Павлышу только казалось, что он стоит неподвижно. Он успел метнуться в сторону и упасть вдоль стены, а дракон, вытянув когти, щелкнул ими, словно кастаньетами, в метре от земли, и пока он соображал, почему в когтях нет такого тепленького и вкусненького человечка, вездеход, чуть не раздавив Павлыша, подпрыгнул к стене, и дракону волей-неволей пришлось подниматься вверх, прогнивая людскую солидарность.

Дверь гаража открылась, и Лескин, выскочив оттуда, помог Павлышу укрыться в здании. Вездеход вполз следом, и дракону ничего не оставалось, как долбить клювом многострадальные ворота гаража.

— Ну, теперь до ночи носа не высунешь, — сказал осуждающие Лескин. — Дождь кончился, драконы взбесились, а некоторым из нас доставляет удовольствие изображать из себя гуляющую мишень.

— Поздравляю с боевым крещением, — произнесла подошедшая Нина Равва.

Начальница, как ей и полагалось, была спокойна и доброжелательна.

— Обидно как, — сокрушалась Татьяна-маленькая. — Теперь и в самом деле не выйдешь. А я хотела новую мину заложить.

— И почему это драконы не любят врачей? — спросил задумчиво Джим, ни к кому не обращаясь. — Нарочно за них гоняются!

— Драконы знают, что когда-нибудь у нас появится врач, который отгадает, почему драконы хотят нас съесть, — ответила Нина.

— И это не я? — спросил Павлыш.

— А вы уже напали на след?

Павлыш подумал, что опасность, которая нависает постоянно, становится частью быта. Пройдет еще несколько недель такой жизни, и драконы сравняются с комарами. Люди научатся стрелять в драконов из рогатки, морить их дустом, отпугивать чем-нибудь. И будут работать. Нельзя же останавливать работу только потому, что за тобой охотятся незавидные драконы.

— Павлыш, — сказала Нина. — Вам следует посетить свой кабинет в качестве пациента. У вас щека разодрана. И вообще вы грязны как смертный грех. А врач должен всем подавать пример.

Так Павлыш вступил в кровное братство.

13

Умывшись и заклеив щеку пластырем, Павлыш присел у стола, чтобы перевести дух. Им овладела предательская слабость. Даже при умеренном воображении нетрудно было себе представить, каково пришлось бы Павлышу, протяни дракон свои когти на полметра дальше. А у Павлыша воображение было развито отлично.

Он взял в руки дневник доктора, открыл его, захлопнул снова. Надо поговорить с Ниной. Дневник и в самом деле может пригодиться.

И тут же, словно подслушав его мысли, вошла Нина.

— Я вам не помешала? Пластырь придает вам боевой вид.

— Спасибо. Хоть я к этому не стремился.

— Читаете записки Стрешнега?

— Хотел бы, но не решаюсь. Вряд ли он предназначал их для посторонних.

— В этом вы ошибаетесь. У доктора есть слабость — может, в роду у него был графоман: он не только любил читать вслух отрывки из дневника, но и подсовывал его всем, кто пытался избежать этого развлечения под предлогом того, что не воспринимает чтения на слух.

— Это относилось к вам?

— Ко мне. Так что читайте спокойно. Стрешнег будет рад.

— Джим сказал, что драконы не любят врачей. А как все случилось со Стрешнегом?

— Он занимался комарами. Устроился на склоне в кустах, а когда шел обратно, задумался, забыл взглянуть на не-бо... Это еще что за шутки?

Нина смотрела на пол. По полу черной ниточкой бежали муравьишки.

— Я их уже вчера видел, но не придал значения.

— Нет, это что-то новое. Если еще и они кусаются...

Павлыш проследил за направлением муравьиной ниточки — она поднималась к умывальнику и возвращалась обратно, скрываясь под койкой.

— Они спешат на водопой, — сказал Павлыш. — На нас, как я понимаю, внимания не обращают.

— Хорошо бы...

Нина стойко несла бремя ответственности. Она — начальник станции, с нее спрос. Павлыш подумал, что молодой женщине надо обладать особыми данными, чтобы занять место, которое обычно занимают матерые волки, разведчики, прошедшие по двадцать планет.

Уже потом, через несколько дней, Павлыш узнал, что Нина относилась именно к этой породе матерых. Это была ее шестая планета, и никто в центре не сомневался, что она справится с работой не хуже других. Она была из тех, мягких на вид, всегда ровных и вежливых стальных человечков, которые без видимых усилий везде становятся первыми — и в школе, и в институте, и в науке. Она несла на

себе бремя ответственности за станцию, и ни у кого не возникало вопроса, почему этот жребий пал на нее. Но чтобы это понять, Павлышу пришлось прожить на станции не один день.

— Я пришла, потому что подумала, что новый человек должен взглянуть на наши беды иначе — у нас уже выработались стереотипы, они мешают.

— Может, вы все-таки чем-то прогневили драконов?

Нина смотрела на муравьиную дорожку.

— Надо будет проверить, как они пробрались в станцию. Займется, Павлыш?.. Как мы могли прогневить драконов?

— Беспринципной агрессивности в животном мире не бывает.

— Мы на них не нападали. И готовы к компромиссам. Но они ведь доступны только разумным существам.

— Вы могли не заметить. На кого еще нападают драконы?

— Вы вчера исследовали его желудок.

— Нина, ты здесь?

В дверях показалась Таня-маленькая. Ее комбинезон был украшен ожерельем из зубов дракона. Зрелище было жуткое.

— Тебя Лескин всюду разыскивает. Он уверен, что магнитное поле ведет себя неподобающим образом.

— Ну и что?

— Как всегда. Он уверен, что добром это не кончится.

— Я пошла, — сказала Нина. — Лескин — пессимист. В каждой экспедиции положено иметь пессимиста. У меня подозрение, что психологи нарочно подсунули его нам, чтобы уравновесить безудержный оптимизм Тани.

Оставшись один, Павлыш снова открыл дневник доктора Стрешнего.

Доктор и в самом деле любил писать подробно и обстоятельно. Павлыш представил себе, как, наклонив голову, доктор любуется завершенной конструкцией фразы, стройностью длинных абзацев и видом редких, старинных слов. Первые страницы были заняты описанием холма, строительства станции, посвящены быту, характеристикам спутников доктора, характеристикам длинным, подробным, однако осторожным — он рассматривал свой дневник как литературное произведение и никого не хотел обидеть. На пятой странице дневника Павлышу встретилось первое рассуждение, относящееся к теперешним событиям.

«Дожди скоро сойдут на нет. Начнется весна. Планета должна обладать умеренно богатой фауной, нынешнюю

Скудность я склонен объяснять неблагоприятным временем года. Я могу представить, как, с повышением температуры и появлением солнца, из нор, из гнезд и берлог выползут, выбегут, вылетят различные твари, и некоторые из них могут быть настолько сообразительны, что захотят вступить с нами в какие-то отношения. Я не имею в виду разум. Мой опыт подсказывает мне, что для развития разума эта планета еще не созрела. Однако очень немного шансов за то, что нас обойдут вниманием, — уж очень мы очевидны и шумны, непривычны и по-своему бессознательно агрессивны. Сегодня утром у меня возник небольшой конфликт с Татьяной-большой, которая наблюдала за стройботом, сооружившим "выгребную яму" станции — ведь от части отходов мы избавиться не сможем и должны их как-то спрятать. Именно спрятать. Не нарушая обычной жизни нашего окружения. Со свойственным этой милейшей женщине легкомыслием она удовлетворилась тем, что стройбот выкопал глубокую яму. "Где же герметическая крышка для нее?" — задал я закономерный в моем положении вопрос...»

Прошло несколько дней, и ожидания доктора Стрешнего начали сбываться.

«Сегодня меня укусил комар. Скорее всего, это не комар, а насекомое, функции которого по отношению к нам, людям, схожи с функциями комара на Земле — он мал, тихонько жужжит и, главное, кусается. Поэтому, дабы не отягощать нашу фантазию придумыванием новых названий, будем называть этого мучителя комаром. Я тут же предупредил Нину, что нам следует принять меры против засилия комаров. Именно засилия, подчеркнул я, ибо значительно больше шансов за то, что этот кровопийца не случайный экзотический гость на нашем холме. За ним последуют иные любители моей крови...»

Через три дня заболел лихорадкой Леопольд. Его трепало три дня, и три дня доктор Стрешний боролся с врагом невидимым, неизвестным, но, к счастью, не настолько упорным, чтобы погубить свою жертву. На третий день лихорадка отступила. Сочетание опыта и некоторого везения позволило доктору связать лихорадку с комарами, и потому в течение недели, за которую почти все сотрудники станции успели переболеть (включая самого Стрешнего), дневник был полностью посвящен комарам. В этих записках Павлыша заинтересовали фразы, которые он подчеркнул, чтобы не потерять.

«Комары гнездятся где-то по соседству с нами. Вылетают после захода солнца и, видно, хорошо реагируют на тепло. Я до сих пор не знаю двух очень важных вещей: кто, помимо нас, является объектом нападения комаров и, второе, каков их жизненный цикл. В первую же свободную минуту отправлюсь на поиски их убежища».

Сделать этого доктор не успел, потому что появились драконы. Беда пострашнее комаров. В дневнике подробно описывались все случаи нападения драконов на людей. Доктор старался найти в них какую-то логику, связь. Он сам поставил восклицательный знак на полях страницы, где было написано: «Дракон не оставил мысли настичь Леопольда, даже когда тот скрылся в здании. Он старался проникнуть в дверь, вытащить его наружу».

Павлыш не заметил, как вошла Татьяна-маленькая. Дверь была открыта, и углубившийся в чтение Павлыш понял, что она, заглядывая через плечо, читает вместе с ним дневник, только когда у него над ухом звякнули зубы дракона — Татьянино ожерелье.

— Я не хотела вам мешать, доктор, — сказала она. — Но я вам сегодня почти спасла жизнь, и вы не имеете права меня выгнать. Тем более что у меня тоже есть своя теория.

— Выкладывайте, — велел Павлыш, закрывая дневник.

— Конечно, драконы людей не любят. И знаете почему? Когда-то, лет десять назад, сюда прилетела звездная экспедиция. Не наша, чья-то еще. И они тоже по происхождению от антропоидов. Пока эти люди здесь жили, они жутко не взлюбили драконов. Гонялись за ними, искали их гнезда, разбивали молотками драконьи яйца и убивали птенцов. А у драконов замечательная память. Вот они и решили, что их враги вернулись. Убедительно?

— А что вы предлагаете? — ушел от прямого ответа Павлыш.

— Я? Пока что ходить на четвереньках, а в свободное от этого время искать остатки базы тех, кто был раньше нас.

— Почему на четвереньках?

— Чтобы они нас за людей не принимали.

— Чепуха, конечно, — заключил Павлыш, решив, что Татьяна шутит. И тут же подумал, что в шутке скрывается любопытное наблюдение. — А ведь правда, когда дракон на меня пикировал, он щелкнул когтями слишком высоко.

— Ага, — обрадовалась Таня, — ведь это основание для эксперимента. Правда?

Павлыш улыбнулся, ничего не ответил. Таня тут же испарилась. Павлыш снова открыл дневник Стрешнега. Наугад.

«Я полагаю, что популяция холма стабильна и ограничена в пространстве, а дальность полета комаров невелика. Надо проверить, пометив несколько особей...»

Павлыш перевернул страницу.

«...Когда наступает ночь и тебе не спится, ибо ничто не отгоняет сон надежнее, нежели неразрешимая проблема, стоящая перед тобой, то воображение, не скованное дневными реалиями, разрывает рамки логики и подсказывает решения, которые днем показались бы нелепыми, детскими, наивными... Я пишу именно ночью, сейчас третий час, станция спит — хотя нет, не спит Джим, у него приступ лихорадки, я недавно заглядывал к нему. Меня окружают образы, рожденные прошлым этой планеты, где нет места человеку, в которое человек не вписывается и, возможно, не сможет вписаться в настоящее. Мы привыкли наделять окружающий мир разумом — это остаток тех далеких эпох, когда и лес, и горы, и море, и солнце были живыми, большей частью злыми и коварными, редко добрыми существами, которым было дело до любого слова, мысли, сомнения первобытного человека. Мир, еще не подвластный людям, враждебный им, был населен чуждым разумом, направлявшим на людей дожди и снега, ветры, засухи и свирепых хищников... А здесь? Не скрывается ли за целенаправленной озлобленностью драконов и комаров воля, враждебный разум, для которого наши конкретные, кусающие враги — не более как орудия мести, а может, проще — лейкоциты, изгоняющие из организма чуждое начало. За решеткой окна сыплет мелкий дождь, планета выжидает... Нет, пора спать».

На этом записи обрывались. Доктору не удалось вернуться к дневнику.

14

Посреди столовой стояла Таня-маленькая. Разлохмаченная, глаза горят, драконы зубы сверкают на груди. Над ней возвышался мрачный Лескин. Нина сидела за столом и старалась не улыбаться.

— Если бы ты погибла, — разъяснял Лескин Тане, — то нам пришлось бы сворачивать станцию. Неужели ты полагаешь, что кто-нибудь разрешит экспедицию, в которой со-

брались разведчики, отдающие себя на растерзание разным тварям?

— Нет, — сказала Таня-маленькая. — Я так не думаю.

— Ага. — Лескин увидел Павлыша. — У меня есть подозрения, что доктор причастен к этой выходке.

— Я не причастен, — поспешил с ответом Павлыш. — Потому что не знаю, что произошло.

— Танечка, — сказала Нина ласковым голосом. — Посвяти Павлыша в курс дела.

— Клянусь, что доктор здесь ни при чем! — воскликнула Татьяна. — Он даже и не подозревал. В общем, я выгнала на площадку вездеход, накинула на себя одеяло, выползла через нижний люк и отправилась через открытое пространство.

— Джигит не боится рогов и копыт, — загадочно процитировал Джим. Осуждения в его голосе не было.

— Я поползла, а драконы надо мной летали.

— Не летали, а пикировали, — поправил Лескин.

— И пока Лескин, который наблюдал за этим из окна обсерватории, пробирался сквозь решетку, забыв, где дверь, — продолжала Таня, — я приползла обратно. А он расстроен, что не успел меня спасти.

— Ясно, — ответил Павлыш. — Вы хотели убедиться, нападают ли драконы на ползучих тварей. И изображали такую тварь.

— Вы очень сообразительный, — согласилась Татьяна.

— И они кинулись, — добавил Джим. — И хорошо, что опыт не удался. А то пришлось бы нам ползать. Представляете меня ползучим?

Татьяна-большая крикнула из кухни:

— Я несу бульон, и перестаньте рассказывать ужасы, а то у вас пропадет аппетит!

Павлыш сел на свое место рядом с Ниной. Та спросила его негромко:

— Вы обратили внимание, что Татьяна отползла на несколько метров и успела вернуться? И драконы щелкали когтями у нее над головой, но промахивались?

— Вот именно! — кинула, услышав эти слова, Таня-маленькая.

— Мужчины имеют право падать на колени только у моих ног, — подытожила дискуссию Татьяна-большая. — К женщинам это не относится. Учтите это, доктор. Не смейте унижаться перед драконами.

— Учту, — сказал Павлыш.

— И все-таки я не могу справиться с возмущением, — вмешался Лескин. — Нельзя же, в конце концов, регулярно сводить к шутке трагический аспект нашего пребывания на этой планете. Вы смеетесь, забыв не только о грубейшем нарушении дисциплины, совершенном Татьяной, но и забываете при этом, что наше поведение приведет к тому, что драконы нас всех перебьют.

15

Вечером, когда солнце село и наступил тот благословенный час, когда драконы убираются восьсяи, а комары сще толком не принялись за свое черное дело, станция опустела. У каждого накопилось множество неотложных дел, все выились из графика и спешили наверстать часы вынужденного безделья.

Павлыш догнал Джима у выхода.

— Ты очень спешишь?

— Нет, не очень.

Вежливость и отзывчивость были сильными сторонами Джима. Наверное, в школе он давал списывать нерадивым ученикам. Все кому не лень эксплуатировали Джима. Павлыш знал, что Джим спешит, ведь кроме своей работы ему надо было обойти датчики Леопольда. Но что делать — Павлыш был не лучше других.

— Джим, покажи мне норы.

— Какие норы?

— Доктор Стрешний наблюдал, как комары вылетают из нор.

— Наверное, они везде вылетают. Пойдем, покажу тебе норы.

Джим шел впереди. Он был закутан в одеяло с подшитыми на кистях рук резиновыми манжетами. На голове высилось пластиковое сооружение, схожее со шлемом ста-ринного водолаза. Большие очки и повязка придавали ему вид полярника, из последних сил стремящегося к полюсу. Павлыш понимал, что мало чем от него отличается. Свою спецодежду он позаимствовал у Стрешнего, а Леопольд, мастер на все руки, этот костюм подогнал и усовершенствовал.

— Смотри, — сказал Джим, остановившись у откоса. — Норы.

Откос был усеян пещерками сантиметров в тридцать в диаметре.

— Кто здесь кроме комаров живет?

— Странный думал, что сурки. Они в дождь живут в норах, а в сухой период откочевывают в лес.

— А они кусаются?

— Что ты, они безобидные. У них не рот, а пустая формальность. Хоботок. Они им в земле роются, насекомых выискивают.

— Какие же они сурки?

— Кто-то первый их так назвал. Назвали бы муравьедами, были бы они муравьедами. Хоть груздем, только не клади в корзину. Я пойду, ладно?

Павлыш решил подождать и устроился у норы. Моросил дождь, драконов не ожидалось. Комары резвились вокруг, но их было мало. Под защитным костюмом в двойных перчатках было жарко. Норы казались глазами чудовища. Ниточки, ведущие к разгадке, пересекались где-то рядом. Но пока Павлыш не мог их разглядеть.

Словно струя пара протянулась из черной дыры. Она изгибалась кверху, распыляясь веером по ветру. Павлыш пригляделся. Мама родная! Это же комары! Десятки тысяч насекомых покидали свое жилье, отправляясь на охоту. Доктор был прав. Они гнездились в норах.

Комары реагировали на тепло. Они сворачивали с курса, чтобы полакомиться кровью Павлыша, не только из ближайшей норы, но и из дальних, ниже по склону...

Через две минуты нервы Павлыша не выдержали, и он припустил наверх. Он добежал до станции, увешанной комарами, как елка инеем, и долго смывал их горячим душем. Зато придумал более или менее приемлемый метод борьбы с комарами: поставить у нор что-нибудь теплое — и готова ловушка.

Трех комаров Павлыш сохранил. Принес их в коробочке к себе в келью. Раздевшись, выдвинул сантиметров на пять ящик стола, положил туда коробочку, приоткрыл и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Комары, как истребители-перехватчики, вырвались из щели ящика и, ни разу не сбившись с курса, вцепились в протянутую им навстречу руку. Павлыш вытерпел уколы и с некоторой жалостью к себе смотрел, как набухали его кровью тела кровопийц. Наконец изверги насосались и удовлетворенно, один за другим, поднялись с руки и отправились искать укромное место, чтобы отдохнуть от трудов праведных. Такое место нашлось в простенке между койкой и умывальником.

Павлыш листал дневник Стрешнега и поглядывал на комаров. Те мирно дремали на стене. Может быть, на них не распространяется... И тут один из комаров неловко взмахнул крылышками, попытался взлететь, но не мог и упал на пол. И замер. Через несколько секунд его примеру последовал второй комар. И третий.

Павлыш присел на корточки. Комары лежали на полу лапками кверху. Можно было не проводить дальнейших анализов. Комары отравились кровью Павлыша. Может быть, закон взаимной несъедобности (что за открытие в биологии и антропофагии!) был на этой планете универсальным? И отношения людей с местной фауной никогда не станут гастрономическими? А комаров влекло только тепло...

16

— Как бы взглянуть на сурка? — обращаясь к Нине, спросил за ужином Павлыш.

— Я их вблизи и не видела, — ответила Нина. — Только мельком. Они очень пугливые и осторожные.

— Они на пингвинов похожи, — добавила Татьяна-большая.

— Я добуду для вас, — пообещала Таня-маленькая. — Я видела одну жилую нору внизу.

Сурок был нужен Павлышу. Комары жили в сурочьих норах.

Сурка Татьяна приволокла на следующее утро.

— Доктор, — объявила она, заглядывая в лазарет, где Павлыш занимался с Леопольдом лечебной гимнастикой. — Ваше задание выполнено. Пленный доставлен.

Павлыш сразу догадался, в чем дело.

— Допрашивать буду я сам. Где его разместили?

— Лежит связанный в танке.

— Он не сопротивлялся?

— Нет. Я хотела его на станцию занести, а Нина запрещает.

— А почему? — спросил Павлыш, спеша за Таней по коридору. — Ведь на улице водятся драконы.

— Она думает, что он заразный. Разве ее переспоришь?

— Конечно, она права... А дождь идет?

— Драконов не видно. Не бойтесь.

— Я не боюсь драконов. Кто в наши дни боится драконов!

Воздеход стоял у приоткрытых дверей гаража. Рядом ждали Нина, которая сегодня была дневальной и потому получила в наследство фартук с оборками. Однако он не превратил начальника в домашнее существо. Даже челка, которая должна была закрывать шрам на лбу и притом отлично гармонировала с фартучком, не спасала положения. Словно разгадав взгляд Павлыша, Нина сказала:

— Я отлично готовлю. Вы в этом сами убедитесь сегодня. — И тут же продолжала другим тоном: — Павлыш, если вам это животное абсолютно необходимо, возитесь с ним сами. Я не позволю никому до него дотрагиваться. Он совершенно докторский, чумной какой-то.

— А ты откуда знаешь? — возмутилась Таня. — Он же в воздеходе лежит. Его никто, кроме меня, не видел. Он душечка, очень милый.

— Я заглядывала внутрь. Я тоже любопытная... Татьяна!

Татьяна уже была возле воздехода. Она распахнула люк и, прежде чем Павлыш успел помочь, выволокла связанного сурка наружу.

— Я его уже трогала руками, — сообщила она.

Павлыш нагнулся над сурком. Тот лежал на боку и мелко дышал. Размером он был со среднюю собаку. У него было округлое, продолговатое тело с короткими лапами, и если поставить его столбиком у норы, то можно принять за настоящего сурка. На этом сходство кончалось — достаточно было взглянуть на переходящую в хоботок белую морду. Сурок дергался, стараясь освободиться от пут, но сделал это как-то формально, будто хотел продемонстрировать, что не настолько уж он смирился с судьбой, как кажется.

— Только не развязывайте, — предупредила Татьяна, — а то сбежит. Где я еще такого поймаю? Сурки на дороге не валяются.

Сурок вздохнул. Он-то валялся на дороге.

Несколько комаров вились над сурком. В любой момент мог появиться и дракон. Павлыш, отстранив Таню, подхватил сурка на руки — он оказался легким и горячим, понес его внутрь.

Сурок умер через два часа. Он был истощен, болен всеми своими болезнями (Нина, как всегда, оказалась права), спасти его Павлыш не мог, зато исследовал его кровь, содержимое желудка — сурок все-таки сослужил свою службу науке.

Картина складывалась довольно логичная, не хватало последнего штриха.

Когда Павлыш возился со своей жертвой, в лабораторию заглянула Нина и задала несколько вопросов. И Павлыш понял, что ей ясен путь его рассуждений.

17

Павлыш в столовой играл в шахматы с милейшим Леопольдом, вел мирную беседу об искусстве — оба ставили Боттичелли выше Рафаэля и несколько гордились собственной смелостью. Вдруг в комнату ворвалась Татьяна-большая в защитной одежде, страшная, как марсианин со старинной картинки, и, срывая маску, воскликнула:

— Больше в этом аду работать не буду! Отправьте меня на Юпитер или Меркурий, пусть там не будет воздуха, ничего не будет!

— Что случилось? — вскочил Павлыш.

— Нина вас зовет, доктор. Она считает, что это интересно. Она какой-то моральный урод. Она даже мышей не боится. Это уж слишком. Да куда же вы! Оденьтесь сначала! Там комары. А тебя, Поль, я никуда не пущу. Без ноги остался, теперь без головы хочешь?.. Я буду играть с тобой в шахматы.

Разумеется, Леопольд ее не послушался. Он догнал Павлыша у переходника. Одет он был странно — Павлыш не сразу догадался, что он успел стянуть с Татьяны защитный плащ. Павлыш поддержал Леопольда, и тот на одной ноге допрыгал до выхода. За дверью в глаза ударили свет прожектора, и голос Джима остановил их:

— Замрите! Кто сделает шаг — погибнет.

Павлышу не ясно было, шутит ли геолог или неточно цитирует очередного классика. Но он послушно замер. Голос Джима доносился сверху, из темноты за лучом прожектора.

— Они на куполе обсерватории, — сказал Леопольд.

Павлыш огляделся. Ничего. Потом взгляд его упал вниз.

Вся площадка была покрыта черным текущим ковром. Словно земля раскрыла все поры и выпустила наружу мириады муравьишек. Казалось, что стоишь на берегу нефтяной реки.

— Доктор, вы такое видели? — спросила Нина сверху.

— Нет, не приходилось, — отвтил Павлыш, отмахиваясь от комаров.

— Если это будет продолжаться, — произнес Лескин, — придется эвакуировать станцию.

Муравьи текли за порогом, в полуметре от башмаков Павлыши. В их бессмысленном на первый взгляд копошении чувствовалась система, стремление. И хоть каждый муравей бежал в свою сторону, все море постепенно перемещалось вправо, к краю холма.

— Они пришли откуда-нибудь? — спросил Павлыш. — Кто видел, как это началось?

Голос Татьяны-маленькой внезапно раздался с крыши над головой Павлыши, будто с одной из вышедших специально, чтобы осветить эту сцену, лун.

— Я пошла на склад за запчастями к рации, смотрю — муравьи бегают. Я тогда позвала Нину, она с Лескиным в обсерватории была. И Джим пришел. Все так быстро произошло, что я отступила на крышу, а они — на купол. Интересно, это навсегда или временно?

— Временно, — произнес Павлыш, делая шаг вперед. — Муравьи не кусаются. — Он разгреб ногой муравьиный поток, который, все ускоряя движение, водопадом скатывался за пределы освещенного круга.

К тому времени, когда остальные слезли со станционных вершин, лишь арьергард муравьиной армии проходил по площадке. Земля была взрыхлена, словно кто-то прошел по ней граблями.

— Значит, они вылезли прямо из-под земли?

— Да, я видела, — отозвалась Татьяна-маленькая.

— Знаете, это напоминает мне переселение леммингов, — сказала Нина.

Павлыш кивнул. Он был согласен с Ниной. Нина думала о том же, что и он сам. Потому Павлыш был на девяносто процентов уверен, что с драконами можно справиться и он знает как, хотя десять процентов риска заставляли его воздерживаться от оглашения своих рецептов. До завтра.

18

Утром Нина спросила:

— Павлыш, вам понадобится вездеход?

— Я только что хотел его попросить у вас.

— Что, у Ньютона упало яблоко? — спросил Джим.

— Упало, — согласился Павлыш. — Осталось подобрать.

— Татьяна, проверь аккумуляторы, — велела Нина. — В оба конца километров двадцать пять. А дороги никакой.

— Нина! — воскликнул Павлыш. — Вы гений.

— Не ручаюсь, — ответила Нина. — Надо было раньше догадаться.

— Нина у нас во всем первая, — поддержала Павлыша Таня-маленькая. — Даже в биологии. Куда мы едем, доктор?

Павлыш обернулся к Нине.

— Не кокетничайте, Слава, — улыбнулась Нина. — Вы знаете лучше меня. К соседнему холму. Правильно?

— Правильно.

— А с доктором поедут Таня-маленькая и Джим. остальные — здесь.

— В конце концов, — подал голос Лескин, — я совершен-но свободен...

Дорога через лес оказалась трудной, вездеход в твердых, но не всегда благоразумных руках Тани-маленькой прыгал, как кузнецчик. Просто чудо, что пассажиры не поломали себе руки и ноги.

— Мы, как я понимаю, — произнес Лескин, когда вездеход замедлил ход, пробираясь сквозь кустарник, — едем посмотреть, где живут драконы. Если верить рассуждениям нашего начальника и Павлыша, они прилетают с соседнего холма. Что ж, логично...

Он замолчал, давая возможность Павлышу продолжить.

— Мы нанесем им удар прямо в логове?

Павлыш только тут заметил, что Лескин взял с собой пистолет. Джим тоже заметил это.

— Только не твоей пушкой, Лескин.

— Я не просил брать с собой оружие, — сказал Павлыш.

— А я, доктор, лишен вашего альтруизма. Вы не можете знать, что нас ждет. Мой опыт подсказывает...

Татьяна нахмурилась и заставила вездеход перепрыгнуть через неширокий овражек. Пассажиры вездехода посыпались друг на друга, и беседа на время прервалась. Когда машина снова выбралась на ровное место, Татьяна сказала:

— Павлыш — гуманист, а мы, разведчики, жестокие люди. Павлыш не позволит нам обижать безобидных крошек. У них же есть дети. Пусть Лескин попробует выйти к ним с пальмовой ветвью... Правильно, что Нина разрешила ему поехать. Без астронома станция в конце концов обойдется.

— Вы действительно полагаете, доктор, — спросил Лескин, не обращая внимания на речь Тани, — что драконов надо щадить?

— И не я один. Нина тоже так думает. И Таня, по-моему...

— Я от них без ума, — кивнула Татьяна и бросила машину вперед.

Уцепившись за ремень над сиденьем, Павлыш произнес монолог.

— Человечество, — начал он с чувством, — величайший из преступников, и лишь долгим раскаянием оно может замолить свои грехи. Кто-то умный сказал: «Где появляется человек, природа превращается в окружающую среду». Мы значительно изменили эту среду в своих интересах, не думая о природе. Мы уничтожили массу живых существ, некоторых — начисто.

— И ты бросаешь обвинение в наш адрес, — сказал Джим, — что мы подняли руку на природу этой планеты исключительно ради того, чтобы драконы нас не сожрали.

— Мы рады их не трогать, — объяснила Татьяна. — Но они нас все равно трогают. Держитесь, сейчас прыгнем.

Машина снова прыгнула. Павлыш потерял счет прыжкам и ухабам. Вездеход вилял по девственному лесу, перебираясь через ручьи и овраги.

— Мы мыслим и действуем по древним стереотипам, — продолжал Павлыш. — Вот все здесь люди образованные, слушали лекции о невмешательстве и так далее. И готовы следовать заповедям, которые с таким трудом дались человечеству. Но стоит вас задеть, как взыграл охотник. "Убей дракона!" — вот какой вы придумали лозунг.

— Павлыш, не обобщайте, — остановила его Таня. — Охотник взыграл только в Лескине. Он не верит в дружбу с хищниками.

— Не верю, — произнес Лескин твердо.

Павлыш понял, что его монолог не оказал на окружающих большого влияния. Они обо всем этом знали и хуже Павлыша. Хорошо рассуждать в вездеходе, куда хуже, если тебе надо снимать показания с приборов, а над тобой кружит дракон и ничего не знает об экологии и гуманизме.

Вездеход пересек по дну широкую реку, выполз на дальний берег и начал медленно взбираться по склону, огибая большие деревья.

— На холм подниматься? — спросила Татьяна.

— Уже приехали? — удивился Павлыш. — Тогда лучше въехать повыше и найти открытое место, но так, чтобы не привлекать внимания.

— Придется кружить, — предупредила Татьяна. — И мы в результате поднимем больше шума, чем въезжая на холм прямиком.

— Ну, как знаешь.

Машина заурчала, продираясь сквозь кусты. Стало светлее. Потом въездеход нырнул носом и оказался на ровной террасе. За иллюминатором тянулся обрывчик, усеянный сурочьими норами. Машина остановилась.

— Чуть на сурка не наехала, — сказала Татьяна. — Выскочил, растяпа, перед носом. Правил уличного движения не знает.

Павлыш увидел в боковой иллюминатор, как из норы, метрах в пяти от въездехода, высунулась узкая белая морда с вытянутым, словно для поцелуя, рыльцем. Маленькие черные глаза смотрели на машину с обидой. Хоботок был черным от облепивших его муравьев. Сурку помешали обсдать.

— Глядите, — воскликнула Татьяна, — маленьких гонят!

По поляне спешил, переваливаясь, сурок, передние лапы болтались у живота, он подгонял ими к норе двух детеныш, которые сопротивлялись и норовили улизнуть, чтобы вблизи взглянуть на невиданного гостя. Наконец родителю удалось загнать чад в нору и заткнуть ее телом так, что наружу торчал лишь округлый белый зад.

— Поедем дальше? — спросила Таня.

— Да, они нас не боятся. Выберемся на плоскую вершину.

Казалось, что сурков там сотни. При виде въездехода они бросали свои неспешные дела, замирали столбиками, затем либо улепетывали, либо уходили не спеша, соблюдая достоинство. Над сурками вились стайки комаров, но те не обращали на них внимания.

Въездеход перевалил через пригород и замер на краю обширной голой площадки, где росло громадное, изогнутое ветрами дерево.

19

Площадка была пуста, но обжита — кос-где валялись засвядшие ветки и шары драконьего помета. Она была вытоптана. «Жаль, — подумал Павлыш, — что экспедиция попала

иоди впервые в разгар дождей, которые смыли с нашего колна все эти очевидные следы чужого жилища».

— Логово, — произнес Лескин со значением.

— Спрятали бы пистолет, — сказал ему Павыш.

— Я не буду стрелять без нужды. — В голосе Лескина звучало предостережение, словно Павыш хотел отдать его тому, кто пришел на растерзание драконам, а Лескин был их единственным защитником.

— А как же гуманизм? — спросила Таня.

— Всему есть разумные пределы, — ответил Лескин без улыбки.

Павыш откинулся на боковой люк.

— Комары налетят, — предупредил Джим.

— Вряд ли.

— Поглядите, — сказала Татьяна. — Там, под деревом.

Междуд корнями, в углублении, выстланном ветками, лежали три круглых яйца, каждое с полметра в диаметре.

— Татьяна, подгони туда вездеход, — приказал Лескин.

— Вы что задумали?

— Не вмешивайтесь, доктор! — взорвался Лескин. — Хватит с нас правильных слов и разумных действий. Ваши любимчики — злобные хищники и всегда будут угрозой для людей. Если есть возможность уменьшить число этих гадешин, мы должны это сделать!

— Это похоже на истерику! — Павыш старался говорить спокойно. — Вы стараетесь поставить себя на одну доску с местными зверьми и наводить справедливость в их мире с позиции силы.

— Не в их мире! В нашем мире! Этот мир уже никогда не будет таким, каким был до прихода человека. Мы должны сделать его удобным и безопасным.

Павыш взглянул на Джима и Таню. На чьей они стороне?

— Лескин, ты этим ничего не добьешься, — предупредил Джим.

Астроном опустил пистолет. Вспышка мигнула. У всех осталось тягостное чувство ненужной размолвки. Татьяна, разряжая паузу, сказала:

— Возьмем одно яйцо? Самое крупное во вселенной. Музы не простят, если мы этого не сделаем.

— Может, в следующий раз? — спросил Павыш, но не стал спорить.

Вездеход подъехал к дереву. Павыш обернулся к Лескину. Тот сидел спокойно, но избегал встретиться с доктором

взглядом. Высунувшись из люка, Павлыш посмотрел вверх. Никого.

— Не беспокойтесь, — сказал Лескин, — я прикрою в случае чего.

Павлыш спрыгнул на выпотапнутую землю. Лескин вылез вторым и остановился, прижавшись спиной к борту машины. Вроде бы смирился, но Павлыша не оставляло предчувствие, что он ждет любого предлога, чтобы открыть пальбу. «Ну, ничего, — подумал Павлыш, — сейчас уедем». Он поднял ближайшее яйцо. Оно было тяжелым и скользким. Павлыш передал его Джиму.

— Смотрите, какая кроха! — Татьяна по пояс вылезла из верхнего люка.

По площадке к вездеходу не спеша топал сурчонок, вытянув хоботок, расставив лапки и являя собой высшую степень любопытства.

— Захватим его тоже! — крикнула Татьяна.

Павлыш шагнул к сурку и замер...

Вслед за сурчонком к дереву мирно брел серый дракон. Он лениво переставлял лапы, крылья вяло волочились по земле. Со стороны можно подумать, что это мудрец, размышляющий о бренности жизни. Дракон был здесь хозяином и отлично об этом знал. Он равнодушно взглянул на вездеход...

— В машину! — крикнул Павлыш Лескину, полагая, что тот стоит за его спиной.

Павлыш подхватил сурка, как ребенка, которому угрожает злой пес, метнулся к вездеходу и пропустил тот момент, когда Лескин начал палить в морду приближающемуся дракону.

И в решающий момент получилось так, что некому было его остановить. Павлыш метнулся к машине с сурчонком на руках, кинул его Татьяне, не успевшей спрятаться в люк. Джим стоял внутри вездехода, укладывая, чтобы не разбилось, драконье яйцо... И последующая минута состояла из более или менее длительных отрывков, не связанных вместе.

Павлыш нырнул в люк, чтобы успеть к рычагам вездехода — ведь Тане с сурчонком в руках на это потребовалось бы лишнее время... Притом Павлыш успел краем глаза заметить, как остановился, осел на хвост пораженный дракон, как он раскрывает желтую пасть и расправляет напрягшиеся крылья... Лескин продолжает с остервенением палить в

дракона и идет ему навстречу... А сверху, камнем, валится другой дракон...

Павлыш рванул машину так, чтобы отрезать дракона от Лескина, и перед ним, как в неумелом любительском фильме, мелькали тучи, ствол дерева, завалившаяся набок земля, черные крылья... Только бы не задеть Лескина... Крики, грохот... Ударив Павлыша в плечо, в боковой люк выскочил Джим... Татьяна помогает ему втащить в вездеход тело астронома, а когти драконов барабанят по броне вездехода...

Потом наступила тишина, как звон в ушах... Сквозь звон пробивались гул невыключенного двигателя и хриплый стон.

— Я должен был, — твердым спокойным голосом сказал вдруг Лескин, — защитить Павлыша... Я хотел... — И голос оборвался.

Павлыш заставил себя отпустить рычаги управления. Сделать это было нелегко, потому что пальцы словно вмерзли в металл. Лескин лежал на полу кабины. Татьяна разрезала окровавленный комбинезон. Сурчонок сжался в комок в углу, зажмурился.

20

Спасательный катер вызвать они не могли — негде сесть. Везти Лескина на вездеходе до станции было опасно. Он потерял много крови. Павлыш, как мог, перевязал его и дал обезболивающее.

— Спустимся к реке, — решил он: теперь некому было оспаривать его власть.

Джим сел на место водителя. Павлыш с Таней поддерживали Лескина, оберегая его от ударов. Джим вел машину осторожно, но все равно вездеход подкидывало. Может, даже лучше, что Лескин потерял сознание.

Выйдя к реке, вездеход вошел в воду и километра четыре плыл вниз по течению. У низкого пологого берега, метрах в ста от которого начинался невысокий прозрачный лес, Павлыш попросил Джима вывести вездеход на берег и остановиться у первых деревьев. Лескина вынесли на траву. Доктор с Таней остались с ним, а Джим должен был гнать машину за медикаментами и спасательной капсулой, в которой без риска можно доставить раненого на станцию.

— Опасно все-таки, — засомневался Джим, возвращаясь в машину. — А вдруг прилетят?

— Не беспокойся, — сказал Павлыш. — Драконов не будет.

— Ты уверен, доктор?

Павлыш с Татьяной смотрели, как вездеход пересекает реку и, проламываясь сквозь кустарник, поднимается по дальнему склону. Он исчез, но некоторое время до них доносился треск ветвей и рев машины. Потом стало тихо. Иногда постанывал Лескин. День был облачный, сухой.

— Не сердитесь на него, Слава. — Таня сидела рядом с Павлышом, обхватив коленки руками. Павлыш поднял кисть Лескина, проверяя пульс. — Он думает, что защищал вас.

— Я не сержусь.

— А яйцо дракона разбилось.

— Я и не заметил. А как сурчонок?

— Остался в кабине. И не знает, что все случилось из-за него.

Ветер перебежал через реку, взрябил воду.

— Знаете, Таня, — проговорил Павлыш, — может быть, скоро наша станция будет стоять здесь.

— На берегу? Хорошо бы. — Таня совсем не удивилась.

— Вам нравится?

— Вода рядом, купаться можно. Летом жарко будет. А почему?

— Я расскажу небольшую детективную историю. Ведь каждый детектив должен кончаться соленым выступлением сыщика, который сознается в своих заблуждениях и делится прозрениями, приведшими к выводу, кто же подсыпал яд в любимую чашку старой графини.

— Рассказывайте, сыщик, — сказала Татьяна. Она устала, беспокоилась за Лескина и поддерживала игру без обычного энтузиазма.

— Что я застал, прибыв на станцию? — продолжал Павлыш. — Драконов, которые нападают на людей. И затравленную экспедицию.

— Это преувеличение.

— Разумеется. Вся литература строится на преувеличениях. А какие были версии? Что на планете живут троглодиты и драконы приняли нас за них. Вряд ли. Уровень эволюции не тот. Вторая версия твоя: прилетали сюда когда-то пришельцы и разозлили драконов, у которых хорошая память.

— Я понимаю, это так, чепуха, а не версия.

— Эта версия не хуже любой другой. В конце концов все сводится к двум вариантам: либо мы помешали драконам, либо они нас за кого-то принимают. Мне повезло. В день, когда я приехал, вы поймали дракона. Я его исследовал. И что же обнаруживается? Метаболизм драконов не позволяет им питаться людьми. Больше того, тут же я узнаю, что комары, которые с ожесточением нападают на людей, также не могут пить нашу кровь. Они от нее погибают. Получается все равно как если бы люди собирали только поганки и нарочно питались ими, умирая в мучениях. И главное, те и другие бывают лишь в районе нашего холма. В лесу их уже нет.

— И тогда появилась новая версия.

— Конечно. Назовем ее версией трагической ошибки. Мы заняли их дом, не заметив этого. Комары летят на тепло — тепло сурков. Откуда им знать, что наше — это не то тепло? А драконы принимают нас за других, за свою обычную добычу.

— Почему же, когда дракон вас хотел схватить, он щелкнул когтями на высоте метра от земли? Или я устроила эксперимент с ползаньем и дракон также промахнулся, сжав когти в метре от земли? И почему они бросаются на светлос?

— Их подводит инстинкт. Они привыкли охотиться именно так.

— Но ведь сурков на нашем холме нет!

— Это нас и сбивало с толку. Иначе трудно было бы не догадаться, в чем дело. И именно это заставило нас занять место сурков в рационе комаров.

— А где же... — начала Таня, но Павлыш перебил ее:

— Значит, существует экологическая ниша. Каждый холм — стойкое сообщество. Комары живут в норах сурков и пьют их кровь. И, вернее всего, сами они тоже чем-то нужны суркам. может быть, те едят их личинки. Сурки питаются муравьями и тоже контролируют их численность... Драконы не без пользы соседствуют с этим сообществом. Но строго следят, чтобы была неприкосновенна их территория. И поедают слабых, нерасторопных.

— А я сидела на крыше, — вспомнила Татьяна.

— Нашествие расплодившихся сверх меры муравьев и стало для меня последним штрихом в картине этого мира, — сказал Павлыш. — Ладно, пойдем дальше. Что же получается? Мы прилетаем, высаживаемся на холме. В пе-

риод проливных дождей, когда жизнь на планете замирает, мы начинаем строить, заваливаем норы, сурки гибнут или убегают в лес. Там нет их привычной пищи, и они постепенно вымирают. Помнишь сурка, которого ты привезла? Он был больным и полудохлым. Комары в процессе эволюции привыкли обходиться «своими» сурками. Улететь они не могут. Сурков нет, комары летят на тепло, кусают нас и дохнут. А драконы лишаются крова родного. Они рады бы сменить холм, но у каждого холма, вернее всего, есть свой род властителей, и другие драконы роды не пристят к себе на холм чужаков...

— А если здесь тоже будет что-то похожее? — Татьяна обернулась, прислушиваясь к звукам леса.

— Все зависит от нас. Перед тем как переселяться, поглядим, не мешаем ли мы кому-нибудь.

— Согласна, — ответила Татьяна. — Мне тут нравится.

Эпилог

«Сегежа» вышла на орбиту планеты через десять недель после того, как Павлыши обменяли на доктора Стрешнега. Она должна была спустить свой катер с грузами для станции. Нина с Павлышем отправились к посадочной площадке пешком, потому что Татьяна-маленькая с Джимом чинили вездеход — безотказный работяга забастовал именно тогда, когда надо было показать гостям, что они прибыли на образцовую станцию.

Нина и Павлыш укрылись от жгучего солнца под навесом, рядом со стационарным спасательным катером. По скользкому блестящему боку катера шествовала длинная вереница оранжевых пауков. Впереди самый большой, командир, за ним остальные по росту. Пауки не удерживались на металле, порой кто-нибудь из них падал на пластиковый пол, остальные тут же смыкали строй.

— Гнездо отыскали, — решил Павлыш.

Пауки любили птичий яйца и всегда шныряли по соседству.

— Грабители, — сказала Нина. — И, как положено, трусливы.

Она накрыла ладонью паука-разведчика, бегавшего перед строем. Паук притворился мертвым. Нина выкинула его в кусты. Остальные пауки забегали, рассыпали строй, не зная, куда идти.

— Пускай суетятся. Может, попугай успеет перепрятать яйца.

Цицерон, который не отставал от Нины, решил, что Нина бросила паука, чтобы он притащил его обратно, и поспешил в кустарник.

— Далеко не отходи! — крикнула ему Нина.

С ветки слетел большой попугай. Он высмотрел блестящую пуговицу на мундире Павлыши и решил взять ее на память. Павлыш отмахнулся:

— Лучше бы гнездо как следует прятал. Не видишь, что пауки идут?

— Тебе хочется улететь? — спросила Нина.

— Нет.

— И мне не хочется. Тем более что работы здесь хватит надолго. Может, останешься?

— Стрешний возвращается.

— Вы с ним сработаетесь.

— Ты же знаешь, что я все равно улечу.

Попугай сделал еще один заход, целясь в пуговицу.

— Мы постепенно вживаемся в эту не очень дружную семью.

— Спасибо. Не будь меня, результат был бы тот же.

— Не знаю. Всегда остается опасность эскалации вражды. И с каждым шагом все труднее обернуться назад и отыскать мгновение первой ошибки. Ведь могло случиться, что станцию бы сняли, а планету закрыли для исследований, пока не найдется «действенных методов борьбы с враждебной фауной».

Из-за поворота показался исцарапанный лоб вездехода. Машина замерла у ангаря. Таня выпрыгнула из люка. За ней вывалился Наполеон.

— Нина, — сказала Татьяна, — мы заказывали открытые тележки. Их привезли?

— Сейчас узнаешь. Потерпи. Наполеон, ты куда?

Татьяна догнала Наполеона, щелкнула по белому хоботку, тот обиделся и сел на выгоревшую траву.

Катер с «Сегежи», сверкая под солнцем, медленно опускался на поляну. Цицерон, перепугавшись, примчался из кустов и уткнулся мордой Нине в живот. Он забыл о пауке и сжимал его в кулачке, как конфету.

Люк катера откинулся, и к земле протянулся пандус. Жмурясь от яркого света, появился Глеб Бауэр. Он разглядел Павлыша, вышедшего из тени, и крикнул:

— Слава, ты загорел, как на курорте!

Доктор Стрешний, показавшийся вслед за Бауэром, сразу посмотрел на небо. Нина заметила:

— Это не сразу проходит.

Сурок Цицерон осмелел и направился через поляну к Глебу, протягивая лапу, словно за подаянием. Его страшно избаловали.

— Присматривай за сурками, Таня, — произнес Павлыш. — У Клеопатры не сегодня завтра появится потомство.

— Не страдай, Слава, — сказала Нина. — Я присмотрю. Как же ты теперь будешь жить без своей Клеопатры?

Глеб умилился, глядя на Цицерона.

— Что за чудо! Как зовут тебя, пингвин?

Цицерон понял, что к нему обращаются, и склонил голову набок, размышляя, чем поживиться от нового человека.

— Это сурки? — спросил Стрешний, поздоровавшись. — Так и не удалось поглядеть на них вблизи.

— Нельзя попрошайничать, — сказала Нина Цицерону. — А то прилетит дракон и тебя возьмет.

Не испугавшийся угрозы Наполеон вскочил и тоже засемнил к людям, как жадный кладоискатель, который опозлил к дежеу приисков на Клондайке.

Высоко-высоко в ослепительном солнечном небе кружил дракон, не обращая на людей и сурков никакого внимания.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ

Повесть

Глава 1

О некрасивом биоформе

Ну вот и все. Драч снял последние показания приборов, надраил кожух и отправил стройботов в капсулу. Потом заглинул в пещеру, где прожил два месяца, и ему захотелось апельсинового сока. Так, что голова закружилась. Это реакция на слишком долгое перенапряжение. Но почему именно апельсиновый сок?.. Черт его знает почему... Но чтобы сок журчал ручейком по покатому полу пещеры — вот он, весь твой, нагнись и лакай из ручья.

Будет тебе апельсиновый сок, сказал Драч. И песни будут. Память его знала, как поются песни, только уверенности в том, что она правильно зафиксировала этот процесс, не было. И будут тихие вечера над озером — он выберет самое глубокое озеро в мире, чтобы обязательно на обрыве над водой росли разлапистые сосны, а из слоя игл в прозрачном, без подлеска лесу выглядывали крепкие боровики.

Драч выбрался к капсуле и, прежде чем войти в нее, в последний раз взглянул на холмистую равнину, на бурлящее лавой озеро у горизонта и черные облака.

Ну, все. Драч нажал сигнал готовности... Померк свет, отился, остался на планете ненужный больше пандус.

В корабле, дежурившем на орбите, вспыхнул белый огонек.

— Готовьтесь встречать гостя, — сказал капитан.

Через полтора часа Драч перешел по соединительному туннелю на корабль. Невесомость мешала ему координировать движения, хотя не причиняла особых неудобств. Ему вообще мало что причиняло неудобства. Тем более что команда вела себя тактично, и шуток, которых он опасался, потому что очень устал, не было. Время перегрузок он прошел на капитанском мостике и с любопытством разглядывал сменную вахту в амортизационных ваннах. Перегрузки продолжались довольно долго, и Драч выполнял обязанно-

сти добровольного сторожа. Он не всегда доверял автоматам, потому что за последние месяцы не раз обнаруживал, что сам надежнее, чем они. Драч ревниво следил за пультом и даже в глубине души ждал повода, чтобы вмешаться, но повода не представилось.

* * *

Об апельсиновом соке он мечтал до самой Земли. Как на зло, апельсиновый сок всегда стоял на столе в какот-компании, и потому Драч не заходил туда, чтобы не видеть графина с пронзительно желтой жидкостью.

Драч был единственным пациентом доктора Домби, если вообще Драча можно назвать пациентом.

— Чувствую неполноценность, — жаловался доктору Драч, — из-за этого проклятого сока.

— Не в соке дело, — возразил Домби. — Твой мозг мог бы придумать другой пункттик. Например, мечту о мягкой подушке.

— Но мне хочется апельсинового сока. Вам этого не понять.

— Хорошо еще, что ты говоришь и слышишь, — сказал Домби. — Грунин обходился без этого.

— Относительное утешение, — ответил Драч. — Я не нуждался в этом несколько месяцев.

Домби был встревожен. Три планеты, восемь месяцев дьявольского труда. Драч на пределе. Надо было сократить программу. Но Драч и слышать об этом не хотел.

Аппаратура корабельной лаборатории Домби не годилась, чтобы серьезно обследовать Драча. Оставалась интуиция, а она была во все колокола. И хотя ей нельзя целиком доверяться, на первом же сеансе связи доктор отправил в центр многословный отчет. Геворкян хмурился, читая его. Он любил краткость.

А у Драча до самой Земли было паршивое настроение. Ему хотелось спать, и короткие наплывы забытья не освежали, а лишь пугали настойчивыми кошмарами.

* * *

Мобиль института биоформирования подали вплотную к люку. Домби пообещал на прощание:

— Я вас навещу. Мне хотелось бы сойтись с вами поближе.

— Считайте, что я улыбнулся, — ответил Драч, — вы приглашены на берег голубого озера.

В мобиле Драча сопровождал молодой сотрудник, которого он не знал. Сотрудник чувствовал себя неловко, ему, вернее, было неприятно соседство Драча. Отвечая на вопросы, он глядел в окно. Драч подумал, что биоформиста из парня не получится. Драч перешел вперед, где сидел институтский шофер Полачек. Полачек был Драчу рад.

— Не думал, что ты выберешься, — сказал он с подкупавшей откровенностью. — Грунин был не глупей тебя.

— Все-таки обошлось, — ответил Драч. — Устал только.

— Это самое опасное. Я знаю. Кажется, что все в порядке, а мозг отказывает.

У Полачека были тонкие кисти музыканта, а панель пульта казалась клавиатурой рояля. Мобиль шел под низкими облаками, и Драч смотрел вбок, на город, стараясь угадать, что там изменилось.

Геворкян встретил Драча у ворот. Грузный, носатый старик с голубыми глазами сидел на лавочке под вывеской «Институт биоформирования Академии наук». Для Драча, да и не только для Драча Геворкян давно перестал быть человеком, а превратился в понятие, символ института.

— Ну вот, — произнес Геворкян. — Ты совсем не изменился. Ты отлично выглядишь. Почти все кончилось. Я говорю «почти», потому что теперь главные заботы касаются меня. А ты будешь гулять, отдыхать и готовиться.

— К чему?

— Чтобы пить этот самый апельсиновый сок.

— Значит, доктор Домби донес об этом и дела мои совсем плохи?

— Ты дурак, Драч. И всегда был дураком. Чего же мы здесь разговариваем? Это не лучшее место.

Окно в ближайшем корпусе распахнулось, и оттуда выглянули сразу три головы. По дорожке от второй лаборатории бежал, по рассеянности захватив с собой пробирку с синей жидкостью, Дима Димов.

— А я не знал, — оправдывался он, — мне только сейчас сказали.

И Драча охватило блаженное состояние блудного сына, который знает, что на кухне трещат дрова и пахнет жареным тельцом.

— Как же можно? — нападал на Геворкяна Димов. — Мы должны были поставить в известность. Вы лично.

— Какие уж тут тайны, — отвечал Геворкян, будто оправдываясь.

Драч понял, почему Геворкян решил обставить егоозвращение без помпы. Геворкян не знал, каким он вернется, а послание Домби его встревожило.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Димов.

Кто-то хихикнул. Геворкян цыкнул на зевак, но никто нешел. Над дорожкой нависали кусты цветущей сирени, и Драч представил себе, какой у нее чудесный запах. Майские жуки проносились, как тяжелые пули, и солнце садилось за старинным особняком, в котором размещалась институтская гостиница.

Они вошли в холл и на минуту остановились у портрета Грунина. Люди на других портретах улыбались. Грунин не улыбался. Он всегда был серьезен. Драчу стало грустно. Грунин был единственным, кто видел, знал, ощущал пустоту и раскаленную обнаженность того мира, откуда он сейчас вернулся.

* * *

Драч уже второй час торчал на испытательном стенде. Датчики облепили его, как мухи. Провода тянулись во все углы. Димов колдовал у приборов. Геворкян восседал в стороне, разглядывая экраны и косясь на информационные таблички.

— Ты где будешь ночевать? — спросил Геворкян.

— Хотел бы у себя. Мою комнату не трогали?

— Все, как ты оставил.

— Тогда у себя.

— Не рекомендую, — посоветовал Геворкян. — Тебе лучше отдохнуть в барокамере.

— И все-таки.

— Наставивать не буду. Хочешь спать в маске, ради бога...

Геворкян замолчал. Кривые ему не нравились, но он не хотел, чтобы Драч это заметил.

— Что вас смущало? — спросил Драч.

— Не вертись, — остановил его Димов. — Мешаешь.

— Ты слишком долго пробыл в полевых условиях. Домби должен был отозвать тебя еще два месяца назад.

— Из-за двух месяцев пришлось бы все начинать сначала.

— Ну-ну. — Непонятно было, одобряет Геворкян Драча или осуждает.

— Когда вы думаете начать? — поинтересовался Драч.

Хоть завтра утром. Но я тебя очень прошу, спи в барокамере. Это в твоих интересах.

— Если только в моих интересах... Я зайду к себе.

— Пожалуйста. Ты вообще нам больше не нужен.

— Плохи мои дела, — подумал Драч, направляясь к двему. — Старик сердится».

Драч не спеша пошел к боковому выходу мимо одинаковых белых дверей. Рабочий день давно кончился, но институт, как всегда, не замер и не заснул. Он и прежде напоминал Драчу обширную клинику с дежурными сестрами, ночных авралами и срочными операциями. Маленький низкий корпус для кандидатов и для тех, кто вернулся, был позади лабораторий, за бейсбольной площадкой. Тонкие колонны особняка казались голубыми и в лунном сиянии. Одно или два окошка в доме светились, и Драч тщетно пытался вспомнить, какое из окошек принадлежало ему. Сколько он прожил здесь? Чуть ли не полгода.

Сколько раз он возвращался вечерами в этот домик с колоннами и, поднимаясь на второй этаж, мысленно подсчитывал дни... Драч вдруг остановился. Он понял, что не хочет входить в этот дом и узнавать вешалку в прихожей, щербинки на ступеньках лестницы и царапины на перилах. Не хочет видеть коврика перед своей дверью...

Что он увидит в своей комнате? Следы жизни другого Драча, книги и вещи, оставшиеся в прошлом...

Драч отправился назад в испытательный корпус. Говорили прав — ночь надо провести в барокамере. Без маски. Она надоела на корабле и еще более надоест в ближайшие недели. Драч пошел напрямик через кусты и спугнул какую-то парочку. Влюбленные целовались на спрятанной в сирени лавочке, и их белые халаты светились издали, как предупредительные огни. Драчу бы их заметить, но не заметил. Он позволил себе расслабиться и этого тоже не заметил. Там, на планете, такого случиться не могло. Мгновение расслабленности означало бы смерть. Не больше и не меньше.

— Это я, Драч, — сказал он влюбленным.

Девушка рассмеялась.

— Я жутко перепугалась, здесь темно.

— Вы были там, где погиб Грунин? — спросил парень очень серьезно. Ему хотелось поговорить с Драчом, запомнить эту ночь и неожиданную встречу.

— Да, там, — ответил Драч, но задерживаться настал, пошел дальше, к огонькам лаборатории.

Чтобы добраться до своей лаборатории, Драчу предстояло пройти коридором мимо нескольких рабочих залов. Он заглянул в первый из них. Зал был разделен прозрачной перегородкой. Даже казалось, будто перегородки нет и зеленоватая вода необъяснимым образом не обрушивается на контрольный стол и двух одинаковых тоненьких девушек за ним.

— Можно войти? — спросил Драч.

Одна из девушек обернулась.

— Ох! Вы меня напугали. Вы Драч? Вы дублер Грунина, да?

— Правильно. А у вас тут кто?

— Вы его не знаете, — проговорила другая девушка. — Он уже после вас в институт приехал. Фере, Станислав Фере.

— Почему же, — ответил Драч. — Мы с ним учились. Он был на курс меня младше.

Драч стоял в нерешительности перед стеклом, стараясь угадать в сплетении водорослей фигуру Фере.

— Вы побудьте у нас, — пригласили девушки. — Нам тоже скучно.

— Спасибо.

— Я бы вас вафлями угостила...

— Спасибо, я не люблю вафель. Я ем гвозди.

Девушки засмеялись.

— Вы веселый. А другие переживают. Стасик тоже переживает.

Наконец Драч разглядел Станислава. Он казался бурым холмиком.

— Но это только сначала, правда? — спросила девушка.

— Нет, неправда, — ответил Драч. — Я вот и сейчас переживаю.

— Не надо, — сказала вторая девушка. — Геворкян все сделает. Он же гений. Вы боитесь, что слишком долго там были?

— Немножко боюсь. Хотя был предупрежден заранее.

* * *

Конечно, его предупредили заранее, неоднократно предупреждали. Тогда вообще скептически относились к работе Геворкяна. Бессмысленно идти на риск, если есть автоматика. Но институт все-таки существовал, и, конечно, биоформы были нужны. Признание скептиков пришло, когда биоформы Селвин и Скавронский спустились к батиска-

фу Билтонса, который лежал, потеряв кабель и плавучесть, на глубине шести километров. Роботов, которые не только бы спустились в трещину, но и догадались, как освободить батискаф и спасти исследователей, не нашлось. А биоформы сделали все, что надо.

— В принципе, — говорил Геворкян на одной пресс-конференции, и это глубоко запало в упрямую голову Драча, — наша работа предугадана сотнями писателей-сказочников в таких подробностях, что не оставляет места для воображения. Мы перестраиваем биологическую структуру человека по замыслу, для исполнения какой-то конкретной работы, оставляя за собой возможность раскрутить закрученное. Однако самая сложная часть всего дела — это возвращение к исходной точке. Биотрансформация должна быть подобна одежде, защитному скафандру, который мы можем снять, как только в нем пройдет нужда. Да мы и не собираемся соперничать с конструкторами скафандров. Мы, биоформисты, подхватываем эстафету там, где они бессильны. Скафандр для работы на глубине в десять килограммов слишком громоздок, чтобы существовать, заключенное в нем, могло исполнять ту же работу, что и на поверхности земли. Но на той же глубине отлично себя чувствуют некоторые рыбы и моллюски. Принципиально возможно перестроить организм человека так, чтобы он функционировал по тем же законам, что и организм глубоководной рыбы. Но если мы этого достигнем, возникает иная проблема. Я не верю в то, что человек, знающий, что он обречен навечно находиться на громадной глубине в среде моллюсков, останется полноценным. А если мы действительно окажемся способны вернуть человека в исходное состояние, в общество сму подобных, то биоформия имеет право на существование и может пригодиться человеку.

Тогда проводились первые опыты. На Земле и на Марсе. И желающих было более чем достаточно. Гляциологи и спелеологии, вулканологи и археологи нуждались в дополнительных руках, глазах, коже, легких, жабрах... В институте новичкам говорили, что не все хотели потом с ними расставаться. Рассказывали легенду о спелеологе, снабженном жабрами и громадными, видящими в темноте глазами, который умудрился сбежать с операционного стола, когда его собирались привести в божеский вид. Он, мол, с тех пор скрывается в залипых ледяной водой бездонных пещерах Китано-Роо, чувствует себя отлично и два раза в месяц отправляет в «Вестник спелеологии» обстоятельные статьи о своих новых открытиях, выцарапанные кремнем на отшлифованных пластинках графита.

Когда Драч появился в институте, у него на счету было пять лет космических полетов, достаточный опыт работы со стройботами и несколько статей по эпиграфике монов. Грунина уже готовили к биоформации, и Драч стал его дублером.

Работать предстояло на громадных раскаленных планетах, где бушевали огненные бури и смерчи, на планетах с невероятным давлением и температурами в шестьсот — восемьсот градусов. Осваивать эти планеты надо было все равно — они были кладовыми ценных металлов и могли стать незаменимыми лабораториями для физиков.

Грунин погиб на третий месяц работы. И если бы не его, Драча, упрямство, Геворкяну, самому Геворкяну не преодолеть бы оппозиции. Для Драча же — Геворкян и Димов знали об этом — труднее всего было трансформироваться. Просыпаться утром и понимать, что ты сегодня менее человек, чем был вчера, а завтра в тебе останется еще меньше от прежнего...

Нет, ты ко всему готов, Геворкян и Димов обсуждали с тобой твои же конструкционные особенности, эксперты приносили на утверждение образцы твоей кожи и объемные модели твоих будущих глаз. Это было любопытно, и это было важно. Но сознать, что оно касается именно тебя, до конца невозможно.

Драч видел Грунина перед отлетом. Во многом он должен был стать похожим на Грунина, вернее, сам он как модель был дальнейшим развитием того, что формально называлось Грунином, но не имело ничего общего с портретом, висящим в холле Центральной лаборатории. В дневнике Грунина, написанном сухо и деловито, были слова: «Чертовски нескливо жить без языка. Не дай бог тебе пережить это, Драч». Поэтому Геворкян пошел на все, чтобы Драч мог говорить, хоть это и усложнило биоформирование и для Драча было чревато несколькими лишними часами на операционном столе и в горячих биованнах, где наращивалась новая плоть. Так вот, хуже всего было наблюдать за собственной трансформацией и все время подавлять иррациональный страх. Страх оставаться таким навсегда.

* * *

Драч прекрасно понимал нынешнее состояние Станислава Фере. Фере должен был работать в ядовитых бездонных болотах Сиены. У Драча было явное преимущество перед Фере. Он мог писать, рисовать, находиться среди людей, мог

тешить зеленые лужайки института и подходить к домику с белыми колоннами. Фере до конца экспедиции, пока ему не вернут человеческий облик, был обречен знать, что между ним и всеми остальными людьми — по меньшей мере пропричина преграда. Фере знал, на что идет, и приложил немало сил, чтобы получить право на эту пытку. Но сейчас ему было несладко.

Драч постучал по перегородке.

— Не будите его, — сказала одна из девушек.

Бурый холмик взметнулся в туче ила, и могучий, стального цвета скат бросился к стеклу. Драч инстинктивно отшатнулся. Скат замер в сантиметре от перегородки. Тяжелый настойчивый взгляд гипнотизировал.

— Они жутко хищные, — сказала девушка, и Драч внутренне усмехнулся. Слова ее относились к другим, настоящим скатам, но это не значило, что Фере менее хищен, чем остальные. Скат осторожно ткнулся мордой в перегородку, разглядывая Драча.

Фере его не узнал.

— Приезжай ко мне на голубое озеро, — пригласил Драч.

Маленький тамбур следующего зала был набит молодыми людьми, которые отталкивали друг друга от толстых иллюминаторов и, вырывая друг у друга микрофон, наперебой давали кому-то противоречивые советы.

Драч остановился за спинами советчиков. Сквозь иллюминатор он различил вверху, в легком тумане, окутавшем зал, странную фигуру. Некто голубой и неуклюзий реял в воздухе посреди зала, судорожно взмывая вверху, пропадая из поля зрения и появляясь вновь в стекле иллюминатора совсем не с той стороны, откуда можно было его ожидать.

— Шире, шире! Лапы подожми! — кричал в микрофон рыжий негр, но тут же девичья рука вырвала у него микрофон.

— Не слушай его, не слушай... Он совершенно не способен перевоплотиться. Представь себе...

Но Драч так и не знал, что должен был себе представить тот, кто находился в зале. Существо за иллюминатором исчезло. Тут же в динамике раздался глухой удар, и девушка спросила деловито:

— Ты сильно ушибся?

Ответа не последовало.

— Раскройте люк, — велела рубенсовская женщина с косой вокруг головы.

Рыжий негр нажал кнопку, и невидимый раньше люк отошел в сторону. Из люка пахнуло пронизывающим холдом. Минус двенадцать, отметил Драч. Холодный воздух рванул-ся из зала, и люк заволокло густым паром. В облаке пара материализовался биоформ. Негр протянул ему маску:

— Здесь слишком много кислорода.

Люк закрылся.

Биоформ неловко, одно за другим, стараясь никого не задеть, сложил за спиной покрытые пухом крылья. Шарообразная грудь его трепетала от частого дыхания. Слишком тонкие руки и ноги дрожали.

— Устал? — спросила рубенсовская женщина.

Человек-птица кивнул.

— Надо увеличить площадь крыльев, — сказал рыжий негр.

Драч потихоньку отступил в коридор. Им овладела бесконечная усталость. Только бы добраться до барокамеры, снять маску и забыться.

* * *

Утром Геворкян ворчал на лаборантов. Все ему было не ладно, не так. Драча он встретил, словно тот ему вчера сильно насолил, а когда Драч спросил: «Со мной что-то не так?» — отвечать не стал.

— Ничего страшного, — успокоил Димов, который, видно, не спал ночью ни минуты. — Мы этого ожидали.

— Ожидали? — взревел Геворкян. — Ни черта мы не ожидали. Господь бог создал людей, а мы их перекраиваем. А потом удивляемся, если что не так.

— Ну и что со мной?

— Не трясишь.

— Я физически к этому не приспособлен.

— А я не верю, не трясишь. склеим мы тебя обратно. Просто это займет больше времени, чем мы рассчитывали.

Драч промолчал.

— Ты слишком долго был в своем нынешнем теле. Ты сейчас физически новый вид, род, семейство, отряд разумных существ. У каждого вида есть свои беды и болезни. А ты, вместо того чтобы следить за реакциями и беречь себя, изображал испытателя, будто хотел выяснить, при каких же нагрузках твоя оболочка треснет и разлетится ко всем чертям.

— Если бы я этого не делал, то не выполнил бы того, что от меня ожидали.

— Герой, — фыркнул Геворкян. — Твое нынешнее тело болест. Да, болеет своей, еще не встречавшейся в медицине болезнью. И мы должны будем ремонтировать тебя по мере трансформации. И при этом быть уверенными, что ты не станешь уродом. Или киборгом. В общем, это наша забота. Надо будет тебя пообследовать, а пока можешь отправляться на все четыре стороны.

* * *

Драчу не следовало бы этого делать, но он вышел за ворота института и направился вниз, к реке, по узкой аллее парка, просверленного солнечными лучами. Он смотрел на свою короткую тень и думал, что если уж помирать, то все-таки лучше в обычном, человеческом облике. И тут он увидел девушку. Девушка поднималась по аллее, через каждые пять-шесть шагов она останавливалась и, наклоняя голову, прижимала ладонь к уху. Ее длинные волосы были темными от воды. Она шла босиком и смешно поднимала пальцы ног, чтобы не уколоться об острые камешки. Драч хотел сойти с дорожки и спрятаться за куст, чтобы не смущать девушку своим видом, но не успел. Девушка его увидела.

Девушка увидела свинцового цвета черепаху, на панцире которой, словно черепашка поменьше, располагалась полуширина голова с одним выпуклым циклопическим глазом, разделенным на множество ячеек, словно стрекозинный. Черепаха доставала ей до пояса и передвигалась на коротких толстых лапках, которые выдвигались из-под панциря. И казалось, что их много, может, больше десятка. На крутом переднем скосе панциря было несколько отверстий, и из четырех высовывались кончики щупалец. Панцирь был поцарапан, кое-где по нему шли неглубокие трещины, они расходились звездочками, будто кто-то молотил по черепахе острой стамеской или стрелял в нее бронебойными пулями. В черепахе было нечто зловещее, словно она была первобытной боевой машиной. Она была не отсюда.

Девушка замерла, забыв отнять ладонь от уха. Ей хотелось убежать или закричать, но она не посмела сделать ни того, ни другого.

«Вот дурак, — выругал себя Драч. — Теряешь реакцию».

— Извините, — произнесла черепаха.

Голос ровный и механический, он исходил из-под металлической маски, прикрывавшей голову до самого глаза. Глаз шевелился, словно перегородочки в нем были мягкими.

— Извините, я вас напугал. Я не хотел этого.

— Вы... робот? — спросила девушка.

— Нет, биоформ.

— Вы готовитесь на какую-то планету?

Девушке хотелось уйти, но уйти — значило показать, что она боится. Она стояла и, наверно, считала про себя до ста, чтобы взять себя в руки.

— Я уже прилетел, — ответил Драч. — Вы идите дальше, не смотрите на меня.

— Спасибо, — вырвалось у девушки, и она на цыпочках, забыв о колючих камешках, обежала Драча. Она крикнула вслед ему, обернувшись: — До свидания.

Шаги растворились в шорохе листвы и суетливых майских звуках прозрачного теплого леса. Драч вышел к реке и остановился на невысоком обрыве, рядом со скамейкой. Он представил, что садится на скамейку, и от этого стало совсем тошно. Хорошо бы сейчас сиагнуть с обрыва — и конец. Это была одна из самых глупых мыслей, которые посещали Драча за последние месяцы. Он мог с таким же успехом прыгнуть в Ниагарский водопад, и ничего бы с ним не случилось. Ровным счетом ничего. Он побывал в куда худших переделках.

Девушка вернулась. Она подошла тихо, села на скамейку и смотрела перед собой, положив узкие ладони на колени.

— Я сначала решила, что вы какая-то машина. Вы очень тяжелый?

— Да. Я тяжелый.

— Знаете, я так неудачно нырнула, что до сих пор не могу вытрясти воду из уха. С вами так бывало?

— Бывало.

— Меня зовут Кристиной, — представилась девушка. — Я тут недалеко живу, в гостях. У бабушки. Я как дура испугалась и убежала. И наверно, вас обидела.

— Ни в коем случае. Я на вашем месте убежал бы сразу.

— Я только отошла и вспомнила. Вы же были на тех пла-нетах, где и Грунин. Вам, наверное, досталось?..

— Это уже прошлое. А если все будет в порядке, через месяц вы меня не узнаете.

— Конечно, не узнаю.

Волосы Кристины быстро высыхали под ветром.

Вы знаете, — сказала Кристина, — вы мой первый знакомый космонавт.

Нам повезло. Вы учитесь?

Я живу в Таллинне. Там и учусь. Может, мне и повезло. Но среди есть много простых космонавтов. И совсем мало таких...

Наверное, человек двадцать.

А потом, когда отдохнете, снова поменяете тело? Статье рыбой или птицей?

Этого еще не делали. Даже одной перестройки много или одного человека.

Жаль.

Почему?

— Это очень интересно — все испытать.

— Достаточно одного раза.

— Вы чем-то расстроены? Вы устали?

— Да, — ответил Драч.

Девушка осторожно протянула руку и дотронулась до панциря.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— По мне надо ударить молотом, чтобы я почувствовал.

— Обидно. Я вас погладила.

— Хотите пожалеть меня?

— Хочу. А что?

«...Вот и пожалела, — подумал Драч. — Как в сказке: красавица полюбит чудище, а чудище превратится в доброго молодца. У Геворкяна проблемы, датчики, графики, а она пожалела — и никаких проблем. Ну, разве только высмотреть поблизости алеинский цветочек, чтобы все как по писаному...»

— Когда выздоровеете, приезжайте ко мне. Я живу под Таллинном, в поселке, на берегу моря. А вокруг сосны. Вам приятно будет там отдохнуть.

— Спасибо за приглашение, — поблагодарил Драч. — Мне пора идти. А то хватятся.

— Я провожу вас, если вы не возражаете.

Они пошли обратно медленно, потому что Кристина считала, что Драчу трудно идти быстро, а Драч, который мог обогнать любого бегуна на Земле, не спешил. Он послушно рассказывал ей о вещах, которые нельзя описать словами. Кристине казалось, что она все видит, хотя представляла она себе совсем не так, как было на самом деле.

— Я завтра приду к той скамейке, — тихо проговорила Кристина. — Только не знаю, во сколько.

— Завтра я, наверное, буду занят, — сказал Драч, потому что подозревал, что его жалеют.

— Ну, как получится, — отозвалась Кристина. — Как получится...

* * *

Драч спросил у Полачека, который копался в моторе мобиля, где Геворкян. Полачек ответил, что у себя в кабинете К нему прилетели какие-то вулканологи, наверное, будут готовить нового биоформа.

Драч прошел в главный корпус. В предбаннике перед кабинетом Геворкяна было пусто. Драч приподнялся на задних лапках и снял со стола Марины Антоновны чистый лист бумаги и карандаш. Он положил лист на пол и, взяв карандаш, попытался нарисовать профиль Кристины. Дверь в кабинет Геворкяна была прикрыта неплотно, и Драч различал густой рокот его голоса. Потом другой голос, повыше, сказал:

— Мы все понимаем и, если бы не обстоятельства, никогда бы не настаивали.

— Ну, никого, ровным счетом никого, — гудел Геворкян.

— За исключением Драча.

Драч сделал два шага к двери. Теперь он слышал каждое слово.

— Мы не говорим о самом Драче, — настаивал вулканолог. — Но должны же быть подобные биоформы.

— У нас не было заказов в последнее время. А Саразини будет готов к работе только через месяц. Кроме того, он не совсем приспособлен...

— Но послушайте. Вся работа займет час, от силы два. Драч провел несколько месяцев в значительно более трудной обстановке...

— Вот именно поэтому я не могу рисковать.

Геворкян щелкнул тумблером, и Драч представил, как он отвернулся от вулканологов к дисплею.

— Я не представляю, как мы вытянем его и без такой поездки. Его организм работал на пределе, вернее, за пределом. Мы начнем трансформацию со всей возможной осторожностью. И никаких нагрузок. Никаких... Если он полетит с вами...

— Ну, простите. Пока ваш Саразини будет готов...

Принц толкнул дверь, не рассчитав удара, и дверь отлетела, словно в нее попало пушечное ядро.

Последовала немая сцена. Три лица, обращенные к громадной черепахе. Один из вулканологов оказался розовым гонщиком.

— Я Драч, — обратился Драч к толстяку, чтобы сразу иссечь недоумение. — Вы обо мне говорили.

— Я тебя не приглашал, — перебил его Геворкян.

— Рассказывайте, — сказал Драч толстому вулканологу.

Тот закашлялся, глядя на Геворкяна.

— Так вот, — вмешался второй вулканолог, высохший и будто обугленный. — Возможно извержение Осенней сопки на Камчатке. Мы полагаем, то есть мы уверены, что если не проклубить основной, забитый породой канал, лава прорвется на западный склон. На западном склоне сейсмическая станция. Ниже, в долине, поселок и завод...

— И эвакуировать некогда?

— Эвакуация идет. Но мы не можем демонтировать завод и станцию. Нам для этого надо три дня. Кроме того, в четырех километрах за заводом начинается Куваевск. Мы запустили к кратеру мобиль со взрывчаткой. Его просто отбросило. И хорошо, что не на станцию...

Геворкян стукнул кулаком по столу:

— Драч, я не позволю. Там температуры на пределе. На самом пределе. Это самоубийство!

— Позволите.

— Идиот, — всыпал Геворкян. — Извержения может и не быть.

— Будет, — грустно подтвердил толстяк.

Драч направился к двери. Высохший вулканолог последовал за ним. Толстяк остался, пожал плечами, сказал Геворкяну:

— Мы примем все меры. Все возможные меры.

— Ничего подобного, — не соглашался Геворкян. — Я лечу с вами.

Он включил видеоселектор и вызвал Димова.

— Это просто великолепно, — кивнул толстяк. — Ну, просто великолепно.

Проходя через предбанник, Драч подхватил щупальцем с пола листок с профилем Кристины — смял его в тугой комок и выбросил в корзину. Движения щупальца были так быстры, что вулканолог, шедший на шаг сзади, ничего не разглядел.

Над Осенней сопкой поднимался широкий столб черного дыма, он сливался с низкими облаками, окрашивая их в бурый цвет. На посадочной площадке неподалеку от подножия сопки стояло несколько мобилей, в стороне роботы под надзором техников собирали бур, похожий на веретено. Под тентом, спасавшим от мелкого грязного дождя, но не защищавшим от ветра и холода, на низком столике лежали, придавленные камнями, схемы и диаграммы. Драч задержался, разглядывая верхнюю диаграмму. Лава не могла пробиться сквозь старый, миллион лет назад забытый породой канал. Лишь газы прорывались сквозь трещины в базальтовой пробке. Зато с каждой минутой все больше трещин образовывалось на слабом западном склоне.

Человек в белом шлеме и огнеупорном скафандре снимал данные, записанные с помощью зондов. Другой вулканолог принимал сообщения наблюдателей. Новости не сулили ничего хорошего.

Димов протянул Геворкяну записку с цифрами давления и температур в жерле.

— На самом пределе, — добавил он. — На самом пределе.

Он знал, что Драч все равно уйдет в вулкан, и в голосе его слышалась печальная отрешенность.

Заряды были готовы.

Толстый вулканолог принес шлемы для Геворкяна и Димова.

— Час назад они запускали к кратеру мобиль, — проговорил он виновато, — хотели приземлить его у трещины. Он разбился, и взрыв ничего не дал.

— Вас Кубаевск вызывает, — обратился к нему радиист. — Они начали демонтаж завода, но еще надеются.

— Ответьте им, чтобы подождали час. На мою ответственность.

Толстый вулканолог посмотрел на Драча. Будто ожидал поддержки.

— Пошли, — сказал Драч.

Геворкян надел шлем и стал похож на старого рыцаря, который во главе горстки храбрецов должен защищать страну от нашествия вражеских армий. Таким его и запомнил Драч.

Драча подняли на мобиле к кромке старого кратера. Усталый вулканолог в грязном шлеме — он за последние три дня пытался пройти к жерлу — повторил инструкции, которые Драч уже знал наизусть:

Трещину видно отсюда. Конечно, когда рассеивается пыль. Вы спускаетесь по ней восемьдесят метров. Там свободно. Мы зондировали. И укладываете заряды. Потом выбираетесь, и мы взрываем их дистанционно. Там уклон до шестидесяти градусов. Сможете?

Вулканолог с трудом заставлял себя обращаться на «ты» к свинцовой черепахе. Он столько раз сталкивался с инженерами, строителями и прочими машинами, схожими чем-то с этой черепахой, и ему все время приходилось уговаривать себя, что перед ним человек, биоформ. И еще он смертельно устал из-за этого проклятого вулкана.

— Смогу, — ответил Драч. — Шестьдесят градусов мне по лубам.

Перед тем как снять маску и передать ее вулканологу, он сказал:

— Маску не потеряйте. Она мне еще пригодится. Без нее я глух и нем.

— А как вы будете дышать?

— Не буду дышать. Почти не буду. Кислород мне противопоказан.

— Я жду вас здесь, — сказал вулканолог.

Драч не услышал его слов.

Он скатился по отлогому склону в кратер и на секунду задержался у трещины. Сверху сыпался пепел и мелкие камешки. В стороне над самой кромкой кратера реяли два мобиля. В одном — вулканологи, в другом — Геворкян с Димовым.

Трещина оказалась куда шире, чем Драч ожидал. Он стал быстро спускаться, привычно регистрируя состав газов. Температура повышалась, но была ниже предельной. Потом склон пошел вниз круче, и Драчу пришлось идти зигзагами, повисая порой на двух щупальцах. Второй парой щупальца он прижимал к панцирю заряды. Гора вздохнула, и Драч прижался к стене трещины, чтобы не улететь вверх с фонтанами газов. Надо было спешить. Драч ощутил, как раскрываются трещины на западном склоне. Спуск становился все сложнее. Стены почти смыкались, и Драчу приходилось прорываться между живыми, колышущимися камнями. Он уже спустился на семьдесят метров. Температура газов достигала четырехсот градусов. Он припомнил диаграмму. Для того чтобы пробка разлетелась наверняка, надо пройти еще метров пять. Можно, конечно, в соответствии с инструкцией оставить заряд здесь, но пять метров желательны. Отверстие под собой он заметил, вернее, угадал по рвущейся оттуда струе пара. Температура поднялась скачком градусов на сто. Он уже ощущал

тепло. Сопка затряслась, как в припадке кашля. Он взглянул наверх. Путь назад еще был. Драч скользнул в горячую щель.

Щель расширялась книзу, образуя мешок, а дно мешка было словно сито. Такую жару Драч испытал лишь однажды, на второй планете. Там он мог уйти. И ушел.

Драч прикрепил заряды к самой надежной плите. Но и эту самую надежную плиту тряслось. А западный склон, должно быть, уже рвался сейчас, как полотно.

Драч подтянулся на одном щупальце к верхнему отверстию. Газы, выбивавшиеся снизу, обжигали, гора дернулась, и щупальце оборвалось, как веревка. Драчу удалось удержаться, присосавшись мгновенно остальными тремя к вертикальной стенке. В тот же момент воздушная волна — видно, вверху произошел обвал — швырнула Драча на пол каменного мешка.

Страха не было. Некогда было. Драч чувствовал, как спекаются внутренности. Давление газов в каменной полости росло, и двигаться становилось все труднее. Виноваты были лишние пять метров. На секунду Драчу показалось, что он уже выползает из трещины и видит серое небо. Он рванулся наверх, отчаянно и зло, потому что Кристина завтра придет к той скамейке, потому что у Геворкяна, который ждет его наверху, плохое сердце.

Он выбрался из каменного мешка, но оказалось, что трещину уже завалило обломками базальта. Он попытался раздвинуть куски породы, однако понял, что не хватает на это сил. Надо отдохнуть, чуть-чуть отдохнуть. В обожженном теле распространялась непомерная усталость, что начала его преследовать в последние дни на той планете и не отпускала на Земле.

Драч стоял, вжавшись в щель между глыбами базальта. Ему предстояло теперь найти слабое место в этом завале, отыскать обломок, который слабее других загнан в трещину, и вырвать его так, чтобы не обвалить на себя всю пробку. И пока его щупальца вяло и медленно обшаривали глыбы, разыскивая слабину, в мозгу мелькнула мысль. Сначала она прошла где-то на периферии мозга, затем, вернувшись, зазвенела, как сигнал тревоги. Он понял, что все может пойти наスマрку. Пока он не выйдет отсюда, они не станут взрывать снаряды. Они будут ждать, надеяться на чудо. Они даже не станут бомбить пробку с воздуха. Они попытаются спасти его, хотя это невозможно, и оттого могут погибнуть люди и наверняка погибнет все, что находится на западном склоне и дальше, на равнине.

Драч действовал осторожно и осмотрительно, стараясь не потерять сознания. Это было главным — не потерять сознания. Он вернулся к отверстию, из которого только что выбрался с таким трудом, прыгнул вниз и очутился рядом с плоской плитой, на которой лежали заряды. Плита словно собралась пуститься в пляс. Драч подумал: как хорошо, что у него нет первых окончаний на внешней оболочке — он бы умер от боли. Обожженные щупальца были неловки. Прошло минуты полторы, прежде чем Драчу удалось развинтить один из зарядов, чтобы превратить его во взрыватель. Драч отлично знал эту систему. Такие заряды были у него на тех планетах. Заряд включался лишь от сигнала, но если ты знаком с системой, то можно включить цепь самому.

Драч подумал, что когда он кончit работу, то прежде, чем замкнуть цепь, он позволит себе несколько секунд, чтобы вспомнить что-то, как полагается напоследок.

Но когда закончил, оказалось, что этих секунд у него нет.

Взрыв раздался неожиданно для всех, кроме усталого вулканолога, который лежал за камнями и думал так же, как Драч. Сопка содрогнулась и взревела. Вулканолог прижался к камням. Два мобиля, которые кружились у кратера, отбросило, как сухие листья, — пилотам еле удалось взять машины под контроль. Оранжевая лава хлынула в старое жерло и апельсиновым соком начала наполнять кратер.

Вулканолог бросился бежать вниз по склону: он знал, что поток лавы через несколько минут пробьется в его сторону...

* * *

Кристина пришла на ту скамейку у речки; было совсем тепло. Она выкупалась в ожидании Драча. Потом почитала. А он не шел. Кристина ждала до сумерек. На обратном пути она остановилась у ворот института и увидела, что с посадочной площадки поднимается большой мобиль. Кристина сказала себе, что в этомobile Драч улетает на какое-то задание. Поэтому он и не смог прийти. Но когда он вернется, то обязательно придет к скамейке. И она решила приходить к скамейке каждый день, пока живет здесь.

В большом mobile в Москву увозили Геворкяна. У сопки он как-то держался, а вернулся — и сдал. У него было слабое сердце, и спасти его могли только в Москве.

Глава 2

Гусар и Золушка

Гусар Павлыш в синем картонном кивере с коротким плюмажем из медной проволоки, белом ментике и сверкающих театральных эполетах, которых гусарам не было положено, выглядел глупо, с грустью сознавая это, но не мог ничего поделать. Чужой монастырь...

Он шел опустевшим центральным туннелем.

На эстраде оркестранты под водительством шумного суетливого толстяка с черными мышиными глазками устанавливали рояль. У двери в зал толпились те, кому не досталось места. Павлыш заглянул поверх их голов.

На сцене под белым щитом с надписью «Селенопорту 50 лет», обвитым венком из синтетических еловых веток, стоял, не зная, куда деть руки, знаменитый профессор из Сорбонны. Он запутался в торжественной речи, и многочисленные создания карнавальной фантазии, заполнившие зал, лишь с большим трудом сохраняли относительную тишину. Глубоко укоренившееся чувство долга заставляло профессора подробно информировать собравшихся о достижениях в селенологии и смежных науках и существенном вкладе лунных баз в освоение космического пространства.

Павлыш оглядел зал. Больше всего там оказалось мушкетеров. Человек сто. Они поглядывали друг на друга недоброжелательно, как случайно встретившиеся на улице женщины в одинаковых платьях, ибо до последнего момента каждый из них полагал, что столь светлая идея пришла в голову лишь ему. Между мушкетерами покачивались высокие колпаки алхимиков, мешая смотреть на сцену, редкие чалмы турецких султанов и квадратные скерли марсиан. Правда, полной уверенности в том, что это карнавальные марсиане, а не сотрудники лунных лабораторий с Короны или П-9, не было.

Павлыш протиснулся сквозь толпу арлекинов и гномов, которым не хватило места в зале. С белого потолка туннеля спускали бусы фонариков и гирлянды бумажных цветов. Оркестр на эстраде уже пробовал инструменты. Нестройные инструменты катились по пустому коридору. В такт дроби ударника подрожали цветы над головой. Две цыганки прошли мимо, кутаясь в шали.

— Ты не учла аннигиляционный фактор, — сказала строгая цыганка в черной шали с красными цветами.

— И ты меня этим упрекаешь? — возмутилась цыганка в красной шали с зелеными огурцами.

Толстяк, который руководил установкой рояля, догнал Павлыша и сказал ему:

— Галаган, ты несешь полную ответственность.

— За что? — спросил Павлыш.

— Спиро! — позвал с эстрады саксофонист. — Почему не включен микрофон? Гелий не может петь без микрофона.

Павлышу захотелось курить. Он дошел до лестницы на нижний ярус, спустился на один марш. На площадке стоял диванчик, и над ним, в нише, была вытяжка для курильщиков. На диване сидела Золушка в хрустальных башмачках и горько плакала. Золушку обидели: не взяли на бал.

Когда человек плачет, это еще не означает, что его надо немедленно утешать. Плач — дело интимное.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш, — я из дворца. Принц сбылся с ног, разыскивая вас.

На площадке было полутемно, лампа рядом с диванчиком, схожая со старинным уличным фонарем, не горела. Девушка замерла, замолчала, словно хотела дотерпеть, пока Павлыш уйдет.

— Если вас обидели злые сестры и мачеха, — Павлыша несло, он не мог остановиться, — то достаточно одного вашего слова, даже кивка, и мы тут же отправим их на Землю. На Луне не место обидчикам и клеветникам.

— Меня никто не обижал, — ответила девушка, не оборачиваясь.

— Тогда возвращайтесь во дворец, — предложил Павлыш, — и признайтесь во всем принцу.

— В чем?

— В том, что вы уже помолвлены с бедным, но честным пастухом и не нужны вам бриллиантовые палаты и шелковые альковы...

— У вас плохое настроение? — спросила девушка.

Она могла спросить что угодно, потребовать, чтобы гусар ушел, отстал. Она спросила неожиданное.

— Я весел и доволен жизнью.

— Тогда почему вы со мной заговорили?

— Мне обидно. Вы сидите здесь совсем одна, когда из зала доносятся торжественные речи, а оркестр настраивает трубы. Здесь можно курить?

— Курите, — ответила девушка. Голос ее был настолько ровным и спокойным, будто и не плакала.

Павлыш присел на диванчик, достал зажигалку. Ему хотелось взглянуть на лицо девушки. У нее был странный голос, глуховатый, бедный интонациями, и в то же время внутри его что-то звенело, будто он мог становиться другим и девушка сдерживала его нарочно, чтобы звучал приглушенно. Павлыш щелкнул зажигалкой так, чтобы огонек вспыхнул между ним и девушкой. На секунду высветились профиль, щека, глаз, мочка уха из-под белого парика.

Девушка протянула руку и включила лампу, похожую на уличный фонарь.

— Если вам так интересно поглядеть на меня, — сказала она, — зачем хитрить? К тому же огонек у зажигалки слабенький.

Она повернула лицо к Павлышу и смотрела на него не улыбаясь, как ребенок, позирующий фотографу, ожидающий, что из объектива сейчас вылетит птичка. У девушки было скуластое широкое лицо с большими, чуть раскосыми глазами, которым следовало оказаться черными, а они были светло-серыми. Очень полные, почти негритянские губы приподнимались в уголках, готовые улыбнуться. Белый парик с диадемой чуть сдвинулся, и из-под него выбилась прямая черная прядь.

— Теперь здравствуйте еще раз, — произнес Павлыш. — Я очень рад с вами познакомиться. Павлыш.

— Марина Ким.

— Если я в самом деле могу вам чем-нибудь помочь...

— Курите, — напомнила Марина. — Вы забыли достать сигарету.

— Забыл.

— Вы с какого корабля?

— Почему вы решили, что я нездешний?

— Вы из Дальнего флота.

Павлыш промолчал. Он ждал.

— Я услышала, как стучат подковки на ваших каблуках.

— У каждого планетолетчика...

— ...магнитные подковки. Вот и брюки от повседневного мундира вы не сменили на гусарские лосины. И еще перстень. Дань курсантской молодости. Такие изумруды гранит попадут на Земле-14. Не помню, как его зовут...

— Ганс.

— Вот видите.

Наконец Марина улыбнулась. Одними губами.

— В конце концов ничего в этом нет удивительного, — сказал Павлыш. — Здесь каждый десятый из Дальнего флота.

— Только те, кто задержался ради карнавала.

— Их немало.

— И вы к ним не относитесь.

— Почему же, Шерлок Холмс?

— Я чувствую. Когда у тебя плохое настроение, начинаешь чувствовать чужие беды.

— Это не беда, — поправил Павлыш, — это мелкая неприятность. Я летел на Корону, и мне сказали на Земле, что мой корабль стартует с Луны после карнавала, как и все. А он улетел. Теперь неизвестно, как добираться.

— Вы должны были лететь на «Аристотеле»?

— Вы и это знаете?

— Единственный корабль, который ушел в день карнавала, — объяснила Марина. — Я тоже к нему торопилась. И тоже опоздала.

— Там вас кто-то... ждал? — Вот уж не думал Павлыш, что так расстроится картинкой, подсказанной воображением: Марина бежит к трапу, у которого раскрывает ей объятия могучий капитан... или штурман?

— Он мог бы остаться, — сказала Марина. — Никто бы сго не осудил. Он не хотел меня видеть. Он поднял корабль точно по графику. Наверное, команда была недовольна. Так что я виновата в том, что вы не попали на Корону.

— Боюсь, что вы преувеличиваете. — Павлыш пытался побороть в себе атавистические, недостойные цивилизованного человека чувства.

— Я не кажусь вам роковой женщиной?

— Ни в коем случае.

— И все-таки я преступница.

Павлыш погасил сигарету и задал самый глупый из возможных вопросов:

— Вы его любите?

— Надеюсь, что и он меня тоже любит, — отозвалась Марина, — хотя сейчас я начала сомневаться.

— Бывает, — произнес Павлыш пустым голосом.

— Почему вы расстроились? — спросила Марина. — Вы увидели меня впервые в жизни десять минут назад и уже готовы устроить мне сцену ревности. Нелепо, правда?

— Нелепо.

— Вы смешной человек. Сейчас я сниму парик, и наваждение пропадет.

Но Золушка не успела снять парик.

— Ты что здесь делаешь? — театрально возопил римский патриций в белой трагической маске. — Это просто чудо, что я пошел по лестнице.

— Познакомьтесь, — Павлыш поднялся, — мой старый друг Салиас. Он меня пригрел здесь и даже снабдил карнавальным костюмом.

— Не я, а мои добрые медсестры, — поправил Салиас, протягивая руку. — Я работаю эскулапом.

— Марина, — сказала девушка.

— Мне ваше лицо знакомо.

Марина медленно подняла руку и стянула с головы белый курчавый парик. Прямые короткие черные волосы сразу преобразили ее лицо, но внесли в него гармонию. Марина тряхнула головой.

— Мы с вами виделись, доктор Салиас, — напомнила она. — И вы все знаете.

— Парик вам идет, — проговорил добрый, мягкотелый Салиас.

— Хотите сказать, что меня в нем труднее узнать?

— Тактично ли мне вмешиваться в чужие дела?

— Чудесно! — засмеялась Марина. — Я вас успокою. Мое приключение подходит к концу. Кстати, мы уже давно беседуем с вашим другом, но я о нем почти ничего не знаю. Кроме того, что он смешной человек.

— Смешной? Я скорее сказал бы, что он плохо воспитан, — явно обрадовался перемене темы Салиас.

— Да, хорошо воспитанный гусар не будет выдавать себя за прекрасного принца.

— Он даже не гусар. Он просто доктор Слава Павлыш из Дальнего флота, судовой врач, несостоявшийся гений биологии, банальная личность.

— Я была права, — кивнула Марина.

— Я с вами не спорил, — произнес Павлыш, откровенно любясь Мариной.

Салиас кашлянул.

— Вам надо идти, — сказала Марина.

— А вы?

— Мне пора. Бьет двенадцать.

— Я спрашиваю серьезно, — настаивал Павлыш. — Хотя и понимаю...

— Вы ровным счетом ничего не понимаете, — отрезала Марина. — Я постараюсь прийти к эстраде, где оркестр, только сначала возьму в комнате маску.

Марина подобрала подол длинного белого платья и побежала вниз по лестнице. В другой руке, как живой пушистый зверек, дергался белый парик.

— Я буду ждать! — крикнул ей вслед Павлыш. — Я вас найду даже в другом обличии, даже у плиты в бедной избушке.

Она ничего не ответила.

Салиас потянул Павлыша за рукав.

— Послушай, — сказал Павлыш, когда они пошли наружу, — ты в самом деле с ней знаком?

— Нет, незнаком. Лучше забудь о ней.

— Еще чего не хватало! Она замужем?

— Нет.

— Ты так уверенно говоришь о незнакомом человеке?

— Я старый, мудрый ворон.

— Но почему я должен о ней забыть?

— Так лучше. Пойми, ты встречаешь человека, тебе хочется увидеть его вновь, но обстоятельства складываются таким образом, что больше ты его никогда не увидишь.

— Ты меня недооцениваешь.

— Может быть.

Они вышли в коридор. В него вливалась толпа из зала. Оркестр встречал карнавал неровным ритмом модной песенки.

— Она придет к эстраде! — кивнул Павлыш.

— Может быть, — ответил Салиас.

Людской поток растекался по широкому туннелю. Прожектора с разноцветными стеклами водили лучами над толпой, и оттого создавалась иллюзия летнего вечера и открытого пространства. Трудно было поверить, что дело происходит на Луне, в тридцати метрах под ее мертвой поверхностью.

Минут через десять, ускользнув от щебетавших медсестер, Павлыш прошел к эстраде. Над его головой кругились ножки рояля, и он видел, как ботинок пианиста мерно нажимает на педали, словно управляет старинным автомобилем.

Марину Ким нигде не было. Не может же быть, чтобы она обещала прийти только для того, чтобы отделаться от Павлыши.

Черный монах в низко надвинутом капюшоне подошел к Павлышу.

— Ты не узнал меня, Слава?

— Бауэр! — воскликнул Павлыш. — Конечно! Глеб Бауэр. Ты чего здесь делаешь, старая перечница? И давно ли ты ушел из мира?

— Не злословь, сын мой, — ответил Глеб. — Хоть бога и нет, я остаюсь его представителем на Луне.

— Вы танцуете, монах? — спросила требовательно женщина в чешуйчатом костюме русалки. — Вы не слышали, что объявлен белый танец?

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, — склонил голову Бауэр. — Постарайтесь без нужды не вводить меня в грех.

— Посмотрим, — пообещала русалка.

— Слава, — сказал Бауэр, увлекаемый от эстрады, — не уходи!

— Я подожду, — ответил Павлыш.

Мушкетеры катили бочку с сидром и приглашали желающих пройти к столикам. Голова танцующего Бауэра возвышалась над толпой. Алхимик в халате с наклеенными на него фольговыми звездами вспрыгнул на эстраду и запел. Кто-то зажег рядом бенгальский огонь. Марину все не было.

Павлыш решил ждать до конца. Иногда он бывал очень упрям. Она прилетела сюда, чтобы увидеть капитана «Аристотеля». А тот не захотел ее видеть и даже не позволил комайде задержаться на карнавал. Жестокий человек. Или очень обиженный. Надо спросить Бауэра, который всех знает, как зовут капитана. Салиасу что-то известно, но он уходит от разговора. Ну, ничего, заставим его признаться, когда останемся вдвоем в комнате.

Павлыш решил вернуться к лестнице. Если Марина придет, он ее встретит там. Но, пройдя несколько шагов, Павлыш оглянулся и увидел, что Бауэр вернулся к эстраде и вертит головой, очевидно разыскивая Павлыша. К Бауэру пробился маленький толстяк с черными мышиными глазками, поднявшись на цыпочки, начал настойчиво и серьезно что-то выговаривать ему. Бауэр наконец увидел Павлыша и поднял руку, призывая его к себе. Павлыш еще раз окинул взглядом танцующих. Золушки не было.

— Он врач? — спросил толстяк Спиро, когда Павлыш подошел к ним. — А я думал, что он Галаган. Даже задание ему дал. Ну ладно, я побежал дальше. Вы его сами поставите в известность. Мне нужно срочно разыскать Сидорова.

— Пойдем, Слава, — предложил Бауэр, — я тебе по дороге расскажу.

Над головой гремел оркестр, и ножки рояля чуть вздрагивали. Вокруг танцевали. И все же Павлыш уловил в общем веселье какую-то чуждую нотку. Среди масок появилось несколько человек, одетых буднично, деловитых и спешащих. Они разыскивали в этом скопище людей тех, кто был им нужен, шептали им что-то, пары разделялись, и те, с кем они говорили, быстро покидали круг.

— В Шахте взрыв, — проговорил Бауэр тихо. — Говорят, ничего страшного, но есть обожженные. Объявления не будет. Праздник пускай продолжается.

— Это далеко?

— Ты не видел Шахту?

— Я здесь первый день.

У лифта собралось человек пять-шесть. Павлыш сразу понял, что они обо всем знают. Все сняли маски, и с масками исчез беззаботный дух праздника. Мушкетеры, алхимик, неандертальец в синтетической шкуре, прекрасная фрейлина забыли о том, что они на карнавале, забыли, как одеты. Они были врачами, вакуумщиками, механиками, спасателями. А карнавал остался в прошлом... И музыка, которая волнами докатывалась до лифта, и мерный шум зала были не более как фоном в трезвой действительности...

* * *

Уже под утро Павлыш стоял у носилок, вынесенных из медотсека Шахты, и ждал, пока лунобус развернется так, чтобы удобнее было занести в него пострадавших. Сквозь прозрачную стену купола светила полосатая Земля, и Павлыш разглядел циклон, собирающийся над Тихим океаном. Водитель выскоцил из кабины и отодвинул заднюю стенку лунобуса. За иочь он осунулся.

— Ну и иочка была, — сказал он. — Троих отправляем?

— Троих.

Носилки были накрыты надутыми чехлами из пластика. Дежурные нижнего яруса Шахты, получившие тяжелые ожоги, спали. Их сегодня же эвакуируют на Землю.

Салиас, щеки которого были покрыты рыжей, выросшей за ночь щетиной, помог Павлышу и водителю погрузить носилки в лунобус. Он оставался в Шахте, а Павлыш сопровождал пострадавших в Селенопорт.

Только через час Павлыш окончательно освободился и смог вернуться в большой туннель города. Прожектора были выключены, и потому воздушные шары, гирлянды цветов и потухших фонариков, свисавших с потолка, казались чужими, непонятно как попавшими туда. Пол был усеян конфетти и обрывками серпантина. Кое-где валялись потерянные бумажные кокошники, полумаски и смятая мушкетерская шляпа. Одинокий робот-уборщик в растерянности водил раструбом в углу. Ему еще не приходилось видеть такого беспорядка.

Павлыш подошел к эстраде. Несколько часов назад он стоял здесь и ждал Марину Ким. Вокруг было множество людей, а Бауэр в черной сутане танцевал с зеленою русалкой...

К ножке рояля липкой лентой была прикреплена записка. На ней крупными квадратными буквами было написано: «ГУСАРУ ПАВЛЫШУ».

Павлыш потянул записку за уголок. Сердце вдруг сжалось, что он мог сюда и не прийти. На листке наискось бежали торопливые строчки:

«Простите, что не смогла подойти вовремя. Меня обнаружили. Во всем я виновата сама. Прощайте, не ищите меня. Если не забуду, постараюсь отыскать вас через два года. Марина».

Павлыш перечитал записку. Она была словно из какой-то иной, непонятной жизни. Золушка плачет на лестнице. Золушка оставляет записку, в которой сообщает, что ее настигли, и просит ее не искать. Это вписывалось скорее в какой-то старинный, отягощенный тайнами готический роман. За отказом от встречи должна была скрываться безмолвная мольба о помощи, ибо похитители прекрасной незнакомки следили за каждым ее шагом, поэтому, опасаясь за судьбу своего избранника, несчастная девушка под диктовку одноглазого негодяя писала, обливаясь слезами, на клочке бумаги. А в это время избранник...

Павлыш усмехнулся. Романтические тайны произрастают на благодатной почве карнавала. Чепуха, чепуха...

Вернувшись к Салиасу в комнату, Павлыш принял душ и прилег на диван.

Его разбудил трезвон видеофона. Вскочив, Павлыш взглянул на часы. Восемь двадцать, Салиас так и не возвращался. Павлыш включил видеотелефон. С экрана улыбался Бауэр. В отглаженном мундире штурмана Дальнего флота, свежий, выбритый, деловитый.

— Ты успел поспать, Слава? Я тебя не разбудил?
— Часа три спал.
— Слушай, Павлыш, я говорил с капитаном. Мы идем с грузом к Эпистоле. По судовой роли у нас есть место врача. Можешь полететь с нами. Ну как?

— Когда стартуете?
— Катер уходит на стартовый пункт в десять. Успеешь?
— Да.
— Ну и отлично. Кстати, я уже сообщил диспетчеру, что ты летишь с нами судовым врачом.
— Значит, наш разговор был пустой формальностью?
— Разумеется.
— Спасибо, Глеб.

Павлыш отключил видеотелефон и сел писать записку Салиасу.

Глава 3

Проект-18

Через полгода, возвращаясь на Землю, Павлыш застрял на планетоиде Аскор. Туда должна была прийти «Прага» с оборудованием для экспедиций, работающих в системе. От Аскора «Прага» делала большой прыжок к Земле.

Павлыш сидел на планетоиде третий день. Он всех уже там знал, и его все знали. Он ходил в гости, пил чай, провел беседу об успехах реанимации и сеанс одновременной игры в шахматы, в котором половину партий, к позору Дальнего флота, проиграл. А «Праги» все не было.

Павлыш заметил за собой странную особенность. Если он приезжал куда-то, где должен был провести месяц, то первые двадцать восемь дней пролетали незаметно, два последних растягивались в тосклившую вечность. Если он попадал куда-нибудь на год, то жил нормально одиннадцать с половиной месяцев. Так и с этим путешествием. Почти полгода он не думал о доме — некогда было. А вот последняя неделя оказалась сплошной пыткой. Глазам надоело смотреть на новые чудеса, ушам — внимать песням дальних миров... Домой, домой, домой!

Павлыш коротал время в буфете, читая бессмертный труд Макиавелли «История Флоренции» — это была самая толстая книга в библиотеке. Геолог Ниночка за стойкой лениво мыла бокалы. В буфете дежурили по очереди.

Планетоид качнуло. Мигнули лампы под потолком.

— Кто прилетел? — с робкой надеждой спросил Павлыш.

— Местный, — ответила Ниночка. — Грузовик четвертого класса.

— Швартоваться не умеют, — бросил механик Ахмет, жевавший за вторым столиком сосиски.

Павлыш вздохнул. Глаза Ниночки горели состраданием.

— Слава, — произнесла она, — вы загадочный странник, которого звездный ветер несет от планеты к планете. Я где-то читала о таком. Вы пленник злой судьбы.

— Чудесно сказано. Я пленник, я скиталец и страдалец.

— Тогда не переживайте. Судьба сама за вас все решит.

Судьба показалась в дверях буфета, приняв образ низенького плотного человека с пронзительными черными глазами. Человека звали Спиро, и Павлыш его помнил.

— Так, — сказал Спиро голосом героя, только что вернувшись из соседней Галактики, — чем здесь угощают? Чем претит ваш салун одинокого охотника?

Ниночка поставила на стойку бокал с лимонадом, и Спиро нразвалку подошел к стойке.

— Чего-нибудь основательнее не держите? — спросил он. — Я предпочитаю азотную кислоту.

— Вся вышла, — сообщила Ниночка.

— Только что прилетали космические пираты с Черной Звезды, — вмешался в разговор Павлыш. — Выкрали три бочки рома и взорвали перегонный аппарат. Переходим на сухой паек.

— Что? — встревожился Спиро. — Пираты?

Он замер с бокалом лимонада в руке, но тут же признал Павлыша.

— Слушай! — заявил он. — Я тебя знаю.

В этот момент зашуршало в динамике, и голос диспетчера произнес:

— Павлыш, поднимись ко мне. Доктор Павлыш, ты меня слышишь?

Слова Спиро догоняли Павлыша, толкали в спину:

— Я тебя здесь ждать буду! Никуда ни шагу. Ты мне позарез нужен. Даже не представляешь — как.

Всегда грустный маленький тамил, второй год сидевший здесь диспетчером, сообщил Павлышу, что «Прага» задерживается. Как минимум еще на пять дней.

Павлыш сделал вид, что переживает эту новость, но испугался, что не переживает. Цокая подковами, он спустился в буфет.

Спиро стоял посреди комнаты с пустым бокалом. Его черные глазки метали молнии, словно норовили проколеть пластик буфетной стойки.

— На что это похоже? — допрашивал он Ниночку. — Я им всем поотрываю головы. Сорвать большое дело, подвести товарищей! Нет, это невиданно! Такого еще не было в истории флота. Они попросту забыли, понимаешь, забыли два

контейнера на Земле-14. Учи, не один, а два! В документах они есть, а в трюме их нет. Каково?

— Важный груз? — спросил Павлыш.

— Важный? — Голос Спиро дрогнул.

Павлыш испугался, что он сейчас разрыдастся. Но Спиро не разрыдался. Он смотрел на Павлыша. Павлыш ощущал себя мышью, которая попалась на глаза голодному коту.

— Галаган! — сказал Спиро. — Ты нас спасешь.

— Я не Галаган, а Павлыш!

— Правильно, Павлыш! Мы с тобой взрыв на лунной шахте ликвидировали. Сотни погибших, бушует вулканическое пламя. Я тебя вынес из огня, правда?

— Почти.

— Так вот, ты мне обязан. На Сентипере во втором пакгаузе лежат запасные контейнеры. Я не знал, что они понадобятся, но никому не отдал. Я предчувствовал, чем все кончится. Ты летишь на Сентиперу, тратишь день, чтобы выбить их у Геленки. Сначала она тебе скажет...

— Не смущай человека, — остановила его Ниночка. — Неужели кому-нибудь не ясно, что это не твои контейнеры?

— Мои!

— Чужие, — подтвердил механик Ахмет.

— Они больше чем мои! — возмутился Спиро. — Без них все погибнет, без них остановится работа всей лаборатории. Замрет научная жизнь на целой планете.

— Вот и лети сам за своими контейнерами, — сказала Ниночка.

— А кто отвезет груз на Проект? Ты?

— Ты знаешь, что здесь все заняты.

— Вот именно это я и говорю.

Спиро подошел к столику, за который сел Павлыш, и бросил перед ним большой тугой тюк.

— Это тебе.

Тюк раскрылся, и из него выпало несколько писем и пакетов. Конверты, микрофильмы, видеокассеты медленно расплзались по полированной поверхности и норовили спрыгнуть на пол. Павлыш с буфетчицей кинулись собирать их и запихивать обратно в тюк.

— Всегда он так с почтой обращается, — сказала Ниночка. — Столько шума, а потом бросит все и убежит.

Павлыш укладывал письма. Спиро был забавен. Еще неделю на планетоиде не выдержать. Может, рискнуть и улечьтеть на Сентиперу?

Вот сще одно упало. — Ниночка передала Павлышу узкий конверт с видеолистом. На конверте было написано: «Проект-18. Центральная лаборатория. Марине Ким».

Павлыш три раза медленно перечитал адрес, потом аккуратно положил конверт в тюк.

Значит, так, — решил Спиро, — я сейчас схожу на Сентиперу. Без контейнеров мне лучше не возвращаться. Ты не знаешь Димова! И лучше тебе никогда его не узнать. Шремени у меня двадцать минут. Сейчас я дам тебе список грузов, покажу, где пришвартована моя шхуна, потом ты получишь овощи у садовника, все погрузишь и отвезешь на Проект. Не беспокойся, грузовик на автоматике, мимо не промисет. Ясно? Только не сопротивляйся, потому что все уже решено и ты не имеешь права подвести старого друга.

Спиро угрожал, умолял, убеждал, махал руками, бегал по буфету, обрушивал на Павлыша лавины фраз и восклицательных знаков.

— Да послушайте наконец! — рявкнул Павлыш во всю мощь своего незаурядного голоса. — Я согласен лететь на Проект! Я и без ваших уговоров решил лететь на Проект! В конце концов я, может быть, давно мечтал полететь на Проект!

Спиро замер. Его черные глазки увлажнились. Он поперхнулся, но тут же совладал со своими чувствами и быстро произнес:

— Тогда пошли. Быстро. У нас каждая минута на счету.

— Правильно сделаете, что полетите, — сказала Ниночка. — Я сама бы полетела, только некогда. Там, говорят, такой океан...

* * *

Грузовик вышел к планете Проект-18 с неосвещенной стороны, и минуло несколько минут, прежде чем Солнце, навстречу которому несся грузовик, осветило бесконечный ровный океан. Павлыш погасил перегрузки и перешел на стабильную орбиту. Затем, щелкнув тумблером, вышел на связь со Станцией.

Он знал, что Станция ведет грузовик, и ждал, когда раздастся знакомое шуршание, означающее, что полоса свободна для пилота.

Черные точки возникли на лице океана. Из сетки приемника донесся сухой шум.

— Станция, — позвал Павлыш. — Станция, иду на посадку.

— Что у тебя с голосом, Спиро? — спросили снизу.

— Это не Спиро, — ответил Павлыш. — Спиро ушел на Сентиперу.

— Ясно, — сказала Станция.

— Перехожу на ручное управление, — предупредил Павлыш. — Машина перегружена. Как бы не пролететь мимо.

Справа над пультом на экране медленно поворачивался глобус планеты, и черная точка над глобусом — грузовик — постепенно сближалась с зеленым огоньком Станции.

— И не мечтай, — ответила Станция.

— Не беспокойтесь, — сказал Павлыш. — Я из Дальнего флота. На этих грузовиках налетал больше, чем Спиро.

Группа островов, рассеянных по плоскому лицу океана, прошла внизу. На горизонте в дымке лежала Станция. Грузовик слишком медленно терял высоту, и Павлыш на мгновение отключил автоматику, дал торможение. Его вдавило в кресло.

Павлыш снова щелкнул рубильником на пульте связи.

— Что надевать? — поинтересовался он. — Какая у вас погода?

Он включил видеотелефон. На экране возникло широкое плоское лицо обритого наголо человека. Глаза его были узки, к тому же прищурены, тонкие брови стояли галочкой, и вообще он являл собой образ Чингисхана, только что узнавшего о поражении его любимых тысяч у стен Самарканда.

— Кто таких присыпает? — спросил Чингисхан, очевидно имея в виду Павлыша.

— Я сэкономил полтонны горючего, — скромно ответил Павлыш. — Я привел корабль на час раньше срока. Полагаю, что не заслужил ваших упреков. Так что же вы надеваете, когда выходите на свежий воздух?

— Там Спиро все свое оставил, — сказал Чингисхан.

— Сомневаюсь, что влезу в его костюм.

— Хорошо, через три минуты я буду у вас.

Павлыш отстегнулся, встал с кресла, достал из боковой ниши тюк с почтой, отряхнул пыль с костюма. Двигаться было легко, притяжение на планете не превышало 0,5. Люк в кабину управления отъехал в сторону, вошел Чингисхан в утепленном комбинезоне, с кислородной маской, закрывавшей пол-лица. Вслед за ним в кабину втиснулся высокий поджарый человек с блеклыми глазами под густыми черными бровями.

‘Дравствуйте, — приветствовал их Павлыш. — Я случайно оказался на планетоиде, когда Спиро был вынужден отправиться на Сентиперу. И он попросил ему помочь. Я доктор Павлыш.

— Моя фамилия Димов, — представился худой человек. — Димитр Димов. Я руковожу здешним отделением нашего института. Мы, если позволите, коллеги?

Он указал тонким длинным пальцем пианиста на змею и шишу на груди Павлыша, как раз над планками с названиями кораблей, на которых Павлышу приходилось служить.

— Ванчидорж, — представил Димов Чингисхана. И сразу продолжил: — Вы одевайтесь, одевайтесь. Мы вам очень благодарны. У нас всегда возникают некоторые трудности со Спиро. Он чудесный человек, добрейший, отмечен замечательными деловыми качествами. Его с громадным трудом отпустили к нам с Луны...

Чингисхан, то есть Ванчидорж, хмыкнул, выражая таким образом несогласие со словами своего начальника.

Димов помог Павлышу закрепить кислородную маску.

— Надеюсь, вы у нас задержитесь на несколько дней?

— Спасибо, — ответил Павлыш.

Он включил обогрев в комбинезоне и поправил теплый шлем. Кислород поступал normally. Костюм Димова был узковат, но в общем в нем было удобно. Павлышу хотелось спросил о Марине Ким, но он сдержался. Теперь Золушка никуда от него не денется.

Они вышли на гладкую, будто отшлифованную поверхность острова. В ста метрах за долинкой поднимались степной обрывистые скалы. По другую сторону начинался океан, волны прибоя разбивались о черный берег, взметая столбы белой пыли. Павлыш поправил шлемофон, чтобы усилить шум прибоя, но доносился он глухо, неадекватно мощи волн — звуки гасли в разреженном воздухе. Серое полу-прозрачное облачко закрыло на минуту солнце, и тени, резкие и глубокие, стали мягче.

Ванчидорж ушел вперед, закинув на плечо тюк с почтой. Димов отстал. Он закрывал люк грузовика. Ванчидорж вошел в тень от скалы и растворился в ней. Павлыш последовал за ним и оказался перед медленно отползвшей в сторону металлической дверью, которая скрывала вход в пещеру.

— Заходите, — пригласил Ванчидорж, — застудим камеру.

Павлыш оглянулся. Большая белая птица медленно спускалась к Димову, и Павлыш чуть было не крикнул ему:

«Осторожно!» Димов видел птицу, но не собирался прятаться.

Птица сделала круг над головой Димова, и тот поднял руку, как бы приветствуя ее.

У птицы были громадные крылья и маленькое пушистое тело.

— Вы их подкармливаете? — спросил Павлыш.

— Разумеется.

У Ванчидоржа была неприятная манера саркастически хмыкать. И непонятно было, смеется он или сердится.

Чуть выше первой показалась вторая птица. Она сложила крылья и мягко спланировала, усевшись на скалу рядом с Димовым. Димов протянул руку и потрепал птицу по шее.

— Пойдем, — повторил Ванчидорж.

Внутри Станция была устроена удобно. Залы просторной пещеры были превращены в жилые и рабочие помещения, и Павлыш вспомнил страшные картинки к роману Жюля Верна «Таинственный остров», герои которого любили деловой комфорт. Павлыш подумал, что в его комнате должно быть вырублено в стене окно, в которое будет врываться океанский ветер.

Димов сказал:

— У нас с жильем здесь туго. В прошлом месяце приехала группа физиологов, шесть человек, заняли все свободные помещения. Вам придется пожить в комнате с Ваном. Вы не возражаете?

Павлыш поглядел на Ванчидоржа.

Тот отвернулся к стене.

— Я, разумеется, не возражаю. Но не стесню ли...

— Я редко бываю в комнате, — быстро ответил Ван.

Комната Ванчидоржа была просторна — не чета клетушкам на других станциях. В толще скалы было вырублено высокое узкое окно, сквозь которое врывался солнечный свет.

— Вот ваша кровать, — сказал Ван, указывая на самую настоящую, в меру широкую, удобную кровать, спинкой которой служила изрезанная сложным узором зеленоватая каменная плита.

— А вы? — спросил Павлыш. Второй кровати в комнате не было.

— Принесу. Не успел. Вас никто не ждал.

— Вот я и буду спать на той кровати, которую вы принесете, — решил Павлыш. — Гостеприимство не должно сопровождаться жертвами.

Он огорошил от окна. Вдоль стены комнаты тянулся рабочий стол. На столе лежали пластины розового и светло-зеленого прозрачного камня. Нефрит, догадался Павлыш. На одной из пластин был намечен рисунок — птица с широкими крыльями. Нефрит тепло светился в отраженном солнечном свете. Раковина, похожая на половинку гигантского греческого ореха, бросала на потолок перламутровые радужные блики. Ван раскладывал почту на стопки. Второй стол был придвинут к боковой стене напротив кровати. Над столом было несколько полок. К стопке микрофильмов на второй полке была прислонена фотография Мариной Ким в рамке из нефрита. Рамка была вырезана с большим искусством, взгляд запутывался в сложном узоре. Павлыш сразу узнал Марину, хотя в памяти она осталась в белом завитом парике, который придавал чертам лица нелогичность, подчеркивая несоответствие между разрезом глаз, линией скул и пышными белыми локонами. Настоящие волосы Мариной были прямыми, черными, короткими.

Павлыш обернулся к Вану и увидел, что тот перестал раскладывать почту и наблюдал за ним.

Дверь отворилась, и вошел человек в голубом халате и хирургической голубой шапочке.

- Ван, — сказал он, — неужели почту привезли?
- Как у вас дела? — спросил Ван. — Лучше ему?
- Ласты есть ласты, — ответил человек в голубом халате. — За один день не вылечишь. Так что же с почтой?
- Сейчас иду. Немного осталось.
- А мне что-нибудь есть?
- Подожди немного.
- Отлично, — произнес хирург. — Иного ответа от тебя и не ждал. — Он пригладил короткие усики, провел ладонью по узкой бородке. — Вы грузовиком прилетели? — повернулся он к Павлышу.
- Да. Вместо Спиро.
- Очень приятно, коллега. Надолго к нам? А то подышем вам работу.
- Приятно сознавать, — сказал Павлыш, — что, куда я ни попаду, мне сразу предлагают работу, даже не спрашивая, хороший ли я работник.
- Хороший, — убежденно заявил хирург. — Интуиция нас никогда не обманывает. А я Иерихонский. Мой прадед был священником.
- А почему мне об этом надо знать?

— Я всегда говорю так, представляясь, чтобы избежать лишних шуток. Это церковная фамилия.

Павлыши снова взглянул на фотографию Марины Ким, словно хотел убедиться, не растворилась ли она. Скоро он ее увидит. Может, через несколько минут. Удивится ли она? Вспомнит ли гусара Павлыша? Конечно, можно спросить Вана, но не хочется.

— Все, — подвел черту Ван, — пошли. Вы идете с нами, Павлыши?

Они ступили в обширный зал, освещенный рядом вырубленных в скале окон. Пол зала покрыт голубым пластиком. В дальнем конце стояли длинный стол и два ряда стульев, ближе к двери — стол для пинг-понга с провисшей сеткой. Ван поставил сумку на стол и начал последовательно, словно выполняя ритуал, вынимать стопки почты и раскладывать их в ряд.

— Я позову людей, — предложил Иерихонский.

— Сами придут, — ответил Ван. — Не торопись.

Но Иерихонский его не послушался. Он подошел к стене, отодвинул крышку небольшой ниши и включил звонок, звук которого прерывисто понесся по коридорам и залам Станции.

Над пинг-понговым столом в ряд висели портреты, как портреты предков в фамильном замке. И это было необычно. Павлыш принялся разглядывать их.

Мрачный скуластый человек лет сорока, с настойчивыми светлыми глазами. Иван Грунин. За ним старик, глаза которого затенены густыми кустистыми бровями — Армен Геворкян. Следующий портрет изображал совсем молодого парня с удивительными голубыми глазами и острым подбородком. Драч. Что-то объединяло этих людей и делало близкими, чтимыми на этой Станции. Они сделали что-то важное в том, чем занимаются остальные, может, они были дружны с Димовым или Иерихонским... Сейчас придут люди, которые услышали звон колокольчика. Войдет и Марина. Павлыш отошел подальше от пинг-понгового стола, но не спускал глаз с длинного голубого конверта, который предназначался Марине. Он лежал поверх самой тонкой стопки.

Первыми в зале появились два медика в таких же голубых халатах, как Иерихонский. Павлыши старался не смотреть на дверь и думать о посторонних вещах: например, удобно ли играть в пинг-понг при такой малой силе тяжести? То ли надо утяжелять шарик, то ли привыкать к замедлению?

жинным прыжкам. Движения у людей на Проекте были куда более плавными и широкими, чем на Земле.

Медики сразу бросились к столу, но Ван остановил их:

— Погодите, пока все соберутся. Вы же знаете...

Ван явно был формалистом и поклонником ритуала.

На мгновение Павлышу показалось, что вошла Марина. Цыпушка была черноволосой, стройной, смуглой, но на этом сходство с Мариной кончалось. У нее были мокрые волосы, а блеск сари кос-где прилипал к влажной коже.

— Ты обязательно простудишься, Сандра, — сарливо сказал Иерихонский.

— Здесь тепло, — ответила девушка.

Говорила она медленно, словно вспоминала нужные слова.

Потом глубоко вздохнула, откашлялась и повторила:

— Здесь тепло. — Звонче, чем в первый раз.

Зал наполнился народом. Люди были в рабочей одежде, будто на секунду оторвались от дел и тотчас вернутся к ним. Павлыш крутил головой, ему казалось, что он упустил, потерял Марину, что она уже в зале.

Ван священодействовал. Он подвинул стопку официальной почты Димову, затем принял брать письма и пакеты из самой большой пачки, читать вслух фамилии адресатов. Эта процедура явно была освящена традицией, никто не роптал, кроме Иерихонского, который оказался записным бунтарем.

Люди подходили, брали письма и посылки для себя и для тех, кто не смог прийти, и толпа, окружавшая Вана, постепенно рассасывалась, люди устраивались поудобнее, чтобы прочесть письмо, или спешили уйти, чтобы в одиночестве прослушать пленку. Стопки подошли к концу. Марины Ким в числе адресатов, имена которых называл Ван, не было. Ван взял предпоследнюю пачку, протянул Сандре.

— Для морской станции, — сказал он. — Там есть и тебе посылка.

Потом он положил руку на последнюю, тонкую пачку писем, на голубой конверт Марины Ким.

— С Вершиной никого? — спросил он. И тут же добавил: — Я сам отнесу.

«Конечно, — подумал Павлыш, — ты сделаешь это с удовольствием». Он подумал, что Марина без всяких к тому оснований постепенно превращает его, бравого дальнелетчика, в банаального ревнивца.

— Павлыш, вы меня слышите?

Рядом стоял Димов.

— Мне сейчас надо уйти, а когда я вернусь, то уделю вам время для ответов на вопросы. Догадываюсь, что пока вопросов нет. Но советую вам проводить Сандру. Она идет вниз, на морскую станцию.

— Я с вами, — кинул Иерихонский. Потом он обернулся к своим коллегам и добавил: — Некоторые, вместо того чтобы возвращаться на свое рабочие места, направляются к нашему гостю с корыстными намерениями. Я отвечу за него. Он не с Земли. Он меньше нас знает, что творится дома, он не занимается спортом и не собирает марок. Он человек неинтересный и неосведомленный. Все остальное вы узнаете от него за ужином.

Закончив монолог, он шепнул на ухо Павлышу:

— Для вашего же блага, коллега. Вдалеке от дома люди становятся болтливы.

Когда они шли длинным наклонным туннелем, освещенным редкими светильниками под потолком, он развивал свою мысль:

— Если бы наша работа была напряженной, если бы нас на каждом шагу подстерегала опасность, мы бы и не замечали, как идет время. Но работа у нас монотонная, в лабораториях развлечений мало... Вот мы и тянемся к новым лицам.

— Ты не совсем прав, Эрик, — возразила Сандра, — это у вас наверху все спокойно. У других не так.

Винтовая лестница, по которой они начали спускаться, вилась вокруг вертикального столба, в котором находился лифт. Но они шли пешком.

— Я доморощенный философ, — продолжал между тем Иерихонский. — И должен вам сказать, коллега, что обстоятельства моей работы склоняют к абстрактному мышлению. За внешней будничностью нашей сегодняшней жизни скрывается напор будущих катаклизмов и водоворотов. Но, повторяю, это мы воспринимаем лишь как фон, а к любому, даже самому экзотическому фону быстро привыкаешь. Вот Сандра сказала, что у других здесь жизнь не такая спокойная. Может быть... Когда вас ждет Димов?

— Через полчаса.

— Тогда мы вам покажем аквариум, и сразу обратно. Димова очень интересно слушать, но он не выносит, когда опаздывают.

— Странно, — удивился Павлыш, — здесь говорят о Димове как о самодержце. А он производит впечатление очень мягкого, деликатного человека.

— С нами нельзя не быть самодержцем хотя бы в лайковых перчатках. Я на месте Димова давно бы сбежал от этого скопища интеллектуалов. Нужно иметь невероятную выдержку.

— Эрик опять не прав, — заметила Сандра, которой как будто нравилось во всем оспаривать мнение Иерихонского. — Димов и в самом деле милейший и мягкий человек, но мы понимаем, что последнее слово всегда за ним. Он не имеет права ошибаться, потому что тогда может произойти что-нибудь очень плохое. Здесь нет никакой мирной жизни. Это все выдумки Иерихонского.

Шахта кончилась. Павлыш несколько секунд стоял у стены, стараясь переждать головокружение. Иерихонский заметил это и объяснил:

— Мы стараемся как можно больше двигаться. По работе нам не приходится много передвигаться...

— Кому как, — сказала Сандра, к которой Павлыш уже обернулся, ожидая очередного возражения. — Мне приходится много двигаться, другим тоже.

— Но я же не говорю о вашей группе, — ответил Иерихонский. — Ваша группа — другое дело.

— А Марина Ким? — спросила Сандра.

У Павлыша екнуло сердце. Впервые это имя было произнесено здесь просто и буднично, как имя Димова или Вана. По крайней мере теперь можно быть уверенным, что Марина здесь и ей приходится двигаться. Из этих слов следовало, что Марина не входит в группу, к которой принадлежит Сандра. Но она на Станции, близко, может, именно сейчас Ван передает ей письмо с Земли.

— При чем тут Марина? — удивился Иерихонский. И обратился за поддержкой к Павлышу, видимо, считая его куда более информированным, чем было на самом деле. — Разве можно сравнивать?

Павлыш пожал плечами. Он не знал, можно ли сравнивать Иерихонского и Марину Ким. Хотя это также подтверждало его подозрение, что Иерихонский живет спокойной жизнью, а вот Марина нет. Иерихонский бегает по лестницам, чтобы не потерять форму, а Марине это не грозит.

— Он же не знает Марину, — напомнила Сандра.

— Ах да, я совсем забыл.

— Я ее как-то встречал, — сказал Павлыш. — Давно еще, на Луне, полгода назад.

— Не может быть! — воскликнул Иерихонский. — Вы ошиблись!

— Да? А ты забыл, что творилось в институте? — спросила Сандра. — У тебя дырявая голова.

Иерихонский не стал возражать.

Они вошли в обширное помещение, придавленное низким потолком, укрепленным кое-где столбами. Дальняя стена зала была прозрачной. За ней зеленела толща воды.

— А вот и наш аквариум, — произнес Иерихонский.

— Я вас оставлю, — сказала Сандра. — Мне надо передать письма, а потом на работу.

— Счастливо, — ответил Иерихонский, и голос его дрогнул. — Не переутомляйся.

Павлыш подошел к прозрачной стенке. Мелкая рыбешка стайкой промелькнула совсем рядом, лучи солнца пробивались сквозь воду и растворялись где-то вверху, создавая впечатление громадного, заполненного туманом зала, под потолком которого, невидимые, светят люстры. Покачивались длинные руки водорослей. Дно океана покато уходило вглубь, но а там, смутно различимые, поднимались зубцы черных скал. Громадная акула появилась из темной глубины и медленно, величественно подплыла к стеклу. За ней последовала вторая, чуть меньше размером.

Откуда-то сбоку, из невидимого Павлышу люка выплыла Сандра. Она была в легком резиновом костюме, ластах и больших очках. Она не видела акул, и Павлыш испугался за нее. Женщина поплыла прямо к акуле.

— Сандра! — крикнул Павлыш, бросаясь к стеклу.

Акула поменьше грациозно повернула к Сандре. В грациозности ее движения чувствовалась страшная первобытная сила.

— Сандра!

— Успокойся, — сказал Иерихонский. Павлыш даже забыл о нем. — Мне тоже иногда бывает страшно.

Акула и Сандра плыли бок о бок. Сандра что-то говорила акуле. Павлыш мог бы поклясться, что видел, как открывается ее рот. Затем Сандра поднялась чуть выше, легла акуле на спину, держась за острый плавник, и акула мгновенно скользнула в глубину. Вторая последовала за ней.

Павлыш поймал себя на том, что стоит в неудобной позе, почти прижавшись лбом к стеклу. Он провел ладонью по виску, ему показалось, что растрепались волосы. Волосы были в порядке. В конце концов этому было правдоподобное объяснение: здесь дрессировали морских животных.

Павлыш не знал, сколько прошло времени. Потом он обернулся, чтобы спросить Иерихонского, что же все это значит. Но Иерихонского не было.

Павлыш вспомнил, что не договорился, где встретится с Димовым.

Он поднялся наверх на лифте, без труда нашел большой зал с портретами. Но там никого не было. Тогда он вернулся в свою комнату, полагая, что Димову легче будет отыскать его там.

Комната тоже была пуста. Павлыш подошел к портрету Марине. Марина смотрела мимо Павлыша, словно увидела что-то очень интересное у него за спиной. Уголки полных губ были приподняты: это еще была не улыбка, но начало улыбки. Прошло уже больше сорока минут. Димов не появлялся. Павлыш подошел к окну. За окном гулял ветер. Барашки тянулись до самого горизонта. В комнате было очень тихо — стекло не пропускало звука. Тихо было и в коридоре. И тут послышалось легкое стрекотание, как будто рядом проснулся деловитый сверчок. Павлыш огляделся. На дальнем конце длинного рабочего стола Вана стояла пишущая машинка. Она работала. Край листа показался над кареткой и выскоцил на несколько сантиметров, показав напечатанную строчку. Машинка щелкнула, и отрезанная записка выскоцила в приемник. Павлыш почему-то решил, что записка может предназначаться ему. Димов его разыскивает и таким способом назначает ему randevu. Он подошел к машинке и подобрал листок.

«Ван, — было напечатано на листке, — как зовут привлекшего человека? Если Павлыш, не говори ему обо мне. Марина».

Павлыш стоял, держа в руке записку. Марина не хочет его видеть. Она обижена на него? Но за что? А как ему следует вести себя дальше? Он-то знает, что Марина здесь...

— А, вот вы где, — произнес Димов. — Правильно сделали, что вернулись сюда. Я вас сразу нашел. Ну как, были внизу?

— Был, — ответил Павлыш. Надо было положить записку на место. Он сделал шаг к машинке.

— Что-нибудь случилось? — спросил Димов. — Вы расстроены?

Павлыш протянул уже руку с запиской к машинке, но вернулся. Есть ли смысл таиться? Он передал записку Димову.

— Ага, это их частная переписка. — Димов показал на машинку. — А вы случайно взяли записку, потому что машина заработала, а вы решили, что это я вас разыскиваю, правда?

Павлыш кивнул.

— А прочтя, естественно, расстроились. Ибо каждому из нас неприятно, если его не хотят видеть, даже если к этому есть достаточные основания.

Димов перехватил взгляд Павлыша, брошенный на фотографию в нефритовой рамке.

— Вы с ней были знакомы?

— Да.

— Когда вы познакомились? Поверьте, мною движет не пустое любопытство. И если в этом нет секрета, я хотел бы знать, как и когда это было. Дело в том, что Марина — моя подчиненная...

— Никакой тайны тут нет, — объяснил Павлыш. — Полгода назад я был на Луне, в Селенопорте. Там как раз состоялся карнавал. И совершенно случайно во время этого карнавала я познакомился с Мариной.

— Ну, теперь все ясно.

— Знакомство было кратким и странным. Она исчезла...

— Не надо, я все знаю. Все знаю.

Павлыш удивился собственному тону. Он словно оправдывался перед Димовым.

— И вы знали, что она будет здесь?

— Она попросила меня ее не разыскивать.

Павлышу показалось, что он уловил насмешку в глазах Димова.

— А как вы узнали, что она на Проекте?

— Я бы все равно прилетел сюда. Спиро попросил меня перегнать грузовик, а у меня было свободное время. Когда он со мной разговаривал, из тюка с почтой выпало несколько писем. На одном конверте я увидел имя Марины Ким. И мне стало интересно... Очевидно, я должен был с самого начала спросить вас о ней, но я подумал, что она придет за почтой и тогда я ее увижу. К тому же я не считал себя вправе. Ведь я с ней почти не знаком.

— Я видел ее сегодня, — произнес Димов, кладя записку в приемник машинки. — Разговаривал. Но меня она не предупреждала.

— Она вправе не видеть меня.

— Разумеется, коллега. К тому же вы все равно не смогли бы ее сегодня увидеть, она улетела к себе.

— Это далеко?

— Но очень... Значит, она не хочет вас видеть... Да, к тому должны быть веские причины. И мы не имеем права нарушать волю женщины, чем бы это ни было вызвано. Даже если это каприз, правда?

— Я согласен с вами.

— Вот и отлично. Давайте поговорим о Станции. Вам как биологу будет интересно с ней ознакомиться. У вас наверняка уже возникли первые вопросы.

Димов явно не хотел продолжать разговор о Марине.

— Ну что ж, раз Марина — тема запретная...

— Вы слишком категоричны, коллега.

— Я не настаиваю. Тогда я спрошу вас о Сандре. Я там не все понял. Сандра уплыла с акулами, А Иерихонский исчез.

— Ничего удивительного. Иерихонский страшно переживает за Сандру.

— Выдрессируете местных животных?

— Вы что конкретно имеете в виду?

— Там были акулы. Сандра уплыла на одной из акул.

— Садитесь, — предложил Димов и сам уселся в кресло.

Павлыш последовал его примеру. За что Марина обижена на него? Чем он заслужил такую немилость?

— Начнем с начала. Так всегда лучше, — решил Димов. — Вы курите. Я сам не курю, но люблю, когда курят в моем присутствии. Вам знакомы работы Геворкяна?

Павлыш сразу вспомнил о портрете в большом зале... Кустистые брови над темными глубокими глазницами.

— Только в общих чертах. Я все время на кораблях...

— Ясно. Я тоже не успеваю следить за событиями в смежных науках. Ну, а о биоформировании вы слышали?

— Разумеется, — слишком быстро отозвался Павлыш.

— Ясно, — сказал Димов, — в самых общих чертах. И не надо оправдываться. Например, вы сами в чем специализируетесь? Я задаю этот вопрос, почти наверняка зная, что ответ будет положительным. Иначе вы были бы убежденным бездельником, вечным пассажиром, который иногда врачует царапины и умеет включать диагностику.

— В прошлом году я стажировался у Сингха по реанимации, — ответил Павлыш. — А сейчас большой отпуск провел на Короне. Они интересно работают. За этим большое будущее.

— Синг, кажется, в Бомбее?

— В Калькутте.

— Вот видите, мир не так уже велик. Когда-то у него работала Сандра.

— Наверное, после меня.

— А о Короне у меня самое слабое представление. И не потому, что мне это неинтересно. Руки не доходят. Так что не обессудьте, если я буду рассказывать вам о наших делах несколько подробнее, чем вам покажется необходимым. Коли вы что-нибудь из моего рассказа уже знаете, то терпите. Я не выношу, когда меня перебивают.

И Димов смущенно улыбнулся, как бы прося прощения за свой невыносимый характер.

— Когда, — продолжал он, — создавался наш институт, какой-то шутник предложил назвать нашу науку ихтиандрией. А может, и не шутник. Был когда-то такой литературный персонаж — Ихтиандр, человек-рыба, снабженный жабрами. Не читали?

— Читал.

— Конечно, ихтиандрия осталась шуткой. Ученым нужны более научные слова. Это наша слабость. Нас назвали институтом биоформирования... Новые науки создаются обычно на гребне волны. Сначала накапливаются какие-то факты, опыты, идеи, и, когда их количество превышает допустимый уровень, на свет является новая наука. Она дремлет в недрах соседних или даже далеких от нее наук, ее идеи витают в воздухе, о ней пишут журналисты, но у нее нет названия. Она удел отдельных энтузиастов и чудаков. То же случилось и с биоформированием. Первыми биоформами были оборотни. Сказочные оборотни, рожденные первобытной фантазией, видевшей в животных своих близких родственников. Человек еще не вычленил себя из природы. Он видел силу в тигре, хитрость в лисе, коварство или мудрость в змее. Он своим воображением переселял в животных людские души и в сказках наделял зверей человеческими чертами. Вершиной этого рода фантазии стали волшебники, колдуны, злые оборотни. Вы слушаете меня?

Павлин кивнул. Он помнил обещание не перебивать.

— Людям хочется летать, и мы летаем во сне. Людям хочется плавать, как рыбы... Человечество, движимое завистью, стало заимствовать у животных их хитрости. Появился аэроплан, который был похож на птицу, появилась подводная лодка — акула.

— Зависть, пожалуй, не играла роли в этих изобретениях.

— Не перебивайте меня, Павлин. Вы же обещали. Я хочу лишь показать, что человечество шло по неправильному пути. Наших предков можно оправдывать тем, что у них не хватало знаний и возможностей, чтобы избрать путь правиль-

ний. Человек копировал отдельные виды деятельности животных, подражал их форме, но самого себя всегда оставлял в исприкосновенности. В определенной степени с развитием науки человек стал слишком рационален. Он отступил на шаг по сравнению со своими первобытными пращурами. Вы меня понимаете?

— Да. — Интересно, эти лекции предназначены только для приезжих или сотрудники Станции тоже проходят через это испытание? И Марина? Какие у нее глаза? Говорят, что уже через несколько лет после смерти Марии Стюарт никто не помнил, какого цвета у нее глаза.

— Но такое положение не могло длиться до бесконечности! — почти крикнул Димов. Он преобразился. Худоба в нем от фанатизма. Это мягкий, деликатный фанатик, подумал Павлыш. — Медицина достигла определенных успехов. Начались пересадка органов, создание органов искусственных. Все большее значение в нашей жизни стали играть генетика, генное конструирование, направленные мутации. Людей научились чинить, реставрировать, даже достраивать...

Нет, он не фанатик, поправил себя мысленно Павлыш. Он природный педагог, а его обстоятельства поставили в окружение людей, которые все знают и без тебя и не будут слушать твоих лекций, даже при всем уважении к начальнику Станции. Марина в опасные моменты попросту выскользывает из комнаты и бежит к себе на Вершину. Надо будет пройти по Станции и посмотреть, есть ли лестница или лифт наверх. Случайно подняться, случайно зайти к ней в лабораторию... Постой, а что, если она тоже работает с животными? Сандра с акулами, а Марина... Марина с птицами!

Задумавшись, Павлыш пропустил несколько фраз.

— ...Геворкяну судьба предназначила роль собирателя. Он свел воедино все те примеры, о которых я только что рассказывал. Он сформулировал задачи, направление и цели биоформирования. Естественно, что его не приняли всерьез. Одно дело — небольшие частные изменения человеческого тела, другое — коренная его переделка. Но если ученым в прошлом веке приходилось доказывать свою правоту десятилетиями и обогнавший свое время гений получал признание где-то к восьмидесятому году жизни, то Геворкян имел в своем распоряжении океанскую базу Наири, где уже работало двенадцать подводников, снабженных жабрами.

— Сандра — подводник? — догадался Павлыш.

— Разумеется, — сказал Димов, даже удивившись неосвещенности Павлыша. — Разве вы не заметили, что у нее специфический голос?

— Заметил, но не придал значения.

— Сандра перешла к нам недавно. Она когда-то работала на Наири. Но вы опять меня перебиваете, Павлыш. Я рассказывал вам о Геворкяне. Получается парадокс. Люди-рыбы нам нужны. Подводников мы снабжаем жабрами, и им находится множество дел в океане. Журналисты уже легко мысленно пишут о расах морских людей, а мы, ученые, понимаем, что говорить об этом рано, так как двойная система дыхания настолько усложняет организм, что балансируивание его затрудняется. Геворкян с самого начала выступал против того, чтобы жабры подводников оставались навсегда частью их организма. Нет, говорил он, пусть новое тело будет лишь оболочкой, которую сочтет нужным принять разум. Оболочкой, которую при нужде можно скинуть и вернуться к нормальной жизни. Теперь вы ощущаете разницу между ныряльщиками и биоформами?

Павлыш промолчал. Димов и не ждал ответа. Он продолжал:

— Биоформ — это человек, телесная структура которого изменена таким образом, чтобы он мог лучше выполнять работу в условиях, в которых нормальный человек работать не в состоянии.

Павлыш впервые услышал эту фамилию — Геворкян — лет пятнадцать назад, в студенческие времена. Потом споры и страсти стихли. А может, Павлыш занялся другими делами...

— Споры концентрировались вокруг проблемы номер один, — говорил Димов. — Зачем менять структуру человеческого тела, что дорого и опасно, если можно придумать машину, которая выполнит все эти функции? «Вы хотите создать Икара? — спрашивали нас наши оппоненты. — Икара с настоящими крыльями? А мы обгоним его на флаере. Вы хотите создать человека-краба, который мог бы спуститься в Тускарору? Мы спустим туда батискаф». Но...

Тут Димов сделал паузу. И Павлыш испортил весь эффект, продолжив фразу:

— Космос — это не продолжение земного океана!

Димов откашлялся, замолчал, словно переживая обиду, как актер, которому какой-то нахал подсказал из зала: «Быть или не быть!» А ведь он, актер, готовил, репетировал эту фразу несколько месяцев.

— Извините, — понял непростительность своей реплики Павлыш, — я вдруг вспомнил обрывки дискуссий тех времен.

— Тем лучше, — уже справился с собой Димов. — Значит, вы сказали, что космос — это не земной океан. И тогда нам нетрудно догадаться, где Геворкян получил поддержку.

— В Космическом управлении.

— В Дальней разведке. Вы не представляете, сколько мы получили заявок после того, как Геворкян напечатал свой основной доклад! К Геворкяну поспешили хирурги и биологи с разных, порой неожиданных сторон. Однако это были трудные годы. Всем хотелось немедленных результатов, а добровольцев мы пока не брали. Но возникла глубоководная собака. Вернее, краб-собака. Потом еще три года опытов, пока мы смогли сказать со всей уверенностью, что гарантируем биоформу-человеку возвращение его прежнего облика. И восемь лет назад начались опыты с людьми.

— А кто был первым биоформом?

— Их было два. Селвин и Скавронский. Они были глубоководными биоформами. Работали на глубине шести километров. Они не могли бы убедить скептиков, если бы не случай. Вы не помните, как спасли батискаф в Филиппинской впадине? Нет?

— Когда это было?

— Значит, не помните. А для биоформии это эпоха. Батискаф потерял управление. Он попал в трещину и был засыпан подводной лавиной. Связь прервалась. В общем, произошел тот случай, когда любая техника отступает. А наши ребята пошли к нему. У меня где-то хранятся снимки и вырезки тех лет. Если интересно, я вам потом покажу...

Все возят с собой, подумал Павлыш. И говорит о тех событиях, как о древней истории. А прошло всего шесть-семь лет.

— В то время в институте уже готовились несколько добровольцев. Понимаете, даже для сегодняшних возможностей процесс биоформирования чрезвычайно сложен. Допустим, работал у нас Грунин. Доброволец, штурман Дальнего флота. Ему предстояло трудиться на планете с давлением вдвадцати против нашего, где радиация в сто раз выше допустимой нормы, а температура на поверхности плюс триста. К тому же добавляются пыльные бури и непрестанные извержения вулканов. Конечно, можно послать на такую планету робота, которому по плечу такие условия, или даже вездеход, настолько сложный, что человек в нем будет как муха в кибернетическом мозге. И

все-таки возможности робота и человека в вездеходе будут ограничены. Грунин считал, что сможет сам пройти ту планету. Собственными пальцами пощупать, собственными глазами поглядеть. Он исследователь, ученый. Значит, мы выясняем, каким условиям должно отвечать новое тело Грунина, какие нагрузки должно оно выдерживать. Мы вычисляем программу такого тела, ищем аналоги в биологических моделях, высчитываем экстремальные допуски. И на основе этих расчетов мы начинаем конструировать Грунина. Мы все это сделали...

Димов замолчал.

— Грунин погиб? — спросил Павлыш.

— Всего предугадать нельзя. И менее всего в этом следует винить Геворкяна. Создавая биоформа на основе конкретного человека, мы должны помнить, что в новом теле остается мозг именно этого человека. Любой биоформ — человек. Не менее, но и не более... Потом был Драч, и Драч тоже погиб.

Павлыш вспомнил портрет Драча в зале Станции. Грунина вспомнить не смог, а Драча вспомнил, потому, что тот был очень молод и доверчив.

— Он вернулся, — продолжал после паузы Димов. — Ему предстояла ретрансформация, возвращение в человеческий облик. Все должно было кончиться благополучно. Но на Камчатке, как назло, началось извержение вулкана, и надо было взорвать пробку в жерле, а для этого спуститься в кратер, проникнуть в жерло и взорвать, вы понимаете? Они попросили наш институт помочь. Геворкян отказался наотрез. Но Драч случайно услышал этот разговор. Он пошел, все сделал, а вернуться не успел.

— Не хотел бы я быть биоформом, — сказал Павлыш. — По-моему, это бесчеловечно.

— Почему?

— Трудно ответить. В этом есть что-то неправильное. Человек-каракатища...

— А где предел ваших допусков, коллега? Скажите, в скафандре выходить в космос бесчеловечно?

— Это одежда, которую можно сбросить.

— Черепаховая шкура не отличается принципиально от скафандра. Только панцирь черепахи дольше снимать. Сегодня вы возмущаетесь биоформами, завтра восстанете против пересадок сердца или печени, послезавтра потребуете запретить abortion и пломбирование зубов? Все это вмешательство в дела высокого Провидения.

В дверь заглянул Иерихонский, и это было кстати, потому что Димов не убедил Павлыша, но аргументов тот найти не смог и не хотел выглядеть ретроградом.

— Вот вы где спрятались! — воскликнул Иерихонский. — А я Павлыша разыскиваю. Мы собирались пойти на катере к Косой горе. Сандра со Стасиком покажут нам Синий грот. Они туда поплыли, завтра утром там будут. Вы отпустите с нами Павлыша?

— Я над ним не властен. Пускай он познакомится со Стасом Фере. Мы тут как раз вели беседу о биоформии. Почти мирную.

— Представляю, как вы его заговорили, — сказал Иерихонский. — Павлыш уже виделся со Стасом.

— Когда? — удивился Павлыш.

— Внизу, когда мы ходили в аквариум с Сандрой.

— Нет, я там не видел Фере.

— Сандра с ним уплыла, — напомнил Иерихонский. — С ним и с Познаньским.

— Акулы? — спросил Павлыш.

— Да, они похожи на акул.

— Так это биоформы?

— Фере уже проработал несколько месяцев в болотах Сиены. Тогда он был сделан для работы в топях Сиены. Там жуткий мир, — добавил Димов.

— Стас говорил мне, — сказал Иерихонский, — что здесь он чувствует себя как на курорте. Ни опасностей, ни соперников. Он сильнее и быстрее всех в этом океане.

— Это же полная перестройка всего организма!

— Сейчас в мире существуют два Фере. Один здесь, в океане, другой на Земле, закодированный клетка за клеткой, молекула за молекулой в памяти Центра.

— Хорошо, — Димов поднялся с кресла, — поговорили, и хватит. А то сюда постепенно соберется вся Станция. Нам бы только не работать. Надеюсь, теперь в самых общих чертах вы имеете представление о том, чем мы занимаемся. А когда уляжется первая реакция, может, поймете больше...

Глава 4

Землетрясение

Катер отвалил от стенки подземного грота, лучи светильников скользнули, отражаясь от выпуклых иллюминаторов. Тут же катер пошел в глубину, и за иллюминаторами стало черно. Ван сидел у рулей, и отсвет приборов зловеще играл на его лице. Катер поднырнул под скалу, закрывавшую выход из грота, некоторое время шел на глубине, затем начал подниматься, и за иллюминаторами вода приобрела синий, а потом зеленоватый, бутылочный цвет.

Катер вырвался на поверхность, стряхнул с себя воду и помчался, срезая верхушки волн. Волны громко и хлестко стучали по днищу, будто бойкий кузнец бил по нему молотом.

Молодой, крепкий, толстый зоолог Пфлюг пересчитывал банки в походном чемоданчике.

— Вы не представляете, — сказал он Павлышу, — сколько там живности. Если бы Димов разрешил, я бы поселился у Косой горы.

— И питался бы моллюсками, — добавил Иерихонский.

— На том острове жить опасно, — произнес Ван. — Это сейсмичный район. Рай для геологов — там рождается континент.

— Для меня тоже рай, — сказал Пфлюг. — Мы здесь присутствуем в сказочный момент: образуются участки суши, и животный мир только-только начинает ее осваивать.

Справа над горизонтом показался черный столб.

— Подводный вулкан, — объяснил Ван. — Там тоже будет остров.

— А почему выбрали эту планету? — спросил Павлыш.

— Она лучше многих других, — ответил Иерихонский. — Условия здесь, скажем, не экстремальные, хотя человеку исследовать ее нелегко. Атмосфера разреженная, темпера-

туры низкие, большая часть поверхности покрыта перво-бытным океаном. Все здесь еще молодо, не устояло. В общем, удобный полигон. Здесь мы испытываем новые методы, ищем новые формы, по возможности универсальные. Здесь проходят тренировку биоформы, которым предстоит работать в трудных точках. Поживете с нами, поймете, как мы довольны, что нам предоставили эту лужу...

А лужа тем временем катила навстречу пологие зеленые волны, и ее безбрежность подавляла воображение. Сознание того, что, сколько ни плыви, не встретишь ничего, кроме островков и скал, торчащих из воды, что нет здесь материиков и даже крупных островов, придавало океану завершенность. На Земле океаны. Здесь Океан.

Солнце клонилось к закату, закат был мирным, смягченным слоями перистых облаков, кисеей прикрывавших солнце. Лишь далеко в стороне толпились черные тучи, еле поднимавшиеся над горизонтом. Вернее всего, там был ад, там трудились вулканы.

Остров Косая гора появился через три часа. От Станции до него было около пятисот километров. Остров представлял собой кривую гору, которая, казалось, долго и натужно вылезала из океана и ей удалось приподнять над водой одно плечо. Второе осталось под водой. Оттого голова горы была склонена набок, и от нее начинался полукилометровый обрыв в глубину. Зато другой край острова был покат и обрамлен широким пляжем, усеянным камнями и небольшими скалами.

Ван разогнал катер и поднял его в воздух. Тот перепрыгнул через широкую полосу бурунов, кружившихся вокруг рифов, и шлепнулся на мелководье.

Там, где кончалась полоса пляжа и начинался подъем на гору, стоял небольшой серебряный купол.

— Это наша избушка, — показал Иерихонский.

Они надели маски. Дул сильный ветер и нес мелкие колючие снежинки. Вода у берега была покрыта тонкой коркой льда.

— Утром лед будет в руку толщиной, — сказал Ван. — Правда, соленость здесь невысока.

— Теперь ужинать и спать, — заявил Пфлюг.

Он первым спрыгнул на песок с нависшего над берегом остного носа катера, потом протянул руки, и Ван, нагнувшись, передал ему ящик с банками. Щеки резало холодным ветром. Все, кроме Павлыша, опустили прозрачные забрала. У ветра была сила и свежесть молодого мира.

— Обморозитесь с непривычки, — предупредил Иерихонский. Его голос звучал в шлемофоне глухо, будто издалека.

Ван открыл дверь убежища. Внутри купол поддерживали массивные металлические ребра. Домик был рассчитан на любые неожиданности.

— В худшем случае, — объяснил Ван, — его сбросит с берега и выкинет в море. А там мы его подберем.

Иерихонский включил отопление. В домике сразу стало тепло.

Перегородкой убежище было разделено на две части. В передней, общей, стояли рабочие столы, машины, контрольная аппаратура. За перегородкой были склад и спальня.

— Сейчас приготовим ужин, — сказал Пфлюг. — Грешен, обожаю консервы. Всю бы жизнь прожил всухомятку, но жена не разрешает.

— Кто ел моей ложкой, кто спал на моей постельке? — строго спросил Иерихонский, подходя к столу. — Кто был в гостях?

— Ты знаешь, — ответил Ван, — зачем спрашиваешь?

— Но я же просил не трогать мою машинку!

Иерихонский показал на портативный диагност, стоявший в углу. Из диагноста тянулась лента. Груда лент валялась на полу.

— Ох уж эти любители самолечения! — вздохнул Иерихонский.

— Мне дозволено погулять по окрестностям? — спросил Павлыш. — Я все знаю, я не буду далеко отходить от дома, не буду купаться в море и сражаться с драконами. Я только погляжу на закат и вернусь.

— Идите, — разрешил Ван. — Только не занимайтесь самостоятельными исследованиями. Тем более что тут драконов раньше не было.

Павлыш шагнул в переходник.

Солнце прижалось к склону горы, закрывавшей половину неба. Снег усилился, и пришлось опустить забрало. Снежинки с размаху лупили по шлему, отчего мир стал туманным, будто Павлыш пробивался сквозь тучу белых мушек. Он повернулся к ветру плечом и спустился к воде. Лагуна, защищенная грядой рифов, была спокойна, волны медленно наползали на берег, хрустели ледком закраин и уползали назад, оставляя водоросли, мелкие ракушки и кусочки пены. За галечным пляжем торчали черные зубы камней, каменистая осыпь тоже казалась черной оттого, что солнце било в глаза, выше по склону поднимались из черноты

систые струйки пара, и ритмично ухал маленький грязевой кратер, выплевывая сгустки дымящейся грязи. Она стекала к берегу волнистыми, как табачный дым, ручейками, застывая у воды. Если на этом острове и есть какие-нибудь существа, они должны быть закованы в броню и приспособлены к тому, чтобы поглощать минеральные соли горячих источников. Или они спускаются к воде и собирают на берегу скучные отбросы моря.

Павыш пошел вдоль берега. Ветер бил в спину, подталкивал. Купол домика быстро уменьшался и стал почти не различимым среди скал и камней. Павыш шел с той же скоростью, с которой скатывалось к склону горы солнце. Он собирался дойти до косы и поглядеть, как светило уйдет за горизонт.

Облака исчезли, словно поспешили за солнцем туда, где тепло и светло. Лед у берега уже не поддавался ослабевшим ударам волн, не ломался и не скапливался длинной грядой осколков вдоль кромки воды, а будто маслом прикрыл лагуну, и лишь кое-где в матовом масле проглядывали открытые пятна цвета закатного неба. Павыш решил, что пора возвращаться.

Со склона горы сорвался камень и, подпрыгивая, пронесся рядом, влетел в воду, поднял столб воды и крошечек ледяного масла. Павыш взглянул вверх по склону: не мчится ли оттуда лавина? Нет, камень сорвался потому, что с горы медленно спускался местный хозяин. Видно, решил полакомиться ракушками на берегу.

Хозяин был страшноват, но на Павыша он не обращал внимания.

Павыш не мог разглядеть его как следует, потому что тот передвигался по теневому склону. Больше всего он был похож на высокую черепаху с метр ростом. Ног ее не было видно.

Тут Павыш сообразил, что черепаха движется не просто к берегу, а к убежищу, отрезая Павышу дорогу домой. Он остановился в нерешительности. Может, это было случайным совпадением и черепаха его не видела, а может, делала вид, что не замечает Павыша.

Черепаха добралась до двухметрового обрывчика, и тут же из-под панциря змеями вылетели блестящие щупальца, обхватили неровности камней, и черепаха легко спрыгнула, повисла на секунду, покачиваясь на щупальцах, и мягко опустилась на площадку у грязевого кратера. Павыш по-

нял, что у черепахи несколько ног — толстых, крепких, гибких.

Черепаха оказалась обманщицей. Она была совсем не неуклюжей и не медлительной. Она лишь притворялась такой. Павлыш осторожно, чтобы не привлечь внимания этой твари, пошел вдоль кромки воды, надеясь, что черепаха не успеет перерезать ему путь. Черепаха, словно разгадав намерения человека, быстро покатилась вниз по склону, помогая себе щупальцами и конечностями, и тогда Павлыш, охваченный иррациональным ужасом перед первобытной жестокой силой, исходившей от чудовища, бросился бежать. Ноги разъезжались по гальке, снег полосовал забрало.

Он бежал по кромке берега, под ногами хрустел лед, ему показалось, что в черном иллюминаторе убежища мелькнуло чье-то лицо... Если его увидели, то успеют отворить дверь.

Люк был открыт. Павлыш захлопнул его за собой и прислонился к нему спиной, стараясь перевести дух. Теперь оставалось лишь нажать на кнопку, впустить в переходник воздух, открыть внутренний люк, рассказать обо всем и услышать ровный голос Вана: «Я же предупреждал об осторожности».

Но Павлыш не успел протянуть руку к кнопке воздуходува, как почувствовал, что люк за спиной медленно открывается.

Самым разумным в этот момент было снова закрыть люк. Потянуть за рычаг и закрыть. Но Павлыш потерял присутствие духа. Он увидел, что за край люка держится черное блестящее щупальце. И он кинулся вперед, чтобы открыть внутренний люк и спрятаться в убежище. Он знал, что внутренний люк не откроется, пока переходник не наполнится воздухом, но надеялся на то, что внутри уже знают о происходящем и потому отключат автоматику.

Люк не поддался. В переходнике стало темнее. Черепаха заполнила собой внешний проем. Павлыш обернулся, прижался спиной к внутреннему люку и поднял руки перед грудью, хотя понимал, что щупальца черепахи куда сильнее его рук. Дело решали секунды. Поняли ли наконец там, внутри, в чем дело?

В переходнике вспыхнул свет. Павлыш увидел, что черепаха вцепилась щупальцем в рычаг внешнего люка, запирает его. Другое щупальце концом лежало на выключателе. Оказывается, свет включила черепаха.

— Я за вами от самого гейзера гналась, — произнесла черепаха. — Вы что, не видели? Или, может, испугались?

Воздух с шуршанием заполнял переходник. Голос черепахи исходил из-под полушария на ее панцире.

— А на улице я кричать не могу, — пояснила черепаха, — у меня говорилка маломощная. Вы здесь новенький?

Внутренний люк пошел в сторону. Павлыш не удержал равновесия, и черепаха поддержала его щупальцем.

— Ну и гнали же вы, — сказал Ван, не скрывая злорадства, — ну и мчались. Местные формы жизни устрашающие действуют на отважный Дальний флот.

— Не бежал, а планомерно отступал, — поправил его Нифлюг. Он был в фартуке. Над кастролями поднимался аппетитный дымок. На столе были расставлены тарелки. — Ты будешь ужинать с нами, Нильс?

Биоформ-черепаха ответила глухим механическим голосом:

— Не издевайся, Ганс. Ты что, не догадываешься, как мне иногда хочется нажраться? Или хотя бы сесть по-человечески за стол. Удивительное дело: организму это не требуется, а мозг все помнит, даже вкус черешни или березового сока. Ты когда-нибудь пил березовый сок?

— Разве в Норвегии есть березы? — удивился Иерихонский.

— В Норвегии много чего есть, в том числе березы, — ответил биоформ. Он протянул Павлышу длинное щупальце, дотронулся до руки и добавил: — Считайте, что мы знакомы. Нильс Христиансон. Я не хотел вас испугать.

— У меня дрожат колени, — признался Павлыш.

— У меня тоже бы дрожали. Я виноват, что не рассказал о Нильсе, — сказал Иерихонский. — Когда живешь здесь месяц за месяцем, настолько привыкаешь к обыденности биоформов и вообще всего, что нас окружает... Тем более что я сильно осерчал на тебя, Нильс. Ты зачем гонял диагноза? Беспокоишься о здоровье? Что тебе стоило вызвать меня со Станции? Я бы немедленно прилетел. Кстати, Димов тоже тобой недоволен. Ты уже три дня не выходил на связь.

— Я сидел в кратере вулкана, — объяснил Нильс, — только час назад вернулся. А пользовался диагностом, потому что приходилось испытывать себя при больших температурах. Я тебе все потом изложу. А теперь вы мне скажите: что нового? Письма с Земли были?

— Письмо у меня, — ответил Пфлюг. — Кончу с обедом, дам.

— Хорошо. А я пока воспользуюсь рацией. — И биоформа быстро подкатился к рации в углу. — Мне нужно поговорить с Димовым и сейсмологами. На Станции сейчас кто из сейсмологов?

— Все там, — сказал Ван. — А что? Будет землетрясение?

— Катастрофическое. Вообще-то весь этот остров может взлететь на воздух. Нет, не сегодня, напряжения еще терпимые. Мне нужно сверить кое-какие цифры с сейсмологами.

Нильс включил передатчик. Он вызвал Димова, потом сейсмологов. Он сыпал цифрами и формулами, словно они лежали у него в мозгу слоями, аккуратно связанные бечевкой, и Павлыши подумал, как быстро исчезает страх. Вот он уже сам себе сказал: «Нильс включил передатчик». А еще пятнадцать минут назад он мчался со всех ног от этого Нильса, чтобы Нильс его не съел.

— Драч был на него похож. И Грунин тоже. Вы помните, Димов вам рассказывал? — проговорил тихо Иерихонский.

— На рассвете придет флаер с сейсмологом, — объявил Нильс, отключая радио. — Димов просил предупредить подводников.

— Ты можешь их запеленговать? — спросил Ван Иерихонского.

— Нет. Сандра никогда с собой радио не берет. Ей она, видите ли, мешает. — Иерихонский был встревожен.

— А вы где живете, Нильс? — спросил Павлыши у биоформы.

— Мне нигде не нужно жить, — ответил тот. — Я не сплю. И почти не ем. Я хожу. Работаю. Иногда прихожу сюда, если соскучусь. Завтра, наверное, съезжу с вами на Станцию.

Они быстро поужинали, затем устроились на матрах в заднем отсеке убежища. Нильс тоже остался в убежище снаружи у радио. Он читал. Уходя спать, Павлыши взглянул на него. Метровое полушарие, исцарапанное, изъеденное жарой и кислотами, избитое камнями, подкатилось к стене, прижало к ней щупальцами раскрытую книгу и время от времени переворачивало страницы третьим щупальцем, выскакивающим молнией из панциря и исчезавшим в нем.

В спальном отсеке было полутемно. Посапывал Пфлюг. Иерихонской спал спокойно, сложив руки на животе. Ван подвинулся, освобождая место Павлыши.

— Спать пора, — сказал из-за загородки Нильс.

— Ты стал заботиться о нашем режиме? — спросил Ван.

— Нет. Мне просто приятно, что я могу кому-то что-то сказать. И не формулы или наблюдения, а что-нибудь будничное. Например: Маша, передай компот. Или: Ван, спи, синтра рано вставать.

Павлыш промаялся еще несколько минут, потом спросил Вана:

— А Марина Ким далеко отсюда?

Ван не ответил. Наверное, заснул.

* * *

Павлыш проснулся от подземного толчка. Остальные уже встали. Пфлюг гремел банками, собираясь на охоту.

— Павлыш, ты проснулся? — спросил Иерихонский.

— Иду.

Из-за перегородки тянуло пахучим кофе.

Павлыш подошел к окну, выходившему к морю. Берег странно преобразился за ночь. Он был покрыт снегом. Залив замерз до самых рифов, о которые бились волны, а по полу-ту снега, укрывавшему ледяной панцирь залива, тянулись черные нитки трещин. Вдоль берега по снегу брел Нильс, оставляя за собой странный след, словно по целине проехала телега.

Позавтракав, Павлыш оделся и вышел наружу. Солнце выбралось из-за туч, и снег начал таять. Над черным, покрытым грязью склоном поднимался легкий пар. Снег похрустывал под подошвами.

Пфлюг сидел на корточках, что-то выковыривая ножом из снега.

— Сегодня мы с вами сделаем по крайней мере три великих открытия, — сказал он Павлышу. Голос в шлемофоне звучал восторженно.

— Почему только три? — спросил Павлыш.

— Я сюда приезжаю восьмой раз и каждый раз нахожу по три незнакомых науке семейства. Разве это не великолепно?

Черной точкой обозначился на небе флаер. Солнце прижало, и Павлыш уменьшил температуру обогрева. Белое облако медленно ползло по небу, и флаер поднырнул под него, спускаясь к убежищу.

Прилетел Димов с сейсмологом Гогией.

— Где Нильс? — спросил он Павлыша, поздоровавшись.

— Наверное, полез в кратер.

— Плохие новости, — произнес Гогия. Он был молод, худ и легко краснел. — Нильс прав. Напряжение в коре растет быстрее, чем мы считали. Эпицентр километрах в ста отсюда. Станцию не затронет.

Гогия показал в сторону солнца. Океан был спокоен, в заливе образовалась полынья, над ней поднимался пар.

— Я попробую связаться с Нильсом. — Гогия пошел в убежище.

Димов с Павлышом последовали за ним.

— Кто мог предположить, — сказал Иерихонский, увидев Димова, — что вы устроите землетрясение именно сегодня?

Он держал в руке чашку с кофе, от которой поднимался пар, как от гейзера.

— Передайте мне, пожалуйста, — попросил Димов. — Ведь вы варили кофе для гостей, не так ли?

Димов выпил кофе залпом, обжегся, несколько секунд сидел, потеряв дыхание. Наконец отдохнул и проговорил:

— Вот сейчас бы я погиб, и все вздохнули бы с облегчением.

— Мы бы не дали вам погибнуть, — возразил Павлыш. — Я реаниматор. В крайнем случае заморозили бы вас до Земли.

Гогия отправился на гору и обещал вернуться через час. Димов вышел на связь со Станцией, отдавая повседневные распоряжения, которые не успел оставить, потому что очень рано вылетел оттуда. Иерихонский вновь углубился в изучение лент диагностика. Ван разбирал какой-то прибор. Действия людей, оставшихся в убежище, были будничны, но с каждой минутой под куполом росло напряжение, невысказанное, но ощущавшееся даже Павлышом. Подводников ожидали уже час назад, но их все еще не было...

* * *

Второй толчок землетрясения раздался примерно через час после прилета Димова. Ван, дежуривший у рации, сказал Димову:

— Нильс передает, что увеличилось выделение газов. Эскалация выше расчетной.

— Может, нам эвакуировать убежище? — предложил Иерихонский. — И здесь остались бы только мы с Нильсом.

— Чепуха, — отрезал Димов. — Ван, спроси сейсмологов, каковы перспективы для острова.

Земля под ногами мелко вздрогивала, будто кто просился
наружу из запертого подвала.

— Если здесь будет извержение, поток должен пойти в другую сторону. Хотя, конечно, гарантировать ничего нельзя.

Вернулся Гогия с пленками, снятыми с самописцев.

— С ума сойти! — воскликнул он, не скрывая восторга. — Мы свидетели катаклизма настоящего масштаба. Какой брос! Вы не представляете, что творится в океане!

Димов неодобрительно нахмурился.

— Простите, — обернулся он к Павлышу, — следовало бы дать вам возможность вернуться на Станцию. Здесь может быть опасно. Но мы ограничены в средствах транспорта.

Павлыш даже не успел оскорбиться. Димов уже не смотрел на него.

— Ван, — продолжал Димов так же буднично, — немедленно вызывайте Вершину, пускай летят сюда.

— Зачем? — не сразу понял Ван.

— Искать. Будем их искать. Здесь глубины небольшие.

— Не выношу безделья, — проговорил Иерихонский. — Я пойду на катере им навстречу.

— Катер поведет Ван, — приказал Димов. — Иерихонский пойдет с ним. Вы, Павлыш, останьтесь у рации и, если нужно, вылетите на флаере.

Павлыш подошел к рации и встал за спиной Вана.

Ван произнес, поднимаясь:

— Все позывные тут. Рация стандартна. Знакомы?

— Проходили.

Ван понизил голос и сказал на ухо Павлышу:

— Не спорьте с Димовым. Он сейчас — сплошные нервы. Катаклизм на носу. Иерихонский в истерике, а подводники ищут жемчуг в Синем гроте, не зная, что их ждет, когда они сюда явятся.

— Вы уверены, что тревога не ложная?

— Уверен, — ответил лаконично Ван. Он взял свой комбинезон и маску.

За окном мелькнуло что-то белое, будто там махнули простиней.

— Эй, — обрадовался Ван, выглянув наружу, — на ловца и зверь бежит. Это же Алан!

— Где? — спросил Димов.

— Сам прилетел. Теперь вот доказывайте, что телепатии не существует.

Окно было прямо перед Павлышом. По черному, мокрому от растаявшего снега берегу медленно брела громадная

белая птица. Такая же, как та, что Павлыш видел в день прилета.

Иерихонский уже был одет, он открывал люк. Димов тоже натянул маску.

— Павлыш, оставайтесь здесь. Не отходите от рации. Если что срочное, позовите меня. Я пошел поговорить с Аланом.

Со Станции сообщили, что флаер вылетел на поиски подводников. Спрашивали, что нового в убежище. Павлыш ответил, что пока ничего.

За окном Димов разговаривал с птицей. Птица еле доставала ему до пояса, но ее крылья, даже сложенные, тянулись метра на три, и концы их опирались на широкий хвост. У птицы была небольшая голова с коротким клювом и неподвижные голубые глаза.

Еще один толчок заставил зазвенеть неубранную посуду.

Подключился Нильс.

— Слушай, Ван, — сказал он своим тихим механическим голосом, — где расположен этот Синий грот?

— Ван ушел на катере. Наверное, туда. А я точно не знаю, где этот грот.

— А, это Павлыш? Тогда запиши точные новые данные.

За окном Димов кутался в куртку. Ему было очень холодно. Птица, покачиваясь, неловко взбежала на длинную, выдающуюся над заливом плиту и расправила крылья. Тут же она превратилась в шестиметровый парус и не успела добраться до края плиты, как встречный ветер поднял ее в воздух, и, чтобы не потерять равновесия, Алан мощно взмахнул крыльями и начал набирать высоту.

Димов возился в переходнике, потом открыл люк, впустил клуб пара. Он старался унять дрожь.

— Думал, помру, — сказал он. — Молодец Алан.

— Почему? — спросил Павлыш.

— Ему не понравились волны в том секторе. У него своя теория — географическая. Характер и место приближающегося землетрясения он рассчитывает по рисунку волн. Ему хорошо — сверху все видно. С сейсмологами он из-за этого жутко спорит. Считает, что его теория — панацея от всех бед, а они полагают, что она сродни гаданию на кофейной гуще. Наверное, они правы, они специалисты... Меня кто-нибудь вызывал?

— Нильс просил передать вам данные по прогнозу.

— Давайте... Нет, что за молодец Алан! Прилетел именно сюда. А знаете, Павлыш, я больше верю птицам, чем наше-

му катеру. Если бы Алан не прилетел, пришлось бы вас на флаере посыпать.

— Говорит Вершина. Вершина вызывает Убежище, — включился приемник. — Кто на связи?

— Убежище слушает, — ответил Павлыш.

Димов подошел поближе.

— Говорит Сен-Венан. Мы вылетаем.

— Добро, — отозвался Димов. — Не забудьте передатчик. Понимаете, — Димов обернулся к Павлышу, — наши передатчики хороши для геологов и других наземных жителей. Приторочил к груди и топай. А биоформам они неудобны. При любом подходящем случае они стараются от них избавиться. А в самом деле, на что летающему биоформу лишних триста граммов веса? Для него каждый грамм лишний.

В убежище вернулся Пфлюг. Он долго возился в переходнике, вздыхал, гремел банками, потом с трудом протиснулся в люк.

— Удивительный день, — произнес он, расставляя на столе свое хозяйство. — Три нормы, три нормы по крайней мере. Редчайшие экземпляры сами лезут на берег.

Он заметил, что Павлыш сидит за рацией, и сказал:

— Я видел, как уходил катер. Только не успел спросить. Что, подводники еще не приплыли?

— На всякий случай подготовьте медпункт, — велел Димов.

— Наверное, лучше это сделаю я, — заметил Павлыш, — а вы пока подежурьте у рации.

— Во-первых, Пфлюг никуда не годный радиист, — возразил Димов. — Во-вторых, вы, Павлыш, подозреваю, никуда не годный ветеринар. Вы забываете, что биологически наши друзья и коллеги не относятся к антропоидам.

— Да, — подтвердил Пфлюг, — правильно, как это ни печально. Но я уверен, что ничего плохого не случится.

Он открыл ящик в углу у перегородки, стал перебирать блестящие инструменты и лекарства, поглядывая при этом на банки со своими трофеями.

Поступили сообщения с флаера, который вылетел со Станции. Флаер прошел уже пятьдесят километров. Ничего в океане пока не замечено.

В окно Павлышу было видно, как со склона горы бежит Гогия. За ним, нагруженный контрольными приборами, следовал Нильс.

— Что там на катере? — спросил Димов.

Павлыш вызвал катер.

— Все время подаем сигналы, — отозвался Ван. — Пока ответа нет. А у вас что нового?

— Ничего.

— Убежище! — наложился на эти слова ровный высокий голос одной из птиц. Павлыш еще не научился различать голоса биоформов. Видно, насадки у всех были однотипными. — Убежище! Вижу Сандру!

— Где? — спросил Павлыш.

— Юго-юго-запад от Косой горы. Тридцать миль. Вы меня слышите?

— А что она? — крикнул Иерихонский. — Что с ней?

— Она держится на воде, но меня не замечает.

— Катер, сообщите ваш квадрат, — потребовал Димов.

— 13-778, — ответил Ван. — Северо-запад от острова.

Димов включил экран-карту.

— Семьдесят пять миль, — сказал он. — Даже если точно выйдете в квадрат, вам понадобится полчаса.

— До связи. — Ван отключился.

— Полчаса, — тихо повторил Димов. И тут же вызвал птиц: — Вы сможете оказать ей помощь?

— Нет, — ответил голос. — Я здесь один. Мне ее не поднять. Она, по-моему, без сознания.

Павлыш быстро натягивал комбинезон.

— Где маска?

— Возьми мою, — велел Пфлюг, — вон она лежит.

Димов увидел, что Павлыш почти одет.

— Ты знаешь этот флаер?

— Еще бы.

— Я с ним, — сказал сейсмолог Гогия. — Хорошо, что я не успел раздеться.

Димов повторил:

— Тридцать миль к юго-юго-западу. — Потом повернулся к микрофону. — Через две минуты к вам вылетает флаер. Будет минут через десять. А катер не успеет раньше чем через полчаса.

Когда Павлыш закрыл за собой внешний люк, он успел поразиться тому, как изменилось освещение. Солнце было затянуто красноватой дымкой, и черная гора подсвечена сзади, словно там таился театральный прожектор.

Сейсмолог первым вскочил в флаер. Павлыш поднял ногу, чтобы последовать за ним, но тут дверь в убежище открылась, вылетел Пфлюг, не успевший ни одеться, ни натянуть маску. Он открыл рот, пытаясь вдохнуть воздух, и кинул в их сторону маленький медицинский контейнер.

— Теперь держитесь, — предупредел Павлыш, садясь за пульт и глядя через боковое окно, как Димов помогает Глюгу забраться обратно в убежище. — Когда будете рассказывать внукам о сегодняшнем дне, не забудьте упомянуть, что вел машину экс-чемпион Москвы по высшему мастерному пилотажу.

— Не забуду, — ответил сейсмолог, уложив контейнер и вцепляясь в кресло.

Павлыш вышел из виража и пошел на максимальной скорости так, чтобы оставить по левую руку столб розового и бурого дыма, вставший над дальней от убежища стороной грава.

Через семь минут они увидели одинокую белую птицу, сидящую кругами метрах в двухстах над волнами.

Птица, заметив флаер, взмыла выше и замерла в воздухе, словно показывая точку, в которой находилась Сандра. Павлыш бросил флаер вниз и завис метрах в десяти над верхушками волн. Но даже с этой высоты он не сразу разглядел Сандру — ее тело терялось среди брызг, которые ветер срыпал с верхушек волн.

— Видите? — спросил сейсмолог, выглядывая наружу.

Ветер сносил флаер, пришлось включить двигатель и маневрировать, чтобы не потерять Сандру из виду. Павлыш выпустил лестницу. Она мягко развернулась и ушла в воду в метре от Сандры.

— Что у тебя, Павлыш? Почему молчишь? — заговорила рация.

— Некогда. Мы ее нашли и будем поднимать.

Птица пролетела совсем рядом с кабиной. На груди у нее была видна черная овальная коробка передатчика. Птица поднялась чуть выше, и ее тень время от времени закрывала от Павлыша солнце.

Сейсмолог, захватив моток троса, спускался к воде, и Павлыш все внимание сосредоточил на том, чтобы не дать ветру снести флаер в сторону. Сандра, раскинув руки, покачивалась на волнах, словно в люльке и казалось, что ее движения осмыслинны.

Гогия вцепился одной рукой в лестницу, другой старался подвести под Сандру петлю. Это ему не удавалось. Павлыш пожалел, что не может оставить управление. Он сделал бы все проще и быстрей. Видно, Гогия никогда не занимался мальчишеским спортом. Трос снова сорвался, Павлышу показалось, что волны отчаяния, охватившие сейсмолога, достигают кабинны флаера.

И в этот момент птица-биоформ решилась на рискованный шаг. Она мягко и быстро спланировала против ветра и, улучив момент, когда Сандра скользила по внешней стороне волны и ее тело выступило наружу, схватила клювом петлю троса и мгновенно завела ее за плечи Сандры.

— Тяни! — закричал Павлыш сейсмологу.

Тот с трудом удерживал равновесие на лестнице, но сразу потянул, петля двинулась ниже и охватила Сандру за локти. Птица с трудом умудрилась ускользнуть от следующей волны. Когда она пролетала перед флаером, Павлыш заметил, что передатчик она все же сбросила. Павлыш поднял вверх большой палец, и птица резко пошла в небо.

Вдвоем с Гогией они втянули Сандру в кабину. Прошло двадцать минут после вылета.

— Говорят Павлыш, — включил он передатчик. — Сандру мы подняли на флаер. Она без сознания.

— Слушай, — сказал Димов, — Сандру не трогайте. Наденьте ей кислородную маску и накройте ее чем-нибудь теплым.

Сейсмолог достал запасную маску и баллон. Глаза Сандры были закрыты, лицо казалось голубым. Сейсмолог убрал с лица Сандры мокрые волосы и стал прикладывать кислородную маску. Его руки чуть дрожали. Павлыш шел к убежищу на бреющем полете. Впереди, как маяк, поднимался столб дыма. Птица летела сверху, почти не отставая от флаера. Рация была включена, и Павлыш слышал, как Димов приказывает катеру оставаться в том же районе и к острову не возвращаться.

Пфлюг ждал их на самом берегу залива. Закутанную Сандру осторожно вынесли из флаера и бегом перенесли к куполу. Люк был открыт, и через минуту Сандра уже лежала на столе. Димов ждал их в хирургическом халате и перчатках. Диагност был включен, и его шупы чуть дрожали, покачиваясь над столом.

— Будете мне ассистировать, — велел Димов Павлышу. У рации стоял Нильс.

— Все в порядке, — говорил он, — не волнуйся, Эрик. Ты же знаешь, если Димов сказал...

Сандра спала. Дыхание ее стало ровнее. Лицо покраснело, капельки пота блестели на висках.

— Что с ней случилось? — спросил Павлыш.

— Сработала предохранительная система. Если организм на пределе и создается опасность для жизни, она впадает в

стояние, похожее на летаргический сон. Пока мы можем
только предполагать, что подводники попали в землетрясение
на глубине. Сандра смогла вырваться наружу, хоть и
была ранена. У нее сломаны три ребра, обширное внутренне-
кровоизлияние. Она плыла к базе, но ее силы иссякли.
Измучит, ей оставалось лишь подняться на поверхность. Уто-
чнить Сандра не могла: когда она на жаберном дыхании, легкие
служат воздушным пузырем. Метаболизм замедляется в
несколько раз. Как только она потеряла сознание, ее вынесли
на поверхность океана.

Сандра очнулась сразу, боли она не чувствовала.

— Димов, — произнесла она с трудом, — ребят завалили...

— Спокойно, не волнуйся, девочка, — ответил Димов.

— Мы были в Синем гроте... начало трясти... Я была в
короне... Стас сказал, что ранен... Прости, Димов, Эрик
ищет?

Павлыш протянул Димову шарик-ампулу. Димов приложил ее к руке Сандры, и жидкость вошла в кожу.

— Ты можешь дать координаты?

— Да, конечно, я спешила... меня, наверное, отнесло в
сторону... двадцать миль к юго-западу от острова, группа
рифов, два поднимаются над поверхностью...

— Знаю, — сказал Пфлюг, — месяц назад с Ваном туда
летали.

Сандра уснула.

— Нильс, вызови Вана. Он должен помнить об этих скалах.
Но сначала в динамике возник голос Иерихонского:

— Как Сандра?

— Сандра спит, — ответил Нильс. — Чего ты беспокоишься? Димов сказал, что все в порядке, а ты беспокоишься...

Купол содрогнулся, земля на мгновение ушла из-под ног, диагноз откатился от стола, натянув провода и шупы. Сандра застонала. Димов кинулся к столу, возвращая диагностику на место и прикрывая телом Сандру, будто опасался, что сверху посыплются камни.

— Что? Что там у вас? — крикнул Иерихонский тонким голосом.

— Ничего особенного, землетрясение продолжается, —
отозвался Нильс. — Где Ван?

Иерихонский, передавая микрофон Вану, сказал:

— Они не представляют, каково мне здесь, когда ничего
не можешь сделать.

И его голос пропал, растворился в тишине купола.

— Ван, — произнес Нильс, — ты знаешь две скалы в двадцати милях к юго-западу от убежища?

— Что-то не припомню. Мы примерно в этом квадрате. Но не помню. На карте их нет?

— Мы же месяц назад туда с тобой летали! — воскликнул Пфлюг.

— Прости, Ганс, — спокойно ответил Ван. — Месяц назад мы с тобой летали к северу от убежища. Ты собирал свои ракушки.

— Но приблизительно ты ту точку представляешь? — спросил Нильс.

— Двадцать миль?.. В пределах десяти миль от нас. Я подниму катер повыше, они должны быть на локаторе... Может, кто из птиц знает?

— Вызови птиц, — предложил Димов. Он освобождал Сандру от приборов.

— Зачем их вызывать, — сказал Нильс, — птицы здесь.

— Они здесь, — подтвердил Павлыш. — Один биоформ со мной прилетел. Тот, который Сандру нашел. А рацию он выкинул.

— Павлыш, вы сейчас свободны? Выходите наружу, спросите у них про скалы.

Павлыш натянул маску.

Все три птицы сидели на большой плоской скале неподалеку от купола и тихо переговаривались, поворачивая изящные головки. Над ними поднималась черная кривая гора, окутанная дымом и окаймленная оранжевым сиянием. Давно Павлышу не приходилось видеть такого сказочного зрелища. Похоже было на скандинавскую сагу — громадные белые птицы, вулкан и голый холодный берег.

Увидев Павлыша, птицы поспешили навстречу.

— Как Сандра? — спросила одна из них.

— Сандра пришла в сознание, — ответил Павлыш, — и сообщила Димову, что подводников завалило в каком-то гроте в двадцати милях отсюда к юго-западу. Там должны быть скалы. Две из них поднимаются над водой. Но Ван таких скал не помнит.

— Там нет скал, — подтвердила вторая птица. — Мы весь этот район облетали. Ты не видел там скал, Сен-Венан?

— Нет, Алан, — ответила вторая птица. — Никогда не видел.

Алан обернулся к третьей птице.

— А ты?

Третья птица сказала:

По-моему, я видела там два рифа. Они появляются
только в отлив. Самые верхушки между вол...

— Спасибо, Марина, — сказал Алан.

— Марина? — повторил Павлыш. — Марина?

По птица резко взмахнула крыльями и взмыла вверх к
нимовой туче.

— Марина Ким? — спросил Павлыш у Алана.

— Да. Так что же вы теряете время?

... Три белые птицы летели впереди флаера, чуть выше
него. От обилия вулканического пепла воздух стал краснова-
тим, зловещим, и крылья птиц отсвечивали пожаром.

Одна из птиц была Золушкой, которая переменила об-
личье и не хотела, чтобы Павлыш об этом узнал...

— Кто пойдет с аквалангом? — спросил Нильс.

Он занимал середину кабинны, а остальные сидели вокруг,
головно окружали громадный праздничный пирог. Нильс от-
мсл все возражения Димова, который опасался, что ему бу-
дст трудно работать под водой:

— Вы без меня вряд ли сможете разобрать завал и
пробиться вглубь. Вы будете взрывать скалы? Вы буде-
тс их разбирать голыми руками? Или будете ждать,
пока с диспетчерской планетоида вам перекинут подвод-
ного робота?

— У нас есть свой. Его можно смонтировать, если нужно,
за несколько часов.

— Вот именно. Несколько часов. И привести его туда на
катере. И он в результате примется за работу, когда будет
уже поздно.

— Ты прав, Нильс, — согласился Димов.

— А Марина давно на станции? — спросил Павлыш через
минуту.

— Она новенькая, — сказал Димов. — Месяц как в небе.
Внизу показался катер.

Катер рассекал волны, выставив над ними голову-рубку.

Павлыш сказал Вану по радио:

— Иди на самом малом ходу.

— Зачем?

— Я сяду к тебе на палубу.

— Вряд ли это возможно.

— Другого выхода нет.

Птицы летели высоко, казались белыми точками под
шурпурным потолком облаков. Потом пошли вниз и в сто-
жину.

— Павлыш, — сообщил Алан, — две скалы над самой водой в полутора километрах от тебя. Мы идем вниз. Смотри.

— Хорошо, — ответил Павлыш. Он стал постепенно снижаться, чтобы уравнять свой ход со скоростью катера. — Ровнее иди, — предупредил он Вана.

— Как по ниточке, — отозвался Ван.

— Держись!

Флаер опустился на палубу катера за рубкой. Палуба была мокрой и покатой с боков. Павлыш выпустил страховочные ноги флаера, и рубчатые присоски сжали бока катера.

— Некоторое время удержусь, — бросил Павлыш сидящим в кабине. — Откройте нижний люк.

Нильс спрыгнул на палубу первым и, аккуратно переставляя конечности, пошел к рубке. Щупальца свисали по бокам панциря — ими Нильс подстраховывался. Он не умел плавать и пошел бы на дно камнем. А глубина здесь немалая. Катер с сидевшим на нем, словно всадник, флаером не спеша летел над волнами.

Павлыш поднял голову, разыскивая птиц. Но не увидел их.

Гогия замер у люка, не зная, что делать дальше. Пассажиры по очереди скрылись в рубке. Павлыш спросил Вана:

— Все благополучно?

— Да.

— Дай мне Димова.

— Я слушаю тебя, Слава.

— Я хотел бы пойти вниз с Нильсом. Я хороший ныряльщик, сильнее многих. Могу пригодиться.

— Нет, — решил Димов, — оставайся, где ты есть. Может получиться, что ты будешь нужнее как пилот, чем как ныряльщик.

Павлыш включил двигатель. Флаер, присев от напряжения, оторвал ноги от покатой спины катера и резко взмыл вверх.

Катер скрылся под водой.

Поднявшись на сто метров, Павлыш разглядел белые буруны, в центре которых черными точками торчали вершины скал.

Павлыш вызвал Алан. Рация была только у него.

— Скажи спасибо Марине. Она вывела нас точно к месту.

Ему хотелось лишний раз повторить это имя. Он вдруг понял, что никакого шока, ужаса, отвращения, боли — ничего подобного не испытывает. То ли был подготовлен к такому повороту событий за последние сутки, то ли прав все же Димов: биоформ остается человеком, только экзотически

истым. Марину было жалко. Полгода назад... полгода назад она уже начала биоформирование. И почему-то ей надо было обязательно встретить того человека на Луне, того капитана, который не захотел ее увидеть. Может быть, тот капитан предпочел отказаться от Золушки в хижине. Понятно, что она считала себя преступницей. Сбежала из института... вообще могли снять с эксперимента.

Павлыш услышал голос Димова:

— Они здесь, под осыпью.
— Вот видишь, — сказал Гогия, — я в этом не сомневался.
— Слушай, Павлыш, — произнес Димов, — мы сейчас на дубине сорока двух метров. Ван остается в катере. Мы с Нильсом выходим к оползню. Иерихонский будет страховать нас снаружи. На всякий случай включи запись, регистрируй все наши движения.

— Ясно, включаю запись.

— Мы выходим.

— Далеко им идти до завала? — спросил Павлыш Вана.

— Нет, я их отлично вижу.

Павлыш представил себе эту сцену. Катер завис у самого дна над камнями, среди обломков кораллов и перепутанных подорослей. Рядом с катером в нескольких шагах Иерихонский. Луч его шлемового фонаря высвечивает сутулого Димова в облегающем оранжевом скафандре и уверенно шагающую впереди черепаху.

— Мы дошли до осыпи, — продолжал Димов. — Нильс ищет вход. Здесь должна быть трещина, сквозь которую выбралась Сандра.

Наступила длинная пауза.

Павлыш связывался с островом. Там все было по-прежнему. Сандра спала. Пфлюг ответил, что положение в кратере стабилизировалось. Идет вязкая лава. Если скорость истекания сохранится прежней, то к утру площадь острова значительно увеличится. Лет через сколько-то можно будет сажать здесь цитрусовые.

Гогия оторвался от своих приборов, сел рядом с Павлышом.

— Все-таки я не завидую Иерихонскому, — сказал он. — Любить женщину, которая, в сущности, наполовину рыба...

— Но она всегда может вернуться в прежнее состояние.

— Трудно. Она же не совсем биоформ. Подводников готовили еще до Геворкяна. К тому же она и не захочет. Сандре нравится ее жизнь. Она помешана на океане. Когда-нибудь им наверняка расскажут их историю. Очень романтично.

Они познакомились, когда Сандра уже работала на Наири. Она прилетела как-то к нам в Тбилиси на конференцию, там встретила Иерихонского... ну и представляетесь... Он, когда все узнал, пытался ее отговорить. Безрезультатно. Так что же вы думаете: в результате он сам перешел работать на Проект, чтобы быть рядом.

Гогия вздохнул.

— А вы могли бы полюбить подводницу? — спросил Павлыш.

— Откуда мне знать, если у меня в Кутаиси молодая жена живет? Самая обыкновенная жена. Очень красивая. Я вам в лаборатории фото покажу. Письмо прислала — три килограмма.

— Ну, а вот... — Павлыш показал на реявших в небе птиц.

— Это совсем другое дело, — сказал Гогия. — У Алана у самого дочка в нашем институте работает. Это временно. Это как маска. Пришел домой, снял маску и живи.

— Ага, — раздался голос Димова, — есть щель!

Павлыш держал рацию на приеме, отключив передачу, чтобы его разговор с Гогией не мешал остальным.

— Да что там говорить, — продолжал Гогия, — вы у Вана были?

— Меня там поселили.

— Правильно. Большая комната. Светлая. Там на полке портрет Мариной Ким стоит. Не заметили?

Гогия не смотрел на Павлыша и не заметил, как тот покраснел.

— Мы с Нильсом отвалили камень, — известил Димов. — Есть ход. Очень узкий. В глубине еще завал.

— Ну и что? — спросил Павлыш у Гогии. — Вы сказали, что у Вана есть портрет Мариной Ким.

— Да. Он в нее смертельно влюблен. Он знал ее еще на Земле, когда она стажировалась в институте. Меня тогда в институте не было, я только здесь к ним присоединился. А тут еще у Мариной начались неприятности...

— Есть! — крикнул Димов. — Пошел камень! Осторожнее! Павлыш замер.

«Раз, — считал он про себя, — два, три, четыре, пять...» Димов громко вздохнул.

— Ну и силища у тебя, Нильс... Он такую глыбу удержал, просто уму непостижимо.

На связь вышла Стационар. Спрашивали, выслать ли второй флаер.

Павлыш велел ждать и пока смонтировать подводного робота. Может, придется его доставлять сюда.

— Правильно, — подтвердил Гогия. Потом продолжал свой рассказ: — Я деталей не знаю. Только все дело в ее отце. Он жуткий педант. Он запретил Марине идти к нам в институт. Сказал, что не захочет ее больше видеть... В общем, боялся за нее, пробовал воздействовать, но на Марину очень трудно влиять. Когда она все-таки не подчинилась, отец, как человек слова, сказал, что больше ее не увидит. Правильно сказал. Отец всегда отец. Надо уважать.

— Трещина открыта, — сообщил Димов, — я остаюсь пока здесь. Нильс попытается до них добраться.

— А дальше? — кинул Павлыш.

— Вам, наверное, неинтересно.

— Ничего, все равно ждем.

— Ван помог Марине убежать из института на один день.

— На Луну? — вырвалось у Павлыша.

— А как вы догадались?

— Это было полгода назад?

— Да, как раз полгода. Она уже прошла курс подготовки, с нее сняли биокопии и начали обработку терапевтическими средствами, чтобы понизить сопротивляемость организма. Не могла она убегать. Не имела права. На месте Геворкяна я бы ее обязательно уволил. А она полетела на Луну. Оттуда должен был стартовать ее отец. Он капитан «Аристотеля».

— Нильс? Это ты, Нильс? — послышался голос Вана.

— Он передает, что нашел их, — сказал Димов, — нашел.

— В каком они состоянии?

— Не знаю. Ждите.

— Ну и чем все кончилось? — спросил Павлыш.

— А? Мы о Марине? Ничем. Простили. Ван всю вину взял на себя. Марина всю вину взяла на себя. Димов всю вину взял на себя, Геворкян посмотрел на них, старый человек, мягкий стал... и простил. Романтическая история. Только отец не простил. Улетел, понимаете? Но простит. Куда деснется...

— На какой они глубине? — спросил Павлыш у Вана, включив передачу.

— Двадцать метров ниже меня, — ответил Ван.

На катере заполнили водой грузовой отсек, поместили в него биоформов-акул и пошли к Станции.

Павлыш тем временем вернулся к острову, чтобы эвакуировать оттуда Сандру и Пфлюга и вывезти оборудование.

Поток лавы изменил направление и угрожал заливу и убежищу. Сандра все еще не просыпалась.

Пока Пфлюг с Гогией устраивали в кабине Сандру, Павлыш возвратился в убежище. Он вытащил приборы, отключил питание рации, задраил люк. Теперь убежище будет пустовать до тех пор, пока природа не утихомирится. Гогия выскочил из флаера, взял один из ящиков, побежал обратно. Оставался еще один контейнер — такой тяжелый, что унести его можно было только вдвоем. Павлыш присел на край ящика, дожидалась, пока кто-нибудь вернется помочь ему.

Все вокруг изменилось. Сутки назад залив был мирным, тихим уголком, даже волны не добирались до берега. Теперь низко над островом висели облака пепла, то и дело сыпал крупный мутный дождь. Вулканчик на склоне горы плевался грязью, поток лавы с вершины, дымясь, достиг уже залива и образовал язык полуострова. Струи пара вырывались сквозь трещины на склоне. Через них пробивались зловещие отблески оранжевых сполохов над вершиной горы.

Одна из птиц вернулась к острову вслед за флаером и кружила над головой. Павлыш помахал ей рукой. На птице не было передатчика, и он не мог спросить, кто это.

Грязевой вулкан вдруг выбросил высоко в небо струю жизни, словно хотел сбить птицу на лету, и та, сложив крылья, пошла в сторону.

Подошел Гогия.

— Давай возьмем контейнер.

Павлыш встал, наклонился, подхватил контейнер, и они потащили его к флаеру. Земля под ногами мелко дрожала.

— У меня такое впечатление, — проговорил Гогия, — что остров в любой момент может взлететь на воздух.

— Не беспокойся, — ответил Павлыш, — должны успеть.

— Алан на всякий случай нас страхует, — сказал Гогия, — он тоже опасается.

— Это Алан? Ты как различаешь?

— Я так думаю, что это Алан. Он настоящий мужчина.

Конечно, это не Марина, подумал Павлыш. Ей же не хочется со мной встречаться.

Шлем заглушал грохот вулкана. До Павлыша доносился лишь ровный, глухой, утробный гул. Но в этот момент в недрах горы зародился такой пронзительный и зловещий звук, что он проник внутрь шлема.

Человек, становящийся свидетелем катастрофы, внезапной и скорой, действует инстинктивно. И представление о том, в какой последовательности происходили события,

подымается уже потом, когда все минует и на собственные
впечатления накладываются рассказы очевидцев. И если
Павлышу показалось, что по склону горы ударил невиди-
мый топор и она, как деревянная колода, начала развали-
ваться под этим ударом, то Пфлюг, видевший все из откры-
того люка флаера, мысленно сравнил взрыв с театральным
шатром, раздвигающимся в стороны в момент, когда ор-
ганный гремит последним аккордом увертюры, а сквозь рас-
ширяющуюся щель проникает со сцены яркий свет.

Наверно, Павлыш стоял неподвижно не более секунды. Почему-то он даже не упал, не потерял равновесия, и мозг успел отметить, что гора распадается слишком медленно. И тут воздушная волна толкнула его и бросила к флаеру. Сейсмолог висел в люке и что-то кричал, но Павлыш не слышал. Он смотрел на разрушающуюся декорацию и видел, как гигантский вихрь подхватил птицу, белое перышко, бросил ее вверх, закружила и понес к воде...

— Скорее! — звал Гогия. — Поднимайся!

Внутри горы была видна желтая раскаленная масса, мягкая и податливая. Она медленно вываливалась сквозь зубья горы.

Павлыш не мог оторвать взгляда от комка белых перьев, пушинки, падающей в воду.

— Куда? — кричал Гогия. — Ты с ума сошел!

Павлыш бежал к воде. Птица, несомая воздушной волной, летела как лист с дерева, бессильно вращаясь в воздухе.

Она должна была упасть метрах в ста от берега, но порыв стречного ветра бросил ее ближе к суше, и Павлыш, даже подумав, глубоко ли там, побежал, увязая в грязи, скользя и стараясь удержать равновесие, а земля вздрагивала, ходила из-под ног.

Сначала дно понижалось полого, и грязная вода достигла коленей лишь шагов через двадцать.

Птица упала в воду. Одно крыло ее было прижато, другое белой пропыней распласталось по воде. В птице чувствовалась какая-то ватность, неодушевленность. Дно уступом ушло вниз, и Павлыш провалился по пояс в воду. Каждый шаг доставался с трудом, вода в заливе бурлила и ходила плескотками, хотя на поверхности вязкий слой пепла скрывал волнение, как пена в кастриюле закипающий суп.

Птицу медленно относило к центру залива, и Павлыш спешил, понимая, что плыть в своем комбинезоне он не

сможет, и молил судьбу, чтобы дно больше не понижалось, чтобы хватило сил и времени добраться до белой простины.

Он дотянулся до края крыла, и в этот момент его ноги потеряли дно. Не выпуская крыла и боясь в то же время, что перья могут не выдержать, Павлыш тянул птицу к себе, все глубже уходя в воду. Неизвестно, чем бы закончилось это акробатическое упражнение, если бы Павлыш не почувствовал вдруг, что кто-то его тянет назад. Несколько секунд он продолжал удерживать неустойчивое равновесие, потом на конец преодолел инерцию, и птица легко заскользила по воде к берегу.

Не отпуская крыла, Павлыш обернулся. Гогия стоял по пояс в воде, вцепившись сзади в комбинезон Павлыша. Глаза у него были бешеные, испуганные, и он несколько раз открывал рот, прежде чем смог произнести:

— Я... вы же могли... не успеть...

Они подхватили легкое, выскальзывающее из рук тело птицы и понесли его к берегу. Голова птицы бессильно поникла, и свободной рукой Павлыш ее поддерживал. Глаза были затянуты полупрозрачной пленкой.

— Ее оглушило, — сказал Павлыш.

Гогия не смотрел на него. Он глядел вперед, на берег.

Павлыш взглянул в ту сторону. Лава, выливавшаяся через расщелину в горе вязким языком, намеревалась отрезать им путь к берегу.

— Бери левее! — крикнул Павлыш.

Флаер находился по ту сторону лавового языка и казался мыльным пузырем на закате.

Им пришлось снова зайти вглубь почти по пояс, чтобы не попасть в закипающую воду, обогнуть стену пара на границе лавы и воды.

Павлыш с трудом потом мог вспомнить, как они добрались до флаера и занесли внутрь птицу — крыло никак не желало складываться и застrevало в люке...

Павлыш поднял машину над островом и бросил ее в сторону моря.

— Ну все, — сказал он, — выбрались, теперь как-нибудь доплетемся по дому.

Гогия задраил люк. Пфлюг осматривал птицу.

Павлыш включил радио.

— Сколько можно! — возмущался кто-то знакомым голосом. — Сколько можно молчать? Мы вызываем вас уже полчаса!

— Некогда было, — объяснил Павлыш, — пришлось задержаться на острове. Димов вернулся?

— Они на подходе, — ответил тот же голос. — Нет, вы мне ответьте, кто вам дал право нарушать правила поддержания радиосвязи? Что за мальчишество! Кто управляет флаером? Это ты, Гогия? Я тебя отстранию от полетов, и даже Димов не сможет тебя защитить. Стоит на два дня покинуть Станцию, и все летят кувырком!

— Это ты, Спиро? — спросил Павлыш.

— Я, а кто за рулем, я спрашиваю?

— Павлыш.

— А, вот кто! Вас в Дальнем флоте не учат, что нужно поддерживать связь с центром?

— Да погодите вы, Спиро, — сказал Павлыш устало. — Я иду сейчас на малой скорости. Ждите нас через полчаса. Подготовьте операционную.

— Стой, не отключайся! — крикнул Спиро. — Выслать тебе на помощь второй флаер?

— Зачем? Чтобы летел рядом?

— А кто пострадавший?

Павлыш обернулся к Пфлюгу.

— Что там у Алана? Наверное, надо сообщить.

— Это не Алан, — ответил Пфлюг, — это Марина. У нее сломано крыло. Дай-ка мне микрофон...

* * *

Вершиной на Станции назывался большой, вырубленный над основными помещениями зал, специально оборудованный для птиц-биоформов. В зале был бокс для обследования биоформов, запасы пищи для них, здесь стояли их диктофоны и приборы, которыми они пользовались.

Павлыш с Мариной сидели в зале Вершины. Павлыш на стуле, Марина в гнезде из легкой частой сетки, которое сорудил для биоформов Ван.

Павлыш никак не мог привыкнуть к ее механическому голосу. Он понимал, что это не более как приставка — клюв Мариной не был приспособлен для артикуляции. Но, слушая ее, он пытался себе представить настоящий голос Золушки, которую встретил на Луне.

Белая птица приподняла крылья, расправила их снова.

— У меня появляются странные рефлексы. Иногда мне кажется, что я всегда была птицей. Ты не представляешь, что это такое — парить над океаном, подниматься к облакам.

- Мне это снилось в детстве.
 - Я хотела бы полетать на Землей. Здесь пусто.
 - Не останься навсегда птицей.
 - Захочу — останусь.
 - Нельзя, — ответил Павлыш. — Я тебя буду ждать. Ты разрешила мне искать тебя, когда пройдут два года твоего затворничества.
 - Ты нашел ту глупую записку.
 - Она не глупая.
 - Я чувствовала себя тогда такой одинокой, и мне так хотелось, чтобы кто-нибудь меня ждал.
 - Погляди. — Павлыш достал из кармана уже потертую на сгибах записку. — Я перечитываю ее по вечерам.
 - Смешно. И нашел меня здесь.
 - Ничего не изменилось. Ты не лишена прелести и как птица.
 - Значит, если бы я была черепахой, все было иначе?
 - Наверняка. Я с детства не любил черепах. Они не спешат.
 - Я, наверное, все-таки дура. Я была уверена, что любой человек, увидев меня в таком виде, будет... разочарован. Я хотела спрятаться.
 - Значит, тебе и мое мнение не было безразлично?
 - Не было... я даже не могу стыдливо потупиться.
 - Прикройся крылом.
- Марина расправила белое крыло и подняла его, закрывая голову.
- Вот и отлично, — сказал Павлыш. — Ты хотела передать со мной письмо твоему отцу?
 - Да. Сейчас. Оно уже готово. Я его наговорила. Только жалко, что он не узнает моего голоса.
 - Ничего страшного. Я все объясню. Я ему скажу, что передаю письмо, и тут же попрошу официально твоей руки.
 - Ты с ума сошел! У меня нет руки!
 - Это военная хитрость. Тогда твой отец поверит, что ты к нему вернешься живой и невредимой. Зачем иначе мне, блестящему космонавту из Дальнего флота, просить руки его дочери без уверенности, что эту руку я в конце концов получу.
 - Вы самоуверенны, космонавт.
 - Нет, я так скрываю свою робость. Мой соперник меня превосходит по всем статьям.
 - Ван?
 - С первого момента моего появления на Проекте он догадался, зачем я сюда пожаловал. Ты бы слышала, как он

кинулся на меня за то, что я шел к Станции на ручном
правлении.

— Глупый, он думал о нас. Мы спим на облаках. Ты мог
меня убить.

— Тем более он превосходит меня благородством и вер-
ностью.

— Он мой друг. Он мой лучший друг. Ты совсем другое.
До свидания, гусар Павлыш.

Птица смотрела через плечо Павлыша на дверь.

В дверях стоял Ван. Он, видно, стоял давно, все слышал.

— Грузовик готов, — произнес он, — мы отлетаем.

Повернулся, и его подошвы отбили затихающую вдали
дробь по ступенькам каменной лестницы.

— Выздоравливай, — пожелал Павлыш, дотронувшись до
мягкого крыла...

Когда грузовик приземлился на планетоиде. Ван сказал:

— Ты иди, там корабль ждет, а я останусь здесь. Надо
приглядеть за разгрузкой.

— До свидания, Ван. Наверное, мы с тобой еще увидимся.

— Наверное. Галактика стала тесной.

Павлыш протянул руку.

— Да, — сказал Ван, — я совсем забыл.

Он нагнулся, достал из ящика под пультом завернутый в
пластик плоский квадратный пакет.

— Это тебе. На память.

— Что это?

— Посмотришь на корабле.

Когда Павлыш развернул на корабле пакет, оказалось,
что это портрет Марины в тонко вырезанной из нефрита
рамке.

ПОСЕЛОК

Роман

Часть первая

ПЕРЕВАЛ

Глава первая

В доме было сырое, мышка толкалась у светильника, давно надо бы его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, полуутма. Олег валялся на койке — недавно прошумелся. Ночью он сторожил поселок: гонял шакалов, они целой стаей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В телесмешили пустота и обыкновенность, хотя сам от себя он ждал волнения, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят — вернешься или не вернешься. А если пятьдесят в квадрате? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросил Старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипеда нет, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашляла мать. Она, оказывается, дома.

— Ты чего не пошла? — спросил он.

— Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

— А кто за грибами ушел?

— Марьяна с Диком.

— И все?

— Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было естественно, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Если дожди не кончатся, — сказала мать, — до холодов огурцы не вызреют, Все плесени заастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел в потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса: нос картошкой. А сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Дику в

лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, степной человек, сам же всегда говорил.

— Мошки много, — уронила мать, — холодно ей в лесу.

— Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жили Старый и близнецы Дуровы. Он их взял себе, когда старши умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить по ночам. Вот и сейчас слышно было, как они хором захныкали. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Старый пошел на кухню, и тут же загадели его ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать. — Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. По ночам бормочет, ворочается, потом начинает тихо плакать — можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает: показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаваться, но он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которые увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пучок, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. Лицо красное, в осинках от перекати-поля, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, вытянув жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего ты? Сейчас даст станет фотографию... правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поесть. Близнецы хнычат. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случилось. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить. пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью

больше похожи. не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и тонкие губы. Широкие, круглые, дугами брови, под ними ярко-голубые глаза. И белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, как у матери на фотографии. Отец с матерью молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега счастье не было. А шестнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — попросил Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пущу тебя, — ответила мать. — Не отпущу, и все. Чрез мой труп.

— Мать, — Олег сел на койке, — хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне. Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу, — предложил Олег. — Воду вскипятить?

— Да, — отозвался Старый, — спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, как будто родился охотником, но на самом деле он родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу как дома, — сказал Дик.

Он произнес это громко. Дик шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить.

Лес был редкий, корявый, деревья вырастали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, за-

скрипели. Болела ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы. Дик вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— Погоди, Дик, — сказала она, — там цветок, которого я еще не видела.

— Может, обойдешься без цветов? — спросил Дик. — Домой пора. Мне что-то здесь не нравится. — У Дика был осенний нюх на неприятности.

— Одну секунду, — ответила Марьяна и подбежала к стволу.

Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, вытягивали пальцы, чтобы не упустить ни одной капли дождя.

Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашебуршились и заскрипели так, что Марьяна даже засмаялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он дернул Марьяну за плечи, оторвал от корней ее судорожно сжатые болью пальцы, посадил.

— Не открывай глаз, — приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

Неожиданно он навалился на Марьяну и прижал к корням.

— Больно же!

— Еще один прилетел, — сказал он, поднимаясь.

Два шарика перекати-поля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголочек-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не удастся иенараком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут от иголочек молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в се-

юн созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметины.

— Ну ничего, — успокоил Дик, — больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное — чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.

— Да, конечно. — Марьяна провела ладонью по щеке.

Дик заметил, ударил по руке.

— Грибы хватала, цветок брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расположились между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помог Марьяне собрать их. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий, Дик не хотел занимать руки. В лесу решают скунды, и руки охотника должны быть свободны.

— Посмотри, — произнесла Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая кисть с обломанными ногтями задержалась на руке Дика. — Я очень изуродована?

— Смешно, — сказал Дик, — у всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

— Татуировка?

— Забыла? Старый учил нас по истории, что дикие племена себя специально так украшали. Как награда.

— Так это дикари, а мне больно.

— Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

— Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное — не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

— Я не буду, — сказала Марьяна. — Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы до плеч мешают. Плохо, что он живет один. Все живут семьями, а он один. С тех пор как его отец умер, так и живет. Привык уже.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

— Да, — бросил он, — звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно было бежать. Те, кто бегает не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их выкидывать. Уже скоро будет вырубка, а потом поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она увидела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил удобнее арбалет. Она тоже вытащила нож из-за пояса, но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или откалывать грибы. А если тебя догоняет стая шакалов, то нож не поможет, лучше взять палку.

* * *

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул: «Червяк!» И они сгрудились в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам. Рыжая Рут — дочка Томаса завопила: видно, червяк угодил ей по голой руке жгучей присоской; ее мать высунулась из дома напротив и кричала:

— Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно оставаться! Немедленно домой!

Но ученики решили вытащить червяка наружу, и Олег знал почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красивым, то синим, это очень интересно, только интересно им, а не материам, которые панически боятся червяков, безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, произнес:

— Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в конец ее, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбалетом в руке. В позе Томаса было напряжение. «Неладно, — сказал себе Олег. — Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не понимает, что она совсем другая, не такая, как он, и ее надо уберечь».

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плечу. Тут рыжую Рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и поэтому пользы от него никакой.

— Что? — спросил он Томаса.

Тот, не оборачиваясь, кинул:

— По-моему, шакалы опять шляются. Стая.
— Та же, что и ночью?
— Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьину
ждешь?

— Они с Диком за грибами пошли.
— Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с
Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. Томас не хотел обижать Олега. Просто так
получилось, что Дик надежнее: Дик охотник, а он, Олег, не
очень охотник. Как будто быть охотником — высшее дости-
жжение человечества.

— Я, конечно, понимаю, — улыбнулся вдруг Томас. Он
опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды. —
Но это вопрос приоритета. В небольшом обществе, скажем,
подобном нашему, способности, к примеру математические,
отступают на шаг по шкале ценностей в сравнении с умени-
ем убить медведя, что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, длинные губы гнулись
в углах, словно не помещались на лице. Лицо было темным,
все в глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки
желтые. У Томаса больная печень. Может, от этой болезни
он стал совсем лысый и часто кашлял. Но Томас был выно-
сливым и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил
стрелу. Олег кинул взгляд туда, куда, взвизгнув, метнулась
стрела. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов,
словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он
рухнул на луг и, дернувшись, затих.

— Выстрел мастера, — сказал Олег.
— Спасибо. Надо оттащить, пока воронье не налетело.
— Я притащу, — предложил Олег.
— Нет, он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Ес-
ли ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю ид-
ти. Сколько шакалов в стае?

— Я шесть штук ночью насчитал.
Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торча-
ла иглами.

Олег повернулся, чтобы бежать за арбалетом, но его за-
держал свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка
слышно.

Остановиться? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.
— Что там? — Мать стояла в дверях.
Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал
крюк. Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?
— Стрелы за плитой, — сказала мать. — Что случилось?
Что-нибудь с Марьиной?

Старый выбежал с копьем. Как будешь стрелять из арбалета одной рукой? Олег обогнал Старого, на ходу вытаскивая стрелу из колчана, хотя на ходу этого делать не стоило.

Вся малышня поселка неслась к изгороди.

— Назад! — крикнул Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегал сзади, замереть.

И тогда из серой ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик. Крик был далекий, короткий, он прервался, и наступила бесконечная тишина, потому что ни одна душа в поселке не смела дышать. Даже младенцы в колыбели замолкли. И Олег представил, нет, увидел, как там, за стеной дождя и белесых стволов, в живом, дышащем, движущемся лесу, прижимаясь спиной к теплой и жгучей коре сосны, стоит Марьяна, а Дик, упав на колено — кровь хлещет из разорванной зубами шакала руки, — старается перехватить копье...

— Старый! — крикнул Томас. — Борис! Останешься у изгороди. Олег, беги за нами.

У леса их догнала тетя Луиза с ее знаменитым тесаком, которым она в прошлом году отогнала медведя. В другой руке она несла головешку. Тетя Луиза была большой, толстой и страшной женщиной — короткие седые космы во все стороны, балахон надулся колоколом. Даже деревья пугливо втягивали ветки и скручивали листья, потому что тетя Луиза была как злой дух, который зимой рычит в ущелье. И когда тетя Луиза споткнулась о лиану-хищницу, та, вместо того чтобы схватить жертву, спряталась за ствол, как трусливая змея.

Томас так неожиданно остановился, что Сергеев чуть не налетел на него, и, сунув два пальца в рот, свистнул. Никто в поселке не умел так оглушительно свистеть.

Когда свист прервался, Олег понял, как затаился, испутился лес человеческого топота, человеческой тревоги и гнева. Только слышно было, как тяжело дышит грузная тетя Луиза.

— Сюда! — крикнула Марьяна.

Голос ее прозвучал совсем близко. Она даже не крикнула, она позвала, как зовут с другого конца поселка. И потом, когда они побежали снова, Олег услышал голос Дика, вернее, рев, как звериный, и бешеное уханье шакала.

Олег метнулся в сторону, чтобы обогнать тетю Луизу, но перед ним возникла спина Сергеева, который не успел даже одеться, бежал в одних кожаных штанах.

Марьяна, как в видении Олега, стояла, прижавшись к лгому белому стволу старой толстой сосны, который поился внутрь, будто старался оградить девушку. Но Дик не пал. Дик отбивался ножом от большого шакала, который всртывался от ударов, шипя и извиваясь. Еще один шакал орчился сбоку на земле, стрела в боку. И штук пять, не меньше, сидели в ряд в сторонке, будто зрители. У шакалов та такая странная манера. Они не нападают скопом, а дут. Если первый не справится с добычей, за дело принимается второй. И так, пока не победят. Им друг друга не алко. Они это не понимают. Сергеев, когда вскрывал одного шакала, с трудом отыскал у него мозг.

Шакалы-зрители, как по команде, повернули морды к людям, которые ворвались на поляну. И Олегу показалось вдруг, что красные точки шакальных глаз смотрят на него с осуждением. Разве можно нападать всем вместе? Это же не по правилам.

Шакал, который все норовил захватить зубами нож, вдруг повалился набок: из основания длинной шеи торчала стрела. Оказывается, Томас успел выстрелить, пока Олег соображал, что к чему. А Дик, словно ждал этого, тут же повернулся к остальным шакалам и бросился на них с копьем. Рядом с ними уже были Сергеев и тетя Луиза с тесаком и головешкой. Прежде чем шакалы поняли, что произошло, двое из них валялись мертвыми, тогда остальные помчались в чащу. Никто из ними не побежал. А Олег шагнул к Марьяне:

— С тобой ничего?

Марьяна плакала. Прижимала к груди шевелящийся мешок с грибами и горько плакала.

— Ну скажи, скажи! — испугался Олег.

— Меня перекати-поле изжалило, — плакала Марьяна. — Теперь я буду рябая.

— Жаль, что вы так быстро прибежали, — сказал Дик, вытирая кровь со щеки; — я только во вкус вошел.

— Не говори глупостей, — одернула его тетя Луиза.

— Третий или четвертый тебя бы одолел, — добавил Сергеев.

* * *

По дороге к поселку Дика начало трясти, от шакальных зубов никому еще хорошо не бывало.

Все сразу ушли в дом к Вайткусу, сам Вайткус болел, лежал, а его жена Эгли достала из аптечки — ящика в углу — примочки и настой против шакального яда, потом промыла

рану Дика и велела ему спать. Марьяне смазали лицо жиром. Дик ушел. Через час-два лихорадка уляжется, а сейчас ему больно и плохо, он не хотел, чтобы другие это видели.

Эгли поставила на стол миску с сахаром, который вытапливают из корней осоки на болоте. Только они с Марьяной знали, как отличить сладкую осоку от обыкновенной. И еще малыши, которые чутьем знают, какая трава сладкая, а какую нельзя трогать. Потом Эгли разлила по чашкам кипяток, и каждый сам черпал ложкой густой серый сахарный кисель. У Вайткусов просто. К Вайткусам все любят ходить.

— Ничего страшного? — спросил Томас у Эгли. — Дик сможет идти?

— На нем, как на кошке, сразу заживает.
— Ты все-таки сомневаешься? — подал голос Сергеев.
— Я не сомневаюсь, — сказал Томас, — другого выхода нет. Ты предлагаешь ждать еще три года? Мы вымрем от скудности.

— Мы не вымрем, — сказал с койки Вайткус. Борода и копна волос на голове скрывали все лицо. Были видны только красный нос и светлые пятна глаз. — Мы окончательно одичаем.

— Одно и то же, — сказал Томас. — Попался бы мне Даниэль Дефо. Жалкий враль.

Вайткус захохотал, словно закашлялся.

Олег уже слышал эти разговоры. Сейчас их вести — совсем уж пустое дело. Он хотел было пойти в сарай, где Стадный с учениками снимал шкуры с убитых шакалов, поговорить со Старым. Просто поговорить. Но потом поглядел на миску с сахаром и решил съесть еще немного. Дома они с матерью доели свою долю еще на позапрошлой неделе. Он зачерпнул сахару так, чтобы ложка была неполной. Ведь он сюда не объедаться пришел.

— Пей, Марьяшка, — сказала Эгли, — ты устала.
— Спасибо, — ответила Марьяна, — я грибы отмачивать положу, а то засохнут.

Олег разглядывал Марьяну, будто впервые увидел, даже ложку забыл поднести ко рту. У Марьяны губы как будто нарисованы — четко, чуть темнее к краям, удивительные губы, таких ни у кого больше нет во всем поселке. Хотя она немножко похожа на Сергеева. Совсем немногого. Наверное, тоже похожа на мать, только ее матери Олег не помнил. А может быть, на своего деда. Удивительная вещь — генетика. Стадный в теплице — яме за сараем, хозяйстве Марьяны, —ставил для учеников опыты с горохом. Ну, правда, не с горохом, а со здешней чечевицей. Все сходилось, только с корректировками. Иные наборы хромосом, разумеется, иные. У

Марьяны треугольное лицо, скулы и лоб широкие, а подбородок острый, так что глазам на лице места много, и они заняли все свободное место. И очень длинная шея, сбоку розовый шрам, с детства. К нему Марьяна привыкла, а из-за перекати-поля переживает. Не все ли равно, есть ли у человека точки на лице или нет? У всех есть. А вместо бус у Марьяны, как у всех в поселке, веревка с деревянной бутылочкой противоядия.

— Представь себе, что поход кончится трагически, — сказал Сергеев.

— Не хотел бы, раз я в нем участвую, — отозвался Томас. Вайткус опять засмеялся, забулькало где-то в середине бороды.

— Парни — Дик с Олегом — надежда нашего поселка, его будущее, — продолжал Сергеев. — Ты же, Томас, один из четырех последних мужчин.

— Приплюсуйте меня, — произнесла басом Луиза и начала громко дуть в чашку, чтобы остудить кипяток.

— Меня ты не убедишь, — покачал головой Томас. — Но если очень боишься, давай оставим Марьяну здесь.

— Я боюсь за дочь, да. Но сейчас разговор идет о более принципиальных вещах.

— Я пойду грибы намочу, — сказала Марьяна и легко поднялась.

— Кожа да кости, — уронила тетя Луиза, глядя на нее.

Проходя мимо отца, Марьяна дотронулась кончиками пальцев до его плеча. Тот поднял трехпалую ладонь, чтобы накрыть ею кисть Марьяны, но она уже убрала руку и быстро прошла к двери. Дверь открылась, впустив мерный шум дождя, и громко хлопнула. Олег чуть было не сорвался вслед за Марьяной. Но удержался, неудобно как-то.

Из второй комнаты вышел, нетвердо ступая, один из сыновей Вайткуса. Сколько ему? Первый родился той весной, а другой недавно, когда выпал снег. Значит, этому полтора года? А всего у Вайткусов шестеро детей. Мировой рекорд.

— Сахару, — сказал сердито ребенок.

— Я тебе покажу — сахару! — возмутилась Эгли. — А зуны у кого болят? У меня? А босой кто ходит? Я?

Она подхватила мальчишку и унесла его из комнаты.

Олег увидел, что его рука сама по себе снова зачерпнула ложкой сахару из миски. Он рассердился на себя и вылил ложку обратно. Пустую поднес ко рту и облизал.

— Давай я тебе еще кипятку налью, — предложила тетя Луиза. — Жалко мне ребят наших, всегда какие-то недокормленные.

— Сейчас еще ничего, — добавила Эгли, возвращаясь в комнату. Вслед ей несся басовитый рев Вайткуса-младшего. — Сейчас грибы пошли. И витамины есть. Хуже с жирами...

— Мы сейчас пойдем, — произнесла тетя Луиза. — Ты бледная совсем.

— Ты же знаешь почему. — Эгли постаралась улыбнуться. Но улыбка получилась гримасой, как будто ей больно.

Эгли месяц назад родила ребенка, девочку, мертвую. Стариный сказал, что ей уже поздно рожать. И организм истощен. Но она человек долга. Род должен продолжаться. «Понимаешь?»

— Спасибо за угощение, — сказала тетя Луиза.

— Как ты умудрилась раздаться, непонятно, — пожал плечами Томас, глядя, как громоздкое тело тети Луизы плывет к двери.

— Это я не от хорошей жизни распухла, — кинула Луиза, не оборачиваясь. В дверях она остановилась и сказала Олегу: — Ты от всех треволнений к Кристине забыл зайти. Они тебя ждут. Нехорошо.

Конечно. Как плохо! Он же должен был час назад зайти.

Олег вскочил.

— Я сейчас.

— Ну ладно. Я так, для дисциплины, — махнула рукой тетя Луиза. — Я сама загляну. Своих сирот накормлю и зайду.

— Не надо.

Олег выскочил на улицу следом за тетей Луизой. И тут вспомнил, что забыл поблагодарить Эгли за кипяток с сахаром; стало неловко.

Они пошли рядом, идти недалеко. Весь поселок можно обежать за пять минут по периметру изгороди.

Дома под косыми односкатными крышами теснились, прижимались один к другому двумя полосками по обе стороны прямой дорожки, что резала поселок пополам: отворот в изгороди до общего сарая и склада. Крытые плоскими длинными розовыми листьями водяных тюльпанов крыши блестели под дождем, отражая всегда серое, всегда туманное небо. Четыре дома на одной стороне, шесть домов на другой. Правда, три дома пустых. Это после прошлогодней эпидемии.

Дом Кристини предпоследний, за ним только дом Дика. Тетя Луиза живет напротив.

— Не страшно уходить? — спросила тетя Луиза.

— Надо.

— Ответ, достойный мужчины. — Тетя Луиза почему-то улыбнулась.

— А Сергеев Марьяну отпустит? — спросил Олег.

— Пойдет твоя Марьяна, пойдет.

— Ничего с нами не случится, — успокоил Олег. — Четыре человека. Все вооруженные. Не первый раз в лесу.

— В лесу не первый раз, — согласилась Луиза, — но в горах совсем иначе.

Они остановились на дороге между домами Кристины и Луизы. Дверь к Луизе была приоткрыта, там блестели глаза — приемыш Казик ждал тетю.

— В горах страшно, — сказала Луиза. — Я на всю жизнь запомнила, как мы по горам шли. Люди буквально на глазах замерзали. Утром поднимаемся, а кого-то уже не добудишься.

— Сейчас лето, снега нет.

— Принимаешь желаемое за действительное. В горах всегда снег.

— Но если пройти нельзя, мы вернемся.

— Возвращайтесь. Лучше возвращайтесь.

Луиза повернула к своей двери. Казик выбежал к ней на встречу. Олег толкнул дверь к Кристине.

У Кристины душно, пахнет чем-то кислым, плесень уже закрыла стены, как обои, и хоть плесень желтая, оранжевая, яркая, в комнате от этого не светлей. И светильник не горит.

— Привет, — сказал Олег, придерживая дверь, чтобы разглядеть, кто где в этой комнате. — Вы не спите?

— Ох, — отозвалась Кристина, — пришел все-таки, я думала, что не придешь, забудешь. Раз вы в горы собрались, зачем обо мне помнить?

— Ты не слушай ее, Олег, — произнесла тихо, очень тихо, почти шепотом Лиз, — Она всегда ворчит. Она и на меня ворчит. Надоело.

Олег нашел стол, пошарил по нему руками, отыскал светильник, вынул из кошеля на пояске кремень и трут.

— Чего без света сидите? — спросил он.

— Там масло кончилось, — ответила Лиз.

— А где банка?

— Нет у нас масла, — вздохнула Кристина. — Кому мы нужны, две беспомощные женщины? Кто принесет нам масла?

— Масло на полке, справа от тебя, — сказала Лиз. — Вы когда уходите?

— После обеда. Как себя чувствуешь?

— Хорошо. Только слабость.

— Эгли сказала, что дня через три ты уже встанешь. Хочешь, мы тебя к Луизе перенесем?

— Я не оставлю маму.

Кристина не была ей матерью. Но они давно жили вместе. Когда они пришли в поселок, Лиз было меньше года, она была самая маленькая. Ее мать замерзла на перевале, а отец погиб еще раньше. Кристина несла Лиз все то дни. Она тогда была сильная, смелая, у нее еще были глаза. Так и остались они вдвоем. Потом Кристина ослепла. Из-за тех же перекати-поле: не знали еще, что делать. Вот и ослепла. Она редко выходит из дома. Только летом, если нет дождя. Все уже привыкли к дождю, не замечают его. А она не привыкла. Если дождь, ни за что не выйдет. А если сухо, сидет на ступеньку, угадывает по шагам проходящих мимо и жалуется. А раньше она была крупным астрономом. Очень крупным астрономом. Лиз как-то сказала Олегу: «Представь себе трагедию человека, который всю жизнь смотрел на звезды, а потом попал в лес, где звезд не бывает, и к тому же вообще ослеп. Тебе этого не понять».

— Конечно, — сказала Кристина, — перенесите ее куданибудь. Зачем ей со мной подыхать?

Олег отыскал на полке банку с маслом, налил в светильник и зажег его. Сразу стало светло. И видна широкая кровать, на которой под шкурой лежали рядом Кристина и Лиз. Олег всегда удивлялся, насколько они похожи, не повсюду, что даже не родственники. Обе белые, с желтыми волосами, с широкими плоскими лицами и мягкими губами. У Лиз зеленые глаза. У Кристины глаза закрыты. Но говорят, что были зелеными.

— Масла еще на неделю хватит, — сказал Олег, — потом Старый принесет. Вы не экономьте. Чего в темноте сидеть?

— Жаль, что я заболела, — произнесла Лиз. — Я хотела бы пойти с тобой.

— В следующий раз.

— Через три года?

— Через год.

— Через этот год, значит, через три наших года. У меня слабые легкие.

— До зимы еще долго, выздоровеешь.

Олег понимал, что говорит не то, чего ждала от него эта девушка с широким лицом. Когда она говорила о походе, она имела в виду совсем другое: чтобы Олег всегда был вместе с ней. потому что ей страшно, она совсем одна. Олег ста-

рался быть вежливым, но не всегда удавалось: Лиз раздражала — ее глаза всегда чего-то просили.

Кристина поднялась с постели, подобрала палку, пошла к плите. Она все умела делать сама, но предпочитала, чтобы помогали соседи.

— С ума сойти, — бормотала она. — Я, видный ученый, женщина, некогда известная своей красотой, вынуждена жить в этом хлеву, брошенная всеми, оскорбленная судьбой...

— Олег, — начала Лиз, поднимаясь на локте. Открылась большая белая грудь, и Олег отвернулся. — Олег, не уходи ними. Ты не вернешься. Я знаю, ты не вернешься. У меня предчувствие...

— Может, воды принести? — спросил Олег.

— Есть вода, — ответила Лиз. — Ты не хочешь меня послушать. Ну хотя бы раз в жизни!

— Я пошел.

— Иди.

В дверях его догнали слова:

— Олежка, ты смотри, может, там есть лекарство от кашля. Для Кристины. Ты не забудешь?

— Не забуду.

— Забудет, — отозвалась Кристина. — И в этом нет ничего удивительного.

— Олег!

— Ну что?

— Ты не сказал мне «до свидания».

— До свидания.

* * *

Старый мылся на кухне над тазом.

— Крупных зверей вы убили, — сказал он. — Шерсть только плохая, летняя.

— Это Дик с Сергеевым.

— Ты сердит? Ты был у Кристины?

— Там все в порядке. Потом принесите им масла. И еще них картошка кончается.

— Не беспокойся. Заходи ко мне, поговорим напоследок.

— Только недолго! — крикнула мать из-за перегородки.

Старый ухмыльнулся. Олег снял полотенце, протянул ему, чтобы удобнее было вытереть левую руку. Правую старик потерял лет пятнадцать назад, когда они первый раз пытались пройти к перевалу.

Олег прошел в комнату Старого, сел за стол, отполированный локтями учеников, отодвинул самодельные счеты с

сушеными орехами вместо костяшек. Сколько раз он сидел за этим столом? Несколько тысяч раз. И почти все, что знает, услышал за этим столом.

— Мне страшнее всего отпускать тебя, — произнес старик, садясь напротив, на учительское место. — Я думал, что через несколько лет ты сменишь меня и будешь учить детей.

— Я вернусь, — ответил Олег. Он подумал: «А что сейчас делает Марьяна?» Грибы она уже замочила, потом переложила свой гербарий, она обязательно перекладывает гербарий. Собирается? Говорят с отцом?

— Ты меня слушаешь?

— Да, конечно, учитель.

— И в то же время я сам настаивал на том, чтобы тебя взяли за перевал. Пожалуй, это тебе нужнее, чем Дику или Марьяне. ты будешь моими глазами, моими руками.

Старый поднял руку и посмотрел на нее с интересом, словно никогда не видел. И задумался. Олег молчал, оглядывая комнату. Старый иногда замолкал так, внезапно, на минуту, на две. У каждого свои слабости. Огонек светильника отражался на отполированном, как всегда, чистом микроскопе. В нем не было главного стекла. Сергеев тысячу раз говорил Старому, что пустая трубка слишком большая роскошь, чтобы держать ее на полке, как украшение. «Дай мне в мастерскую, Боря. Я из нее сделаю два чудесных ножа». А Старый не отдавал.

— Прости, — сказал старик. Он моргнул два раза добрыми серыми глазами, погладил аккуратно подрезанную белую бороду, за которую тетка Луиза звала его купцом. — Я размышлял. И знаешь о чем? О том, что в истории Земли уже бывали случаи, когда по несчастливой случайности группа людей оказывалась отрезанной от общего потока цивилизации. И тут мы вступаем в область качественного анализа...

Старик опять замолк и пожевал губами. Ушел в свои мысли. Олег к этому привык. Ему нравилось сидеть рядом со стариком, просто молчать, ему казалось, что знаний в старике так много, что сам воздух комнаты полон ими.

— Да, конечно, надо учитывать временной диапазон. Диапазон — это расстояние. Запомнил?

Старый всегда объяснял слова, которые ученикам не встречались.

— Одному человеку для деградации достаточно нескольких лет. При условии, что он белый лист бумаги. Известно, что дети, которые попадали в младенчестве к волкам или обезьянам, а такие случаи отмечены в Индии и Африке, че-

несколько лет безнадежно отставали от своих сверстников. Они становились дебилами. Дебил — это...

— Я помню.

— Прости. Их не удавалось вернуть человечеству. Они тоже ходили только на четвереньках.

— А если взрослый?

— Взрослого волки не возьмут.

— А на необитаемый остров?

— Варианты различны, но человек неизбежно деградирует... степень деградации...

Старик взглянул на Олега, тот кивнул. Он знал это слово.

— Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от его характера. Но мы можем ставить исторический эксперимент на одной слоившейся особи. Мы говорим о социуме. Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в какой находилась в момент отчуждения?

— Может, — ответил Олег. — Это мы.

— Не может, — возразил старик. — Но для младенца достаточно пяти лет, для группы, даже если она не вымрет, потребуется два-три поколения. Для племени — несколько поколений... Для народа, может быть, века. Но процесс необратим. Он проверен историей. Возьмем австралийскихaborигенов...

Вошла мать Олега, она была причесана, надела выстиранную юбку.

— Я посижу с вами, — сказала она.

— Посиди, Ирочка, — кивнул старик. — Мы беседуем о официальном прогрессе. Вернее, регрессе.

— Я уже слыхала. Ты рассуждаешь, через сколько времени мы начнем ходить на четвереньках? Так я тебе отвечу — мы все передохнем. И слава богу. Надоело.

— А ему не надоело, — не согласился старик. — И моим изненадам не надоело.

— Из-за него и живу, — напомнила мать, — а вы его поглащаете на верную смерть.

— Если встать на твою точку зрения, Ира, — сказал Стадий, — то здесь смертью грозит каждый день. Здесь лес — смерть, зима — смерть. Наводнение — смерть, ураган — смерть, укус шмеля — смерть. И откуда смерть выползет, неизвестно она примет обличье, мы не знаем.

— Она выползает, когда захочет, и забирает, кого пожелает. Одного за другим.

— Нас больше, чем пять лет назад. Главная проблема — физическое выживание, а моральное.

— Нас меньше! Нас с тобой меньше! Ты понимаешь, нас совсем не осталось! Что эти щенки могут без нас?

— Можем, — ответил Олег. — Ты в лес одна пошла бы?

— Лучше повеситься. Я порой на улицу боюсь выходить.

— А я хоть сейчас пойду. И вернусь. С добычей.

— То-то сегодня Дика с Марьешкой еле спасли.

— Это случайность. Ты же знаешь, что шакалы стаями исходят.

— Ничего не знаю! Пошли все-таки стаей или нет? Пошли?

— Пошли.

— Значит, ходят...

Олег не стал больше возражать. Мать тоже замолчала. Старый вздохнул, дождался паузы и продолжил свой монолог:

— Я почему-то сегодня вспомнил одну историю. Тысячу лет не вспоминал, а сегодня вспомнил. Может, просто к месту пришло? Случилось это в 1530 году, вскоре после открытия Америки. Немецкое китобойное судно, которое прошло к югу от Исландии, попало в шторм, и его отнесло на северо-запад, в неизвестные воды. Несколько дней корабль несло по волнам среди айсбергов. Айсберг — это...

— Это ледяная гора, я знаю.

— Правильно. Через несколько дней показались заснеженные гористые берега неизвестной земли. Теперь она называется Гренландией. Корабль бросил якорь, и моряки спустились на берег. И представляете их удивление, когда вскоре они увидели полуразрушенную церковь, потом остатки каменных хижин. В одной из хижин они нашли труп рыжеволосого мужчины в одежде, кое-как сшитой из тюленых шкур, рядом сточенный, ржавый нож. А вокруг запустение, холод, снег...

— Не пугай, Боря, — прервала его мать. Пальцы ее нервно стучали по столу. — Псевдоисторические сказки...

— Погоди. Это не сказка. Это строго документировано. Тот человек был последним викингом. Ты помнишь, Олег, кто такие викинги?

— Вы рассказывали о викингах.

— Викинги бороздили моря, завоевывали целые страны, они заселили Исландию, высаживались в Америке, которую называли Винланд, даже основали свое царство на Сицилии. И у них была крупная колония в Гренландии. Там было несколько поселков, стояли каменные дома и церкви. Но вот корабли викингов перестали выходить в море. Колонии их перешли к другим народам или были заброшены. Прервалась связь с Гренландией. А тем временем климат там

становился все более суровым, скот вымирал, и гренландские поселения приходили в упадок. В первую очередь потому, что потеряли связь с миром. Гренландцы, некогда смелые моряки, разучились строить морские корабли, их становилось все меньше. Известно, что в середине XV века в Гренландии была сыграна последняя свадьба. Потомки викингов дичали, их было слишком мало, чтобы противостоять стихии, добиться прогресса или хотя бы сохранить старое. Ты представляешь себе трагедию — последняя свадьба в целой стране? — Старый обращался к матери.

— Твои аналогии меня не убеждают. Много ли было викингов, мало ли — ничего бы их не спасло.

— А ведь альтернатива была. Приди тот немецкий корабль тридцатью годами раньше, и все сложилось бы иначе. Эти викинги могли бы уплыть на континент и вернуться в человеческую семью. Или иначе — наладилась бы связь с другими странами, появились бы торговцы, новые поселенцы, хотя бы новые орудия труда, знания... И все было бы иначе.

— К нам никто не приплывет.

— Наше спасение — не вживление в природу, — произнес старик уверенно. На этот раз он обернулся к Олегу. — Нам нужна помощь. Помощь остального человечества. И потому настаиваю, чтобы твой сын шел за перевал. Мы еще помним. И наш долг — не обрывать нить.

— Пустой разговор, — устало сказала мать. — Водички согреть?

— Согрей, — ответил Старый. — Побалуемся кипятком. Нам грозит забывание. Уже сейчас носителей хотя бы крох человеческой мудрости, знаний становится все меньше. Одни гибнут, умирают, другие слишком поглощены борьбой за выживание... И вот появляется новое поколение. Вы с Марьиной еще переходный этап. Вы как бы звено, соединяющее нас с нашим будущим. Каким оно будет, ты представляешь себе?

— Мы не боимся леса. Мы знаем грибы и деревья, мы можем охотиться в степи...

— Я боюсь будущего, в котором господствует новый тип человека — Дик-охотник. Он для меня символ отступления, символ поражения человека в борьбе с природой.

— Ричард — хороший мальчик, — отозвалась мать из кухни. — Ему нелегко приходилось одному.

— Я не о характере, — сказал Старый. — Я о социальном милении. Когда ты, Ирина, научишься абстрагироваться от мелочей?

— Буду я абстрагироваться или нет, но если бы той зимой Дик не убил медведя, мы бы все перемерли с голоду, — сказала мать.

— Дик уже ощущает себя аборигеном этих мест. Он бросил ходить ко мне пять лет назад. Я не уверен, помнит ли он азбуку.

— Зачем? — спросила мать. — Книг все равно нету. И письма писать некуда. И некому.

— Дик много песен знает, — вступил Олег. — И сам сочиняет. — Олегу стало немного стыдно, что ему приятно ощущать недоброжелательство старика с Дику, и потому он решил Дику защитить.

— Не в песнях дело. Песня — заря цивилизации. А для малышей Дик — кумир. Дик — охотник! А для вас, бабы, он пример. «Посмотри на Дику. Вот хороший мальчик!» А для девочек он рыцарь. Ты не обращала внимания, какими глазами на него глядит Марьяшка?

— Пускай гладит. Замуж выйдет. Для поселка хорошо.

— Мама! — не выдержал Олег.

— А что?

Мать, как всегда, ничего не замечала вокруг, жила в каком-то своем мире, пережевывала древности.

— И тебя радует мир диков? — Старик был зол. Он даже грохнул кулаком по столу. — Мир благополучных быстроно-гих дикарей?

— А что ты предлагаешь взамен?

— Вот его. — Старик положил тяжелую ладонь на затылок Олегу. — Мир Олега — это мой мир, это твой мир, от которого ты пытаешься отмахнуться. Хотя тебе-то никакого другого не дано.

— Ты не прав, Боря. — Мать пошла на кухню, сняла с огня миску с кипятком и принесла в комнату. — Сахар кончился.

— У меня тоже, — ответил старик. — Сейчас корни худые, несладкие. Эгли говорит, что придется месяц потерпеть. Поедим с хлебом. Ты же интеллигентная женщина и должна понимать, что мы обречены на вырождение, если на смену нам придут дики-охотники.

— Не согласна я с тобой, Боря, — сказала мать. — Нам бы выжить. Я сейчас не о себе конкретно говорю, а о поселке. О детишках. Когда я гляжу на Дику или на Марьянку, у меня появляется надежда. Ты их называешь дикими, а я думаю, что они смогли приспособиться. И если они сейчас погибнут, мы все погибнем. Слишком велик риск.

— А я, значит, не приспособился? — спросил Олег.

— Ты меньше других приспособился.

— Ты просто боишься за меня, — ответил Олег. — И не хочешь, чтобы я шел в горы. А я из арбалета стреляю лучше лука.

— Я боюсь за тебя, конечно, боюсь. Ты у меня один. Ты ~~никогда~~, что у меня осталось. А ты с каждым днем все больше от ~~никогда~~ отыскаешься, уходишь куда-то, чужим становишься.

Старик мурлыкал по комнате, так бывало, когда он недоволен учениками, если они ленятся. Нагнулся, поднял с ~~табуретки~~ глобус. Он его сделал из гриба-гиганта, который вырос той зимой у сарайя. Они тогда с Олегом вместе терли краски, цветную глину, которую Марьяна и Лиз отыскивали у ручья, ту самую, из которой теперь делают мыло. Ее высушили, получилось два цвета — белый и серый. А сам гриб был сиреневым. И Старый по памяти нарисовал все материки и океаны Земли. Глобус получился бледным, а за два года еще больше побледнел и стерся, стал как круглое яблоко.

Олег увидел на столе маленькое пятнышко розовой плесени. Это не желтая, это ядовитая плесень. Он осторожно стер пятнышко рукавом. Глупо, когда родная мать предпочитает тебе другого. В общем, это предательство. Самое настоящее предательство.

— Мы с тобой умрем, — напомнил старик.
— И отлично. Пожили достаточно, — отрезала мать.
— Тем не менее не спешим умирать, цепляемся за эту жизнь.

— Мы трусливы.
— У тебя всегда есть Олег.
— Я жила ради него.
— Мы с тобой умрем, — продолжал старик, — но поселок должен жить. Иначе пропадет смысл нашего с тобой существования.

— Больше шансов выжить у поселка охотников, — наставила мать.

— Больше шансов выжить у поселка таких, как Олег, — ~~казал~~ старик. — Если править нашим племенем будут Дик и ему подобные, то через сто лет никто не вспомнит, кто мы такие, откуда пришли. Восторжествует право сильного, законы первобытного племени.

— И будут они плодиться и размножаться. И станет их много. И изобретут они колесо, а еще через тысячу лет — паровую машину. — Мать засмеялась, как будто плакала.

— Ты шутишь? — спросил Олег.
— Ирина права, — ответил старик. — Борьба за существование в элементарной форме приведет к безнадежному

ретрессу. Выжить ценой вживания в природу, принятия ее законов — значит сдаться.

— Но все-таки выжить, — стояла на своем мать.
— Она так не думает, — сказал Олег.
— Конечно, она так не думает, — согласился Старик. — Я знаком с Ириной уже двадцать лет. И знаю, что она так не думает.

— Я вообще предпочитаю не думать.
— Врешь, — сказал Старый. — Мы все думаем о будущем, боимся и надеемся. Иначе перестанем быть людьми. Именно груз знаний, которыми не отягощает себя Дик, заменяя их простыми законами леса, может нас спасти. И possibly есть альтернатива, мы можем надеяться.

— Ради этой альтернативы ты гонишь Олежку в горы?
— Ради сохранения знаний, ради нас с тобой. Ради борьбы с бессмыслицей, неужели не ясно?
— Ты всегда был эгоистом.
— Твой материнский слепой эгоизм не в счет?
— Зачем тебе Олег? Он не перенесет путешествия. Он же слабый.

Этого говорить не следовало. Мать поняла сама и взглянула на Олега, глазами умоляя его не обижаться.

— Я не обижусь, мам. Но я хочу идти. Может, хочу больше, чем все остальные. Дик бы даже с удовольствием остался. Сейчас олени кочевать начнут. Самая охота в степи.

— Он нужен в походе, — сказал старик. — Как бы я ни возмущался перспективами его власти, сегодня его уменис, его сила могут нас спасти.

— Спасти! — Мать оторвала взгляд от Олега. — Ты талдычишь о спасении. А сам в него веришь? Три раза люди ходили в горы, сколько вернулось? С чем?

— Тогда мы были еще неопытны. Мы не знали здешних законов. Мы шли, когда на перевале был снег. Тсперь мы знаем, что он тает только в конце лета. За любос знанис приходится платить.

— Если бы те не погибли, мы бы жили лучше. Было бы больше кормильцев.

— Но все равно мы оказались бы во власти закона деградации. Или мы часть человечества и бережем его знания, или мы дикари.

— Ты идеалист, Боря. кусок хлеба сегодня нужнее абстрактных ананасов.

— Но ведь ты помнишь вкус ананаса? — Старый повернулся к Олегу и добавил: — Ананас — это тропический плод со специфическим вкусом.

— Я понял, — ответил Олег. — Смешное слово.

Глава вторая

— Бумага, — повторил Старый. — Хоть десяток листов.

— Будет тебе бумага, — пообещал Томас.

Те, кому уходить, собирались у ворот в изгороди. Остальные пришли их проводить. Все делали вид, что поход самый обыкновенный, как за корнями к болоту, а прощались как будто навсегда.

Те, кто уходил, были тепло одеты — одежду собирали по всему поселку. Тетя Луиза сама отбирала, ушивала, подгнила. Наверное, Олег никогда не был так тепло одет. Только Дик ничего лишнего не взял. Он сам себе все шьет.

Дождь почти перестал, в лужах вокруг столбов плескались, пищали плавунцы. К хорошей погоде.

Томас посмотрел на плавунцов.

— Дождь перестает. Надо бы столбы укрепить.

— Не думай об этом, — ответила тетя Луиза, — без тебя справимся.

— А ты мне что принесешь, пап? — спросила рыжая Рут, дочка Томаса.

— Не надо, — отозвалась его жена Линда. — Не надо даже думать об этом. Главное, чтобы папа вернулся. Закутай горло, ты опять кашляешь.

— С перевала держи правее, — сказал Вайткус Томасу. — Помнишь?

— Помню, — улыбнулся Томас. — Как сейчас помню. Ты бы лег...

Мать держала Олега за руку, и он не смел вырвать руку, хотя ему казалось, что Дик чуть усмехается, глядя на него. Она хотела пойти с ними до кладбища, но Сергеев ее не пустил. Он никого не пустил, кроме Луизы со Старым.

Олег несколько раз оборачивался. Мать стояла, приподняв руку, словно хотела помахать вслед и забыла. Она старалась не плакать.

Над изгородью были видны головы взрослых. Мать, Эгли, Линда, Сергеев, Вайткус, а сквозь колючки, пониже, тем-

нели фигуры ребятишек. Маленькая шеренга людей, за ними — покатые, блестящие под дождем розовые крыши маленькой кучки домиков.

С холма Олег обернулся в последний раз. Все так и стояли у изгороди, только кто-то из малышей отбежал в сторону и возился у лужи. Отсюда, сверху, была видна улица — дорожка между хижинами. И дверь дома Кристины. Какая-то женщина стояла в дверях. Но с холма не разберешь, Кристина или Лиз. А потом вершина холма скрыла поселок из виду.

Кладбище тоже было окружено изгородью. Дик, прежде чем отодвинуть калитку, заглянул внутрь, не таится ли там какой-нибудь зверь. Олег подумал, что он сам, наверное, забыл бы это сделать.

Странно, отметил он, что могил, придавленных плитами мягкого сланца, отломанного от близких скал, куда больше, чем людей в поселке. Хотя поселку всего шестнадцать лет. Отца здесь нет, он остался за перевалом.

Дик остановился перед двумя одинаковыми плитами, обтесанными аккуратнее прочих. Это его отец и мать.

Поднялся ветер, холодный и занудный. Старый медленно шел от могилы к могиле. Он всех их знал. Сколько их было шестнадцать лет назад? Кажется, тридцать шесть человек взрослых и четверо детей. А осталось? Девять взрослых и трое из тех детей, что пришли. Троє. Дик, Лиз и Олег. Марьяна родилась уже здесь. И еще живы двенадцать детей из тех, кто родился в поселке. Значит, семнадцать лет назад здесь было сорок человек, сейчас двадцать с хвостиком. Простая арифметика. Нет, не простая. Могил куда больше, это все малыши, которые умерли или погибли. Здешние.

Над ухом, словно подслушав его мысли, тетя Луиза сказала:

— Большинство умерло в первые пять лет.

— Конечно, — согласился Старый, — мы платили за опыт.

— Чудо, что все в первый год не умерли, — добавил Томас. Они остановились перед плитами в центре кладбища. Плиты были неотесанные, грубые, кривые, они почти ушли в землю, и цепкие лапки мха заплели их, превратив в округлые колмики.

Олегу захотелось вернуться, чтобы еще раз увидеть поселок, он знал: мать стоит у изгороди и надеется, что он это сделает. Олег даже пошел к калитке в изгороди, но тут Томас сказал:

— Пора идти. Скоро начнет темнеть, а надо дойти до скал.

— Ой! — воскликнула Марьяна. Она быстро перебирала пальцами по мешку, висевшему через плечо.

— Забыла чего? — спросил Дик.
— Нет. Хотя забыла... Я на отца погляжу...
— Пошли, пошли, Марьышка, — покачал головой Томас. — Чем скорее мы пойдем, тем скорее вернемся.

Олег увидел, что глаза Марьяны полны слез. Еще чуть-чуть — и выльются на щеки.

Марьяна отстала от остальных. Олег подошел к ней и сказал:

— Я тоже хотел вернуться. Ну, хоть бы с холма поглядеть.

Они шли рядом и молчали.

Шагах в тридцати от изгороди, где начинался коварный липкий кустарник, остановились.

Луиза всех поцеловала, Старый попрощался за руку. Последним с Олегом.

— Я очень на тебя надеюсь, — произнес он. — Больше, чем на Томаса. Томас заботится о благе поселка, о сегодняшнем дне. Ты должен думать о будущем. Ты меня понимаешь?

— Хорошо, — кивнул Олег, — а вы за мамой посмотрите, чтобы не скучала. Я принесу микроскоп.

— Спасибо. Возвращайтесь скорей.

Дик первым вошел в кустарник, легко и быстро отбрасывая концом копья легкие щупальца.

— Держитесь ближе ко мне, — велел он. — Пока они не помнились.

Олег не оборачивался. Некогда было оборачиваться. Обернешься — ветка прилипнет к чуботу, потом не оторвешь, а оторвешь, три недели вонять будет. Отвратительный кустарник.

* * *

К сумеркам добрались до скал. Как Томас и рассчитывал. Лес не доходил до скал, их алые зубы торчали из голой, покрытой пятнами лишайника долины, клочья облаков пролетали так низко, что остряя скал вспарывали им животы и исчезали в сером мареве. Томас сказал, что пещера, в которой он ночевал в прошлый раз, сухая и добраться до нее легко. Все, кроме Дика, устали. А Дик, если и устал, об этом никому не говорил. Только скалил зубы.

— Тогда было холодней, — произнес Томас. — Мы тогда шли, что в холод легче перейти болота. А перевал былкрыт. Я помню, мы шли тут и под ногами звенело — зарозки.

Между путниками и скалами лежало белесое круглое пятно метров двадцать в диаметре.

— Тут и звенело? — спросил Дик, который шел первым. Он резко остановился на краю пятна. Оно чуть поблескивало, как кора сосны.

— Да. — Томас остановился рядом с Диком.

Олег отстал. Он час назад взял у Марьяны мешок, чтобы не надорвалась. Марьяна не хотела отдавать, а Томас одобрил: «Правильно. Завтра я тебе помогу. Потом Дик». «Зачем помогать? — отозвался Дик. — Вынем ночью лишнее, разберем по мешкам, и всем незаметно, и Марьяшке легче. Надо было раньше подумать. Два месяца собирались, а не подумали».

«Интересно, а кому надо было думать? Ты такой же мыслитель, как и все», — заметил про себя Олег.

А тащить пришлось немало, хоть Дик и говорит, что можно не беспокоиться о еде, он прокормит. Все-таки взяли и вяленого мяса, и корней, и сущеных грибов, а главная тяжесть — сухие дрова, без них ни воды вскипятить, ни зврей отогнать.

— Знаете, на что это похоже? — сказала Марьяна, догнав мужчин. — На верхушку гриба. Громаднейшего гриба.

— Может быть, — ответил Дик. — Лучше мы обойдем его.

— Зачем? — спросил Олег. — По осыпи придется карабкаться.

— Я попробую, ладно? — Марьяна опустилась на колени, вытащила ножик.

— Ты что хочешь делать? — спросил Томас.

— Кусочек отрежу. И понюхаю. Если это съедобный гриб, представляешь, как здорово? Весь поселок накормить можно.

— Не стоит резать, — сказал Дик. — Не нравится твой гриб. И не гриб это вовсе.

Но Марьяна уже вогнала нож в край пятна. Отрезать успела — еле успела подхватить нож. Белое пятно вдруг вспучилось, задергалось, ринувшись валом в сторону Марьяны. Дик резко рванул девушку на себя, и они покатились по камням. Томас отпрыгнул следом и поднял арбалет.

Дик, сидя на камнях, расхохотался:

— Чтобы его убить, надо стрелу с дерево или больше!

— Я же говорила, что гриб, — произнесла Марьяна. — Ти зря испугался, Дик. Он пахнет, как гриб.

Судороги волнами прокатились по белому пятну, зарываясь в центре и разбегаясь по краям, будто круги по воде от камня. А центр гриба все поднимался и поднимался, словно кто-то хотел вырваться наружу, тыкался головой. Потом от центра побежали в стороны темные трещинки.

они расширялись, и получались огромные лепестки остря-
ми к центру. Лепестки стали подниматься вверх и заворачи-
ваться назад, пока не получился цветок.

— Это красиво, — сказала Марьяна, — это просто краси-
во, правда?

— А ты хотел по нему гулять, — напомнил Дик Олегу го-
лосом старшего, хотя они ровесники.

Томас закинул арбалет на спину, подобрал Марьяний
нож.

— Естествоиспытателям полезно сперва думать, а потом
испытывать.

— Он ничего не может с нами сделать, — отзвалась
Марьяна. — Он показывает, какой он красивый!

— Если только в нем никто не прячется, — добавил
Дик. — Ну, пошли? А то стемнеет, пещеры не найдем. Все
планы наスマрку. Специально же вышли так, чтобы перено-
чевать в знакомом месте.

Они обошли пятно по каменной осыпи. Сверху Олег по-
пытался заглянуть в сердцевину цветка, но там было темно.
И пусто. Лепестки постепенно сближались вновь, гриб-ги-
гант успокаивался.

— Как мы его назовем? — спросила Марьяна.

— Мухомор, — предложил Томас.

— А мухомор — это гриб?

— Мухомор наверняка гриб, — кивнул Томас. — Ядови-
тый и большой. С красной шляпкой, а по красной шляпке
белые пятна.

— Не очень похоже, — сказал Дик.

— Но красиво звучит, — произнесла Марьяна.

Давно уже так пошло, что названия неизвестным вещам
давал Томас. Давал знакомые, не всегда совпадающие. За-
чем придумывать новые? Был бы схожий признак. Грибы
растут в земле, и их можно сушить. Значит, круглые оран-
жевые или синие шары, что закапываются в землю, но ко-
торые можно, если как следует вымочишь, сушить, варить,
жарить и есть, назовем грибами. Шакалы ходят стаями, пи-
таются падалью, трусливы и жадны. И не важно, что здесь
шакалы — пресмыкающиеся. У медведя шерсть длинная,
мохнатая, а сам большой... Хоть шерсть его — побеги пере-
нати-поля, схожие с зеленоватыми волосками.

Олег запыхался, пока они пробирались по осыпи. Камни
катились из-под ног, Марьяний мешок оттягивал руку, свой
давил на плечи. Олег считал шаги. Где же эта чертова пе-
щера? Воздух начал синеть, и без того день был пасмурным,
теперь уже в десятке шагов предметы расплывались, от
земли поднимался серый туман, пора прятаться, ночью да-

же Дик не рискнет пойти в лес. В темноте появляютсяочные твари. Если выйдешь ночью за изгородь, не вернешься. А здесь, вдали от поселка... Олег обернулся... Ему показалось, что за ним кто-то идет. Нет, только туман. Он не заметил, что прибавил шагу, — тут же обернулся Томас, не промкнув прикинулся:

— На меня не налетай, сшибешь. Держи дистанцию.

И все-таки Олег никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то идет сзади.

Спина Томаса исчезла — Томас обогнал Марьяну. Теперь впереди идет Марьяшка. У нее узкая спина, даже в теплой куртке узкая. Марьяна спотыкается, она в сумерках плохо видит. Эгли сказала — куриная слепота, но не стандартная, а эндемичная. «Эндемичная... то есть свойственная данной местности», — прозвучал в ушах голос Старого, как будто тот был рядом.

— Хочешь, тебя за руку возьму? — спросил Олег.

Они вдвоем шли по болоту в тумане, утопая в нем по колени.

— Нет, — ответила Марьяна, — спасибо.

— Стойте! — Голос Дика донесся глухо, издалека. — Скалы.

* * *

Хорошо, что пещеру никто не занял. В ней мог бы прятаться медведь или кто похуже из тех сумеречных иочных тварей, которые призраками ходят вокруг изгороди и даже иногда шатают ее, тянутся к человеческому жилью и боятся его. Как-то Марьяна притащила из леса козленка, маленького еще, по пояс. У него был занудный голос, хуже, чем у близнецов, зеленая трава волосами свисала до земли, он потал покрытыми роговыми пластинами ногами и вонил.

«Блеет, — сказал тогда с удовлетворением Вайткус. — Обожаю голоса домашних животных».

«Значит, будет козлом», — решил Томас.

Козел дожил в поселке до зимы, когда ночь тянутся почти без перерыва. Он привык к людям, почти не кусался, торчал все время в мастерской Сергеева, там было тепло. В мастерской Сергеев делал мебель и вырезал посуду. Олег любил ему помогать, ему нравилось делать руками вещи. А потом пришли очные твари. И увела козла с собой. Марьяна нашла несколько клочков зелено-шерсти за кладбищем, но это уже было весной. Она могла ошибиться.

Вайткус тогда произнес: «Развитие животноводства отложим на будущее».

«Тем более, — добавила Эгли, — что от него как от козла молока».

У пещеры был один недостаток — широкий вход. Поперек входа натянули палатку из рыбных шкур, зажгли костер — ночные твари не любят огня. В пещере было почти тепло, и Олег с наслаждением растянулся на гладком каменном полу. Марьяна рядом.

— Как я устала, — вздохнула она. — И страшно было.

— Мне тоже, — добавил Олег тихо. — Мне казалось, что то-то идет сзади.

— Хорошо, что я не знала, — сказала Марьяна.

Дик раскальвал чурбачки. Они взяли с собой самые хорошие дрова — которые медленно горят. Томас раскрыл мешок с сушеными грибами, достал котелок на треноге.

— Олег, — попросил он, — подай воду.

Вода была у Олега в мешке, в сосуде из тыквы. Томасу всего-то надо было сделать два шага и взять воду самому. Олег понял, что Томас говорит в воспитательных целях. Не хочет приказывать Олегу, чтобы тот встал и занялся каким-нибудь делом. А разве он не работает — палатку вместе повесили, костер горит. «В следующий раз, если меньше устану, займусь хозяйством, ведь я Марьяин мешок волочил...»

Но Олег ничего, конечно, вслух не сказал. И не успел подняться, как Дик протянул длинную руку и подвинул мешок Олега Томасу.

— Пускай отдыхает, — произнес он без всякого чувства, равнодушно. — Он уморился. Два мешка тащил.

— Пускай полежит, — согласился Томас.

Олег сел.

— А что нужно делать? — спросил он. — Когда нужно, я всегда делаю.

— Погодите, Томас, — сказала Марьяна, — я сама кипяток заправлю. Вы не знаете, сколько грибов класть.

— У меня было чувство, — бросил Дик, — что за нами кто-то шел.

— И у тебя? — отозвался Олег.

И тут они услышали чьи-то тяжелые шаги у входа. Дик метнулся к арбалету. Томас наклонился к костру, готовый схватить полено. Шаги умолкли. Стало очень тихо. Слышно лишь, как редкие капли дождя срываются с козырька над входом в пещеру.

— Мы вовремя успели, — сказала Марьяна.

— Типе.

Но за блестящим пологом из рыбных шкур, на котором метались отсветы пламени, ничего не было слышно.

Дик, держа копье наготове, подошел к пологу, осторожно отодвинул угол, выглянул.

Олег смотрел на его широкую напряженную спину и ждал. Надо было взять копье... Но ведь это дело Дика. Несправедливость такой мысли была очевидна Олегу, но можно было утешить себя тем, что его дело в другом. Он должен увидеть то, что неинтересно видеть остальным. Стариk на-деется на него...

Марьяна возилась у костра, разбиная грибы и сушеныe соленые ягоды, она их всегда варила отдельно, а потом смешивала. Она стояла на коленях, рукава куртки закатаны, тонкие руки в ссадинах и шрамах. Олег подумал, что руки Марьяны красивые, а шрамы — это пустяки, у всех шрамы.

Томас тоже смотрел на быстрые руки Марьяны, смотрел, как девушка углубилась в священиодействие, которое для него, пришельца на этой планете, не имело смысла, видел шрамы на ее руках — цену, которую лес взял за учение, и думал о пропасти, что поселок роет между ним и этими подростками, которые сейчас отлично заснут на каменном полу, не прикрывшись и не чувствуя влажного, промозглого холода, а запах этих растительных каракатиц, которые они называют грибами, им не противен, они с этим запахом свыклись... впрочем, здесь дети пахнут иначе, чем дома. Даже свои дети. И Рут в собственные восемь лет, попади в лес, может, и не пропадет, по крайней мере не умрет с голоду. Лес хоть и опасное, коварное место, но свое. И если он, Томас Хинд, в этом лесу человек, то они оленята, зайцы и даже волчата — не самые сильные, но хитрее многих, не пропадут.

Марьяна надкусила сомнительный гриб, пискнула, отбросила его в угол. А на вид гриб как гриб...

Снова кто-то тяжело прошел, чуть не коснувшись полу-прозрачной занавески. «Чертовы призраки тьмы. Ходят слоны, не удивлюсь, если ядовитые... Ребята устали, но у Дика такой вид, будто он сейчас готов гоняться за шакалами по чаще. Олег, конечно, послабее. Парень неглупый...»

Занавес колыхнулся, ночной гость, видно, решил сорвать его. Томас поднял головешку и опередил Дика, выглянул в сумерки, в туман. Темная тень отплыла вдаль, растворилась в сером тумане, словно шутник утянул к себе воздушный шар.

— Не знаю, — произнес Томас, — я такого раньше не видел.

— Придется дежурить у костра, — решил Дик.

— Я совсем не хочу спать, — сказал Олег.

— Сейчас бы хороший пистолет, — вздохнул Томас.

— Через пять минут будет суп, — предупредила Марьяна. — Вкусный суп. Тетя Луиза нам все лучшие грибы отобравала, постаралась.

Далеко-далеко что-то чавкнуло, ухнуло. Потом раздался легкий топот многочисленных ног и блеяние. В несколько голосов.

Марьяна вскочила на ноги.

— Козлы!

— Твоего уже съели, — бросил Дик. — Кто же их гонит?

— Ядовитый слон, — неожиданно для самого себя сообщил Томас.

— Кто? — удивилась Марьяна.

Дик засмеялся.

— Так и будем звать.

Блеяние перешло в высокий крик, так кричит ребенок. Потом все стихло. И снова топот.

— Я думаю, их выпускает белый гриб, — заметил Олег.

— Кого? — спросил Дик.

— Ядовитых слонов.

— Это злые духи, Кристина рассказывала, — произнесла Марьяна.

— Злых духов нет, — ответил Олег.

— А ты в лес подальше заберись, — предложил Дик.

— Помолчите, — одернул их Томас.

Совсем близко промчались козлы. Следом, мягко и редко ступая, двигался предследователь. Люди отодвинулись за костер, оставив огонь между собой и занавеской. Незнакомые твари страшны, потому что не знаешь их повадок.

Занавеска рванулась в сторону, распоролась наискосок, и в пещеру ворвалось зеленое волосатое существо, ростом с человека, но круглое, на четырех ногах, с костистым гребнем вдоль спины, торчащим из шерсти, как цепь крутых колмов из леса.

Зверь быстро и мелко дрожал. Его маленькие красные глаза смотрели бессмысленно и обреченно.

Дик прицелился из арбалета, стараясь бить наверняка.

— Стой! — закричала Марьяна. — Это же козел!

— Правильно, — прошептал Дик, не двигаясь с места и даже не шевеля губами, — это мясо.

Но Марьяна уже шла к козлу, обходя костер.

— Погоди, — постарался остановить ее Томас.

Марьяна сняхнула его руку.

— Это мой козел, — сказала она.

— Твой давно уже помер, — заверил ее Дик, но его рука с арбалетом опустилась: мясо у них еще было, а убивать просто так Дик не любил. Охотники убивают столько, сколько можно унести.

Козел попятился. И замер. Видно, то, что подстерегало снаружи, было страшнее Марьяны. Марьяна наклонилась, быстро подхватила из мешка вкусный сущеный гриб и протянула козлу. Тот вздохнул, понюхал, распахнул бегемотью пасть и послушно скрупал подарок.

* * *

Первым дежурил Олег. Козел не уходил. Он отступил к стене, будто старался влиться в нее, смотрел одним глазом на Олега и иногда шумно вздыхал. Потом начинал чесаться о стену.

— Блох напустишь, — кинул Олег. — Стой смирно, а то выгоню.

Внимательный, немигающий взгляд козла создавал впечатление, что тот слушает и понимает, но на самом деле козел прислушивался к тому, что происходило снаружи.

Глядя на догорающий костер, Олег незаметно задремал. Ему казалось, что он не спит, а видит, как взлетают над головешками синие искры и танцуют парами, сплетаются в хоровод. Козел акнулся и заблеял, застучал копытами. Олег вскинулся, не сразу сообразил, где он, и только через секунду-другую понял, что козла на старом месте нет — он отпрыгнул в глубь пещеры, а в дыру в занавесе лезет серая пузырчатая масса, медленно, тестом вваливаясь в пещеру. В массе было какое-то тупое любопытство, неспешность, упорство, а козел отчаянно блеял, умоляя его спасти, — видно, решил, что тесто пришло специально за ним. Олег почему-то успел подумать, что для ночного призрака эта масса слишком некрасива, он шарил рукой по камням и никак не мог найти арбалет, а отвести взгляд от надвигающейся близкой массы, которая испускала удручающий кислотный запах, он не мог. И потому видел, как в боку твари вдруг возникла оперенная стрела арбалета и ушла до половины в тесто, провалилась в него, и тут же легко и быстро тесто подобралось, съежилось и исчезло, края разрыва занавески сошлись, и она лениво заколыхалась.

Олег наконец-то смог опустить взгляд. Его арбалет лежал в двух сантиметрах от растопыренных пальцев. Дик сидел на полу, подтянутый, свежий, будто и не ложился спать. Он опустил арбалет и произнес:

— Может, не стоило мне стрелять. Подождал бы.

— Чего же стрелял? — спросила Марьяна. Она, не вставая, протянула руку, погладила тонкие, покрытые роговыми пластинками ноги козла, который всхлипывал по-детски, жалуясь Марьяне на свой страх.

— Олег окаменел, а эта штука уже к нему подбиралась, — сказал Дик без желания упрекнуть или обидеть Олега, сказал, как думал. Он всегда говорил, как думал. — Не было времени головешку выбирать.

— Задремал? — спросил Томас Олега.

Томас лежал, положив под голову мешок с сушеным мясом и закутавшись в одеяло. Ему было холодно, холоднее всех, он никак не мог привыкнуть к холоду. «Ему будет труднее всех, когда станет холодно в самом деле», — подумал Олег. И признался:

— Задремал. Сам не заметил. Меня козел разбудил.

— Молодец, козлик, — похвалила Марьяна.

— Хорошо, что разбудил, — сказал Дик, укладываясь на бок. Его ладонь лежала на рукояти арбалета, выточенной точно и красиво, сам делал. — Сожрали бы нас...

И он заснул, не кончив фразы.

Томасу не хотелось спать. Он встал, сменил Олега, тот чуть поспорил, но согласился, у него глаза слипались — сразу растянулся на полу. Томас накинул на плечи одеяло. Хорошо бы подкинуть дров, но дрова надо беречь, их не так много, а будет холодно. Он вспомнил, как было холодно, когда они в первый раз шли к перевалу, — смертельно и безнадежно холодно. Дальше всего они прошли во второй раз. Правда, и вернулись из того похода только двое. он и Вайткус.

Томас поглядел на ребят. Почему они не чувствуют, что на камнях спать жестко и холодно? Это естественные дики, глядящие на него, старика, с вежливым снисхождением аборигенов. Как бы ни пугал их Борис, они с каждым годом все лучше вживаются в этот мир мокрого леса и серых облаков. А Борис прав и не прав. Он прав, что переход в дикость неизбежен. Томас видит его и в собственной дочери, и в других малышах. Но очевидно, это и есть единственный выход, единственная возможность спастись. А перевал — тот символ, в который уже никто не верит, но от которого трудно отказаться.

Козел переступил ногами, постучал копытами о камень. Дик открыл глаза, не двигаясь, прислушался, снова заснул. Марьяна во сне подкатилась к Олегу под бок и положила голову ему на плечо. Так уютнее. Далеко в лесу что-то ухнуло, и прокатился медленный затихающий рокот. Томас выбрал полешко потоньше и положил в костер.

* * *

Когда рассвело и в разрыв занавески полился голубой туман, вдали, в лесу затрещали, приветствуя новый день, по-прыгунчики. Дик, который дежурил у погасшего костра и стругал древки для арбалетных стрел, сложил аккуратно древки в мешок и спокойно заснул. Поэтому никто не видел, как козел ушел из пещеры. Марьяна, проснувшись, расстроилась, выскочила наружу, обежала скалы вокруг — нигде никаких следов козла.

— Я его ненавижу, — произнесла она, вернувшись.
— За то, что он не сказал тебе спасибо? — спросил Олег.
— Ему лучше с нами, безопаснее.

— Зря я его на рассвете не пристрелил, — пожалел Дик. — Я думал это сделать, но потом решил, что лучше днем.

— Так нечестно, — сказала Марьяна, — он же нас ночью спас.

— Одно к другому не имеет отношения. Разве непонятно? К тому же козел думал только о собственной шкуре.

Олег взял кожаное ведро, пошел поискать воды.

— Копье не забудь, — напомнила Марьяна.

— И не отходи далеко, — предупредил Томас.

— Не маленький, — отмахнулся Олег, но копье взял.

Туман еще не растаял, прятался в низинах, облака опускались к самой земле, и кое-где между ними и подушками тумана возникали перемычки, будто облака, пролетая, тянули руки к туману, зовя с собой. Но туман хотел спать и не любил летать по небу. Олег подумал, что согласился бы полететь с облаками вместо тумана на юг, к большим лесам, к морю, куда ходили в прошлом году Сергеев с Вайткусом и Диком. С ними еще ходил Познанский, но не вернулся. Они не смогли пройти далеко и моря так и не увидели, потому что леса там велики, полны хищных лиан, зверя и ядовитых гадов, и чем теплее, тем больше там существ, опасных для человека. Но если лететь, то можно промчаться над вершинами деревьев и над морем, как обычные птицы, которые иногда тенями возникают в облаках в хорошую погоду, но никогда не садятся на землю.

Люди умеют летать, разумеется, умеют куда быстрее, чем облака. Но в поселке все приходится начинать с начала. И это нелегко, потому что нет инструментов и времени. Олег хотел сделать воздушный шар, но для воздушного шара нужно очень много рыбьих шкур, и нитей, и иголок, а никто, кроме малышей и старика, не хотел ему помочь. «Это неплохая абстрактная идея, — оценил тогда Сергеев. — Лет через сто мы с тобой обязательно этим займемся».

А Старый ответил: «Лет через сто мы все об этой идеи благополучно забудем. Придумаем себе богов, которые живут в облаках и не велят нам, смертным, к ним приближаться».

С воздушным шаром ничего не вышло.

Олег пошел вниз, под уклон, ему показалось, что там журчит вода. В таких местах могут быть источники, ключи. Потом он вышел к каменной осыпи, за которой из земли торчала верхушка громадного гриба, что вчера вечером раскрывал свой зев. Шапка тумана сползла с белого круга, и Олег увидел, как медленно лепестками раскрывается центр гриба, а из тумана по ту сторону долинки выкатываются один за другим торжественно, держа правильные интервалы, серые, чуть темнее гриба, ноздреватые, мягкие на вид шары. Один, два, три, четыре... Так вот кто был ночным гостем, ядовитым слоном, куском теста...

— Охотники возвращаются домой, — сказал Олег тихо и вдруг понял, что шары катятся в его сторону, и катятся куда быстрее, чем кажется от равномерности их движения.

Олег начал отступать, а шары один за другим вкатились на упругую поверхность гриба и направились к центру, к разверстым лепесткам. Вот первый шар, мягко раздвинув их, ухнул внутрь, за ним второй, третий; четвертый задержался на секунду, словно проверял, все ли в порядке в дневном мире.

И исчез. И лепестки медленно, удовлетворенно сошлились в центре, поверхность гриба разгладилась, и он стал подобен замерзшему озеру.

Олег поежился. С запада, куда лежал путь, вдруг прижался ледяной ветер, обжег лицо и руки. Напомнил о том, что их ждет. Но не этого вдруг испугался Олег, а того, что они не смогут преодолеть перевал, как не удалось это сделать в прошлых походах. Дик только порадуется — он сможет вернуться в свою любимую степь. Марьяна утешиться, найдя новые травы и грибы. Томас привык к несчастьям и не верит в удачу. Плохо будет только Олегу. И Старому.

* * *

Весь день они шли по открытой местности, лишь иногда встречая заросли невысокого кустарника. В этих местах было пустынно, но идти легко, и они даже не очень устали. Томас говорил, что время угадали верно. Лето в этом году было теплое, в прошлый раз здесь уже лежал снег. Дику было скучно, он как попрыгунчик убегал в сторону, появляясь через полчаса без добычи, разочарованный.

Козлу повезло, что он вернулся как раз в одну из отлучек Дику. Иначе, решил Олег, Дику бы его обязательно пристрелил. Это был тот же самый козел. Он с шумом выскочил из зарослей — люди встретили его, ощетинившись арбалетами. Но узнали еще издали. Волосатая громадина, выше Олега в гребне, шумно обрадовалась, что встретила приятелей. Козел пробежал мимо, подкидывая тяжелый зад, гремя пластинаами на спине и оглушительно блея.

Больше козел от них не отходил. Он и Дику обрадовался, почувствав его приближение за километр, а потом влез в середину отряда, не желая идти сбоку или последним, и путался под ногами. Олегу все казалось, что козел наступит ему на ногу острым копытом, но зверь оказался деликатнее, чем при первом знакомстве.

Чуть и слух у него были замечательные. Он чувствовал присутствие живых существ за много километров, и к вечеру Марьяна уже уверяла, что понимает смысл его звуков: когда козел утверждает, что впереди поляна со вкусными грибами, а когда надо смотреть под ноги — там ползают хищные лианы.

Остановились на ночлег задолго до темноты. Дальше начинался подъем, и Томас сказал, что надо будет с утра отыскать устье ручья и подниматься по его долине, которая потом сузится, станет ущельем, и вот по этому ущелью придется идти не меньше двух дней.

Никакой пещеры или другого укрытия здесь не было, спали в палатке, что козлу не очень понравилось, и хоть опасности той ночью не было, козел все равно требовал, чтобы его пустили в тепло, и в конце концов навалился на палатку, его все ругали, но терпели, потому что можно было не выставлять охраны — ясно уже было, что если придет нежелательный гость, козел подымет такой шум, что всех разбудит.

* * *

К утру Олег замерз. Проснуться не было сил, во сне казалось, что его окунают в ледяное болото и выбраться он не

может. Его начало колотить. Потом вдруг стало теплее. И Олег заснул спокойней, проснулся оттого, что козел решил забраться повыше на палатку. Олег подтянул ногу, открыл глаза и увидел, что Томас ночью поменялся с ним местами, лег с краю. Томас был бел от холода, он лежал, стиснув зубы, закрыв глаза, и делал вид, что спит. Олегу стало стыдно. Еще в деревне договорились, что, когда станет совсем холодно, Томаса надо беречь. У него слабые легкие, и он плохо переносит мороз, ребятам проще, они здоровые и привыкшие.

— Томас, — тихо позвал Олег, — я согрелся. Давайте ме-няться.

— Нет, не надо, — прошептал Томас, но губы плохо слу-шались.

Олег перелез через него. Рыбья кожа палатки пропускала мороз, в эту ночь под одеялами спали все, даже Дик, кото-рый утверждает, что может спать и на снегу.

— Спасибо, — произнес Томас. Его била дрожь.

Простулась Марьяна. Она сразу все поняла.

— Я согрею воды, — решила она и начала шуршать, раз-взвывая мешки.

Козел, сообразив, что люди проснулись, вскочил, затопо-тал вокруг, призываю заблуждял, видно, соскучился за ночь. Дик бросил свое одеяло Томасу и быстро вылез наружу.

— Главное, — крикнул он снаружи, — двигаться! Погля-дите, как здорово!

Олег заставил себя вылезти вслед за Диком.

Долина, до края которой они дошли вечером, была покрыта снегом. Снег выпал за ночь. Он был бел и чист, куда светлее облаков, которые по контрасту казались совсем фиолетовыми. Козел стоял неподалеку и выгрызая из шерсти льдинки. Белое пятно долины упиралось в рутою откос плоскогорья. Кусты, росшие на склоне, медленно шевелили ветвями, поднимая вокруг себя об-лачка снега.

Дик был недоволен тем, что дрова тратятся быстрее, чем рассчитывали, но сказал об этом только Олегу и тихо, когда они отошли подальше от грязного колмника палатки.

— Не надо было Томаса брать, — сказал он. — Будет бо-леть.

— Без него нам трудно пройти перевал.

— С ним еще труднее, — ответил Дик, пуская стрелу ар-балета в темную нишу в скале. Олег ничего там не увидел, но в нише заклубился снег, оттуда вылетел заяц и больши-ми прыжками, закинув хоботок на спину, помчался прочь. В следах его темнели капли крови.

— Я пойду подберу его, — сказал Дик. Он остался при своем мнении.

С Диком трудно спорить, потому что, когда он уверен, спора не продолжает, а просто уходит. А самые нужные слова появляются потом, и получается, что Дик берет верх, даже если не прав.

«Как же мы дойдем без Томаса? — мысленно продолжал разговор с Диком Олег. — Ведь главное даже не дорога, главное — как себя вести дальше. Ведь мы же дики, которые никогда не видели велосипеда, и поэтому мы не знаем, велосипед это или паровоз. Дику кажется, будто он знает все, что может понадобиться человеку в поселке или в лесу. Может, он боится оказаться в ином мире, где он не сильнее всех, не быстрее всех?»

Марьяна разожгла костер. Козел уже привык к огню и решил, что огонь ему ничем не угрожает, поэтому тут же полез в костер, и Марьяна крикнула Олегу, чтобы он оттащил это проклятое животное. Оттащить взрослого козла — дело почти невыполнимое, но Олег старался. Он искал от козла рукоять ножа, хотя тот, видно, решил, что его гладят, и восторженно взвизгивал.

Томас быстро ходил по снегу, чтобы согреться, он кутался в одеяло и горбился, и Олегу показался старым человеком, хотя он знал, что Томасу сорок лет. Эгли как-то говорила, что процессы старения в поселке почему-то происходят активнее, а тетя Луиза сказала тогда, что на такой диете всем давно пора загнуться. У всех бесконечные гастриты, аллергия, у старшего поколения почки никуда не годятся. Правда, дети были сравнительно здоровы. И поселку повезло, что большинство местных микробов к человеческому метаболизму не приспособилось. Еще не приспособилось, добавила тогда тетя Луиза.

— Жалко, здесь нет болота, — сказала Марьяна. — Я бы вам нарвала травы, я знаю какой.

— А почему не нарвала заранее? — спросил Олег.

Марьяна лучше всех в деревне разбиралась в травах.

— Странный ты, — удивилась Марьяна. — Этую траву надо сразу есть, пока свежая, как ее сохранишь?

Ей всегда казалось странным, что другие не знают того, что знает она.

— Олежка, — позвал Томас, — подойди ко мне.

Томас опустился на палатку и поморщился.

— Опять спина болит, — сообщил он, — прострел.

— Я вам потом потру, — пообещала Марьяна.

— Спасибо, не помогает, — улыбнулся Томас. Он был похож на ворону, как рисовал ее на уроках биологии Старый. Темная птица с крупным заостренным носом. — Слушай, ты помнишь, где я карту прячу? Мало ли что может со мной случиться.

— Ничего не случится, — заверил Олег. — Мы же вместе идем.

— И все-таки рисковать не будем. Ты разберешься в карте?

Карта была нарисована на кусочке бумаги — самой большой ценности в поселке. Олег всегда испытывал к бумаге особенное чувство. Бумага, даже чистый листок, была колдовским образом связана со знанием. Она и была создана, чтобы выразить знание. Бумага была как бы проявлением божества.

Томас, заходясь временами в кашле, заставил Олега показывать по карте путь к перевалу. Маршрут был знаком они уже мысленно проходили его с Вайткусом и Старым, только, правда, в поселке ощутить суть пути, расстояние, холод было невозможно — в доме тепло, уютно горят светильники, за стеной шелестит дождик...

Дик принес зайца. Козел почему-то испугался безжизненной тушки, умчался к откосу и стоял там, сокрушенno тряся головой.

— Чует, что его ждет, — отметил Дик. Он бросил зайца на камни. — Давайте сейчас его съедим, веселее идти будет. И Томасу полезно. Правда, еще полезней горячей крови напиться, я всегда на охоте так делаю. Но ты ведь, Томас, не будешь?

Томас отрицательно покачал головой.

— Что делаете? Карту смотрите? — спросил Дик.

— Томас просил повторить на случай, если с ним что-то произойдет.

— Чепуха, — отрезал Дик, садясь на корточки и начиная ловко разделять тушку зайца, — ты еще можешь идти. А плохо будет, вернемся.

Олег понимал, что Дик не хочет обидеть Томаса. Дик с самого начала считал, что Томас может не дойти.

— Ничего, — произнес Томас, который ничем не показал, что ему неприятен равнодушный тон Дика, — лучше подстражоваться.

Когда они пили чай — кипяток с корешками, козел подошел ближе, но не с той стороны, где Дик кинул шкуру зайца, а с другой, как бы отгородившись от шкурки костром и палаткой. Он тяжело вздыхал, и Марьяна кинула ему несколько сушеных грибов.

— Вот это лишнее, — покачал головой Дик. — Грибы нужны нам самим. Может так случиться, что мы ничего не найдем. Как обратно идти?

— Там за перевалом есть пища, — напомнил Томас.

— Мы не знаем, есть или уже нет, — ответил Дик. — Глупо погибать от голода. А в морозы лучше много есть.

— В крайнем случае съедим козла, — сказал Олег.

— Почему в крайнем? — спросил Дик. — Мы его обязательно съедим. И скоро. А то еще сбежит.

— И не думай, — велела Марьяна, — не надо.

— Почему? — удивился Дик.

— Потому что козел хороший. Он вернется с нами в поселок. И будет жить. Нам пора иметь своих животных.

— Я тебе таких козлов тысячу притащу, — пообещал Дик.

— Неправда, ты только хвастаешься. Не приведешь. Их не так много в лесу. И если он не захочет, ты его никак не притащишь.

— Возьму тебя с собой, ты умеешь со зверями разговаривать. — И Дик стал резать зайца на равные доли, всем поровну.

— Я не дам убивать, — предупредила Марьяна. — У нее будут маленькие.

— У кого? — спросил Олег.

— У козла, — сказала Марьяна, — у козлихи.

— Так это коза? — спросил Томас.

— Да, козлиха, коза. Я знаю.

— Марьяна права, пускай коза живет, — решил Томас. — Полезно думать о том, что будет завтра.

— И еще надо думать, чтобы не умереть сегодня, — бросил Дик.

— Козу будем подкармливать, — произнесла Марьяна.

— И не вздумай, — отрезал Дик.

— Я свое буду отдавать. — Марьяна упрямо глядела на Дика, острый подбородок вперед.

Дик склонил голову, разглядывая девушку, как незнакомую зверюшку.

Томас поднялся первым и пошел складывать палатку. Его тряслось.

— Может, вернешься? — спросил его Дик.

— Поздно. Я пойду.

— Подумай, — рассердилась Марьяна, рассерженная на Дика, — как ты можешь говорить! Томасу одному до поселка не дойти.

— Олег с ним может вернуться.

Это Дик сказал просто так, чтобы оставить за собой последнее слово.

— Пора идти, — закончил спор Томас. — Если сегодня будем идти хорошо, может, выйдем на плоскогорье. В прошлый раз мы увязли в этом ущелье. Снег был по пояс. И метель.

Томас пошел впереди по широкому ложу ручья, который при больших дождях, наверное, превращался в поток, а сейчас лишь чуть-чуть журчал по камням, отламывая маросшие за ночь у берегов льдинки.

Коза сначала бросилась вперед, словно показывала дорогу, а потом раздумала, остановилась. Дик погрозил ей пальцем, но тут коза вздохнула и побрела за людьми, хотя порой останавливалась и занудно вопила, уговаривая вернуться.

Чуть потеплело, снег под ногами начал таять, было скользко, за день пришлось раз десять перейти ручей, который вился по долинке, кидаясь от откоса к откосу, и ноги у всех закоченели.

* * *

Весь следующий день долинка, по которой стекал ручей, постепенно сужалась, каменные темные стены становились круче и сходились все ближе, пряча ручей в вечную тень. Шум его стал мрачным, он отражался от стен, как в бочке. Было неуютно и страшно — никто из них, кроме Томаса, не был раньше в горах, даже Дик потерял всегдашнюю уверенность в себе, не убегал вперед, все время поглядывал вверх, словно боялся, что на голову упадет камень, и часто спрашивал Томаса:

— Ну, скоро? Скоро выйдем?

— К вечеру выйдем, — отвечал Томас.

Томас, как и все, согрелся, даже вспотел, почти не кашлял и шел быстрее, чем вчера. Только иногда хватался за бок.

— Вы узнаете места? — спросила Марьяна.

Она шла сзади, подгоняя козу, которой все это путешествие окончательно надоело и которая часто останавливалась, оглядывалась, будто умоляя Марьяну отпустить ее обратно в лес, на простор.

— Как тебе сказать, — отозвался Томас. — В прошлый раз мы сюда уже не добрались. А когда шли с перевала шестнадцать лет назад, здесь был снег, дни были короткие, и мы почти не смотрели по сторонам. Мы тогда обрели надежду, впервые обрели надежду, но очень устали. Путь отсюда до поселка занял больше недели.

Дик, шедший впереди, вдруг замер, поднял руку. Все остановились. Даже коза остановилась, будто поняла приказ.

Дик с арбалетом наготове медленно пошел вперед. Нагнулся.

— Глядите! — крикнул он. — Они в самом деле здесь шли. За большим камнем, поблескивая тускло и отражаясь в бочажке ручья, лежала чудесная вещь. Она была сделана из белого металла и похожа на сплюснутый шар с белым наростом сверху. К этой вещи был прикреплен ремень, так что ее можно было носить через плечо.

Дик поднял вещь и сказал:

— На нее, наверное, упал камень.
— Нет, не камень. Так надо, — произнес Томас, подходя к Дику и забирая у него вещь. — Здесь был привал. И кто-то... Вайткус! Это фляга Вайткуса. Вот он обрадуется, когда мы ему ее принесем!

— Это называется «фляга»? — спросила Марьяна.
Томас поболтал вещью в воздухе, и все услышали, что внутри плещется вода.

— Удобная вещь, — определил Дик.
— Ее специально сделали плоской, — объяснил Томас, осторожно отвинчивая крышку, — чтобы удобнее носить на боку.

— Красивая, — сказала Марьяна.
— Я буду ходить с ней на охоту, — решил Дик. — Вайткусу она не нужна. Он все равно болеет.

Томас поднес флягу к носу и понюхал.
— Черт возьми! — воскликнул он. — С ума можно сойти.
— Что случилось? — спросил Олег. Ему хотелось подержать флягу.

— Ребята, да это же коньяк! Вы понимаете, это коньяк!

Коза отошла в сторону и удивленно заблеяла, подзываая к себе.

Олег подошел к ней. В углублении за каменной россыпью лежали грудой металлические банки — такого сокровища видеть ему не приходилось.

— Томас! — позвал он. — Посмотрите, что вы еще забыли!

— Не забыли, — сказал Томас. — Понимаешь, мы тогда поверили, что выйдем к лесу, и в последний раз поели. Это консервные банки, понимаешь? Это ненужные консервные банки.

— Ненужные?

— Тогда они казались нам ненужными. — Томас снова поднес к носу флягу и принюхался. — Я сойду с ума. Это мне снится.

— Значит, правда, — сказал Дик, — что вы здесь шли. Я иногда думал, что поселок был всегда.

— Знаешь, я сам так иногда думаю, — улыбнулся Томас. Он отпил немного из фляги. Один глоток, и зажмурился.

— Буду жить, — произнес он. Закашлялся, но не перестал улыбаться.

Марьяна собирала консервные банки и складывала их в мешок. Коза часто вздыхала, охала, ей банки не нравились. Они были чужими.

— Да не надо их тащить, — засмеялся Томас. — Не надо! Это же пустые банки. Если нужно, ты возьмешь их тысячу. Понимаешь?

— Не знаю, — трезво возразила Марьяна. — А если не найдем ничего, они там тоже пригодятся. Не с пустыми руками вернемся. Из этих банок отец много всего сделает.

— Тогда заберешь на обратном пути, — предложил Олег. Ему хотелось попробовать коньяк, который так обрадовал Томаса.

— А если их возьмут? — спросила Марьяна.

— Кто возьмет? — спросил Томас. — За шестнадцать лет никто не взял. Козлам банки не нужны.

Но Марьяна собрала все банки, даже дырявые.

Дик сказал:

— Дай попробовать, Томас. Из фляги.

— Тебе не понравится, — предупредил Томас. — Детям и дикарям коньяк противопоказан.

Но протянул флягу Дику.

«Надо было попросить, — огорчился Олег. — Я всегда только думаю о чем-то, а Дик уже это берет».

— Только осторожно, — велел Томас, — один маленький глоток.

— Не бойся, — ответил Дик. — Если тебе можно, мне тем более. Я сильнее тебя.

Томас ничего не ответил. Олегу показалось, что он улыбается.

Дик запрокинул флягу и сделал большой глоток. Видно, этот коньяк был очень горьким, потому что он выронил флягу и жутко закашлялся, схватившись за горло. Томас сле успел подхватить флягу.

— Я же говорил, — произнес он укоризненно, но без сочувствия.

Марьяна бросилась к покрасневшему, несчастному Дику.

— Все горит... — смог наконец выговорить Дик.

— Вы зачем? — рассердилась Марьяна на Томаса. Она стала копаться в своем мешке. Олег знал — искала снадобье от ожога.

— Сейчас пройдет, — заверил Томас. — Ты же дикарь, Дик. Ты должен был незнакомую жидкость принимать, как яд, сначала языком...

Дик отмахнулся.

— Я поверил... Понимаешь, поверил! Ты же пил!

Дик был унижен. Униженый он не выносил.

— Вот, — сказала Марьяна, — пожуй траву. Это помогает.

— Не надо, — отказался Дик.

— Все прошло, — отзвался Томас. — Ему теперь уже теплее.

— Нет, — возразил Дик. Но солгал.

— Есть еще желание обжечься? — спросил Томас. — Как, мои смелые единоплеменники? Кстати, индейцы называли это огненной водой.

— А потом спивались и отдавали за бесценок землю белым колонистам, — вспомнил Олег урок истории.

— Вот именно. Только те напитки были пониже качеством. Томас повесил флягу через плечо. Дик поглядел на нее с тоской. Он бы с удовольствием вылил оттуда проклятый коньяк и налил воды.

Они расселись на камнях передохнуть. Марьяна раздала всем по горсти сушеных грибов и по ломтику вяленого мяса. Козе тоже дала грибов. Дик поглядел неодобрительно, но ничего не сказал. Коза деликатно хрюкала грибами, поглядывала на Марьяну, дадут ли еще. Козе в этих местах было трудно добывать пищу, она была голодна.

— И вся ваша еда была в этих банках? — спросил Олег.

— Не только, — сказал Томас. — Еда была в ящиках, коробках, контейнерах, бутылках, тюбиках, пузырьках, мешках и много в чем еще. Еды было, скажу вам, друзья, много. И еще там были сигареты, которые мне часто сняются.

И вдруг Олег понял, что находка фляги, консервных банок, следов подействовала не только на него или Дика. Больше всех изменился Томас. Словно до этого момента он и сам не очень верил в то, что когда-то был за перевалом, где едят из блестящих банок и во флягах бывает коньяк. И этот чужой, но желанный для Олега, чужой и, в общем, не нужный для Дика мир отдалил Томаса.

— Пошли, — сказал Томас, поднимаясь. — Теперь я почти поверил, что мы дойдем, хоть самая трудная часть пути впереди.

Они пошли дальше. Марьяна держалась ближе к Дику, она беспокоилась, не плохо ли ему. У Марьяны есть это ка-

чество — всех жалеть. Иногда Олега оно трогало, а сейчас лило. Ведь видно же, что Дик здоров, только глаза блестят и говорят громче, чем обычно.

— Это дверь, — произнес Томас, который шел рядом с Олегом. — Дверь, за которой начинаются мои воспоминания. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— До этого я мог только представлять, — продолжал Томас. — И я совсем забыл об этом привале. Твоя мать несла тебя на руках. Она совсем выбилась из сил, но никому тебя не отдавала. И ты молчал. Дик орал, понимаешь, как положено голодному и несчастному младенцу. А ты молчал. Этгли все крутилась возле твоей матери, они же были еще совсем девчонками, лет по двадцать пять, не большие, а раньше дружили. У нее ничего не осталось в жизни, только ты.

Томас вдруг закашлялся, его согнуло пополам. Он уперся ладонью о каменную стену, и Олег заметил, какие желтые и тонкие у Томаса пальцы. Дик с Марьяной ушли вперед и скрылись за поворотом.

— Давайте я понесу мешок, — предложил Олег.

— Нет, сейчас пройдет. Сейчас пройдет... — Томас виновато улыбнулся. — Казалось бы, я должен руководить вами, подавать пример подросткам. А тащусь еле-еле... Знаешь, мне показалось, что, если я глотну коньяку, все пройдет. Это наивно...

— А вы выпейте еще, — сказал Олег.

— Не надо. У меня температура. Добраться бы до перевала. Мне бы в больницу — покой и процедуры, а не восхождение и подвиги.

Часа через два ущелье кончилось. Ручей маленьким водопадом слетал с невысокого, метра в два, обрыва. Но взобраться на него оказалось непростым делом. Томас так ослаб, что его пришлось втаскивать наверх. Козу поднимали на веревке, и перепуганное животное чудом никого не покалечило, отбиваясь тонкими бронированными ногами.

Было странное ощущение: два дня они поднимались узким полутемным ущельем, слыша только журчание воды, и вдруг оказались во власти простора, какого Олегу не приходилось видеть.

Покрытое снегом, с редкими каменными проплешинаами плоскогорье простипалось на несколько километров, упираясь в стену гор. С другой стороны, скатываясь бесконечным крутым откосом, оно вливалось в широкую долину, сначала голую, каменистую, затем на ней возникали точки кустов и деревьев, а далеко-далеко к горизонту эти точки сливались,

густея, в бесконечный лес. Там, в четырех днях пути, был поселок. Правда, его отсюда не разглядишь.

— Вот тут, — сказал, все еще стараясь отдошаться, Томас; — тут мы поняли, что спасены. Мы шли от гор, какой там шли — ползли, волоча больных, замерзая, ни во что не веря, и внезапно вышли к этому плоскогорью. Оно, как видите, чуть поднимается к краю, и потому, пока мы не добрались сюда, мы не знали, что есть надежда. Шел снег, метель... кто же был первым? Кажется, Борис. Ну да, Борис. Он ушел вперед и вдруг остановился. Я помню, как он вдруг замер, но я так устал, что не понял, почему он стоит. Когда я подошел к нему, он плакал, и лицо его обледенело. Видимость в тот день была плохая, но иногда снежная пелена рассеивалась, и мы поняли, что там, внизу, в долине, есть деревья. Значит, есть жизнь...

Дул ветер, к счастью, несильный, коза начала скакать, резвиться, радуясь простору, подбрасывая мохнатый зад, оставляя глубокие треугольные следы на снежной простыне. Остановилась возле бурой проплешины, стала разрывать смерзшуюся землю роговой нашлепкой на носу, вздыхая, ахая и блея, — видно, почуяла что-то съедобное.

— Здесь нет дичи, — произнес Дик с осуждением. Он обращался к Томасу, будто тот был в этом виноват.

— Дня через три, если все будет нормально, дойдем, — заверил Томас. — Или через четыре.

— А говорят, что вы шли две недели.

— Мы шли тринадцать дней. Была зима, много больных и раненых, а сейчас мы налегке. Удивительно, как будто вчера было — мы стоим с Борисом и смотрим вниз...

До темноты удалось достичь гор.

* * *

Ночью похолодало, был мороз. Дик с Олегом положили Марьяну и Томаса посередине. Томас так вымотался за день, что даже не спорил. Он был горячим, но никак не мог согреться, и, когда он начинал заходить в сухом кашле, Олег обнимал его, а Марьяна давала напиться микстуры от кашля, которую она приготовила. Марьяна не спала, и, чтобы скратить ночь, они шептались с Олегом, а Дик, которому хотелось спать, ворочался. Потом сказал:

— Завтра дневки не будет, ясно?

— Ну и что? — спросил Олег.

— Заставлю идти, как бы вам ни хотелось дрыхнуть.

— Не бойся, из-за нас задержки не будет.

— Из-за кого бы то ни было.

Олег не стал спорить. Он понимал, что Дик имеет в виду Томаса. Он думал, что Томас спит, не слышит. Но Томас услышал.

— По-моему, у меня пневмония, простите, что так неудачно получилось, друзья.

Они разбили палатку в большой нише, тут было теплее, чем на открытом месте, и коза топталась рядом, вздыхая, потом начала шуршать, ковыряться в земле.

— Чего она ищет? — прошептала Марьяна.

— Улиток, — ответил Олег. — Я видел, как она нашла улитку.

— Я думала, им тут холодно.

— Мы же живем, значит, и другие могут.

— Ничего здесь нет, — оборвал Дик, — спите.

Закашлялся Томас. Марьяна опять дала ему напиться. Слышно было, как его зубы стучат о край кружки.

— Надо было тебе вернуться, — произнес Дик.

— Поздно, — сказал Томас, — до поселка мне не дойти.

— Дурак ты, Дик, — кинула Марьяна, — законы забыл.

— Я ничего не забыл, — громко заговорил Дик. — Я знаю, что мы должны заботиться о больных. Я знаю, что такое долг, не хуже тебя знаю. Но мне все твердили одно и то же: если мы сейчас не дойдем до перевала, если мы не принесем железо и инструменты, поселок может погибнуть. Это не я придумал. Я не верю, что поселок погибнет. Мы отлично живем без этих штук. Я из своего арбалета могу свалить медведя за сто шагов.

— Еще бы, — напомнил Олег, — у тебя же железные наконечники на стрелах. Если бы Сергеев их не ковал, как бы ты свалил медведя?

— Я могу сделать наконечник из камня. Тут дело не в материале, а в умении. Теперь нас погнали сюда, в горы...

— Тебя никто не гнал, ты сам пошел.

— Сам. Но вы знаете — вот-вот зарядит снег. И если мы будем тянуться еле-еле, мы можем не вернуться обратно.

— А что ты предлагаешь? — спросил Олег.

Ни Томас, ни Марьяна в их спор не вмешивались, но внимательно слушали его. Олегу казалось, что даже коза затихла, слушая.

— Я предлагаю оставить здесь Марьяну с Томасом. Дать им одеяла и пищу. А мы с тобой налегке добежим до перевала.

Олег не ответил. Он понимал, что Томаса оставить нельзя. Нельзя лишать Томаса цели. Это его убьет. Но вдруг Дик подумает, что он боится идти дальше вдвоем?

— Ты испугался? — спросил Дик.

— Я не о себе, — произнес наконец Олег. — Если Томас будет болен, он не сможет защитить Марьину. А Марьина его. А если звери? Если здесь хищники? Как она справится?

— Марьинка, справишься? — Дик не спросил, а будто приказал, будто имел право приказывать.

— Я дойду, — произнес Томас. — Я дойду, не бойтесь, друзья. Мне надо дойти... я иду туда уже шестнадцать лет.

И голос Томаса был горяч, быстр, словно полон слез.

— Тогда спи, — велел Дик, переждав долгую паузу. Никто не согласился с ним, но никто и не убедил Дика.

А утром спор прекратился сам собой. По очень простой причине. Когда Олег, встав первым — голова болела, ноги как деревянные, спина промерзла до печени, — выбрался из ниши, он увидел на белой долине плоскогорья цепочку углублений, в которых даже не сразу угадал следы: будто кто-то вдавливал в снег большие бочки.

Олег разбудил Дика, и вместе они осторожно прошли дальше по следам в ту сторону, куда указывали углубления когтей. Следы кончались у крутого откоса — этот зверь мог подниматься и по скалам.

— Какой он? — спросил Олег шепотом.

— Ляжет на дом — раздавит, — сказал Дик. — Вот бы подстрелить.

— Надежды мало, даже с твоим арбалетом. Ты ему шкуру не пробьешь.

— Постараюсь.

— Где вы были? — спросила Марьина, которая разжигала костер. — У Томаса температура упала. Хорошо, правда?

— Хорошо, — ответил Олег.

Они рассказали про следы, потому что Марьина их все равно бы увидела. Но она не испугалась. Мало ли какие звери водятся вокруг! Далеко не все злые и опасные. Звери заинтия своими делами.

— Садитесь, — предложила Марьина, — позавтракаем.

Томас вылез из-под палатки. Он был бледен и слаб. В руке держал флягу. Сядясь рядом с Олегом, отвинтил и отхлебнул.

— Надо согреться, — объяснил он хрипло. — Когда-то врачи прописывали слабым и больным кагор.

Марьина достала свой мешок.

Из него выкатился гриб.

Мешок был разорван, изжеван. И пуст.

— А где грибы? — спросила Марьина у Томаса. Как будто он должен был знать, где грибы.

Дик вскочил.

— Где лежал мешок?

- Я так устала, — сказала Марьяна. — Я думала, что по-
кила под палатку, а он остался снаружи.
- Где эта скотина? — произнес Дик тихо.
- Ты с ума сошел? — закричала Марьяна. — Может, это
коза?
- А кто? Томас? Я? Мы что теперь жрать будем?
- У нас есть еще мясо.
- Покажи. Может, и его нет?
- Зачем коза будет есть мясо?
- Дик был прав. От мяса осталось десятка два лом-
тиков.
- Я не шучу. — Дик подобрал со снега арбалет.
- Коза будто сообразила, что ей грозит, резко отскочила за
алу.
- Ты не уйдешь, — бросил Дик.
- Погоди, — остановил его Олег. — Погоди, если нужно,
успеешь. Всегда успеешь. Ведь Марьяна хочет разводить их,
понимаешь, как это важно для поселка? Значит, у нас всег-
да будет мясо.
- Для поселка важно, чтобы мы не подохли, — сказал
Дик. — Без нас коза в поселок не придет. Ей тоже жрать не-
чего. Она убежит.
- Нет, Дик, пожалуйста, — попросила Марьяна. — Ведь
у козы будут маленькие, понимаешь?
- Тогда пошли назад, — решил Дик. — Кончился наш
ход.
- Подожди, — вмешался Томас. — Пока еще решаю я. Ес-
ли ты хочешь, я разрешаю тебе вернуться назад. Ты добе-
решься, я не сомневаюсь. Я пойду дальше. И те, кто захочет.
- Я пойду дальше, — отозвался Олег. — Мы не можем
идти еще три года, до следующего лета.
- Я тоже пойду дальше, — сказала Марьяна. — И Дик
пойдет. Он не злой, не думайте. Он хочет, чтобы всем лучше.
- Не надо объяснять, — отрезал Дик. — Я все равно ее
убью.
- На сегодня пища есть, — напомнила Марьяна.
- Было бы исплохо вернуться вместе с козой. Мы можем
зажечь ее навычить, — добавил Томас.
- Он отхлебнул еще коньяка и поболтал флягой. По звуку
было ясно, что огненной воды осталось совсем мало.
- Еще один день, — сказал Дик, — и возвращаться уже
будет поздно. А тебя, Томас, это касается больше, чем ос-
тальных.
- Марьяна засуетилась возле костра, спеша вскипятить во-
ду. У нее еще остались сладкие корешки, горсти две.

Глава третья

Через два часа ходьбы Олег подумал, что прав все-таки был Дик. Они шли без тропинки, по снежной целине, путь вел вверх, к тому же приходилось обходить скалы, пробираться по расщелинам, пересекать ледники, воздух был резким, острым, и дыхание сбивалось. Олег привык к тому, что никогда не наешься досыта, но все-таки голодать не приходилось — в поселке всегда были какие-то запасы. А тут голод, бродивший по соседству, сразу обрушился на Олега, как только стало ясно, что впереди дни без еды. Олег поймал себя на том, что смотрит на козу с вожделением, надеется, что она упадет в расщелину, разобьется и тогда не надо будет отказываться от своих слов — ну, найдем другую, твердил он беззвучно, найдем другую.

И, как бы подслушав его мысли, Томас сказал:

— Наше счастье, что мясо идет само. Нам бы его не дотащить.

— Стойте.

Это был голос Дика. Дик подошел к козе, неся в руке крепкую плетенную из водорослей веревку, накинул ее козе на шею. Коза покорно и тупо ждала, пока ее привяжут. Потом Дик протянул свободный конец веревки Марьине.

— Веди. Я не хочу рисковать.

Днем они сделали привал. Долгий, потому что все выбились из сил, а Томас шел и покачивался, так что его хотелось поддерживать. Лицо его побагровело, глаза были полузакрыты, но он упрямо шел и шел вперед, к своему перевалу.

Часа через два после привала Томас забеспокоился.

— Погодите. Как бы не сбиться. Здесь должен быть лагерь. Я помню эту скалу.

Томас сел на камень, развернул трясущимися руками карту и стал водить по ней пальцем. Дику это ничего не говорило, он пошел вперед, надеясь подстрелить добычу.

Карта была нарисована чернилами еще в то время, когда
ли чернила — густая паста, которой заполнялись ручки.
учки Олег видел. Только они не писали.

— Мы здесь, — определил Томас. — Уже больше половины
дороги. Я и не рассчитывал, что можно так быстро идти.

— Погода хорошая, — произнес Олег.

— Судя по всему, мы здесь ночевали. Должны быть следы, а их нету.

— Сколько лет прошло...

— Вот так... — бормотал Томас, — группа скал... три скалы, нет, четыре. Ах да, чуть не забыл... — Он обернулся к Олегу: — Возьми это. Без этого в корабль ни ногой. Помнишь?

— Это счетчик радиации, да?

— Счетчик радиации, ты же заешь, почему мы не могли оставаться, там была такая радиация. А мороз — это в причу.

— Может, поспите? — спросил Олег. — А потом пойдем...

— Нет, оставаться нельзя. Это смерть. Я за вас отвечаю... Где же лагерь, надо глубже выкопать... Мы их похоронили, но сил не было глубоко копать, понимаешь, обязательно надо глубже...

Олег подхватил Томаса, который начал валиться с камня. Вернулся Дик, глядел, как Олег кутает Томаса в одеяла, Марьяшка хлопочет, раздувая костер, чтобы согреть мигранту. Дик молчал, но казалось, что он повторяет: «Я же предупреждал».

Олег сам отвинтил крышку фляги, понюхал коньяк — запах был острым, скорее приятным, но пить не хотелось, это было не для питья. Поднес осторожно к спекшимся губам Томаса, который шептал что-то неразборчиво, тот глотнул и сказал почему-то «скооль».

Дальше пойти смогли только в сумерки. Томас пришел в себя, его мешок нес Олег, арбалет взял Дик. Из-за этой основы шли, вернее, карабкались по откосу, усыпанному камадными неустойчивыми камнями, часа два, не больше, потом стало плохо видно, и пришлось искать ночлег.

Похолодало, небо здесь было совсем другого цвета — не только серым, как в лесу, а приобрело к вечеру краски тревожные — красноватые, и это пугало, потому что в небе не было надежности.

Очень хотелось есть. Олег готов был жевать камни. И еще наглая коза, как только сняли и сложили на снег мешки, подбежала к ним, попыталась разбросать их, будто люди только и занимались, что прятали от нее еду.

— Иди отсюда! — прикрикнул на нее Олег. Кинул в нее камнем.

Коза отскочила с блеянием.

— Не надо, — сказала Марьяшка. На ней лица не было, даже покернела за день, стала меньше, тоньше. — Она же не понимает. Она думает, что ей дадут есть. Ей больше надо, чем людям.

В тот вечер Дик ударил Марьяну.

Они жевали последние кусочки мяса, сухие ломтики. Запивали их кипятком, это был обман, а не еда, потому что человеку надо съесть хотя бы горсть ломтиков, чтобы почувствовать сытость. А Марьяна потихоньку отдала свой ломтик несчастной козе, думала, что никто не заметит, но заметили все, кроме Томаса, который был в полузыбтыи. Олег промолчал, он решил потом сказать Марьяне, что глупо кормить козу, когда сами скоро помрут от голода.

Но тут вмешался Дик. Он протянул над костром руку и коротко наотмашь ударил Марьяну по щеке. Марьяшка вскрикнула:

— За что?

Олег кинулся на Дика. Дик легко отшвырнул его.

— Идиоты, — бросил он зло, — скопище идиотов. Вы сами себя решили голодом уморить? Вы никогда не дойдете до перевала!

— Это мой кусок мяса, — ответила Марьяна, глаза ее были сухими и злыми, — я не хочу есть.

— Ты хочешь, — отрезал Дик, — а мяса осталось только по два ломтика на завтра. А иди в гору. Зачем только я пошел с вами!

Вдруг он схватил нож и, не оборачиваясь, сильно метнул его в козу. Вырвав клок зеленоватой шерсти, нож ударился о скалу, звякнул. Дик вскочил, коза разнулась, натянула веревку. Дик подобрал нож. Наконечник был обломан.

— Идиоты! — закричал Дик. — Почему вы не понимаете, что мы уже никогда не вернемся!

Он не глядел на заплакавшую Марьяшку, на Олега, который ничего лучшего не придумал, как начать совать Марьяне свой последний ломтик, будто она была маленькой девочкой. Та отталкивала руку, а Дик, быстро развернув свое одеяло, во весь рост растянулся на нем и закрыл глаза. Заснул или делал вид, что спит.

Томас кашлял вяло, словно у него не осталось сил кашлять.

Олег поднялся и закутал его в палатку. Потом они с Марьяшкой легли с двух сторон Томаса, чтобы согреть его.

Пошел снег. Снег был не холодный, он покрыл их толстым
слоем. Коза пришла уже в темноте и тоже легла рядом с ним: понимала, что всем вместе теплее.

Олег и в эту ночь почти не спал, или ему казалось, что не спит. Кто-то громадный прошел неподалеку, застилая голубой свет утра. Потом сразу стало холоднее — поднялась кома и пошла искать себе пропитание. А потом Олега укусила блоха. Откуда она взялась, непонятно. Может, пряталась в дежде или в козлиной шерсти.

У снежной блохи особенный укус — ни с чем не спутаешь. Этот укус безнадежен, как смерть. Можно плакать, кричать, звать на помощь, но никто не поможет. Все происходит по часам. Сначала укус — укол, холодный, словно под кожу загнали льдинку, и это ледяное жжение острое, такое, что человек сразу просыпается и замирает в ужасе и бессилии. И потом ничего — целый час ничего. И вдруг человек теряет разум — это происходит одинаково со всеми: с умными, глупыми, маленьким, стариком. На полчаса, час человек оказывается во власти кошмаров. Старый говорил, что, будь у него микроскоп, он бы легко с этой болезнью справился — понял бы, как возбудитель действует на нервную систему... Человек начинает буйствовать, он становится диким, он никого не узнает, он может убить самого близкого и потом ничего не будет помнить. Когда в поселке был первый случай этой болезни, никто не знал, что произошло. И еще было несколько страшных случаев, пока не поняли, что с блошиной лихорадкой не надо бороться — надо связать больного, спрятать его подальше и просто ждать, пока буйство пройдет и он вернется в сознание. Вот и все. Когда-нибудь, когда научатся лихорадку лечить, это будет иначе. А сейчас выход один... И если в поселке случается, что кого-то укусит снежная блоха, он спешит к людям и просит — свяжите меня! И в этом есть что-то ужасное. Человек еще здоров, он рассуждает и понимает, как обреченный на смерть, что пройдет еще несколько минут — и он исчезнет, а вместо него возникнет чье, бессмысленное существо. И каждый видел, как это случается с другими. И каждому стыдно думать, что это случится с ним. Потому, когда Олег почувствовал холодный укус блохи, он проснулся сразу и сразу поднял остальные.

— Дик, — сказал он виновато, — прости, у тебя веревка далеко?

— Что? — Дик вскочил, начал шарить руками в темноте.

Рассвет только начинался. Томас прохрипел во сне, но не проснулся.

— Ой, горе какое! — запричитала Марьяна. — Тебя блохи укусила?

— Только что.

Дик зевнул.

— Мог бы не спешить. У тебя час времени, как минимум час.

— Бывает и раньше, — произнес Олег. — Так неудачно получилось.

— Да, еще этого не хватало, — согласился Дик.

— Я тебя накрою одеялом, — предложила Марьяна. — И посижу рядом.

— Эх, — сказал Дик, разыскивая веревку, — опять вовремя не выйдем.

— Ну, это же пройдет, — ответил Олег.

— После припадка часа два лежать, не меньше, по себе знаю, — произнес Дик.

Он не сердился на Олега, он был зол на судьбу, на сплошные неудачи этого похода.

Ощущение холода в бедре, куда укусила эта блоха, не пропадало, Олег все время ощущал укус и представлял, как отправленная крошечной капелькой яда кровь течет, пульсируя, к мозгу, чтобы напасть на него и лишить Олега разума.

Дик не спеша проверил веревку. Марьяна стала разжигать костер.

Рассвет был синим, другим, чем в долине, где день всегда сер.

— Ну что ж, — велел Дик, — подставляйся.

— Только чтобы он себе что-нибудь не сломал, — сказала Марьяна. — Бедный Олежка!

— Не в первый раз мотаю, — успокоил Дик. — Жутко дело эти блохи. Ты расслабься, Олег, так легче. И думай о другом.

Сначала он связал руки Олега за спиной, потом обмотал грудь и ноги. Веревки тую впивались в тело, но Олег терпел, он знал, что в припадке человек становится сильным, как медведь. Если пожалеешь сейчас, потом все будет хуже.

Застонал Томас. Его взлохмаченная пегая голова высунулась из-под палатки, он жмурился, не в силах сообразить, где он. Глаза Томаса налились кровью, лицо было красным, распаренным. Наконец он разглядел Дика, который связывал Олега. Олег смущенно улыбался — неприятно доставлять людям такие беспокойства. Старый как-то рассказы-

или, что в средние века эпилептических и других ненормальных женщин называли ведьмами и даже сжигали на кострах.

— Блоха, — понял Томас, — всюду блохи... всюду твари...

— Вы еще поспите, — сказал Олег. — Я не скоро в себя приду, вы же знаете. Отдыхайте!

— Холодно, — произнес Томас, — нельзя спать, мне сколько выходить на вахту, опять барахлит компьютер, в него залезла блоха.

— И зачем только мы пошли, — сказал Дик. — Нельзя было такую компанию в горы пускать.

— Больше некому идти, — отзывалась Марьяна. — Ты же снимаешь.

Холод постепенно распространялся по всему телу, но то был не обычный холод, а свербящий, тянувший жилы, как будто множество маленьких льдинок суетилось, толкалось в трудах, в ногах... Голова Томаса начала увеличиваться...

— Ну вот, вроде замотал я тебя сносно. Не тянется?

— Тянется. — Олег постарался улыбнуться, но скулы ужеело судорогой.

— Слушай... — Дик обернулся. — А где коза?

— Коза? Ночью я ее слышала.

— Где коза, я спрашиваю? — Голос Дика поднялся, стал мальчишеским, высоким от злости. — Ты ее привязала?

— Я ее привязывала, — оправдывалась Марьяна, — но, наверное, развязалась.

— Где коза, я спрашиваю?

Видно, раздражение, копившееся в Дике, должно было выйти наружу — коза стала символом всех неудач.

— Не сердись, Дикушка, — сказала Марьяна. Она старалась укутать Олега одеялами. — Коза, наверное, ищет, чего искать.

— Здесь ей ничего искать. Почему ты ее не привязала?

Дик вытащил из-под полога свой арбалет, сунул за поясок.

— Ты куда? — спросила Марьяна, хотя отлично знала куда. Дик внимательно осмотрел снег вокруг, ища следы.

— Она вернется,

— Она вернется, — повторил Дик, — только в виде мертвой туши. Хватит. Я не хочу помирать с голоду из-за твоих глупостей.

Дик рос и рос, скоро он достанет головой до неба, но он может расшибиться об облака, ведь облака стеклянные, прозрачные... Олег сильно зажмурился и снова открыл глаза, чтобы изгнать видение. Томас сидел на одеяле и раскачивался, словно беззвучно пел.

— Марьяшка, согрей кипятку... — Олегу показалось, что голос его звучит твердо и громко, на самом деле он шептал почти беззвучно. — Для Томаса. Ему плохо.

Марьяна поняла.

— Сейчас, Олежка, конечно.

Но она не отрывала глаз от Дика.

— Я так и думал, — сказал Дик. — Она пошла обратно. Вниз. За ночь она могла пройти километров двадцать.

— Дик, останься здесь, — произнес вдруг Томас внезапно и громко. — Марьяшка сама найдет козу. Ты же ее убьешь.

— Можешь не сомневаться, — заверил Дик. — Хватит глупостей.

— Я найду ее. — Марьяна забыла о кипятке. — Тебе, Дик, нельзя сейчас уходить. Томас болен, а за Олегом надо следить.

— Ничего с ними не случится.

Дик запустил пальцы в густую темную гриву волос, разнул их, мотнул головой и, не оборачиваясь, быстро и легко пошел по следам козы вниз, откуда они пришли вчера.

— Я хотел, чтобы ты пошла, — вздохнул Томас, — ты бы привела ее. А он ее убьет.

Олег, хоть мир вокруг него все время менял форму и пропорции и становился все более зыбким и ненадежным, все еще сохранял способность думать. Он уронил:

— Дика можно понять... нам в самом деле не везет.

— Осталось идти совсем немного, — сказал Томас. — Я знаю. Мы идем быстро. Мы будем там послезавтра. Мы дотянем и без мяса. Ведь дотянем? А за перевалом пища. Дик, я обещаю!

Дик поднял руку, чтобы показать, что слышит, — звуки далеко разносились над снежным склоном, но шага не замедлил.

— Козу поймать нужно, — обернулся Томас к Марьяне. — Она нам нужна. Но не надо убивать. В этом нет смысла... Что-то меня жжет. Как жарко... Почему так болит по ченю? Это нечестно. Мы уже рядом.

— Он убьет ее... — прошептала Марьяна. — Он ее обязательно убьет... Ди-и-ик! — Марьяна обернулась к Олегу и Томасу. — Ну что делать, ну скажите, вы же умные, вы же все знаете! Ну как его остановить?

— Мне его не догнать, — ответил Томас. — К сожалению, я для него уже не авторитет.

— Сейчас... — решил Олег. — Ты только распутай мсня. Может, я успею до припадка, может, я успею?

Марьяна только отмахнулась. Она сделала два шага за Диком, вернулась, посмотрела на Томаса, на Олега.

— И вас нельзя оставить.

— Да беги тогда! — вдруг закричал Томас. — Беги скорей!
— Но, как же я вас оставлю? А вдруг какой-нибудь зверь.
— Беги же! — повторил Олег. — И возвращайся.

И Марьяна легко, словно не касаясь снега, понеслась вниз склону, туда, где уже исчез Дик.

— Жалко девчонку, — огорчился Томас, — она привязалась к козе.

— Жалко, — подтвердил Олег. — Как странно, что у вас нет формы. Вы бываете толстые и потом совсем тонкий, как пичка.

— Да, — согласился Томас. — Ты лежи удобнее, почему-то сначала этот яд действует на зрение. Я помню, меня раза три она кусала. Но не бойся, побочных эффектов практически не бывает. Не бойся.

— Я понимаю, но все равно страшно потерять себя, понимаете? Вот сейчас это я, а скоро меня не будет.

Олега тянуло вниз, в синюю воду, и очень трудно было удержаться на поверхности воды, потому что ноги были спутаны водорослями и надо их освободить, надо вырвать их, а то утонешь.

* * *

Одеяло, которым Марьяшка накрыла Олега, слетело. Олег не удержался у стены и упал на снег. Глаза его были закрыты, губы шевелились, лицо потемнело от напряжения, от желания разорвать пуги. Томас хотел помочь Олегу, накрыть его или хотя бы положить голову себе на колени. Это полезно делать в таких случаях — держать голову. Томас постарался подняться, но ноги отказывались его держать. Олег выгнулся спину и буквально взлетел в воздух, оттолкнулся кулаками от земли и покатился вниз по откосу. Он перевернулся несколько раз, ударился о торчащую из снега глыбу и замер. Его куртка разорвалась, снег не таял на голой груди.

Так нельзя, подумал Томас. Надо обязательно до него добраться. Чертова коза, чертов Дик с его комплексом сильной личности. А ведь Дик уверен, что прав, и уверен, что им владеет лишь забота обо всех. И с его дикарской точки зрения, он прав, с его дикарским неумением посмотреть в будущее... Не слишком ли скоро человек коллективный, гомо цивилизованный, становится дикарем? Может, мы ошиблись, позволяя детям вырасти в волчат, чтобы им легче выжить в лесу? Но у нас не было выбора. За шестнадцать лет мы, взрослые, так и не могли дойти до перевала. И надежда на это не возникла бы, если бы не выросли Дик и Олег. Сколько у меня сейчас? На-

верное, за сорок. Очень больно дышать — двухсторонняя пневмония, для такого диагноза не надо быть врачом. Если не доберусь до корабля, моя песенка спета. Никакое мясо ко зы мне не поможет. И идти надо самому — ребятам не дотянут меня до перевала... Что же Олежка? Блоха — это крайняя степень невезения, словно рок, притаившийся в скалах, не хочет отпускать нас к человечеству, словно лес хочет превратить нас в своих детей, в шакалов на двух ногах, он согласен терпеть наш поселок, но только как свое собственное продолжение, а не как отрицание. Там, за глыбой, темнота обрыв, вроде бы невысокий обрыв, но если Олег сейчас упадет вниз, он разобьется. Где веревка, где вторая веревка, надо притомтать его к тому камню...

Томас полз вниз, хорошо, что вниз ползти легче, и только жжет снег — почему-то умудряется проникать всюду и очень жжет грудь. Когда кашляешь, то тихонько, чтобы не разорвать легкие, а кашель накапливается и рвется из груди, и его ничем не удержишь.

Томас полз вниз, тащил за собой веревку, которая казалась ему невероятно тяжелой, свинцовой, веревка разматывалась и волочилась, как змея. Олег забился по-птичьи, стараясь разорвать путы, затылок его колотился о камень, и Томасу физически передалась боль, владевшая Олегом, владевшая им в кошмаре, но тем не менее реальная, трансформированная в видение. Олегу в этот момент казалось, что на него упала крыша дома.

До Олега оставалось метров десять, не больше. Томас похимал, что тот его не слышит, но твердил:

— Потерни, я иду.

А сам старался поднять голову, чтобы увидеть, не возвращаются ли Марьяна с Диком.

Главное было успеть, успеть прежде, чем Олег скатится с обрыва, тогда будет поздно...

«Почему у меня сейчас кружится голова?»

Когда Томас дотянулся до Олега, он на несколько секунд потерял сознание, все силы ушли на то, чтобы доползти. Тело движимое только этим отчаянным желанием, отказалось длинее подчиняться, как бы выполнив все, на что было способно. Томаса привел в себя порыв ледяного ветра, принесший в ряд снега, а может, невнятный шепот Олега и его хриплый дыхание. Томасу больше всего на свете хотелось закрыть глаза, потому что вот так лежать, ничего не делать, ни о чем не думать — это и было теплой, уютной сказкой, исполнением желаний. Олег сдвинул еще на метр, он бился, стараясь оторваться от веревок, отталкивался связанными ногами от

глыбы. Томас подтянул к себе веревку, стараясь сообразить, как ему примотать Олсга надежнее к скале, и не мог понять, как это делается, а потом оказалось, что его рука пуста — веревку он выпустил, ее конец остался в нескольких метрах сзади и вернуться к нему не было сил. Томас подтянулся, чтобы уцепиться за ноги Олега, но тот дернулся и отбросил Томаса, слово которого не почувствовало боли.

Томас понял, что так ему Олега не удержать и что Олег, даже связанный, куда сильнее его, и потому Томас возобновил свое медленное путешествие к обрыву, чтобы оказаться между ним и Олегом, превратиться в барьер, в препятствие, в неподвижную колоду. Томасу казалось, что он ползет спокойно, и все же, когда ему удалось наконец доползти до узкой полки, отделявшей Олега от обрыва, Олег сполз уже так низко, что Томасу пришлось протискиваться между телом Олега и острыми камнями на краю.

И наверное, Томасу удалось бы оттащить Олега от обрыва наверх, к безопасности, если бы сам он мог удержаться на выбоком краю сознания.

* * *

Марьяна прибежала к лагерю запыхавшись, ей казалось, что она отсутствовала несколько минут, на самом деле ее не было больше часа. Она бежала прямо к палатке и потому не сразу поняла, что произошло. Она увидела только, что лагерь пуст, и сначала даже откинула полог палатки, решив, что Томас с Олегом прячутся там от снега, хотя палатка лежала плоско на земле и спрятаться под ней никто бы не мог.

Марьяна в растерянности оглянулась и увидела след на снегу, который уходил вниз к скале, след такой, будто кто-то тащил по снегу тяжелый груз, и ей сразу почудилась страшная картина: животное, которому принадлежали круглые, как от бочки, следы, тащит обоих мужчин, и виновата в этом только она, потому что побежала спасать козу и забыла о людях, о больных людях в снежной пустыне, чего делать нельзя. И все получилось ужасно и глупо, потому что она не догнала Дика и не нашла козу, а, оставшись одна среди скал, испугалась, что не найдет пути к лагерю, испугалась за Томаса с Олегом, которые беспомощны, побежала обратно — и вот опоздала.

Марьяна семенила вниз по склону, всхлипывая и повторяя:

— Мамочка, мамочка...

Почему-то на снегу лежала веревка. Олегу удалось распуститься?

Она обогнула серую глыбу и увидела, что на краю обрыва лежит связанный Олег, а Томаса нигде нет.

— Олег! Олежка! — закричала она. — Ты живой?

Олег не ответил. Он спал. Люди всегда засыпают, когда пройдет припадок. Он был один, но след от его тела продолжался вниз, к обрыву, и, когда Марьяна заглянула вниз, она увидела, что там недалеко, метрах в пяти, лежит Томас, очень спокойно и как-то даже удобно, и поэтому Марьяшка не сразу догадалась, что Томас уже мертв. Она спустилась вниз, спеша и обламывая ногти о ледяные камни, долго тряслася его, старалась разбудить и вдруг поняла, что Томас умер, разбрзлся. А Олег, который пришел в себя, услышал шум и плач Марьяны и спросил слабым голосом:

— Ты что, Марьяшка, что случилось?

Он совершенно не помнил, как столкнул Томаса вниз, хотя потом по следам и отрывочным кошмарным видениям Олега они смогли понять, как и почему все произошло, и догадались, как умер Томас.

* * *

Дик вернулся в лагерь через два часа. Он не догнал козу и потерял ее следы на большой каменистой осыпи. На обратном пути он встретил следы неизвестного животного и пошел по ним, думая подстрелить, чтобы прийти в лагерь с добычей. Тогда можно объяснить, что он нарочно оставил козу в покое, пожалел Марьяну. И он искренне уже верил, что пожалел Марьяну, потому что не выносил неудач.

Когда он узнал, что случилось в лагере без него, он оказался трезвее и спокойнее остальных и сказал Олегу:

— Не говори глупостей. Никого ты не убивал и ни в чем не виноват. Ты же не знал, что столкнул Томаса. Ты должен быть благодарен ему, что он тебя старался удержать. Может, он ничего и не успел сделать, вернее всего, он ничего не успел сделать, но все равно он хотел тебя спасти. Может, так даже и лучше, потому что Томас был совсем болен, он мог умереть в любую минуту, он хотел идти к перевалу, и потому нам пришлось бы тащить его, и все погибли бы.

— Ты хочешь успокоить Олега, — отвечала Марьяна, раскачиваясь от боли — она отморозила руки и ободрала их в кровь, когда старалась оживить Томаса и когда они вместе шатались от слабости Олегом тащили его тело к палате.

— Ты хочешь успокоить Олега, а виноваты мы с тобой. Если бы мы не побежали за козой, Томас был бы жив.

— Правильно, — подтвердил Дик, — тебе не надо было бежать за мной. Это глупость, женская глупость.

— Неужели ты не винишь себя? — спросила Марьяна.

Томас лежал между ними, закрытый с головой одеялом, и как будто присутствовал при их разговоре.

— Я не знаю. Я пошел за козой, потому что нам нужно мясо. Нужно всем. Мне меньше других, потому что я сильнее.

— Я не хочу с ним больше говорить, — возмутилась Марьяна. — Он холодный, как этот снег.

— Я хочу быть справедливым, — отрезал Дик. — От того, что мы будем метаться и стонать, никому не лучше. Мы теряем время. День уже перевалил за середину.

— Олег еще слабый, чтобы идти, — сказала Марьяна.

— Нет, ничего, — отзывался Олег, — я пойду. Только надо взять у Томаса карту и счетчик радиации. Он говорил мне, что, если что-нибудь случится, надо взять эти вещи.

— Не надо, — качнул головой Дик.

— Почему?

— Потому что мы идем обратно, — произнес Дик спокойно.

— Ты так решил? — спросил Олег.

— Это единственный путь, чтобы спастись, — ответил Дик. — Через два дня мы будем в лесу. Там я найду добычу. Я вас приведу в поселок, я обещаю.

— Нет, мы пойдем дальше.

— Глупо. У нас нет шансов.

— У нас карта.

— А почему ты веришь ей? Карта старая. Все могло измениться. И никто не знает, сколько еще идти без еды, по головому снегу.

— Томас сказал, что мы шли быстро, что остался один день.

— Томас ошибался. Он сам хотел туда, и он нас обманывал.

— Томас нас не обманывал. Он сказал, что там есть пища и мы будем спасены.

— Ему хотелось в это верить, он был болен, он плохо соображал. Мы останемся живы, только если вернемся обратно.

— Я пойду к перевалу. — Олег сказал это, глядя на тело, покрытое одеялом, он обращался к Томасу.

— Я тоже пойду, — поддержала его Марьяна, — как ты не понимаешь?

— Марьышка, — начал Дик, постукивая большим кулаком по камню, отбивая такт словам. — Олегу заморочил голову Старый, всегда твердил ему, что он умнее, лучше нас с тобой, что он особенный. Он не мог быть лучше нас в поселке или в лесу, он всегда уступал мне. Даже тебе в лесу он уступает. Понимаешь, ему нужна эта сказка о перевале и речи о дикарях, которыми мы не имеем права стать. А я не дикарь. Я не глупее его. Пускай Олег идет, если он уверен. А тебя я не пущу — тебя я уведу вниз.

— Глупости, глупости, глупости! — закричала Марьяна. — Нас послал поселок. Нас все ждут и все надеются.

— Мы принесем больше пользы живыми.

— Пошли. — Олег протянул руку к одеялу, чтобы взять у Томаса карту и счетчик, и медленно произнес: — Прости, Томас, что ты не дошел и я беру у тебя такие ценные вещи.

Он откинул край одеяла. Томас лежал, закрыв глаза, лицо его побелело, и губы стали тонкими. И Олег не смог заставить себя дотронуться до холодного тела Томаса.

— Погоди, я сама, — предложила Марьышка. — Погоди.

Дик поднялся, подошел к скале, поднял со снега флягу, поболтал ею — там плеснулся коньяк. Дик отвинтил крышку и вылил коньяк на снег. Острый незнакомый запах повис в воздухе. Дик завинтил крышку и повесил флягу через плечо. Никто ничего не сказал. Марьяна передала Олегу сложенную карту, счетчик радиации и нож Томаса.

— Нам его не закопать, — решил Дик. — Надо отнести его под обрыв и засыпать камнями.

— Нет! — возразил Олег.

Дик удивленно поднял брови.

И глупо было отвечать. Почему нельзя на Томаса класть камни? Ведь Томас мертв, и ему все равно.

Все сделал Дик.

Олег и Марьяна только помогали ему. Больше они ни о чем не говорили. Олег и Марьяна молча собрались, взяли совсем похудевшие мешки (даже дров осталось на один-два костра), разделили на три части последние ломтики вялого мяса, и Марьяна отнесла Дику его порцию. Тот положил ломтики в карман и ничего не сказал. Потом Олег и Марьяна поднялись и пошли, не оглядываясь, наверх, к перевалу.

Дик догнал их метров через сто. Догнал, потом обогнал и пошел впереди. Олег шел с трудом, еще не прошли последствия припадка. Марьяна хромала — ушибла ногу, когда ли

иала по обрыву. Они прошли всего километров десять, и пришлось остановиться на ночлег.

Олег свалился на снег и сразу заснул. Он не проснулся, чтобы напиться кипятку со сладкими корешками. И он не увидел того, что увидели Дик и Марьяшка, когда совсем стемнело. Облака вокруг разошлись, и на небе появились звезды, которых никто из них никогда не видел. Потом небо затянуло вновь. Марьяна тоже заснула, и Дик еще долго сидел у погасшего теплого костра, положив в него ноги, смотрел на небо и ждал — может, облака разойдутся вновь? Он слышал о звездах, старшие всегда говорили о звездах, но никогда раньше он не догадывался, какое величие и простор открываются человеку, который видит звезды. Он понимал, что им никогда не вернуться в поселок.

* * *

Они поднялись рано, выпили немного кипятку, растопив снег, и доели сладкие корешки, от которых голод лишь усилился. В тот день они тащились медленнее, чем обычно, даже Дик вы碧лся из сил.

Беда была в том, что они не знали, правильно ли идут. На карте были нарисованы ориентиры, но они не совпадали. Понятно, почему: люди шли здесь в прошлый раз зимой, когда много снега, когда сильные морозы и мгла, и потому сейчас все вокруг выглядело иначе.

Наступило отчаяние, потому что перевал был абстракцией, в которую невозможно поверить, как невозможно представить себе звездное небо, если его не видел и знаешь лишь по рассказам. Олег жалел, что заснул и пропустил небо, но, может быть, оно повторится следующей ночью? Ведь облака на небе стали тоньше, сквозь них иногда проглядывала голубизна, и вокруг было куда светлее, чем внизу, в лесу.

Днем, когда все вы碧ились из сил, Дик приказал остановиться и начать снегом растирать Марьяшке отмороженные щеки. Тогда Олег увидел в стороне, на снегу, синее пятно. Но до него надо было пройти еще шагов сто, а сил не было, и Олег не стал ничего говорить.

Когда наконец Дик сказал, что пора идти, Олег показал на синее пятно. Они пошли к нему, с каждым шагом быстрее.

Это была синяя короткая куртка из прочного и тонкого материала. Она наполовину вмерзла в снег, и один рукав ее, набитый снегом, торчал вверх. Дик окопал снег вокруг, что-

бы вытащить куртку, а Олегом вдруг овладело болезненное нетерпение.

— Не надо, — сказал он хрипло, — зачем? Мы скоро придем, ты понимаешь, мы правильно идем!

— Она крепкая, — объяснил Дик, — Марьяшка совсем замерзла.

— Мне не нужно, — отказалась Марьяшка, — лучше пойдем дальше.

— Идите, я вас догоню, — заупрямился Дик. — Идите.

Дик догнал их через пятнадцать минут, неся куртку в руке, но Марьяна надевать ее не стала, сказала, что куртка мокрая и холодная. Но главное было то, что куртка чужая и ее кто-то носил. И если снял и бросил, то, значит, погиб. Всем известно, что с перевала вышло семьдесят шесть человек, а до леса дошло сорок.

Они не добрались в тот день до перевала, хотя Олегу все казалось, что перевал будет вот-вот — сейчас обойдем этот язык ледника, и будет перевал, сейчас минуем осыпь, и будет перевал... И подъем становится все круче, а воздуха все меньше.

Они ночевали, вернее пережидали, пока кончится темнота, скавшись в клубок, закутавшись всеми одеялами и накрывшись палаткой. Все равно не заснешь от холода, они только проваливались в забытье и снова просыпались, чтобы поменяться местами. От Марьяны, которая лежала в середине, почти не было тепла — она стала какой-то бесцелесной и острой — почти птичьи кости. Они поднялись с рассветом, над ними было синее звездное небо, но они не смотрели на небо.

Потом постепенно рассвело, облака были прозрачные, как туман, и сквозь них светило солнце, холодное, яркое, которого они тоже никогда не видели, но они не смотрели и на солнце. Они брали, обходя трещины в снегу, осьпи и карнизы. Дик упрямо шагал впереди, выбирая дорогу, падая и срываюсь чаще других, но ни разу не уступив первенства. И он первым вышел на перевал, не сообразив, что это и есть перевал, потому что склон, по которому они карабкались, незаметно для глаз выровнялся и превратился в плоскогорье, и потом они увидели впереди зубцы хребтов. Хребет за хребтом, цепи снежных гор, сверкающие под солнцем, а еще через час внизу открылась котловина, посреди которой, громадный даже отсюда, с километровой высоты, лежал круглый диск темного металлического цвета. Он накренился и вдавился в снег точно посреди котловины. До этой котловины капитан смог дотянуть корабль, когда после взрыва в

двигательном отсеке отказали приборы. Он посадил корабль тут в метель, ночь и туман здешней злой зимы.

Они стояли в ряд. Три оборванных, изможденных дикаря, прбалеты на плечах, мешки из звериных шкур за спинами, оборванные, обожженные морозом и снегом, черные от голода и усталости, три микроскопические фигурки в громадном, пустом, безмолвном мире, и смотрели на мертвый корабль, который шестнадцать лет назад рухнул на эту планету. И никогда уже не поднимется вновь.

Потом они начали спускаться вниз по крутым склону, цепляясь за камни, стараясь не бежать по неверным осыпям, но бежали все скорее, хотя ноги отказывались слушаться.

И через час они уже были на дне котловины.

Глава четвертая

Шестнадцать лет назад Олегу и Дику было меньше двух лет. Марьяны еще не было на свете. И они не помнили, как опустился здесь, в горах, исследовательский корабль «Полюс». Их первые воспоминания были связаны с поселком, с лесом; повадки шустрых рыжих грибов и хищных лиан они узнали раньше, чем услышали от старших о том, что есть звезды и другой мир. И лес был куда понятнее, чем рассказы о ракетах или домах, в которых может жить по тысяче человек. Законы леса, законы поселка, возникшие от необходимости сохранить кучку людей, не приспособленных к этой жизни, старались вытолкнуть из памяти Землю и вместо памяти возродить лишь абстрактную надежду на то, что когда-то их найдут и все это кончится. Но сколько надо терпеть и ждать? Десять лет? Десять лет уже прошло. Сто лет? Сто лет — значит, что найдут не тебя, а твоего правнука, если у тебя будет правнук и если он, да и весь поселок смогут просуществовать столько лет. Надежда, жившая в старших, для второго поколения не существовала — она бы только мешала жить в лесу, но не передать им надежду было невозможно, потому что даже смерть человеку не так страшна, если он знает о продолжении своего рода. Смерть становится окончательной в тот момент, когда с ней пропадаешь не только ты, но и все, что привязывало тебя к жизни.

Потому и старшие и учитель — все, каждый как мог, — старались воспитать в детях ощущение принадлежности к Земле, мысль о том, что рано или поздно отторженность прервется. А в поддержание связи с миром оставался корабль за перевалом. Он существовал, его можно было достичь если не в этот тысячедневный бесконечный холодный

год; то в следующий, когда дети подрастут и смогут дойти до перевала.

Дик, Олег и Марьяна спускались в котловину, к кораблю, он рос, был материален и громаден, но оставался легендой, чашей Граала, и никто из них не удивился бы, если бы при прикосновении он рассыпался в прах. Они возвращались к дому своих отцов, который пугал тем, что перешел в эту колодную котловину из снов и легенд, рассказанных при тусклом светильнике в хижине, когда за щелью окна, затянутого рыбьей кожей, рычит снежная метель.

Существование корабля возродило сны и легенды, привязав картины, рожденные воображением и потому неточные, к реальности этого гиганта. Подобного противоречия старшие не понимали — ведь для них за повестью о том, как грянула катастрофа, как пришел холод и тьма, за рассказом, о пустых коридорах, в которых постепенно гаснет свет и куда прорываются снаружи сухие снежинки, — за всем этим скрывались зримые образы коридоров и ламп, молчание вспомогательных двигателей и щелканье счетчиков радиации. Для слушателей — Олега и его сверстников — в рассказе понятны были лишь снежинки, а коридоры ассоциировались с чашей леса или темной пещерой — ведь воображение питается лишь тем, что видено и слышано.

Теперь стало понятно, как уходили отсюда люди — тащили детей и раненых, хватали в спешке те вещи, которые должны понадобиться на первое время, в тот момент никто еще не думал, что им придется жить и умирать в этом холодном мире, — гигантские масштабы и невероятная мощь космической цивилизации даже здесь вселяли ложную уверенность, что все случившееся, как бы трагично ни было, лишь временный срыв, случайность, которая будет исправлена, как исправляются случайности всегда.

Вот тот люк.

Уходя, как рассказывал Старый, они закрыли его, а аварийную лестницу, по которой спускались на снег, отнесли в сторону, под нависшую скалу. Это место было отмечено на карте, но искать лестницу не пришлось — снег подтаял, и она лежала на месте, голубая краска кое-где облезла, а когда Дик поднял лестницу, то отпечаток ее остался голубым рисунком на снегу.

Дик пощелкал ногтем по перекладине.

— Легкая, — сообщил он, — надо будет взять.

Никто не ответил ему, Марьяна с Олегом стояли поодаль и, запрокинув головы, разглядывали округлое брюхо корабля. Корабль казался совершенно целым, хоть сейчас лети дальше. И Олег даже представил себе, как он отрывается от

отловины, поднимается все быстрее к синему небу и становится черным кружочком, точкой в синеве...

Усталости не было. Тело было легким и послушным, и нетерпение как можно скорее заглянуть внутрь чудовища смешивалось со страхом навсегда исчезнуть в замкнутой сфере корабля.

Олег перевел взгляд на аварийный люк. Сколько раз Старый повторял Олегу: «Аварийный люк не заперт, понимаешь? Мы его только прикрыли. Ты поднимаешься к нему по лесенке и первым делом замеряешь уровень радиации. Ее быть не должно, но обязательно замерь. Тогда радиация была одной из причин, почему нам пришлось так спешно уходить, мороз и радиация. Сорок градусов ниже нуля, системы отопления не функционируют, и высокий радиационный фон — оставаться было нельзя».

Дик бродил вокруг корабля, выковыривая из снега ящики и банки, — многие вещи вытащили из корабля, но их пришлось оставить.

— Ну что, — спросил Олег, — пойдем туда?

— Пойдем. — Дик поднял лестницу и приставил к люку. Потом сам поднялся по ней, сунул в щель нож Томаса, нажал, нож сломался.

— Может, он защелкнулся? — предположила Марьяна.

— Совсем ножей не осталось, — огорчился Дик.

— Старый сказал, что люк открыт, — напомнил Олег.

— Старый все забыл. Нельзя верить старикам.

— Не получается? — спросила Марьяна.

Облака затянули солнце, и сразу стало темнее, привычнее.

— Погоди, — засомневался Олег. — Почему мы тянем крышку на себя, почему толкаем, как дома? А если дверь в корабле открывается иначе?

Дверца была немного утоплена в стене корабля, она уходила под обшивку. А что, если попробовать толкнуть ее вбок? Так не бывает, но если корабль летит, лучше, чтобы дверь сама случайно не открылась. Олег сказал Дику:

— Дай нож.

Тот кинул Олегу сломанный нож, сунул руки под мышки и принялся притоптывать: замерз. Даже он замерз.

Пошел сухой снег. Они были одни во всем мире, они умирали от голода и холода, а корабль не хотел пускать их внутрь.

Олег вставил обломок ножа в щель и постарался толкнуть крышку в сторону. Та вдруг щелкнула и легко, словно ожидала этого, отошла вбок и исчезла в стене. Все правильно. Олег даже не стал оборачиваться — все ли видели, какой он умный. Он решил задачу. Пускай задача была несложная,

но другие решить не смогли. Олег заткнул нож за пояс и вынул счетчик радиации.

— Ой! — услышал он голос Марьяны. — Олег открыл!

— Это хорошо, — произнес Дик. — Иди, чего стоишь!

Счетчик показал, что опасности нет. все правильно.

— Там темно, — сказал Олег, — дайте факел.

Даже когда было очень холодно в последнюю ночь, они не стали зажигать факелы. Факелы давали мало тепла, зато долго горели.

— Там тепло? — спросила Марьяна.

— Нет. — Олег принюхался. В корабле сохранился чужой опасный запах. Ступить внутрь было боязно. Но Олег вдруг понял, что теперь он главнее Дика, что Дику страшно. Дик щелкал кремнем, разжигая факел. Факел занялся маленьким, почти невидимым в свете дня огнем. Дик поднялся до половины лестницы и передал факел Олегу. Но дальше не пошел. Олег принял факел и протянул руку внутрь. Впереди была темнота, под ногами начинался ровный шероховатый пол.

Олег сказал громко, чтобы заглушить страх:

— Я пошел. Берите факелы. И за мной! Я буду ждать внутри.

Пол под ногами чуть пружинил, как будто кора живых деревьев. Но Олег знал, что пол неживой и что таких деревьев на Земле не бывает. Ему почудилось, что впереди кто-то подстерегает сто, и он замер. Но потом понял, что так возвращается к нему эхо собственного дыхания. Олег сделал еще один шаг вперед, и свет факела, ставший ярче, осветил стену, круглящуюся кверху. Блестящую и светлую стену. Он дотронулся до стены. Она была холодной.

«Вот я и дома, — подумал Олег. — У меня есть дом — поселок. А есть дом, который называется космический исследовательский корабль "Полюс". Он мне тысячу раз снился, но снился совсем не таким, каким оказался на самом деле. А я тут был. Я тут даже родился. Где-то в темной глубине корабля есть комната, где я родился».

— Ты где? — спросил Дик.

Олег обернулся. Силуэт Дика заслонил проем люка.

— Иди сюда, — позвал Олег. — Здесь никого нет.

— Был бы, давно замерз. — Голос Дика улетел по коридору.

Олег протянул Дику факел, чтобы он зажег свой, потом подождал, пока Дику, уступив место Марьяне, зажжет ее факел.

С тремя факелами сразу стало светлее, только очень ходнико. Куда холоднее, чем снаружи, потому что там был живой воздух, а здесь воздух мертвый. Коридор закончился дверью, но Олег уже знал, как ее открыть. В действиях Олега появилась еще не настоящая уверенность, но большее

единство с кораблем, чем у остальных, которым корабль казался страшной пещерой, и, если бы не голод, они бы остались снаружи. Дойди с ними до корабля Томас, все было бы иначе. Олег не мог взять на себя роль проводника и толкотеля тайн, но лучше Олег, чем никто.

За дверью был круглый зал, такого они никогда не видели. В нем мог разместиться весь поселок. Несмотря на свет трех факелов, его потолок пропадал в темноте.

— Ангар, — произнес Олег, повторяя заученные слова старого. — Здесь посадочные катера и другие средства. Но удел питания был выведен из строя при посадке. Это сыграло роковую роль.

— И вынудило команду и пассажиров идти по горам пешком, — добавила Марьяна.

Старый на уроках заставлял их заучивать наизусть историю поселка, начало этой истории, чтобы не забывалось. «Если у людей нет бумаги, они учат историю наизусть, — говорил он. — Без истории люди перестают быть людьми».

— С огромными жертвами.. — продолжил Дик, но не договорил, замолчал: здесь нельзя было говорить громко.

Перед ними, преградив путь, лежал цилиндр длиной метров десять.

— Это тот катер, — сказал Олег, — который они вытащили из ангаря на руках, но не успели им воспользоваться, надо было уходить.

— Как холодно. — Марьяна поежилась.

— Он в себе держит холод с зимы, — объяснил Дик. — Куда дальше?

Дик признал главенство Олега.

— Здесь должна быть открытая дверь, — проговорил Олег, — которая ведет в двигательный отсек. Только нам туда нельзя. Мы должны найти лестницу наверх.

— Как ты хорошо все выучил, — чуть улыбнулась Марьяна. Они снова пошли вдоль стены.

— Здесь должно быть много вещей, — сказал Дик. — Но как мы их понесем обратно?

— А вдруг те, кто здесь умер, ходят? — спросила Марьяна.

— Да кончай ты! — оборвал ее Дик.

— Разумеется! — Олег остановился.

— Что? Что ты увидел?

— Я догадался. Если загнуть концы у лестницы, то тогда ее можно нагрузить вещами и тащить за собой. Ну, как на лиях, которые сделал Сергеев.

— А я думала, что ты увидел мертвеца, — шепнула Марьяна.

— Я об этом тоже подумал, — сказал Дик.
— Первая дверь, — сообщил Олег. — Туда нам не надо.
— Я загляну, — решил Дик.
— Там наверняка радиация, — сказал Олег. — Старый говорил.

— Ничего она со мной не сделает. Я сильный.
— Радиация невидима, ты же знаешь. Ты же учился. — Олег пошел дальше, неся факел близко к стене.

Томас был инженером. Томас понимал, что значат эти кнопки и какую силу они в себе несут.

— Сколько всего настроили, — сказал Дик, все еще не примирившийся с кораблем, — а разбились.

— Зато они прилетели через небо, — возразила Марьяна.
— Вот эта дверь, — сообщил Олег. — Отсюда мы попадем в жилые помещения и в навигационный отсек.

Как это всегда звучало: «навигационный отсек», «пульт управления»... Как заклинания. И вот он сейчас увидит навигационный отсек.

— А ты помнишь номер своей комнаты? — спросила Марьяна.

— Каюты, — поправил ее Олег. — Конечно, помню. Сорок четыре.

— Меня отец просил зайти и посмотреть, как все там. У нас сто десятая. А ты ведь родился на корабле?

Олег не ответил. Да вопрос и не требовал ответа. Но странно было, что Марьяна думает так же, как и он.

Олег отвел в сторону дверь. И отпрянул. Он забыл, что этого надо было ожидать. Есть такие краски, которые светятся многие годы. Ими покрашены некоторые коридоры и навигационный отсек.

Свет шел отовсюду и ниоткуда. И было светло. Достаточно, чтобы факелы как бы померкли.

— Ой, — прошептала Марьяна, — а может, тут кто-то живет?

— Хорошо, что есть свет, — сказал Олег. — Сбережем факелы.

— Как будто даже теплее, — произнесла Марьяна.
— Это только кажется, — сказал Олег. — Но мы, наверное, найдем теплые вещи. И будем спать в комнате.

— Нет, — отозвался Дик, который немного отстал и еще не вошел в светлый коридор. — Я не буду спать здесь.

— Почему?
— Я буду спать там, на снегу. Там теплее.

Олег понимал, что Дику страшно спать в корабле, но Олегу хотелось остаться здесь. Он не боялся корабля. Испугался сначала, когда было темно, но не сейчас. Это его дом.

— Я тоже не буду здесь спать, — решила Марьяна. — Здесь есть тени тех, кто жил. Я боюсь.

Справа стена коридора отошла вглубь и была забрана прозрачным, как тонкий слой воды, материалом, и Марьяна вспомнила, что он называется стеклом. А за ним были зеленые растения. С зелеными маленькими листьями, таких зеленых листьев в здешнем лесу не бывает.

— Они не схватят? — спросил Олег.

— Нет, — ответила Марьяна, — они замерзли. На земле растения не кусаются, разве ты забыл, как нам рассказывала тетя Луиза?

— Это не столь важно, — сказал Дик. — Пошли. Не вечно же гулять просто так. А вдруг тут нет еды?

Странно, подумал Олег, мне совсем не хочется есть. Я давно не ел, а есть не хочется. Это нервы.

Через десять шагов они увидели еще одну нишу, но в ней стекло было разбито. Марьяна протянула руку.

— Нельзя, — остановил Дик.

— Я знаю лучше, я их чувствую. А эти мертвые.

Она дотронулась до ветки, и листья рассыпались в пыль.

— Жалко, — проговорила Марьяна. — Жалко, что нет семян, мы бы посадили их у поселка.

— Направо склады, — сказал Олег. — Давайте посмотрим, что там есть.

Они повернули направо. Посреди коридора лежал разорванный полупрозрачный мешок, и из него выкатилось несколько белых банок — видно, когда люди бежали с корабля, мешок разорвался.

* * *

Это было странное, чудесное пиршество. Они вскрывали банки, Дик — ножом, а Олег догадался, что это можно сделать без ножа, если нажать на край банки; они пробовали то, что было в банках и тюбиках. И почти всегда это было вкусно и незнакомо. И банок было не жалко, потому что там были целые комнаты, полные ящиков и контейнеров, там были миллионы банок и всяких других контейнеров. Они пили сгущенное молоко, но не было рядом Томаса, который сказал бы, что это молоко. Они глотали шпроты, но не знали, что это шпроты; они выдавливали из тюбиков варенье, которое казалось им слишком сладким; они жевали муку, не зная, что это мука. Марьяна расстроилась, что они так напакостили и на полу грязно.

Потом их потянуло в сон — глаза слипались, словно вся усталость последних дней навалилась на плечи. Но все же

Олегу не удалось уговорить спутников остановиться в корабле и спать в нем. Они ушли вдвоем, и Олег, как только шаги стихли в коридоре, вдруг испугался и еле сдержался, чтобы не побежать за ними. Он лег на пол, раздвинув банки, и проспал много часов, но время здесь, в корабле, не двигалось, его ничем нельзя было поймать. Олег спал без снов, без мыслей, глубоко и спокойно, куда спокойнее, чем Марьяна с Диком, потому что Дик даже с такой усталости несколько раз за ночь просыпался и прислушивался — нет ли опасности. И тогда чутко просыпалась Марьяна, прятавшая голову на его груди. Они накрылись всеми одеялами и палаткой, и им было не холодно, потому что вечером пошел густой снег и завалил палатку, превратил в сугроб.

Олег проснулся раньше тех, кто спал снаружи, потому что замерз. Он долго прыгал, чтобы согреться, потом поел. Это было удивительное чувство: не думать, хватит ли пищи, — он давно не испытывал его. Немного болел живот. Мог бы болеть сильнее, подумал Олег. Было стыдно глядеть на остатки пиршества, и Олег отодвинул в угол комнаты пустые и полупустые банки. «Надо идти обратно, — подумал он. — Пойти позвать ребят? Нет, наверное, они еще спят». Олегу казалось, что его сон длился лишь несколько минут.

Он немного оглядится, потом выйдет наружу и разбудит остальных. В корабле никого нет, Давно никого нет, бояться нечего. Надо уходить обратно, перевал скоро завалит снегом. А мы тут спим. Разве можно тут спать?

Олег, как настоящий житель леса, везде отлично ориентировался. Даже в корабле. Он не боялся заблудиться и потому спокойно пошел по пандусу, ведущему наверх, в жилые помещения.

Каюту с круглой табличкой «44» он нашел через час. Но потому, что трудно было найти, просто он отвлекался в пути. Сначала он попал в кают-компанию, где увидел длинный стол, и там ему очень понравились установленные посередине забавные солонки и перечницы, и он даже положил их в мешок по штуке, подумал, что мать будет рада, если он принесет ей такие вещи. Потом он долго рассматривал шахматы — видно, при ударе коробка упала на пол и разбилась, а фигуры рассыпались по полу. Ему никто не рассказывал о шахматах, и он решил, что это скульптуры неизвестных ему земных животных. И конечно, удивителен был ковер — у него не было швов, значит, — его выделили из шкуры одного животного. Эгли рассказывала, что самые большие животные обитают в море и называются китами. Олег видел еще много чудесных и непонятных вещей, и к исходу часа, который потребовался, чтобы добраться до

каюты сорок четыре, он был переполнен впечатлениями. Впечатления, накапливаясь, вызывали у Олега отчаяние из-за собственной тупости, из-за неспособности разобраться в вещах и из-за того, что Томас не дошел до корабля и не может все объяснить.

Перед дверью сорок четвертой каюты Олег долго стоял, не решаясь открыть ее, хотя знал, что ничего особенного он там не увидит. И он даже понимал почему. Пусть мать говорила много раз, что его отец погиб при крушении корабля, что он был в двигательном отсеке, где раскололся реактор, все равно ему казалось, что отец может быть там. Почему-то Олег никогда не верил в смерть отца, и отец оставался живым на корабле, ожидающим, несчастным. Может, это происходило от внутренней убежденности матери, что отец жив. Это был ее кошмар, ее боль, которую она тщательно скрывала ото всех, даже от сына, ио сын об этой болезни знал.

Наконец Олег заставил себя отодвинуть дверь. В каюте было темно. Стены ее были покрыты обычной краской. Пришлось задержаться, зажечь факел, и глаза не сразу привыкли к полутьме. Каюта состояла из двух комнат. В первой стоял стол, диван, здесь ночевал отец, во второй, внутренней комнате жила мать с ним, с Олегом, младенцем.

Каюта была пуста. Отец не вернулся в нее. Мать ошиблась.

Но Олега ждал иной сюрприз, иное потрясение, выражение той паузы, в которой жил корабль с момента, как люди покинули его, и до того дня, когда к нему вернулся Олег.

В маленькой комнате стояла детская кроватка. Он сразу понял, что это сооружение с расстегнутыми и висящими по сторонам ремнями, мягкое, как бы повисшее в воздухе, предназначено для маленького ребенка. И вот почему-то недавно, минуту назад, ребенка унесли отсюда в спешке, даже оставили один маленький розовый носок и разноцветную погремушку. Олег, еще не осознав до конца, что встретился с самим собой в этом заповеднике остановившегося времени, поднял погремушку и взмахнул ею, и именно в этот момент, услышав звук погремушки и, как ни странно, узнав его, он осознал реальность корабля, реальность этого мира, более глубокую и настоящую, чем реальность поселка и леса.

В обычной жизни нельзя встретиться с самим собой. Вещи исчезают, а если что-то и остается, то остается как память, как сувенир. А здесь, в ветле, прикрепленной к бортику кровати, висела недопитая бутылочка с молоком, молоко замерзло, но его можно было растопить и допить.

И, увидев себя, встретившись с собой, осознав и пережив эту встречу, Олег принял искать следы двух других людей, бывших здесь по ту сторону остановившегося времени, — отца и матери.

Мать найти было легче. Она бежала отсюда, унося его, Олега, поэтому на ее кровати в глубине каюты валялся скрученный, смятый, сорванный второпях халат, мягкая туфля высовывалась из-под кровати, книга, заложенная листком бумаги, лежала на подушке. Олег поднял книгу, осторожно, боясь, не рассыплется ли она, как то растениес в коридоре. Но книга отлично перенесла мороз. Книга называлась «Анна Каренина» и была написана Львом Толстым. Это была толстая книга, а на закладке набросаны формулы — мать была физиком-теоретиком. Олег никогда не видел почерка матери, потому что в деревне не на чём было писать, он никогда не видел книги, потому что книг в тот момент никто не брал с корабля, Олег слышал ими писателя на уроках тети Луизы, но не думал, что писатель может написать такую толстую книгу. Олег взял книгу собой. И он знал: как бы ни было тяжело идти назад, он книгу донесет. И этот листочек с формулами. И потом, по думав, он положил в мешок туфли матери. Они казались очень узкими для ее разбитых, старых ног, но пускай они у нее будут.

А следы отца, хоть и были вещественны и очевидны, почему-то не произвели на Олега такого впечатления, как встреча с самим собой. Это случилось потому, что отца в тот момент, когда корабль разбился, не было. Он ушел раньше. Он ушел на вахту, убрав за собой — отец был аккуратным человеком, не терпел беспорядка. Его книги стояли в ряд на полке за стеклом, его вещи висели в стеклянном шкафу... Олег вынул из шкафа мундир отца. Наверное, он не надевал его на корабле, мундир был совсем новым, синим, плотным, с двумя звездочками на груди, над карманом куртки, с тонким золотым лампасом на узких штанах. Олег вынул мундир из шкафа и приложил к себе — мундир был немножко широковат. Тогда Олег надел куртку поверх своей, и она стала впору, только пришлось чуть подогнать рукава. Потом он вернул штанины. Если бы отец жил в деревне и ходил в этом мундире, он разрешил бы Олегу иногда надевать его.

Теперь корабль окончательно принадлежал Олегу. Даже вернувшись в лес, он всегда будет тосковать по кораблю и стремиться обратно сюда, как стремится Старый и как стремился Томас. И в этом тоже не было ничего плохого, в этом была победа Старого, который не хочет, чтобы те, кто

тест в деревне, стали частью леса. Теперь Олег окончательно понял, как и почему думал Старый, и слова его приобрели смысл, осознать который можно было только здесь.

Олег догадался откинуть крышку стола, там с внутренней стороны оказалось зеркало. Олегу приходилось видеть себя отраженным в луже. Но в большом зеркале он не видел себя никогда. И, глядя на себя, он осознавал раздвоение, но это раздвоение не было противоестественным — ведь там, за открытой дверью, только что был он, маленький Олег, он даже не допил молоко. А теперь он стоит перед зеркалом в мундире отца. Конечно, он сейчас совсем не похож на отца, потому что лицо его обветрено, обморожено, обтянуто темной кожей с ранними морщинами от недоедания и жестокого климата, но все-таки это он, Олег, вырос, вернулся, надел мундир и стал членом экипажа корабля «Полюс».

В письменном столе он нашел записную книжку отца, половина страниц в ней была пустой, не меньше ста пустых белых листков, целое сокровище для Старого. Можно будет учить ребят, рисуя на бумаге разные вещи, которых они никогда не видели. Ведь им надо будет, как подрастут, обязательно вернуться к кораблю. И еще он нашел там несколько объемных цветных картинок, фотографий с видами земных городов, и тоже взял с собой. Некоторые другие вещи были непонятны, их Олег трогать пока не стал — он понимал, что возвращение к поселку будет трудным. Но одну вещь он взял, потому что сразу догадался, что это такое, и понял, как будут счастливы Сергеев и Вайткус, который рисовал ему эту вещь на влажной глине и много раз повторял: «Я никогда не прощу себе, что никто из нас не взял бластера. Ни один человек». «Ты зря казнишься, — отвечал Старый, — для этого надо было возвращаться на мостик, а там была смертельная радиация». Оказывается, бластер лежал у отца в столе.

Рукоять надежно легла на ладонь. И чтобы проверить, есть ли в бластере заряд, он направил его на стену и нажал на спуск. Из бластера вылетела молния и опалила стену. Олег замурился, но еще с минуту после этого в глазах прыгали искры. И Олег вышел в коридор с бластером в руке: теперь он был не только хозяином корабля, но еще и получил возможность говорить с лесом не как проситель. Нас не трогайте!

В коридоре Олег остановился в раздумье. Хотелось пойти в навигационный отсек или в узел связи, но разумнее вернуться на склад, потому что если Дик с Марьяной пришли туда, они будут волноваться.

Олег быстро пошел обратно, но склад был пуст. Никто тут не заходил. Ну что ж, разбудим их. К тому же, хоть Олег

в этом себе не признавался, хотелось показаться им в мундире космонавта, хотелось сказать: «Вы проспите все на свете. А нам пора улетать к звездам...»

На этот раз он пересек ангар напрямик, путь назад оказался куда короче, чем вчера, он уже привык к кораблю. Впереди показался яркий свет — люк наружу был открыт. Они его забыли закрыть. Хотя это здесь не важно, на такой высоте вряд ли водятся звери, что им тут делать?

Олег зажмурился и постоял так с минуту, пока глаза не привыкли к солнечному свету. Солнце стояло высоко, ночь давно прошла. Олег открыл глаза и испугался.

Никаких следов Дика и Марьяны: снег за ночь все сровнял и сладил, снег без единого темного пятна.

— Эй! — сказал Олег негромко. Тишина стояла такая, что страшно было ее разбудить.

И тут же Олег заметил, как что-то зашевелилось метрах в двадцати от корабля. Там был невысокий пологий снежный холм. И зверь, белый, почти сливающийся со снегом, какого раньше Олегу не приходилось видеть, похожий на ящерицу, только мохнатую, длиной метра в четыре, осторожно, словно боясь спугнуть добычу, разрывал холм. Олег как зачарованный глядел на зверя и ждал, что будет дальше, он не связал белый сугроб с ночевкой Дика и Марьяны. Даже когда лапы зверя разгребли снег и там показалось темное пятно покрывала палатки, он все равно стоял неподвижно.

Но в этот момент проснулся Дик, он сквозь сон услышал, как ворочается над ними зверь, и его нос уловил чужой опасный запах зверя. Дик, выхватив нож, рванулся из-под палатки, но запутался в одеялах. Олегу показалось, что снежный сугроб внезапно ожил, взметнулся вверх столбом снега. Зверь, ничуть не испуганный этим взрывом, а, наоборот, убедившийся в том, что не ошибся, раскапывая добычу, сцепил когтистыми лапами комок шкур и старался придавить его к земле, придушить, рыча и радуясь добыче.

Олег — лесной житель — нащупывал у пояса нож и прицеливался для прыжка, глазами уже пытаясь угадать, где у этого белого зверя уязвимое место, куда надо вонзить нож. А Олег — житель корабля и сын механика — вместо ножа выхватил бластер, но стрелять отсюда, сверху, издали, не стал, а спрыгнул на снег и бросился к зверю, сжимая в руке оружие. Зверь, увидев его, поднял морду и зарычал, отпугивая Олега, видно, приняв его за конкурента, и тогда, уже без опаски попасть в Дика, Олег остановился и всадил в оскаленную морду заряд бластера.

Пока Дик с Марьяной, пообедав и обойдя корабль, стаскивали ко входу то, что надо взять в поселок, Олег забрался на самый верх, в навигационный отсек. Он звал Дика с собой, но тот не пошел — ему достаточно было добычи. Не могла и Марьяна — Олег показал ей, где находится госпиталь, и она отбирала лекарства и инструменты, которые описала ей Эгли. А надо было спешить, потому что снова пошел снег и заметно похолодало. Еще день, и из гор не выбраться — снег будет идти много дней и морозы упадут до пятидесяти градусов. Так что Олег оказался в навигационном отсеке один.

Он постоял несколько минут в торжественном окружении приборов в центре погибшего корабля, создание которого было немыслимым подвигом миллионов умов и тысяч лет человеческой цивилизации. Но Олег не испытывал ни ужаса, ни безнадежности. Он знал, что теперь поселок, по крайней мере для него, Олега, превратится из центра вселенной во временное убежище на те годы, пока корабль не станет истинным домом: пока они не поймут его настолько, чтобы с его помощью найти способ сообщить о себе на Землю. Для этого надо — старшие тысячи раз обсуждали это — восстановить аварийную связь.

Олег вошел в радиоотсек, потому что Старый сказал ему, где искать справочник и инструкции по связи, те, которые надо понять прежде, чем умрет Старый и умрет Сергеев: только они могут помочь ему, Олегу, и тем, кто придет вслед за Олегом.

В радиоотсеке Олег не сразу отыскал ящик с инструментами. Он вынул справочники, их оказалось много, и неизвестно, какой нужен. Но Олег знал, что он скорее выкинет туфли матери, чем эти книги. Он рад бы взять с собой какие-нибудь детали, инструменты, которые пригодятся, но понимал, что это придется отложить до следующего раза, когда он будет понимать смысл этих экранов и панелей.

И тут внимание Олега привлекло слабое мерцание в углу панели, полуоткрытой креслом оператора. Олег осторожно, словно к дикому зверю, подошел к тому месту.

На панели равномерно вспыхивал зеленый огонек.

Олег попытался заглянуть за панель, чтобы понять, почему это происходит, но не удалось. Он уселся в кресло оператора и начал нажимать на кнопки перед панелью. Тоже ничего не произошло, Огонек все так же мерцал. Что это означает? Почему отонек? Кто оставил его? Кому он нужен?

Рука Олега дотронулась до ручки, которая легко подалась и сдернулась вправо. И тогда из-за тонкой решетки рядом с огоньком донесся тихий человеческий голос:

— Говорит Земля... Говорит Земля... — Затем раздался писк в такт миццанию огонька, и в писке был какой-то не-понятный смысл. Через минуту голос повторил: — Говорит Земля... Говорит Земля...

Олег потерял ощущение времени. Он ждал снова и снова, когда раздастся голос, которому он не мог ответить, но который связывал его с будущим, с тем моментом, когда он ответить сможет.

Его вернул к действительности звоночек наручных часов — их нашел в своей комнате Дик и отдал ему. Часы звонили каждые пятнадцать минут. Может, так было нужно.

Олег поднялся, ответил голосу Земли:

— До свидания.

И пошел к выходу из корабля, волоча кипу справочников, в которых не понимал ни единого слова. Дик с Марьяной уже ждали его внизу.

— Я за тобой собирался, — сказал Дик. — Ты что, хочешь здесь насовсем остаться?

— Я бы остался. Я слышал, как говорит Земля.

— Где? — воскликнула Марьяна.

— В радиоотсеке.

— Ты ей сказал, что мы здесь?

— Они не слышат. Это какой-то автомат. Ведь связь не работает. Разве ты забыла?

— А может, теперь заработала?

— Нет, но обязательно заработает.

— Ты это сделаешь?

— Вот книги. И я их выучу.

Дик скептически хмыкнул.

— Дик, Дикушка, — взмолилась Марьяна, — я только сбегаю туда и послушаю голос. Это быстро. Пойдем вместе, а?

— Кто все это будет тащить? — спросил ворчливо Дик. — Ты знаешь, сколько снега на перевале?

Он уже снова чувствовал себя главным. Из-за пояса у него торчала рукоять бластера. Но арбалет, разумеется, не бросил.

— Дотащим. — Олег бросил мешок на снег. — Пошли, Марьяшка. Ты послушаешь голос, тем более что я, конечно, забыл самое главное. В госпитале есть небольшой микроскоп?

— Да, даже не один.

— Ладно, — сказал Дик, — тогда я с вами.

* * *

Они втроем впряглись в сани и волокли их сначала вверх по крутыму склону котловины, потом по плоскогорью, **потом** вниз. Шел снег, и идти было очень трудно. Но было не холодно. И было много еды. Пустые банки они не выкидывали.

На четвертый день, когда начали спускаться по ущелью, где тек ручей, они вдруг услышали знакомое блеяние.

Коза лежала под скальным навесом у самой воды.

— Она нас ждала! — закричала Марьяна.

Коза исхудала так, что казалось, вот-вот умрет. Три пушистых козленка возились у ее живота, стараясь добраться до сосков.

Марьяна быстро откинула покрывало на нартак и стала искать в мешках, чем накормить козу.

— Смотри, не отрави ее, — предупредил Олег.

Коза показалась ему очень красивой. Он был рад ей. Почти как Марьяна. И даже Дик не сердился, он был справедливым человеком.

— Молодец, что от меня убежала, — похвалил он. — Я бы тебя наверняка убил. А теперь мы, тебя запряжем.

Правда, запрячь козу не удалось. Она вопила так, что тряслись скалы, к тому же козлята тоже оказались крикливыми созданиями и переживали за мать.

Так и шли дальше: Дик с Олегом волокли нарты, Марьяна поддерживала их сзади, чтобы не опрокинулись, а последней шла коза с детенышами и канючила — ей вечно хотелось есть. Даже когда спустились к лесу и там были грибы и корешки, она все равно требовала сгущенного молока, хотя так же, как и путешественники, не знала еще, что эта белая сладкая масса называется сгущенным молоком.

Часть вторая

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Глава первая

Оттепель затянулась на две недели.

Судя по календарю, весне наступать было рано, но все надеялись, что морозы больше не вернутся.

В поселке двойной календарь. Один — местный, он определяется сменой дней, приходом зимы и лета. Второй — земной, формальный. Как закон, которому никто не подчиняется.

Давно, почти девятнадцать лет назад по земному счету и шесть лет по местному, когда остатки тех, кто спасся после гибели «Полюса», достигли леса, Сергеев сделал первую зарубку на столбе, вбитом за крайней хижиной. Одна зарубка — земной день. Тридцать зарубок или тридцать одна — земной месяц.

Постепенно календарь превратился в целый лес столбов с зарубками. Над ними соорудили навес от дождя и снега. зарубки были разные. Одни длиннее, другие короткие. Возле некоторых дополнительные знаки. Знаки смерти и знаки рождения. Знаки эпидемии и знаки больших морозов.

Когда Олег был маленьким, эти столбы казались ему живыми и всезнающими. Они всё помнили. Они помнили, что он плохо выучил географию или нагрубил матери. Как-то Марьяна призналась Олегу, что тоже боялась этих столбов. А Дик засмеялся и рассказал, что хотел срезать со столба плохую зарубку, но Старый поймал его и отчитал.

Календарь Сергеева был лживым. Все об этом знали. Он был лживым дважды. Во-первых, сутки здесь на два часа длиннее, чем на Земле. Во-вторых, таких суток в году больше тысячи. Короткое лето, длинная дождливая осень, четыреста дней зимы и холодная, тоже длинная весна. Вся эта

тигучая арифметика и стала как бы водоразделом между старшими, пришедшими с корабля, и молодым поколением. Старшие делают вид, что всрят столбам под навесом и отчитывают земные годы. Младшие приняли местный год, как он есть. Иначе как разберешься, если осень — это год и зима — тоже год...

Оттепель затянулась на две недели. Снег съежился, пошел проплешины. Склон кладбищенского холма, обращенный к поселку, стал бурым — вылезла и зашевелилась, поверив, что наступила весна, молодая поросьль лишайника. Единственная улица поселка превратилась в длинную пологу грязи. За домами полоса раздваивалась — узкое русло шло к воротам в изгороди, широкое заканчивалось у мастерской и сараев. Справа от мастерской, перед козлятником, образовалась глубокая зеленая лужа. Утром козлята разбили в ней ледок острыми когтями и копались в грязи, разыскивая червей. Потом начинали играть, драться, поднимать брызги, падали в жижу, сучили ногами — тоже приветствовали видимость весны. Лишь коза по имени Коза, мatriарх этого семейства, отлично понимала, что до весны еще далеко. Она часами торчала возле мастерской, откуда тянуло теплом, а когда ей становилось невтерпеж, принималась теряться панцирем о стекну. Мастерская раскачивалась, Олег выбегал наружу и гнал козу палкой. При виде Олега коза поднималась на задние ноги, суетливо размахивала передними, нависала над Олегом и тонко блеяла от радости. Она была убеждена, что ее любимец шутит. Тогда Олег звал на помощь Сергеева. Его коза побаивалась. «А ну, — грозно говорил Сергеев, — возвращайтесь, мадам, к материнским обязанностям. Ваши дети — беспризорники». Коза не спеша уходила, высоко подкидывая зеленый зад. К беспризорникам она не возвращалась, а брела к изгороди и замирала там, надеясь, что появится ее друг, матерый козел, выше трех метров в холке, украшенной острыми костяными пластинами.

Порой козел возникал на опушке и тонким голосом звал козу гулять. Близко к изгороди он не подходил, опасался людей. Коза бежала к воротам и, если там никого не было, сама открывала засов и пропадала на несколько дней. От этих прогулок уже трижды случались припруды, и потому в крае жило семеро козлят разного возраста.

Пользы от козлиного стада было мало, но козы стали частью быта, доказательством живучести поселка, развлечением для ребятишек, которые ездили на них верхом, хотя козлятам это не нравилось и проделки наездников кончались синяками. Можно, конечно, было их зарезать и

съесть — убивали же охотники диких коз. В середине зимы, когда стало плохо с пищевой, Дик предложил сам все сделать. Но Марьяна воспротивилась, и ее поддержал Старый. Дик пожал плечами, он не любил спорить и ушел в лес, несмотря на метель. Вернулся он поздно вечером, обморозив пальцы на левой руке, но принес небольшого медвежонка.

Одно преимущество от существования козы все же было. Она оказалась изумительной сторожихой. И научила сторожить козлят. Стоило чужому подойти к изгороди, как козлиное семейство поднимало такой шум, что просыпался весь поселок. Правда, потом, если козе мерещилось, что опасность серьезная, она неслась в первый попавшийся дом прятаться. Тут она умудрялась перебить все, что плохо лежит, и опустошить, если вовремя не спохватишься, все миски и кастрюли.

Коза, существо добродушное и общительное, ненавидела только Чистоплюя. Вернее всего, ей в прошлом приходилось с ним встречаться. Близко к его клетке она подходить не решалась, но с почтительного расстояния то-потала, угрожающе раскачивала гребнем, блеяла и требовала, чтобы поселок очистили от такого отвратительного жителя.

Первым познакомился с Чистоплюем приемыш большой Луизы, Казик.

К весне Казику исполнилось тринадцать лет, хотя на вид не дашь и десяти. Маленький, сухой, темная кожа вся в синих отметинах перекати-поля, руки в царапинах, шрам через лоб, наискось. Казика прозвали Маугли, потому что лес для него был родным домом. Если другие подростки могли бродить по лесу, если надо — и переночевать, зная, как укрыться от хищников в мягкой развилке белой сосны, Маугли мог жить в лесу неделями. По лесу он шел хозяином. И это знали все. Деревья послушно убирали ветки с его пути, грибы закапывались в землю, лианы-хищницы поджимали хвости. Его запаха боялись даже шакалы. Маугли никогда не брал в лес арбалета. Он умел метать нож с такой силой и точностью, что мог пригвоздить комара к стволу с расстояния в пятьдесят метров.

В поселке Казик был всегда тих и неразговорчив. Он никогда не плакал и не дрался. И никто не хотел драться с ним, потому что в любой драке Казика охватывала холодная ярость. Он не умел играть.

Сначала Луиза боялась, что Казик — отсталый ребенок. Но в школу он ходил послушно, и, хотя никогда в классе не вызывался отвечать и не задавал вопросов, предпочитая молчать, когда другие шумно обсуждали что-нибудь, он все

апоминал. Старый утверждал, что у Казика отличная фотографическая память. «На Земле, — говорил он, — из него бы вырос выдающийся человек. Здесь же не хватает интеллектуальной пищи. Это талантливейший, но вечно голодный мозг». «Дай ему все, что можешь, — отвечала большая Луиза, — а потом мы вернемся на Землю и другие дадут основное».

Идолом, покровителем и верным другом Казика был Дик. И потому, что Дик был человеком леса. И потому, что оба они были сиротами. Дик вообще едва помнил своих родителей. Казик потерял их в эпидемии, когда был маленький. Он никогда не называл Луизу матерью. Фумико, которой приемыш Луизы, звала ее матерью. Казик только Луизой.

Осенью, после возвращения с гор, где лежал разбитый Полюс, Казик с Диком были в лесу. Они пошли на дальнюю охоту, к югу, километров за двадцать. Туда осенью откочевывают стада мустангов. Мясо мустангов несъедобно, даже шакал не трогает мустанга. Но у мустангов есть удивительный воздушный пузырь. Животное раздувает его, когда спасается от погони. Тогда мустанг из сухого, поджарого, чем-то схожего с лошадью насекомого превращается в блестящий шар и поднимается в воздух. Его воздушный пузырь эластичен и крепок. Из него получаются оконные пленки, мешки, сумки, пузыри для воды и зерна и многие другие полезные вещи. А девочки в поселке завели моду — радужные легкие накидки — и бегают в них как стрекозы.

Охотники вышли на рассвете. Ничего интересного в лесу они не встретили. В те дни все еще жили памятью об удивительном походе к перевалу, и потому немногословный Казик был на себя не похож — он замучил Дика вопросами. Он бесшумно и легко шагал рядом, не глядя под ноги, чтобы открыть жесткой ладошкой сладкий грибок и кинуть, не останавливаясь, в рот, иногда стрелой кидался в сторону, чтобы принююхаться к следу, но тут же возвращался с очередным вопросом:

- Он весь из железа?
- Из сплава.
- И больше нашего поселка?
- Как наша изгородь. Нет, больше.
- И круглый?
- Маугли, ты это уже спрашивал.

Дик не любил говорить в лесу. В лесу далеко слышно. В лесу надо самому слушать. Казика эти соображения не смущали. Он все равно слышал лучше любого зверя.

— Я еще спрошу, — упрямо отвечал Казик. — Мне нравится спрашивать. Будущим летом ты возьмешь меня к «Полюсу»?

— Обязательно. Если ты будешь себя хорошо вести.

Казик фыркнул. Он вел себя так, как считал нужным.

— Я хочу полететь к звездам, — сказал Казик. — Звезды куда больше, чем наш лес, чем вся эта земля. Ты знаешь, куда я поеду, когда мы вернемся на Землю? Я поеду в Индию.

— Почему? — удивился Дик.

— Так... — Казик вдруг смутился. — Хочу.

Некоторое время они шли молча.

— Я бы остался здесь, — вдруг произнес Дик. Он никогда никому не говорил об этом.

Казик молчал. Вдруг он разбежался, прыгнул на низкий горизонтальный сук дерева, дотянулся до орехового гнезда и, сорвав его, кинул себе в мешок.

— Вечером поджарим, — сказал он, спрыгивая на землю.

Дик нахмурился. Он был недоволен собой. Это ему следовало бы увидеть гнездо орехов. Для Дика лес был полем боя, на котором он всегда старался побеждать. В лесу таились опасности, которые надо преодолеть или обойти, в лесу скрывалась добыча, которую надо настичь, хищники или смертоносные твари, которых надо убить, чтобы они не убили тебя. Казику же лес был домом, может, даже больше домом, что поселок, потому что само существование поселка было чуждо этому миру, и лес мирился с ним только потому, что люди оказывались умнее и хитрее. Лес Казику был понятен и потому не страшен. Он не боролся с врагами. Если он был сильнее, то гнал противника. И уступал дорогу тому, кто сильнее его. Но и особой любви к лесу он не чувствовал, как не испытывал каких-либо чувств к воздуху или воде. Все его мечты, мысли, надежды были связаны с тем миром, который жил в рассказах взрослых, в памяти Луизы и Старого. Тот мир — обиталище звезд и космических кораблей, мир, в котором его ждала Земля, был ему формально известен лучше, чем любому другому жителю поселка. Только об этом никто не догадывался. Потому что Казик запомнил все, что говорил о Земле Старый, все, что слышал из разговоров взрослых. Он знал высоту Эвереста и даты жизни Александра Македонского, атомные веса всех элементов и длину Брахманутры, его мальчишеская голова была напичкана цифрами и сведениями, не имеющими никакого отношения к сумрачному миру поселка. Особенно его пленяла история — бесчисленность поколений, каждое из которых жило, воевало, строило, сменяя друг друга на Земле.

ле. Милиарды людей и миллионы событий, связанных сложным клубком отношений, превращали лес и поселок в искушную абстракцию, подобие скучного сна, который надо перетерпеть. «Я целый год буду ходить по музеям, — говорил он себе, — Я знаю, как они называются: Эрмитаж, Лондонский музей, Прадо, Пергамон...» Но об этом он никому не говорил. Зачем говорить?

Когда летом Марьяна, Дик с Олегом и Томас Хинд отправились к перевалу, Казик мысленно прошел с ними весь путь по горам. И задолго до того, как они возвратились, он перестал есть, спать — он слушал. Слушал, когда они вернутся. Именно он встретил их километрах в десяти от поселка, когда они из последних сил тащили по грязной земле самодельные сани, нагруженные сокровищами с корабля.

Он допросил каждого в отдельности, тихо и настойчиво, о том, что они видели на корабле. Он знал, что надо ждать следующего лета, чтобы вернуться к «Полюсу», и три земных года казались ему недолгими. Пройдет зима, Олег с Сергеевым догадаются, как починить связь, настроят радио, и тогда Земля пришлет помошь.

Когда стемнело, а стемнело часа в четыре, Дик с Казиком остановились на ночлег в роще вонючек. Звери леса избегают таких мест, но если потерпеть, то к запаху можно привыкнуть. На следующее утро Дик с Казиком нашли стадо мустангов, подкрались к нему так, что насекомые их не учゅали, и выборочно убили нескольких старых самцов. Дик стрелял из арбалета, бластер, взятый на корабле, он носил с собой, но не пользовался им — берег заряд. Казик убил только одного мустанга. Его задача на охоте была другой — он гнал самцов к Дику так, чтобы они не могли взлететь. Убил он, метнув нож, который ему выточил Сергеев — тот сделал ножи всем жителям поселка из металлической лестницы. Ее притащили с «Полюса».

Дик остался свежевать мустангов: вырезать пузырь, не повредив его, — кропотливая работа, не для мальчишки. Казику не сиделось на месте, он пошел вниз по берегу ручья, поглядеть, нет ли там улиток. Из их раковин получались отменные скребки и блюдца — женщины в поселке скажут спасибо.

Казик прошел метров триста. Он думал о волшебной стране Индии, где в молодости жила Луиза, он входил в ворота города со сказочным названием Хайдарабад. И вдруг он услышал хлопок, что-то мелькнуло перед глазами, и в следующее мгновение Казик обнаружил, что стоит посреди озера, которого только что не было.

Озерко было совершенно круглым, метра три в диаметре, глубиной сантиметра два-три, не больше — травинки и камешки выступали из него. Оно было совершенно гладким и отражало затянутое облаками фиолетовое небо. Как будто сверху упала громадная капля.

Казик замер. Как любой обитатель леса, он не любил неожиданностей.

Лес насторожился и молчал. Казик хотел отступить и осторожно начал поднимать ногу. Но жидкость держала его за сапоги, сшитые из толстой рыбьей кожи, на глазах твердо ла, стекленела.

Казик встревожился и свистнул, призывая на помощь Ди-ка. Он не сообразил, что ушел далеко и Дик не услышит. Тогда он снова замер, размысливая, что делать. И тут плотная стена листьев зашевелилась, и из них медленно вылезла тварь, схожая с крабом, с которого сняли панцирь и спереди приспособили хобот. Тварь была незнакома Казику и не имела названия. Но от нее исходила опасность. И мальчик назвал ее гадом.

По сторонам хобота, ниже бессмысленных оловянных глаз, у гада были отверстия, затянутые мембранными. Мембранны чуть дрожали, и Казик интуитивно понял, что ему надо опасаться именно их. Поэтому, когда мембранны открылись и из скрытых ими отверстий метнулись две струи клейкой желтой жидкости, Казик был к этому готов и, хоть его ноги были прикованы к затвердевшей луже, извернулся и присел. Жидкость с громким плеском ударила о лужу и потекла по ней, как вода по льду.

Гад был очень удивлен, что промахнулся. Он не привык к подобному поведению жертвы. Гад повел головой, поднял к небу хобот, затопал тонкими ломкими ногами — он был в гневе.

Казик даже улыбнулся, увидев, как гад прикрыл отверстия мембранными и начал раздуваться, пыжиться, тужиться, затем вновь открыл мембранны, но вместо упругих струй из отверстий вылились две жалкие струйки. Гад осел на задние лапы — видно, собрался ждать и думать, если у него, конечно, было, чем думать. Казику же предстояло решить проблему, как выбраться из ловушки.

Клей, ссохвшись, сжал ноги. Ясно было, что сапогами придется пожертвовать, Казик стал вытаскивать ноги из сапог. Теперь надо было прыгнуть в сторону, метра на полтора, стараясь не коснуться голыми ступнями клея. Глядя на Казика, гад снова взорвался. Он потрогал когтем передней ноги клей с края и, поняв, что тот еще не засох и жертву голыми руками не взять, отправился, медленно и неуверен-

но переставляя ноги, вокруг клеевой ловушки, отыскивая место, откуда можно дотянуться до Казика хоботом.

Казик прыгнул в дальнюю от гада сторону так, чтобы приземлиться на руки и подтянуть ноги. Прыжок почти упался, но правая нога голой подушечкой ступни коснулась края клеевого озера, и ее, прихваченную клесом, остро обожгло. Пытаясь оторвать ногу, Казик закричал так, что слышно было, наверное, в поселке, а гад, сообразив наконец, что муха попалась, шустро поспешил к Казику.

Изогнувшись, Казик вытащил нож и хотел было метнуть его в гада, но понял, что важнее сейчас освободить ногу — неизвестно еще, поможет ли нож против этого существа.

Казик быстрым движением попытался срезать слой клея, но нож только скользил по стеклянной поверхности. И тогда, чувствуя, как тянется к нему хобот гада, Казиколосился себя по ступне, промахнулся и поднял нож, чтобы ударили в хобот, который уже дотянулся до него, обдав холодным кислым запахом.

И в этот момент Дик выстрелил в гада из бластера.

Дик не слышал свиста, но услышал крик о помощи и, когда прибежал, испугался за Казика. Он стрелял, пока рыхлое тело не превратилось в черный дымящийся клубок и ноги не рассыпались, как сучья, обломанные с дерева. Пахло озом.

Казик с удивлением поглядел на кучу золы, окруженную сухими сучьями, и сказал:

— Зачем же так? Пистолет жалко.

Он никогда еще не видел действия бластера, но знал, что заряд надо беречь.

— Дурак, — бросил Дик. — Он бы тебя высосал. Кто по лессу ходит задрав нос? В Индию собрался?

Казик промолчал. Ему удалось оторвать ступню от клея. Текла кровь. Он полез в мешок за бальзамом. Потом проговорил:

— Сапоги жалко.

Ногу смазали и перевязали, и Казик доехал до поселка на плечах Дика. Дику было тяжело. Он тащил еще и мешок с пузырями мустангов, но Дик был сильным, и все знали об этом. Поэтому он терпел. Казик тоже молчал, хотя ступня болела, и потом, в поселке, он две недели прыгал на одной ноге.

Приключение с Казиком явилось причиной важных событий. Первым толчком к ним послужили слова Казика. Он тогда сидел на койке и смотрел, как его приемная мать шьет ему сапоги. Еще утром Вайткус принес крой — он вырезал заготовки из рыбьей кожи, и большая Луиза шивала их.

Работа эта была первобытная, хотя Марьяна и принесла с «Полюса» настоящие иголки. Ниток она там не нашла, и потому в поселке, как и прежде, использовали нитяные стебли водорослей, а они были довольно толстыми, и их все время приходилось связывать — уж очень коротки. Луиза, как всегда, торчала, потому что ненавидела шитье, на которое в поселке уходило так много времени, Казик смотрел на нее, а потом сказал:

- Как выздоровлю, пойду в лес и притащу этого гада.
- Какого гада? Зачем? — не поняла Луиза.
- Чтобы шить.
- Почему твой гад должен шить?
- Ты не понимаешь, — ответил Казик. — Он не будет шить, он будет клеить.

Луиза пропустила слова Казика мимо ушей, но тот был человеком настойчивым. Как только он смог подняться с постели, он приковылял к Старому и попросил у него ненужную сеть. Старый ловил сетьми рыбу в озерах за болотом, сети части рвались, и Старый, который считал вязанье сетей лучшим транквилизатором и потому накопил их великое множество, выбрал самую большую и крепкую и даже согласился участвовать в экспедиции по поимке гада.

Еще в поход отправились Фумико, сводная сестра Казика, и старший из детей Вайткуса, добряк Пятрас. Ну и, конечно, Дик. Три дня они путешествовали по зарослям, пока не отыскали плюющего kleem гада. Дик раздразнил его, и гад выплюнул весь запас kleя. После этого накрыть его сетью и дотащить до поселка было нетрудно. Главное — не обломать ему ноги.

Гаду соорудили клетку, кормили его червями и улитками. Он себя отлично чувствовал, обмотал клетку изнутри паутиной и считал родным домом. Он был тун и медлителен, ну а что до непривлекательной внешности — в поселке при выкли к уродам и пострашнее.

Назвали гада Чистоплюем. Можно было бы назвать Чистоплюя пауком или крабом, но эти имена уже достались другим существам.

Старый давно заметил, что постепенно земной язык изменяется, приспосабливается к новой действительности. Словарный запас детей питался лишь из речи небольшой кучки взрослых, остальной мир планеты без безгласен. Поэтому язык неизбежно беднел, несмотря на то что Старый в школе заставлял учеников заучивать наизусть стихи, которые помнил, а если не помнил, то звал других взрослых, и они восстанавливали забытые тексты вместе.

«Хорошо ребенку на Земле, — говорил Старый. — Родители только сегают — сколько лишних слов он схватывает в школе или на улице, включая визор или путешествия. А ведь земной ребенок — счастливый человек. У него избыток информации, которая льется на него со всех сторон. И вся облечена в слова. А что у нас? Породы взрослых, которые обходятся тысячью слов».

Олег не соглашался со Старым. Он считал, что язык нового поколения не так уж и беднеет. Он просто изменяется. Потому что дети часто должны находить слова для явлений веществ, которые неизвестны или неинтересны взрослым. Им приходится не только самим придумывать слова, но и кладывать в старые новое содержание. Однажды Олег слышал через перегородку, как шестилетний Ник Вайткус оправдывается перед Старым, что опоздал на урок.

— Я трех ягодинок принял на ложку, — говорит он, — на огурец глубже Арниса.

— Иди садись, — ответил Старый, сделав вид, что понял. Но не понял.

А для Олега эта фраза была полна значения. Ее не надо было расшифровывать, достаточно окунуться в мир мальчишеского поселка, о котором Старый, что бы он ни говорил, имел только приблизительное представление.

А дело было вот в чем: как-то прошлым летом на яблони, что росли у изгороди, напали «ягодки». Это были ленивые красные жучки, которые висели на ветках, не спеша, вгрызаясь в кору. Вайткус старался истребить их, поливая яблони раствором, похожим на известь, даже разбавленным шампанским ядом, но ничего не выходило — они были живучи и упрямые. А потом в один прекрасный день ягодки исчезли. Взрослые ничего не заметили, а Вайткус вздохнул с облегчением — крупные сладкие плоды деревьев были источниками витаминов зимой. Мальчишки же знали, что «ягодки» никакука не делись, а превратились в голубоватые шипы, которые закопались в землю возле изгороди, чтобы переждать зиму. Ребята называли эти шипы ягодинками, взрослые же никакой генетической связи между ягодами и ягодинками не видели. Эти шипы обладали удивительной способностью. Сли какое-нибудь теплокровное существо проходило в том месте близко от изгороди, шипы высакивали из земли, трямясь вонзиться в кожу, чтобы оставить в ней семечко, микроскопическое и безвредное. Но укол шипа был болезненным. Мальчишки придумали игру. Они снимали сандалии, подошвы которых Сергеев вытаскивал из твердой и упрятой скорлупы лесных кокосов и которые на детском языке назывались ложками, и дразнили ими шипы. Шипы кидались

на теплые подошвы и вонзались в них. Выигрывал тот, кто набирал больше шипов и чьи шипы вонзались в подошву глубже. Игра была увлекательной, но небезопасной, потому что шип мог вонзиться и в руку. Следовательно, загадочная фраза Ника означала лишь, что он играл с Ариисом, подставляя подошву, и победил.

...Имя Чистоплюй было придумано Ириной, матерью Олега, и его сразу все приняли. Лишь с одной поправкой. Клей Чистоплюя взрослые называли, как и положено, kleем, а дети, что понятно, плюем.

Появление Чистоплюя и в самом деле облегчило жизнь портных. Тем более после двух открытий Вайткуса, который обнаружил, что клей Чистоплюя затвердевает куда медленней, если его смешать со слюной, которая выделялась из хобота. А Сергеев догадался, как можно из засохшего клея вытачивать на токарном станке чашки и тарелки. Если же подмешать в клей краску, которую можно добыть из цветных глин у болота, то посуда становится разноцветной и очень красивой.

На зиму Чистоплюй задремал и почти ничего не ел, да и kleю от него было трудно допроситься. Хорошо еще, что Вайткус догадался запасти клей на зиму в закрытых сосудах. С приходом весенней оттепели Чистоплюй очнулся, начал волноваться, вертеться в клетке и плевать почем зря.

* * *

Бесконечная оттепель принесла насморки, бронхиты, обострения ревматизма. Мать лежала с радикулитом, и Олегу пришлось самому разогревать кашу и похлебку.

Олег уже убедился в том, что лекарства действуют выбочно. Те, кто в них верит, выздоравливают, а кто не верит, продолжают болеть. Правда, он не относил свои выводы настоящим лекарствам, которые принес с корабля. Но те лекарства были от настоящих болезней, от тех, от которых раньше люди умирали — от заражения крови, от воспаления легких. Корабельных лекарств было мало, их берегли. Эгли Вайткус держала их в специальном ящичке.

У матери был целый запас всяких плошек, деревянины, баночек, и коробочек с сушеными травами и средствами.

Вот и сейчас, хотя Олег был очень голоден, он в первую очередь разогрел воды и настоял в ней жгучую смесь для растираний. В хижине было почти совсем темно, только плошка горела на столе, мать лежала под шкурами. Она сказала:

— Ты ешь, я потерплю. Я весь день терпела. Сидела одна дома и терпела. Я думала, может, ты пораньше придешь.

— Сейчас, мам, — проговорил Олег, — сейчас настоится, и я тебя разотру.

— Нет, ты ешь, — ответила мать. — Ты теперь нужный человек, от тебя все зависит. И вообще ты побледнел, исхудал. Я потерплю, ты не беспокойся. В самом деле, что может со мной случиться, просто радикулит, от этого еще никто не умирал.

За перегородкой у Старого что-то упало. Давно уже можно было разъехаться, новую хижину построить или Старому переехать в пустую, напротив Вайткусов. Но они привыкли жить вместе: Старый, Ирина и Олег; они не были одной семьей, но если часто вместе, к тому же Старый с Ириной, когда были одни, подолгу разговаривали. Старый стал очень разговорчив, он почти все время говорил, ему трудно было молчать. Может, и школа была на нем, потому что он так любил говорить. А мать жаловалась и сердилась на жизнь. У нее остался только страх за Олежку, как бы он не упал, не заболел, только бы его не потерять. Олегу уже скоро двадцать, взрослый человек, он целыми днями сидит с Сергеевым в мастерской, они делают нужные для поселка вещи и еще все время учатся с помощью справочников, которые Олег притащил с «Полюса». У них одна идея — наладить связь. Тогда можно будет с «Полюса» сообщить на Землю, где обосновались люди, которые уцелили. Сколько лет поселок живет надеждой возвратиться на Землю, но раньше надежда была робкая и абстрактная, а теперь она стала реальной. Мать Олега повторяла, что если связь не смогли наладить специалисты, инженеры, которые остались живы после крушения корабля, то что могут сделать мальчишка и старый инвалид? На самом деле она боялась, что Олегу придется снова идти к перевалу, где лежит разбитый «Полюс». Один раз Олежке повезло, а во второй раз ему не вернуться.

Но разве лучше всю жизнь прожить в этом вонючем поселке, среди каракатиц и мух, когда рядом нависает страшный лес, полный чудовищ и убийц? Нет, она не знала, что хуже, все было хуже.

Олег принес настой, он все-таки хороший мальчик, добрый, самый лучший в поселке. Он сильно повзрослел за эту зиму, как бы отец порадовался, что она вырастила такого сына.

Олег растер матери спину. Прикосновение жгучей жидкости было приятно, потому что оно означало жизнь. Тело ее

еще живет и чувствует, и у сына жесткие теплые ладони, и он умеет растирать спину, он столько раз это сделал за последние годы, это великое счастье, что есть на свете руки, которые могут делать тебе добро. Ирина тихо заплакала от неожиданной радости, а из-за перегородки донесся голос Старого:

— Тебе помочь, Олег?

— Нет, спасибо, — ответил Олег. — Но вы приходите, я уже суп разогрел, мы с вами пообедаем.

— Спасибо, я сыт, — ответил Старый, и Ирина сквозь слезы улыбнулась, потому что услышала — у нее был чуткий слух, — как Старый стал собираться в гости, мыл свою миску, потом начал переодеваться; он ценил понятие «ходить в гости», даже если это была соседняя комната за перегородкой.

Они сели за стол втроем, Ирине стало лучше, потому что у нее исправилось настроение. Она верила в жгучий отвар, и поэтому он ей помогал. Старый принес к похлебке сущих орехов, сам собирая их и сам сушил на жаровне. Он надел новую куртку, у нее был один рукав. Олег иногда удивлялся, как человек может обходиться без руки; почти все Старый делал так, словно не был инвалидом.

— Когда в следующий раз пойдешь на корабль, — сказал он, глядя, как Олег наливает из лоханки похлебку, — обязательно принеси много бумаги. Это была роковая ошибка, что ты взял так мало бумаги.

— Я знаю. — Этот упрек Олег слышал много раз.

— Пока бумаги у нас не было совсем, — продолжал Старый, — мы отлично без нее перебивались. А тут устроили бумажный пир, я сам виноват, я даже детям в школе давал листки, чтобы они писали сочинения, но можно ли меня за это упрекнуть?

— Нет, нельзя, — успокоила Ирина, — я тебя понимаю.

— А Линда Хинд написала целую поэму о Томассе, — сказал Олег.

— Человечество привыкло передавать бумаге свои мысли, и поэтому микропленки и видеокатушки не смогли заменить бумагу. На Земле у меня есть неплохая библиотека, из настоящих книг. И она ни у кого не вызывает удивления. Так что ты обязательно принеси бумагу. Сила белого листа, на котором человек хочет выразить мысли или образы, наполняющие его, невероятна. Да и дети совсем иначе будут учиться.

— До лета еще жить да жить, — произнесла мать. Она сидела прямо, напряженно, неподвижно, чтобы не нарушить позу, вне которой ее настигала боль. — Меня удивляет, как

вы все, взрослые люди, бегаете теперь к Олежке — об этом не забудь, это принеси...

— Если бы я мог дойти до корабля, — ответил Старый, — я бы лучше Олега сообразил, что надо взять. У меня опыт.

— А у меня интуиция, — ответил Олег лениво.

От горячей похлебки тянуло в сон. Они сегодня закончили вытаскивать металлические части для мельницы, чтобы с теплом поставить ее на ручье. Из-за этой мельницы Олег запустил занятия электроникой, только перед сном он успевал прочесть параграф в учебнике и утром до работы отвествить его Сергееву.

— В следующий раз, — заверил Олег, — притащим с корабля целый воз добра. Я же не думал, что все так быстро исчезнет.

— Оно не исчезло. Оно рассосалось на нужды поселка, — поправил Старый.

— И почти половина ушла к Эгли и Сергееву, — сказала мать, и непонятно было, довольна она этим или осуждает Эгли и Сергеева.

— Еще бы, — напомнил Олег. — У Сергеева мастерская, он все делает. А Эгли лечит.

— Я ей даже микроскоп отдал. На время, — добавил Старый. Он был горд своей жертвой.

В поселке в принципе все было общее, иначе не проживешь. Но были вещи собственные, довольно много вещей. Зеркало у Марьяны, микроскоп у Старого, книга «Анна Каренина» у матери. Не говоря уже об одежде или посуде. Из-за того, что были собственные вещи, иногда происходили казусы. Например, зеркало было только у Марьяшки. Его нашел на корабле Олег, карманное круглое зеркальце, а потом, уже на обратном пути, подарил Марьяне. Зеркало оказалось огромное влияние на жизнь поселка. Раньше люди себя не видели. Других видели, а себя нет. Разве только в луже или в пленке окна. А зеркало сказали людям правду, и чаще всего грустную правду. Ведь взрослые помнили себя с тех времен, когда было много зеркал. А тут они увидели, как изменились, постарели и подурнели. Молодые же вообще себя не видели раньше. А тут надо было сформировать к себе отношение. Марьяна, например, мнение о себе изменила к худшему. Когда она увидела в зеркальце скучающее обветренное лицо со впалыми щеками, с острым подбородком и треснутыми губами, все в синих точках от укусов перекати-поля, и два больших шрама на шее, то поняла, что она урод и никому никогда не сможет понравиться. Она даже не заметила своих больших серых глаз, длин-

ных черных ресниц, пышных и упругих волос, обрезанных коротко и не очень ровно. А вот Лиз, наоборот, решила с помощью зеркала, что она очень красива, почти как Анна Каренина. Она стала носить косу, а потом черной сажей намазала себе ресницы, чтобы быть еще красивее. Именно Лиз украла у Марьяны зеркало. Она просто жить без него не могла. Марьяна давала зеркало другим — а желающих поглядеться в него было много. Лиз сказала, что зеркало потерялось. Все очень расстраивались, а дня через два слепая Кристина, которая жила с Лиз, изощренным слухом уловила, что Лиз прячет зеркало. Она начала бить Лиз сухими кулачками и плакать от обиды, что Лиз такая плохая, а потом заставила ее отнести зеркальце Марьяне и во всем признаться. Лиз зеркало отнесла и сказала, что нашла его в щели, за кроватью. А на следующий день Кристина, сидевшая у своих дверей, окликнула пробегавшую мимо Марьяну:

— Лиз вернула тебе зеркало?
— Спасибо, да.
— И сказала, что она нарочно не хотела его возвращать?
После короткой паузы Марьяна ответила:
— Да, сказала.

Кристина поняла, что Лиз ничего не сказала. Но больше никто об этом не разговаривал...

Олег положил всем каши. Старый посыпал кашу орешками. Олег принес сладкий сироп, в этом году сироп был очень вкусный, потому что Вайткус добавлял в него яблоки.

— Мне хочется верить, — произнес Олег, — что мы починим связь. И тогда не нужно будет тащить оттуда вещи. Я как вспомню сейчас, чего нам стоило эти сани до поселка дотащить, умереть можно.

— Мы должны предусмотреть все варианты, — сказал Старый. — Разумеется, рано или поздно нас найдут. Но мы должны быть готовы к худшему.

— Мы всегда готовы к худшему. Хуже некуда, — бросил Ирина.

— Не зарекайся, — сухо улыбнулся Старый.
— Жалко, что планетарные катера разбились, — проговорил Олег. — А вездеходы по горам не пройдут. Но я думаю, если со связью не получится, мы с Сергеевым запустим планетарный катер.

— Хорошо бы, — вздохнул старик. — Но это потребует нескольких походов к кораблю.

— А может быть, — мы с Сергеевым это обсуждали — два или три человека останутся на корабле на зиму.

— Это исключено, — отрезала мать. — Я никогда этого не допущу.

— При условии, что будут отопление и свет.

— Температура у перевала зимой падает градусов до шестидесяти мороза, — напомнил старик. — Не тешься пустыми мечтами. Я конкретен в моих запросах. Кипа бумаги, вот и все.

— Если бы хоть какой-нибудь транспорт, — вздохнул Олег, наливая сироп в кашу. — Хоть маленький самолетик.

— Мы вынуждены идти по тяжкому пути, пройденному человечеством, — ответил серьезно Старый. — Сначала изобретем колесо.

— Колесо нам почти не нужно, — ответил Олег. — В лесу нет дорог. Вот если бы было два поселка...

— Колесо уже было изобретено, и у нас есть телега. Теперь бы паровую машину.

— Мы с Сергеевым сделаем котел. Мы уже придумали. Из кляя.

— После парового котла мы изобретем... воздушный шар, — улыбнулся Старый.

— Я думал о воздушном шаре, — признался Олег. — Я много раз думал о воздушном шаре. Почему не сделать воздушный шар?

— В тебе говорит заблуждение человека, который никогда не делал воздушных шаров, — сказал Старый. — Для того чтобы поднять хотя бы одного человека, шар должен быть громадным.

— Ну, насколько громадным?

— Метров в тридцать высотой. Это можно подсчитать. И второе — шары наполняются гелием или водородом. Где ты это достанешь?

— Вы же сами рассказывали, что братья Монгол...

— Монгольфье.

— Братья Монгольфье поднимались на шаре, наполненном горячим воздухом.

Олег подошел к печке и подбросил поленце. Оно сразу запылало голубоватым жарким пламенем. Отблески заиграли на лицах.

— У них была специальная горелка. И топливо.

— Какое? — спросил Олег.

— Ну, уж по крайней мере не дрова.

— Я лягу, — сказала мать. — Помоги мне, Олежка.

Старый успел первым, он подвел мать к постели и уложил ее.

— С топливом можно придумать, — проговорил Олег, глядя в огонь. — И горелку мы сделаем.

— Ты всерьез это замыслил?

— Совершенно серьезно. Если подняться к перевалу на воздушном шаре, это будет громадная экономия времени и сил. Хотя бы подняться. А может, и спуститься. Или сделать два шара, три шара. Один для людей, другой грузовой.

— Оставь эти бредни! — испугалась мать. — Еще полетишь и разобьешься.

— Не бойся, Ирина, — ответил Старый. — Это только мечта.

— Сделаем, — сказал Олег.

Он повернулся и быстро вышел из хижины.

— Оденься! — крикнула мать вслед.

Но он не слышал.

На улице похолодало. Пошел мелкий снег, мокрый, крупяной. Крупинки взбивали лужи и катились по скользкой земле. Поднялся ветер, северный, с гор.

Было темно, только тускло, сквозь крупу, светил, покачиваясь, фонарь у ворот. Его свет падал на мокрый блестящий гребень козы, которая маячила у изгороди, ждала кавалера.

Олег перепрыгнул через лужу и наискось через дорогу побежал к хижине Сергеева. Сквозь затянутое мустанговой пленкой окошко пробивался слабый свет плошки.

Олег постучал и сразу же вошел, захлопнув за собой дверь, чтобы не выпускать тепло.

— Сергеев, прости, — сказал Олег от порога, — у меня идея.

Сергеев сидел за столом, пил чай — кипяток, подкрашенный сушеным травой. Напротив за столом сидела Линда Хинд, вдова Томаса. Марьяна в торце стола колдовала в полутьме, расставив плошки с сушеными снадобьями.

— Садись, — пригласил Сергеев.

Линда поздоровалась тоже, хотя они, конечно, раз пять за день уже виделись. К тому же Линда приносила Сергееву поесть в мастерскую. Она в последнее время часто приходила к Сергееву, и никто этому не удивлялся. Все думали, что она переедет к Сергееву жить. Мать Олега даже говорила: скорей бы, чего они ждут, Линде совсем тяжко без мужа — она-то знала, что такое женское одиночество.

— Я решил сделать воздушный шар, — произнес Олег.

— Зачем? — спросил Сергеев.

Он был самым сильным и надежным мужчиной в деревне, как бы вожаком этой маленькой человеческой стаи. Ещё крепкий и «относительно целый», как сказала мать. У него

лишь не хватало двух пальцев на правой руке. С Марьяной у них похожи только глаза — у обоих серые, сияющие, в длинных густых ресницах. Но лицо Сергеева квадратное, тяжелое и, наверное, некрасивое, если посмотреть на него чужими глазами. Однако в лице читалось спокойствие, и ему можно было верить. Раньше кумиром Олега был Старый, который обо всем знал, который был Учителем. Но после возвращения с гор Олег все больше привязывался к Сергееву. Тот был не только учителем, он был мастером, и у них с Олегом общее дело.

— Мы сделаем большой воздушный шар, — проговорил Олег. — И на нем полетим к кораблю. Понимаешь?

— Ты все-таки садись. Марьяшка, сделай гостю чай.

— Я уже пил, — сказал Олег, но сел.

Линда поднялась и сказала, что ей пора, а то дети боятся и не спят.

Олегу всегда казалось, что Линда холодна с ним, потому что именно из-за него погиб в горах ее муж. И она не может ему этого простить. Олегу хотелось подойти к ней и сказать, что он не виноват, он ничего не помнит, его укусила снежная блоха. Но Олег так и не решился подойти к Линде, которая в одну ночь поседела, когда узнала, что Томас погиб.

Сергеев смотрел вслед Линде, и Марьяна тоже смотрела ей вслед, и Олег вообразил, что Марьяна не хочет, чтобы вместо ее матери, которая погибла очень давно, здесь жила Линда, хотя все знают, что Линда тихая и добрая.

— Продолжай, — перебил мысли Олега Сергеев.

— Если сделать большой воздушный шар и дождаться, пока будет хороший ветер, можно подняться на нем в горы, даже долететь до «Полюса». Представляешь, какая это экономия?

— Любопытно. — Сергеев никогда не спорил, пока сам для себя не решит проблемы. — Большой воздушный шар. И если дождаться обратного ветра, то можно на нем спуститься обратно.

— И за лето слетать на корабль пять раз. Понимаешь, пять раз.

Сергеев отрывисто засмеялся, будто кашлял.

— Именно пять?

— Именно. — Олегу показалось, что он уже нашел союзника, а если это так, то считай — шар взлетел.

— Можно, я буду думать вслух? — спросил Сергеев.

«Не надо», — хотел ответить Олег. Сейчас все рухнет. Сергеев — это не Старый, который мыслит в общих чертах. Сергеев сейчас найдет по-настоящему слабые места.

— Если бы мы сделали шар, — размышлял Сергеев, — и он бы полетел, это было бы полезно. Но, во-первых, шар не управляем. Допустим, мы поднимаемся в воздух, ветер по-путный, и мы летим к горам. Потом ветер меняется, и нас несет к снежным хребтам, где никто из нас не был. Мы разбиваемся и погибаем или садимся, но потом не можем найти пути назад. Как мы прикажем ветру принести нас именно в нужную долину?

Олег взглянул на Марьяну. Она подвинула к нему чашку чая. Марьяна была за него. В прошлом году Старый устраивал им — ему, Марьяне и Дику — экзамены, потому что они стали большими и кончили школу. Это были торжественные экзамены, все жители поселка, даже маленькие дети, собирались под навесом рядом с календарными столбами. Старый задавал вопросы, и другие члены комиссии — Вайткус и большая Луиза — тоже задавали вопросы. Олегу почему-то достались вопросы куда более трудные, чем Марьяне и Дику, и он был немного обижен на Старого за такую несправедливость, только потом он понял, что в этом и была справедливость — Старый подготовил каждому вопросы, на которые тот мог ответить. Тогда у Олега возникло такое же чувство, как сейчас. Он весь собрался, он был как на охоте, когда на тебя нападает шакал, и все мысли были ясными и точными.

— Если ветер неожиданно изменится, — ответил Олег быстро, — то в шаре нужно сделать такое устройство, чтобы он быстро опускался. И его не успеет унести в сторону. Мы просто опустимся на полпути и дальше пойдем пешком или подождем попутного ветра.

— Разумно, — кивнул Сергеев, — при условии, что спускаться придется на ровном месте, а не над скалами.

— Нам бы только перевалить на плато, дальше скал нет. Там ровно.

— Ты возьмешь меня с собой? — спросила Марьяна, глядя в упор на Олега. Она всегда смотрела в упор на человека, с которым говорила, и потому многие чувствовали себя испытывали. Обычно люди не смотрят в глаза, когда говорят с тобой.

— Не знаю.

— Вторая сторона проблемы, — продолжал Сергеев, — заключается в том, как сделать шар. Я пока не знаю, как его сделать.

— Я тоже не знаю. Но придумаю.

— Он должен быть большим. Где мы найдем такое по-
ютно?

— А если связать много пузырей мустангов? — подключи-
лись Марьяна. — Будет гроздь воздушных шаров.

— Нет, — возразил Сергеев, — шары останутся лежать на
земле. Ведь мустанг наполняет их горячим воздухом из сво-
го тела, поэтому они его поднимают.

— Правильно, — согласился Олег. — Значит, мы возь-
мем много мустанговых шаров и сошьем из них боль-
шой шар.

— Нитками?

— Клеем. У нас есть Чистоплюй.

— Хорошо, предварительно мы принимаем эту версию.
Но как ты подвесишь к шару гондолу?

— Что? — не понял Олег, который не слышал раньше та-
кого слова.

— Люльку, корзину, в которой будут сидеть люди.

— А как это делали на Земле? Наверное, ее можно при-
шить к нижнему краю шара. Ведь там внизу должно быть
отверстие, чтобы входил теплый воздух.

— Нет, — вспомнил Сергеев. — Как сейчас вижу картин-
ку в книжке Жюля Верна — их покрывали сеткой, а к сетке
подвешивали корзину.

— Ну, сетку мы сделаем.

— А как будем согревать воздух?

— Как братья Монгольфье. — Олег чувствовал, что
побеждает. — Сделаем печку... ну, разве не приду-
маем?

— Может, и придумаем, — усмехнулся Сергеев.

Тут заблеяла коза у ворот, что-то случилось. Умеренно
заблеяла. Если бы угрожала настоящая опасность, коза бы
орала втрое сильнее. Так что никто не встревожился. Но все
и проверить следовало. Сергеев выжидательно поглядел на
Олега. Тот встал:

— Я погляжу.

— Хорошо, а то я устал сегодня. А насчет шара мы завтра
тобой подумаем.

Олег попрощался, направился к воротам. Марьяна пошла
за ним.

— Ты хорошо придумал, — сказала она.

Они шли по краю длинной лужи. Небо чуть светилось, и
вотому глаза быстро привыкли к темноте. Окна хижин
были желтыми — везде горели плошки. Никто не вышел,
хотя коза продолжала голосить. Все знали, что ничего
плошного.

Марьяна поскользнулась и взяла Олега за руку. У нее были жесткие пальцы. Олег поглядел на ее профиль, на ее очень точно выточенный нос и полные губы. Олег подумал, красивая ли она? Мать говорит, что Марьяна — гадкий утенок, которому не суждено стать лебедем. Вечный подросток. Мать считает, что в Лиз есть женская прелесть. Может, она так говорит, потому что Лиз совсем не нравится Олегу, а Марьяна нравится. Олег не мог бы объяснить, почему она ему нравится — он ощущал только негативные следствия этого. Например, если Марьяна уходила в лес с Диком. Наверное, хотя он не смог бы сформулировать эту мысль, это была не ревность, а скорее зависть к Дику. Поэтому что Дик был выше ростом, смелее, сильнее, великолепный охотник. Олег завидовал умению Дика стрелять из арбалета и метать нож, его способности выследить и убить зверя, даже очень сильного, его холодному безрассудству и, главное, полному равнодушию к достижениям и мечтам Олега. Достижения Олега были Дику недоступны, он и не пытался разобраться в справочниках по связи или в логарифмах. А это несправедливо и обидно. От этого ценность знаний и умений Олега падала, и ему приходилось уговаривать себя, что в один прекрасный день он докажет Дику свое превосходство в знаниях, в мудрости, хотя на самом деле ему хотелось доказать превосходство в схватке с шакалом.

Иногда Олег начинал скучать по Марьяне, ему хотелось услышать ее голос или встретить серый настойчивый взгляд. Но в последние месяцы они почти не бывали вместе, потому что Олег был очень занят и уставал за короткий мутный день. Все в поселке и всегда были заняты, даже дети, все и всегда уставали, если не считать слепую Кристину и Лиз, не любившую работать. Олегу надо было понять все написанное о связи в книгах, которые он привнес с корабля. Он должен был вернуться туда и сказать Земле, что они здесь.

Коза бегала вдоль изгороди и блеянием пыталась отпугнуть сидевшего по ту сторону одинокого шакала — белая шерсть дыбом, черная пасть нараспашку. Коза справилась бы с шакалом, если бы он перебрался через забор — один шакал козе не страшен, она вдвое больше и вдвое сильней, поэтому шакал только облизывался. А коза топотала, пугая шакала. Это был пустой поединок.

— Молчи, — велел Олег козе, — иди спать.

Марьяна погнала козу к козлятнику и закрыла ее там. А Олег взял камень из кучи, специально для этой цели лежавшей у ворот, и запустил в шакала. Шакал понял, что делать ему тут больше нечего, и двинулся к лесу.

Было очень тихо. Снег сыпал лениво и беззвучно. Олегу стало холодно.

— Спокойной ночи, — сказал он Марьяне, которая запирала козлятник. — А то я замерзну.

— Спокойной ночи, — ответила Марьяна.

Голос ее был грустным, но Олег не прислушивался к интонациям. Скользя по грязи, он побежал к своей хижине изобретать воздухоплавание.

Глава вторая

Шар стал яблоком раздора в поселке. Идея казалась безумной и невероятно громоздкой. И она требовала, чтобы все жители поселка жертвовали своим временем, нужным на каждодневные заботы, ради мальчишеской выдумки, из которой ничего не выйдет. Но у Олега были союзники.

Первым стал Сергеев. Он не вмешивался в споры, он согласился придумать и сделать горелку. К счастью, стебли дерева каракатицы, которыми отапливали дома, состояли чуть ли не наполовину из жирной смолы. Они не очень хорошо пахли, когда горели жарким фиолетовым пламенем, сгорая почти без остатка, но этого давно уже никто не замечал. Сергеев сделал пресс, чтобы выжать из стеблей смолу — большая экономия веса. А Старый, хоть и со скрипом, отдал им непригодный микроскоп. У него был новый, который Олег принес с «Полюса», но он берег и прежний, без линзы. Из микроскопа получились трубка для горелки и клапан, чтобы регулировать пламя.

Вторым союзником стал Казик.

Воздушный шар был для него великим приключением. Причем земным. Ведь только на Земле летают на воздушных шарах. Казик попросил, тихо и вежливо, всех взрослых по очереди, чтобы они рассказали ему содержание романа Жюля Верна «Пять недель на воздушном шаре». Казик рассудил, что все читали этот роман, но давно, в детстве, и забыли множество деталей. Однако если поговорить с каждым, если каждый перескажет сюжет романа, то получится более или менее полная картина. Он даже выудил из рассказчиков имена героев и заставил Старого нарисовать воздушный шар. Старый часто рисовал для учеников картинки из жизни Земли. Первое поколение учеников — Дик, Лиз, Марьяна и Олег — были вынуждены довольствоваться грубыми изображениями на земле или углем на сосновой коре. В последний год ребятам повезло — появилась бумага, и Старый, охваченный эйфорией в одну ночь разбогатевшего

шнущего, потратил немало ценных запасов на картинки, неумелые, наивные, но самые настоящие картинки: Эйфелева башня, Кремль в Москве, Слон, Лунный купол, Первый панорамовоз, каравелла Колумба. Таких картинок набралось с полсотни, и их можно было рассматривать после каждого урока. И была картинка, сделанная по просьбе Казика и даже с его поправками, потому что он, хоть и не умел рисовать, о воздушном шаре знал куда больше, чем Старый. На этой картинке воздушный шар опускался в африканскую гаванну, а за ним бежали слоны и жирафы.

Эту картинку Казик и принес Олегу, когда тот решил делать воздушный шар.

— На, — сказал он, глядя на Олега снизу вверх. — Тут все есть.

Олег взял картинку и долго смотрел на нее. Он заметил, что из корзины свисает канат с якорем на конце, и подумал, что обязательно надо сделать такой якорь.

Если бы не Казик, судьба шара была бы под большим вопросом. Ведь шла весна, и мустанги, не подозревавшие, как нужны Олегу их воздушные пузыри, еще не очнулись от спячки. Найти их гнездовья было нелегко, и Казик с верной Фумико раз двадцать ходили в лес, пока не отыскали зимнюю лежку мустангов. Оказывается, мустанги на зиму забирались в большие норы в сосновом лесу. Мягкие подвижные корни прикрывали их от снега и морозов.

Потом возникла проблема с сеткой, которая должна вместить воздушный шар и держать корзину. Водоросли для нее собирали Марьяна с рыжей Рут. Руки у них распухли от холода, в конце концов Линда запретила дочке лазать по болоту, и Олегу пришлось забросить все дела и заниматься сбором водорослей. Правда, помогали ребяташики, близнецы, которые жили у Старого, и дети Вайткуса, но это занятие им быстро надоедало, и они куда-то улетучивались.

С утра, как рассветет, Марьяна с Олегом шли за кладбище по проторенной тропинке к болоту. С каждым днем приходилось забираться все дальше, они брали по топкому берегу, по колено в ледяной воде, которая обжигала даже сквозь непромокаемые штаны из рыбьей кожи. Водоросли сидели крепко, приходилось их срезать. Упругие белесые водяные волосы вырывались из рук, а подрезать их надо было под корень, чтобы волокна получались как можно длиннее. Ноги скользили; жадные, но, к счастью, вялые еще пинчики елозили по штанам коготками; в панике бросались в сторону, если наступишь невзначай, глазастые крабы; поднывал, любопытствуя, утюг, и тогда приходилось отступить на берег и ждать, пока он снова уйдет в тину.

Олег старался делать больше, чем Марьяна, но все равно отставал от нее, и ему казалось, что никогда уже не набрать водорослей на эту чертову сетку. А ведь их надо было еще отнести к сараю, там разложить на полу, чтобы сушились, а сушились они плохо — было пока холодно и воздух сырой.

Больше всех противилась мать. Перспектива воздушного путешествия Олега ее пугала до смерти.

— Это самоубийство, — повторяла она Сергееву. — И вы это допускаете так равнодушно.

Слова матери только раздражали Олега.

— Мне скоро двадцать лет, — отвечал он устало.

Он выматывался, как никогда раньше, потому что Сергеев не уменьшил занятий электроникой, да и работы в мастерской было достаточно.

А когда Олега принялся отговаривать Вайткус, он вдруг взорвался:

— Я что, меньше делаю? Я не строю мельницу? Не делаю плуг? Я никого не заставляю. И если мне придется делать этот шар одному, я все равно буду его делать. Наверное, братьям Монгольфье тоже все говорили, что они тратят время даром. А не было бы их, не прилетели бы мы сюда на космическом корабле. Все начинается с чего-нибудь.

Вайткус засмеялся. Смех выбулькивал откуда-то из огромной рыжей бороды.

— Лучше бы не было братьев Монгольфье, — сказал он наконец. — И мы сейчас мирно сидели бы дома.

— А я не шучу, — сказал Олег.

— Жаль. Надо уметь относиться с юмором к самому себе.

— Какой уж тут юмор. Мать кричит. Луиза говорит, что игра не стоит свеч. Старый твердит, что риск слишком велик, а остальным кажется, будто я играю в какую-то игру. Почему никто не понимает?

— В общем, ты играешь, — сказал Вайткус, — в хорошую игру, но уж очень непривычную для нас, простых смертных.

— Но разве вы не хотите улететь отсюда?

— Очень хотим. Мы, старшие, даже больше, чем ты. Мы знаем, что мы потеряли, а ты только догадываешься. Но даже в таком странном социуме, как наш поселок, вырабатываются стереотипы отношения к новому. И они мало отличаются от того, что происходит в очень большом городе. Идти к кораблю — это понятно, это все делали. Убивать зверя — понятно. Без этого не проживешь. Но лезть в горы на воздушном шаре — это безумие. Детский тип риска. Это мечта Казика, а не дело человека, на которого поселок надеется совсем в другом.

— Но пешком тоже опасно.

— Пешком вдесятеро больше шансов дойти. Дорога уже известна. Экипированы вы будете куда лучше, чем год назад. Оыта у вас тоже больше. Нет, я за традиционные пути, даже если традициям всего год от роду. Слишком много поставлено на карту.

Возражения Олега не останавливали. Но, за исключением Сергеева, который в первые же дни подсчитал объем шара и мощность горелки и пришел к выводу, что шар может полететь, остальные надеялись, даже были убеждены, что из за теси с шаром ничего не получится.

Дик, как и раньше, не завидовал Олегу. Ему было достаточно собственного превосходства в тех областях жизни, в которых он был непобедим. Он бы сам полетел на шаре, но не к кораблю, а в другую сторону, к таинственным лесам и рекам, которые скрывались за холмами. Там были его победы и испытания. Дик хотел увидеть мир сверху, как птицы, но об этом не считал нужным говорить. Поэтому Олег удивился, когда Дик тоже разыскал лежку мустангов и принес оттуда целый мешок пузьрей.

Совсем уж неожиданно воспротивилась полету Лиз.

Олег избегал ее, как можно избегать человека в маленьком поселке. И если Лиз приходила к ним, он искал предлога уйти в мастерскую или перейти за перегородку к Стадому, чтобы там заниматься, не слушая женских разговоров. Его удивляла мать — с Лиз она начинала говорить, причем с искренним увлечением, о вещах неважных, пустяковых, которые явно не стоили того, чтобы их обсуждать. Ну ладно, пока они обсуждали рецепты всяких скучных блюд, соревнуясь в умении сочетать сладкие клубни с кашей или сушеными орешками, это их дело. Но они взяли за правило судить о других людях. Не желая слушать эти разговоры, но не в состоянии не слушать — голоса доносились даже через перегородку, — он узнал, например, что Линда плохо воспитывает рыжую Рут, потому что больше думает о том, как заполучить Сергеева, большая Луиза недокармливает Казика, он такой бледный, а Марьяшка все дурнеет — что-то у нее неладно с метаболизмом (это были слова матери, Лиз их не поняла, но сразу согласилась). Какой-то недоразвитый ребенок — восемнадцати лет, а больше похожа на мальчишку-подростка. Олег даже закашлялся, чтобы они поняли, что он все слышит, и почему-то Лиз засмеялась высоким голосом. И он сразу представил себе Лиз, только по голосу, хотя совсем не хотел о ней думать. Лиз была самой толстой из молодого поколения. То есть она не была толстой, а у нее были толстые части тела, другого слова Олег придумать не мог. Толстая грудь и толстые бедра.

Лиз часто смеялась, когда с ней разговаривали Олег или Дик, и однажды Олег перехватил взгляд Дика, который глядел на Лиз, как на добычу на охоте. Как-то, когда Лиз ушла, а Олег вернулся от Старого, стал укладываться спать, мать спросила, не пора ли подумать о семье. Олег даже не понял — в каком смысле.

— Жениться, — объяснила мать.

Олег засмеялся.

— Уж не на Лиз ли?

— Жизнь продолжается. Даже в такой дикой обстановке. Смотри, упустишь девушку. Уйдет она к Дику.

— Считай, ему повезло, — ответил Олег.

— У тебя нет выбора.

— Я улечу на Землю и там решу веё свои проблемы.

— Дурак, — сказала мать в сердцах. — Ты кончишь тем, что влюбишься в заморыша.

— Марьяна хоть не дура. — Олег отвернулся к стене.

* * *

Весна наступила ранняя и теплая. Сергеев, который ведал не только календарем, но и погодой, сказал, что и лето, по его расчетам, должно быть теплым.

Сначала дожди смывали остатки снега, только в глубине леса он еще держался некоторое время, потом дожди стали реже, и днем воздух прогревался сквозь облака настолько, что ребятишки скинули кухлянки и выбегали по пояс голые. Солнце поднималось уже так высоко, что его можно было различить неясным, но ярким пятном сквозь вечные тучи. Коза пережила очередной медовый месяц и теперь присмирела, паслась за изгородью, ожидала прибавления семейства.

С юга вернулись шакалы, которые откочевывали туда за зверем, первые птицы опустились на изгороди, громко хлопая перепончатыми крыльями, появился гнус, и, когда ребятишки и женщины во главе с Вайткусом работали в огороде, приходилось зажигать дымные костры. Одного из близнецов Старого укусила снежная блоха, и он прикусил себе до крови язык.

Лето еще только начиналось, но Олег все более ощущал внутреннюю тревогу, нетерпение и даже страх, что времени осталось слишком мало. Он ничего не успеет. Главное, не успеет выучить все, что нужно, чтобы прийти на корабль, починить связь. Теперь его часто освобождали от общих дел — он совсем перестал ходить на охоту, и его не звали работать в огород. даже в мастерской Сергеев говорил ему,

чтобы он не путался под ногами, а вечерами строго допрашивал, что он выучил, узнал, понял, причем Олсг видел и раздражение Сергеева, которое возникало от того, что сам Сергеев далеко не все понимал.

А вместе с тем шар, незаметно преодолевая оппозицию, превращался в объективную реальность. Когда прошли дожди, а Чистоплюй, которого Казик с Фумико до отвала корамили червями, стал плевать так злобно, что вокруг его клетки образовалось стеклянное озеро, под навесом между мастерской и яблонями Олег с Марьяной начали склеивать из пузырей шар. Сначала они с Сергеевым нарисовали на земле выкройку шара, похожую на цветок с острыми лепестками, и она была так велика, что Фумико с трудом докидывала камешек от края до края. Стала двадцать шагов. Затем Марьяна с Олегом начали склеивать сегменты шара — лепестки. Пузырей, которыхказалось так много, сразу не хватило. Казику с Диком пришлось снова охотиться на мустангов.

Отношение в поселке к шару постепенно изменилось — видно, привыкли. Даже мать перестала кричать. Лиз приходила несколько раз резать и клеить пузыри. А потом вместе с Кристиной, которая вдруг обнаружила талант к сплетению сетей, она вила веревки. Вайткусы делали корзину — ее сплетали из тонких веток.

Но все же так серьезно, как Олег, к шару никто не относился. Даже Марьяна. Оставался, правда, Казик, но он был еще мальчишкой, диким человечком, который в глубине души верил, что на шаре они в конце концов прилетят в Индию. Не раз бывало, что, когда все еще в поселке спали и черное холодное небо чуть начинало сереть, Олег вылезал тихонько на холод, движимый все растущим нетерпением, и шел к разложенным на земле блестящим лепесткам. Казик возникал рядом неслышной тенью, лесным Маугли. Он бежал к клетке, чтобы разбудить Чистоплюя, и молча помогал Олегу.

Потом надо было склеивать лепестки по краям, чтобы получился шар, то есть груша, вытянутая книзу. Как ни старалась, клей попадал на руки, пальцы стекленели и немели. По утрам надо было опасаться колючих шаров перекати-поля, которые поднимались в воздух и летели в поисках медведя, чтобы прорости на нем новыми побегами.

Наконец шар был склеен.

Потом была готова сеть. И даже канат с якорем, чтобы цепляться за землю. И горелку Сергеев закончил вовремя, и топлива заготовили достаточно. И корзина была сделана, упругая крепкая корзина. Можно было собирать шар.

Старый требовал, чтобы сначала шар запустили без человека. Пускай повисит, если поднимется, и опустится обратно. Но Олег воспротивился этому, и его поддержал Сергеев. Ведь испытывать надо не только шар, но и горелку, надо узнатъ, будет ли шар слушаться человека.

— Канат сделайте покороче, — велела мать.

Олег только улыбнулся. Канат плели Лиз с Кристиной. И он тоже им помогал, хотя времени для этого совсем не было. Олег понимал, что Лиз делает это, чтобы доставить ему радость. Он раза два вечерами приходил в дом, где жили Лиз с Кристиной, слушал Кристину, которая всегда жаловалась и ждала смерти, и они плели этот бесконечный канат. Олегу можно было бы не приходить — какой из него плетун. Лиз смотрела на него, отвлекалась и старалась найти предлог, чтобы коснуться его рукой. Олег терпел-терпел, слушал пустые слова, старался думать о другом, а потом все — таки не выдерживал и убегал к себе или в мастерскую.

Олег знал, что первым на шаре поднимется он, и никто не оспаривал этого — шар был детищем Олега, без его настойчивости ничего бы не вышло. Казик последние дни молча ходил за Олегом и никак не мог примириться с мыслью, что его собственное путешествие откладывается. Он надеялся на чудо, которое заставит взять его в первый полет. Олег оставался непреклонен. В этом были не только доводы разума, но и некоторая доля злорадства: «Никто не верил, что шар будет, но шар есть. И он мой. Нет, конечно, он общий, его сделали вместе, но он мой. И получу на нем я».

Может, кто-то и догадался о мыслях Олега, но не сказал вслух.

Только Старый сказал. Утром, когда должен был поднятьсь шар.

— Ощущаешь себя Наполеоном? — спросил Старый.

— Почему? Никогда не видел Наполеона. Даже картинки не видел. И не знаю, что он сделал.

— Знаешь, — ответил Старый, любуясь Олегом.

Олег вытянулся за зиму, плечи стали шире, волосы потемнели, но сохранили легкую пышность. Хочется запустить пятерню и потрепать. А лицо погруbelо, потеряло мальчишескую мягкость. Это было умное лицо. Может, недостаточно сильное, но в круглом подбородке и острых скулах была внутренняя настойчивость. Приятное лицо.

— Ну, ладно, знаю, — улыбнулся Олег. — Завоевал половину Европы.

Он натянул сапоги и проверил, надежно ли они прилегают к штанам. Вайткус сказал, что там, наверху, будет холодно. Как в горах.

— Разве этого недостаточно? — спросил Старый.

Вбежали близнецы, воспитанники Старого, существа безработные, склонные к взрывам смеха и необдуманным шалостям. Они, как и весь поселок, чувствовали, что сегодня торжественный день, большой праздник. И Олег, очень обыкновенный Олег, который живет за перегородкой и у которого злая мать, сегодня полетит в небо.

— Все это слишком просто, — сказал Олег. — Как будто математическая формула. Александр Македонский завоевал полмира. Наполеон завоевал половину Европы. Гитлер попытался завоевать всю Европу. Юлий Цезарь тоже завоевал. Кажется, Египет. Всех этих людей нет. Для меня даже понятий за ними нет, смысла нет. Вы их видите иначе. Видели их портреты, читали о них книги. Они для вас необыкновенные, а для меня никакие. Я ведь даже Европы не видел.

— Ну уж, никакими их назвать нельзя, — возразил Старый. — Именно необыкновенность привлекает к ним человеческую память. хорошая, дурная, но необыкновенность.

— Для вас — да. Вы по ним могли мерить свое существование. Я не могу. Когда мне было двенадцать, меня вдруг начала мучить эта проблема. Что такое «завоевал»? И я спросил в классе: а был ли другой Наполеон, который завоевал не половину Европы, а четверть? И ты ответил мне, что различие между завоевателями заключается лишь в продолжительности их успехов. Не было ни одного, который бы достиг своей окончательной цели.

— Помню. И я еще сказал, что те, кто потерпел поражение в начале пути, нам известны, потому что в каждом сражении есть проигравшая сторона. И каждый Наполеон доходится своего Ватерлоо, если не успевает погибнуть раньше. Я помню.

— Ну вот, — заключил Олег, подпрыгивая на месте, чтобы проверить, все ли на нем сидит прилежно. Потом взял флягу со сладкой водой и повесил через плечо. — Я и говорю. Завоевательство — обычное занятие завоевателей. И все они одинаковы. Но это очень чужое и непонятное занятие. Так же, как торговля. Для меня необыкновенный тот, кто делает что-то в первый раз.

— Объективно ты прав, — согласился Старый. — Но я назвал тебя Наполеоном не потому, что хотел сравнить с завоевателем. Аналогия была совсем иная. Весь поселок вылез на улицу, потому что ты сегодня запускаешь свой шар.

— Ну, не я один.

— Сегодня действия всех нас подчинены твоей воле, понимаешь ты это или нет? И я представил себе такую картину... Я сам этого не видел, но, в отличие от тебя, могу представить. Раннее утро. Где-то в Австралии или в Пруссии, в начале девятнадцатого века. Наполеон провел ночь в небольшой, пахнущей ванилью, чистенькой гостинице. Он просыпается от шума под окном и, еще не совсем очнувшись, подходит к окну и распахивает его. Вся дорога и площадь городка запружены повозками, фургонами маркитанток, орудийными упряжками. Идут люди, ржут кони — столпотворение. И вдруг Наполеон понимает, что в этом всеобщем движении есть странность — оно кем-то начато, из-за чего-то растет, набирает силу... И эти солдаты ждут завтрака у походной кухни не потому, что любят завтракать именно таким образом, и эти пушки выезжают на площадь совсем не потому, что пушкарям больше нечего делать, — все это движение, все это скопище жизней и судеб происходит по его воле, Наполеона, у которого всю ночь болел зуб и которому вдруг хочется закричать в открытое окно: «Скорее возвращайтесь домой!»

— И он закричал?

— У тебя вырабатывается обязательное качество великого человека... — Старый был недоволен. — Выпадение чувства юмора.

В дом заглянул Казик. Его тонкая гибкая фигура была напряжена. Он никак не мог смириться с тем, что не полетит сегодня на шаре. Но понимал: главное всего, чтобы шар все-таки полетел, хотя бы и без него. Потому что если он полетит сегодня, то Казика обязательно возьмут в следующий раз.

— Я иду, — сказал Олег. Он был готов.

Они с Казиком вышли из дома. За ними Старый. Он тяжело опирался на палку. Палка была новая, безобидная. Прошлую палку, красивую, серебряного цвета, ему срезал осенью Дик в шипящей роще. Но когда наступила весна, палка в один прекрасный день пустила колючие липкие побеги и попыталась уползти из дома, пока Старый вел урок. За палкой гонялись всем классом, а потом, поймав, отпустили на волю. Палка добралась до изгороди, там пустила корни и превратилась в пышный куст. Старый однажды услышал, как мальчишки собирались на рыбалку и договаривались встретиться у «палки», и догадался, что они имеют в виду.

Олег, уже с поляны, обернулся и поглядел на медленно бредущего старика. Ему вдруг стало его жалко. Старый уж

скоро умрет. Он стал хуже ходить, много болеет, даже в школе ему нелегко вести уроки. Он все забывает. Хорошо еще, что дети подросли и скоро уже улетят на Землю. Стартый много сделал. Если бы не его школа, никто бы не смог научить детей всем наукам.

На поле, за сарайми, некрасивой грудой лежал воздушный шар. Горелка шипела и нагоняла теплый воздух внутрь шара. Но работала она в четверть мощности. Сергеев, который командовал шаром, не хотел рисковать.

Шар был похож на большого горного слона — бесформенную громаду плоти, чуть шевелящуюся во сне. Еще на расвете шар был просто большим куском тряпки, отдельно сеткой, отдельно корзиной. Все изменилось. Шар оживал.

Коза с козлятами опасливо замерли в стороне.

Когда Олег подошел, Сергеев, стоявший у корзины, спросил:

— Прибавим пламя?

Он обращался к Олегу, как к равному. Он тоже признавал, что шар — собственность Олега, как зеркальце — собственность Марьяны. Но это не означало, что зеркальце не принадлежит всем. Ведь не могло же Марьяне прийти в голову отказать, если кому-то понадобилось зеркало?

— Мы потом тоже полетим? — спросила рыжая Рут.

Все лица казались очень четкими, словно Олег смотрел на них сквозь увеличительное стекло. Вот бежит Марьяна с банкой клея — она заметила, что где-то шов пропускает воздух.

Вот большая Луиза, громоздкая, толстая женщина с отекшим лицом, поправляет ветку, вылезшую из корзины.

Шар вздрогнул, будто вздохнул, и как-то сразу стал круглее.

Олег нагнулся, проверяя, надежно ли он прикреплен к земле.

К кольям, глубоко вбитым в землю, были привязаны веревки. А близко от корзины в землю был закопан гнутый штырь из железного дерева — якорь. Рядом канат, сложенный аккуратными кольцами.

Шар еще раз вздохнул. Теперь он был почти круглым и касался земли лишь в одном месте.

— Я залезу в корзину? — спросил Олег у Сергеева, и голос его неожиданно сорвался.

Он испугался, что другие заметят его волнение и будут смеяться. Про себя он подумал: «Я не Наполеон. Я хочу необыкновенных дел, а не завоеваний. Я не хочу, чтобы из-за меня люди ели из походных кухонь и стреляли из пушек.

Люди движутся не потому, что я того хочу, но если им будет лучше от моих дел, я буду рад».

— Рано еще, не улетит, — остановил его Сергеев. Он не засмеялся.

Неожиданно шар приподнялся, оторвался от земли, но тут же опустился вновь. Крупная сетка врезалась в его тело, и тонкая оболочка пузырями вылезла в ячейки.

— Лучше бы материал был пожестче, — сказал Вайткус. — В будущем обратимся к опыту дирижаблей.

— К какому опыту? — Олег вдруг понял, что дирижабль для него — пустое слово.

— Если промазать шар тонким слоем клея, — сообщил Вайткус, почесывая бороду, — то он станет жестким.

— Что же ты раньше не сказал? — До Олега дошла красота этой мысли, и он обиделся на Вайткуса, что тот скрыл от него такую прекрасную мысль.

— Я только сейчас подумал.

— Это увеличило бы вес, — напомнил Сергеев.

Тут шар окончательно оторвался от земли и криво, под углом к корзине, поднялся вверх.

Олег не стал ждать. Он перелез через край корзины и встал в ней, крепко держась руками за борт.

Корзина была невелика, диаметром в полтора метра и высотой по пояс. В середине ее умещался еще запас топлива и несколько мешков с песком — в каждом шаре обязательно должен быть балласт.

Шар медленно шевелился над головой, и до нижнего обода, под которым приделана горелка, несложно дотянуться рукой. Олег потрогал канаты, крепившие корзину к ободу. Канаты были крепкими.

Корзина стояла на земле, можно было легко перемахнуть через ее край и встать на мягкую молодую траву, но Олег ощущал некую отчужденность от всех, кто стоял рядом, как будто все остальные люди были уже далеко внизу.

Корзина дернулась, шар натянул канаты, стараясь поднять ее в воздух.

— Полетит, полетит, отвязывайте! — закричала рыжая Рут.

— Молчи, — оборвал ее Сергеев. — Рано.

Олег, запрокинув голову, смотрел на шар. Он был так громаден, что закрывал половину неба. И был некрасив — неровно склеен, пузырист, веревки как-то неудобно и не ловко стягивали его. полупрозрачная белесая оболочка отражала траву и кривые домики поселка. И в то же время в этой нелепой громадине чувствовалась странная сила, которая была и в медленных настойчивых попытках вырваться,

оторваться от земли, и в том, как натягивались веревки, державшие корзину, и в том, как гудела горелка и ее гудение увеличивалось и гулко растворялось в чреве шара.

Теперь шар был точно над головой, и канаты сильно натянуты. Олег отвлекся, глядя на шар, и не сразу увидел, что по сигналу Сергеева его помощники наклонились над кольями, к которым привязаны веревки.

— Готовься, Олежка, — предупредил Сергеев. — Сейчас будем отпускать. Крепче держись. Может дернуть.

— Держусь, не беспокойся! — крикнул Олег, глядя, как Вайткус склонился совсем близко — можно дотронуться до спины, — отвязывает узел.

Но тут же Олег чуть было не вывалился наружу.

Как ни старался Сергеев, чтобы все веревки отпустить одновременно, силы его помощников были далеко не равны. Вайткус уже отвязал веревку и крепко держал ее. Дик выпрямился, чуть улыбаясь и показывая всем своим видом, что он принимает участие в несерьезной забаве. Свой канат он держал не очень крепко, шар, хоть и большой, казался ему сильным. С другой стороны корзины Луиза и Эгли чуть замешкались, отвязывая узлы. Шар как будто ждал этого, с одной стороны веревки еще крепко держатся за землю, но с другой-то уже освобождены, дождался легкого порыва ветра, который пришел к нему на помощь, и как следует дернул.

Вайткус почувствовал рывок и, будучи готов к нему, повис всем телом на веревке, но другая веревка резко дернулась вверх, разодрав ладони Дика, и вырвалась, отбросив его на землю. Он тут же по-звериному перевернулся через голову, вскочил и бросился, чтобы подхватить веревку, но было поздно: корзина, которую шар резко накренил, рванувшись в сторону, завалилась набок, Олег упал, ударившись о бак с топливом, на него навалились мешки с балластом. Корзина отбросила в сторону большую Луизу, придавила Эгли, шар еще раз поднатужился, качнулся в сторону, отбросив Вайткуса, вырвал из земли остальные веревки и с кольями, болтающимися в воздухе, резко пошел вверх.

Корзина болталась под ним, как невесомый жучок.

Все это заняло несколько секунд, который были полны треском, криками, уханьем воздуха.

И тут же наступила тишина, короткий период тишины, в котором был слышен только тихий плач Фумико: она на всякий случай начала плакать еще до этих событий, потому что боялась за Олега.

Молчали все, даже тетя Эгли, которой оцарапало корзиной руку, и Луиза, все еще лежавшая на земле, и Сергеев, и Вайткус, и даже дети. Все смотрели вверх, потому что там, в корзине, был Олег.

Мать Олега, единственная из всех, зажмурилась, потому что с убийственной ясностью представила себе, как тело ее сына падает из корзины и летит, растопырив руки, к земле.

А для Олега все прошло очень быстро: в одно мгновение он упал внутрь корзины и на него, как душный зверь, навалился мешок с песком. И в следующее мгновение он понял, что летит, что ничего под ним нет, что земля где-то очень далеко, потому что корзина раскачивалась свободно и легко и сквозь щели в прутьях он видел свет.

Он очень осторожно, охваченный страхом высоты, поднялся на четвереньки, ощущая в то же время, что корзина раскачивается все меньше и шар все увереннее тянет ее вверх.

И пока Олег поднимался на ноги, к нему возвращались ощущения, словно органы чувств по очереди включались, сообщая ему, что происходит вокруг. Шипела горелка, гоня внутрь шара горячий воздух, скрипели веревки, елозили по оболочке, поскрипывали ветки корзины, по которым он ступал. И снизу доносился тонкий детский плач.

Наконец Олег смог подняться. Он крепко взялся за край корзины и уже готов был выпрямиться, но, к счастью, не успел, потому что корзину резко дернуло, так что Олега чуть не выкинуло вверх. И он не сразу догадался, что вытрявился весь канат, которым корзина была привязана к якорю.

Движение шара вверх прекратилось, хотя он продолжал попытки вырваться, и от этого корзина вздрогивала и пошатывалась.

Внизу всем казалось, что прошло очень много времени. Почти минуту все смотрели наверх и молчали. Шар поднялся метров на сто — дальше его не пускал канат — и начал медленно двигаться к лесу, словно стараясь обмануть канат, который цепко держал его.

Олега все не было видно.

Но, по крайней мере, он оставался в корзине.

Сергеев, опомнившийся раньше других, уже хотел было крикнуть Вайткусу и Дику, чтобы они помогли ему тянуть шар вниз, потом понял, что сначала надо закрыть горелку, а то подъемная сила шара слишком велика и его не одолеть.

И тут заголосила Ирина.

— Сынок! — кричала она, нарушая этим молчаливую торжественность полета. — Сынок, ты цел? Олежка!

Олег услышал этот крик, и ему стало стыдно, что мать ювст его, как маленького, но потом мелькнула мысль, что и у Наполеона, наверное, была мама, и он, высунувшись из корзины и крепко цепляясь за веревки, заорал вниз:

— Все в порядке!

Совсем маленький темный силуэт Олега — голова и плечи — был виден всем на земле, и все стали кричать, дети прыгали, а Ирина зарыдала во весь голос.

Шар медленно двигался над головами — это был самый настоящий воздушный корабль, который может полететь в небо.

Старый помог Вайткусу, который так и просидел ту минуту на земле, подняться и сказал ему:

— А потом они изобрели воздухоплавание.

Вайткус улыбнулся.

— Уменьши пламя в горелке! — выкрикнул Сергеев. — Уменьши подъемную силу! Ты меня слышишь?

— Отлично слышу! — откликнулся Олег, и его голова пропала.

Олег обернулся к горелке, осторожно уменьшил пламя, но не сильно. Теперь, когда все обошлось, ему совсем не хотелось спускаться.

Он еще раз поглядел вниз и помахал рукой:

— Все в порядке!

И увидел поселок сверху. Сразу весь. Улицу — грязную речку, вдоль которой тянулись такие жалкие сверху хижины, кривые крыши сараев и мастерской, покосившаяся изгородь. Маленькую россыпь человечков — их пришлось угадывать, потому что некоторые стояли прямо под шаром. Кто-то махал руками, дети прыгали, изображая дикий танец.

Олег увидел, что на пороге своей хижины сидит Кристина. Может, не захотела прийти к шару, а может, о ней забыли в суматохе.

А вон там задрала зеленую морду коза. Она еще не видела летающих слонов.

Взгляд Олега скользил дальше, за ограду — неширокая полоса луга, а потом начинался лес. Никогда он еще не видел его сверху. Сплетение белесых голых ветвей, кое-где бурье и зеленые пятна лишайников и лиан, и это месиво тянется до болота. Сверху болото, такое обширное, кажется совсем небольшим, и за ним начинается кустарник, дальше снова лес, без перерыва и просвета, скрывающийся в туманной дымке.

Олег осторожно перешел на другую сторону корзины. Теперь ему было видно начало пути, которым они прошли к

горам, к «Полюсу». Снова лес, за ним пустошь и красные скалы, поднимающиеся из леса.

Еще два шага вправо. Тоже лес. Только он прерывается — там участки степи, куда они ходят охотиться на оленей, и темная стена большого дальнего леса, куда редко добираются охотники и собиратели. Там нет дичи, и во влажной почве луговые таятся хищные цветы и лианы.

Подул ветер, стараясь унести шар. Корзина задрожала.

Олег понимал, что ему нужно еще уменьшить огонек горелки. Люди внизу ждут, когда он спустится. Но он не мог оторваться от простора, открывшегося перед ним. Он перестал быть муравьем, ползающим среди ветвей, он взлетел над миром, как птица, и совсем иные масштабы этого мира наполнили Олега свободным и щекотным чувством могущества и уверенности в себе и в тех маленьких человечках, что ждут его внизу. Это чувство было чем-то сродни тому, что посетило его, когда он впервые увидел за перевалом в горной долине на снегу громадную чечевицу космического корабля. Но тот корабль был лишь памятью о могуществе людей. Этот же полет был сотворен им самим. И Олег понял, что более всего он хочет обрезать этот канат и подняться высоко, к самым облакам, чтобы увидеть дальше и полететь над этими лесами, не таясь в них и не опасаясь никого.

Олег подумал, что братья Монгольфье не могли сравниться с ним. Они поднимались над своим родным городом, где никто не грозил им смертью. Им надо было победить только воздух. Олегу надо было победить всю эту планету, которую хотела их убить.

Высота была невелика, вряд ли здесь было намного холоднее, чем на земле, но Олегу стало зябко. Наверное, переколювался. И когда он закрывал горелку, пальцы у него дрожали.

Шар постепенно терял силу и желание умчаться к облакам.

Внизу Сергеев и Дик стали тянуть за канат, чтобы помочь шару плавно спуститься.

Мир вокруг начал уменьшаться, горизонт приближался.

* * *

В начале лета подготовка к походу на корабль несколько замедлилась. Два главных участника этого дела — Олег и Сергеев — часто отвлекались на другие дела. Олег все продолжал возиться с шаром. Что-то изобретал в нем, мастерил, почти каждый день поднимался вверх, чаще вдвоем с кем-нибудь. У Сергеева была другая забота — Линда Хин.

рассхала все-таки к нему. Свадьбы никакой не было, и грайдника, в общем, тоже, если не считать, что взрослые селись к ним в дом, посидели, помянули Томаса и покойную жену Сергеева, выпили чаю, пожелали Линде с Сергеем вернуться благополучно на Землю. И разошлись.

Взрослых в поселке осталось очень мало, и некоторые из были совсем плохи. Сильно сдал Старый, хворала большая Луиза, а слепая Кристина сама о себе говорила, что она жилец. Олегову мать так замучил радикулит, что она Мышью часть дня лежала на постели. Поэтому в огороде селись в основном Вайткус с Линдой и Эгли, а Сергеев занимался мастерской. И конечно, все больше дел падало на Мю молодых. Охота в эти недели полностью перешла в вение Дика, который брал с собой Казика, а иногда Пядраса Миткуса. Их уже трудно было назвать мальчиками — это были подростки, умелые, ловкие и быстрые. В школу они первые не ходили, да Старый и не мог им больше ничего помочь. Его прошлое для них было будущим, причем близким и достижимым. Отныне все верили в шар и даже склонны были преувеличивать его возможности. Казалось, что на него можно летать к кораблю, когда и как хочешь.

Олег лучше других понимал, что его детище — корабль надежный. Он уже научился чувствовать шар и знал, как легко он под действием слабого ветерка готов нестись куда придется.

Во второй свой полет Олег взял с собой Казика. Это было справедливо. Казик добровольно возился с неприятными детьми, связанными с шаром. Он без устали таскал дрова для шара и давил прессом масло из них. Он ходил на охоту на листангов, потому что надо было чинить и латать шар.

Олег заметил, правда не сразу, как проявляется человеческий эгоизм в отношении к шару. Может, люди и не замечали общественного эгоизма, только со стороны ты видишь чужие лабости. Те, кто хотели полететь на шаре, честно помогали его запускать, держа веревки, скатывать его и прятать под настенные, когда полет кончался. Но после того, как сами поднялись в воздух, интерес их к шару пропадал. Большинство из тех, кто летал с Олегом, полет разочаровал. Был момент страха, когда шар поднимался, потом возникал интерес — увидеть с высоты и поселок сверху. Вот и все. Так было с Линдой и с Лиз, которая три раза пропускала свою очередь, потому что очень боялась, потом все же забралась в корзину, а когда шар поднимался, визжала от страха так, что ребятишки, смотревшие изнизу, чуть не умерли от смеха. Вайткус, поднявшись в воздух, внимательно глядел вокруг, а потом сказал, что надо будто бы сходить за болото, потому что он видит в чаще за ними яблони.

лоневые деревья. Старый молчал, когда они были наверху. Минут двадцать молчал, потом произнес: «Спасибо, можно опускаться». Эгли смотрела на поселок, потом вытерла глаза, может, от ветра, может, соринка попала. И уронила: «С ума сойти, какое убожество».

Мать лететь отказалась, и это было хорошо. Но каждый раз, когда Олег готовился к полету, она выходила на площадку и обязательно проверяла, хорошо ли держит канат.

Казик с Фумико канат нарастили. Еще метров на двадцать. Больше не получалось. Он оказывался таким тяжелым, что тянул шар книзу, к тому же начинал рваться.

Дик поднялся одним из последних. Он несколько дней после первого полета избегал Олега, так как считал себя виноватым в том, что чуть не произошло крушение. Олег сам спросил его, хочет ли он подняться, и Дик согласился.

В тот день шел дождик, и капли срывались с шара, отчего было плохо видно. Олег чувствовал, что Дик оробел — он был в чужой обстановке, а Дик всегда терялся в чужой обстановке: Олег помнил, каким был Дик на «Полюсе». Он так иостоял весь полет, держась за канаты со своей стороны корзины, и не решился обойти ее. Дик взял с собой в полет арбалет и даже заткнул за пояс бластер, все это было лишнее, но Олег сделал вид, что не заметил.

Неожиданно Дик сказал:

— Летом надо будет дойти до большой степи. Я думаю, она начинается вон там.

И он показал пальцем к югу, где лес сливался с облаками.

— Там должно быть много оленей, — добавил Дик.

И Олег понял, что Дик все равно остается на земле.

Но он был неправ. Дик чувствовал себя неуверенно в слишком легкой, почти прозрачной плетеной корзине. Однако главное было в другом: впервые в жизни он завидовал Олегу.

Пока Олег занимался хоть и нужными для поселка, но не очень нужными, с точки зрения Дика, делами, Дику было все равно. У него был свой лес и свои победы. И только теперь, глядя на лес и видя, как среди ветвей крадутся шакалы, как ползет по стволу ногастая змея, как пучатся от весенних соков стволы серебряных сосенок, — видя то, что было недоступно не столь тренированному и чуткому взгляду Олега, Дик осознал дополнительную власть и свободу, которую дает обладание шаром. В нем проснулось острое желание лететь по воздуху к новым лесам, гнаться за стаями зверей, опускаться на ночь возле таинственных речек...

Олег с удивлением увидел, как Дик достает бластер.

— Ты что? — удивился он.

— Тихо, — прошептал Дик.

Зеленый нитяной луч протянулся к деревьям у болота — немым и неподвижным. И тут же там, внизу и вдали, возникло движение: крупное животное забилось в чаще и тяжелая туша вывалилась на поляну.

— Я такого еще не видел, — сказал Дик, пряча блокнот. — Давай спускаться. Я хочу посмотреть, кого я убил. С Марьяной Олег поднимался в тихую теплую погоду.

— Здесь красиво, — проговорила Марьяна. — Не хочется спускаться, правда?

Олег смотрел на нее. Он был точно щедрый хозяин, показывающий гостью свое поместье. И поскольку он знал прелести поместья и был уверен в них, то комплименты воспринимал как должное. И ему было приятно, что именно Марьяна смогла оценить красоту полета.

— И тихо, — сказала Марьяна.

— Спасибо.

— Почему? — Марьяна повернулась к нему и посмотрела на него внимательно, будто увидела в первый раз. — Почему спасибо?

Олег протянул руку и дотронулся до ее пальцев, лежавших на краю корзины. Корзина чуть качнулась, но Марьяна не испугалась.

— Ты все понимаешь, — ответил Олег.

Марьяна оторвала руку от края корзины и вложила пальцы в руку Олега.

Это было так естественно, и его ладонь уже ждала этого прикосновения. Корзина снова качнулась, и Марьяна сделала шаг вперед, чтобы не потерять равновесия. Они оказались совсем рядом, и Олег поцеловал ее в щеку. Он хотел поцеловать в губы, но промахнулся и поцеловал в щеку, возле уголка губ. И уже не было ничего — ни неба, ни шара, — они парили там, где нет никого, кроме них, где так хорошо и понятно.

— Эй! — закричал снизу Казик. — Вы куда пропали?

Марьяна подняла голову — она была на голову ниже Олега — и улыбнулась.

— Что? — не понял Олег.

— Давай подниматься сюда каждый день. — И засмеялась.

— Давай. — Олег тоже засмеялся. — Утром будем подниматься, а вечером спускаться.

— Только Казика жалко. Может, будем его брать с собой?

— Нет, — ответил Олег тихо, он вдруг испугался, что на земле их могут услышать. — Мы никого не будем брать с собой.

— Эй! — кричал Казик. — Спускайтесь! Гроза идет.

У Казика было удивительное чутье на погоду — как у звёра. Он никогда не ошибался. Если он чувствовал, что идет гроза, значит, пора прятаться.

Олег не спеша прикрыл горелку.

И пока шар охлаждался и опускался вниз, он все не отпускал руки Марьяны.

Они успели спуститься в самый последний момент — сильный порыв ветра дергал шар так, что канат трещал. Внизу, кроме Казика, никого не было: после третьего полета решили, что тащить шар за канат не нужно — никуда он не денется. Но в тот раз задержка чуть на кончилась плохо, потому что влекомый порывами ветра шар опустился не на место старта, а на всю длину каната в сторону, у крайнего дома, чуть не задев его. И уже под дождем, борясь с бурей, они прыгали по оболочке, чтобы скорее вышел воздух и можно было бы оттащить шар под навес. К ним на помощь прибежал Дик, потом Сергеев. Все промокли, устали, ругали Олега, что он замешкался со спуском.

— Я же тебе кричал! — повторял Казик. — Ты что, оглох?

Олег не отвечал. Ему хотелось — ну разве в этом признаешься? — снова подняться в воздух, высоко, в грозу, чтобы бешеный ветер нес его — и ничего не страшно, а только весело.

Он ловил взгляд Марьяны. Ему казалось очень важным, чтобы она на него смотрела. И раз или два ему удалось поймать ее взгляд. И тут же его начинали одолевать сомнения: а вдруг она пошутила? Вдруг она не чувствует того, что чувствует он?

Но когда они уже очутились в сарае и шар был надежно спрятан, Марьяна взглянула на Дика и Сергеева, которые стояли возле открытых дверей, пережидая ливень, и прошептала:

— Как хорошо, что мы с тобой летали, правда?

И в ее вопросе тоже слышалась неуверенность, можно ли верить тому, что было. И неуверенность обрадовала Олега. Он сказал:

— Это замечательно, что мы с тобой летали.

* * *

В тот день, когда впервые решили подняться без каната, Олегом полетел Сергеев.

Они специально выждали безветренный день.

Шар шел уверенно. Олег уже привык обращаться с ним и знал его маленькие хитрости. Когда шар поднялся до преж-

И отметки, Олег перегнулся и помахал рукой тем, кто сорвался внизу. Там снова был весь поселок, как в день первого полета. Олег отыскал глазами Марьяну. Он махал ей, но никто, кроме Марьяны, об этом не догадывался.

Шар поднимался лениво, но настойчиво, все быстрее, и Олег подсознательно ждал, что сейчас корзина дернется — и вдруг остановит восхождение.

Но полет продолжался, и горизонт медленно и незаметно исчирялся — в дымке скрывались края земли. Поселок стал жилищем тлей, а лес — бесконечным морем.

Вдруг стало темнее. Спустившийся сверху язык облака скрыл горизонт. Подъем шара замедлился.

— Может, спустимся? — спросил Сергеев.

— Нет, — ответил Олег.

Его удивил вопрос Сергеева, потому что они ведь с самого начала хотели пройти сквозь облака и увидеть небо. Сергеев молчал.

Было очень тихо. Просто невероятно как тихо. Олегу показалось, что он никогда в жизни не слышал такой тишины.

Непонятно было, поднимается ли шар, но он поднимался, потому что клочья густого облака медленно опускались перед глазами.

Здесь было холоднее, чем на земле. Край корзины стал мокрым.

— По-моему, мы перестали подниматься, — сказал Сергеев.

Олег подошел к горелке и увеличил пламя.

Стало еще темнее. И начал подкрадываться страх. Олег мотрел на Сергеева и думал: «Вот счастливый человек, ему всем не страшно. А я не знаю, куда мы движемся и выберемся ли мы когда-нибудь из этой мокрой ваты». Он не знал, что Сергееву страшнее, чем ему, потому что Сергеев лишь второй раз поднимался на воздушном шаре, но понимал, что достаточно нечаянного вихря, который мог таиться в облаке, чтобы их бросило в сторону и, может быть, разбить о землю или унесло к горам.

— Я сброшу балласт, можно? — спросил Олег.

Вопрос был риторическим. Командиром шара был он, и Сергеев признавал его старшинство в воздухе. Дополнительные мешки с балластом были взяты именно с этой целью. Даже было уговорено, что после подъема шара все жители поселка отойдут подальше от поляны, чтобы не угодить под мешок с балластом.

Сергеев помог Олегу скидывать мешки вниз. После каждого сброшенного мешка корзина вздрагивала, шар делал

рывок вверх, как усталый пловец, который гребет к поверхности воды, чтобы глотнуть свежего воздуха.

И вдруг стало чуть светлее. Свет был странным, другим. И Олег догадался, что скоро они выйдут из облака.

И вот над головой звезды. И Олег увидел, каким неожиданным ударом это зрелище было для Сергеева, который уже много лет не видел звезд.

Сергеев замер, глядя вверх. Шар кружился, отражая облака, но между его боком и облаками была глубокая синева и множество звезд. И при этом было светло, совсем светло спрашивая ярким раскаленным котлом светило солнце. Было сразу и холодно, как в горах, — от свежести простора, — и горячо от солнца.

А шар продолжал незаметно подниматься, оставляя внизу облака, которые казались мягкими, но плотными настолько, что можно шагнуть через борт корзины и идти по ним, чуть проваливаясь в их белый мох.

Сергеев опомнился первым.

— Прикрути горелку. А то унесет.

Олег послушался.

Они молчали и смотрели в небо, на облака. Им не хотелось опускаться вниз, хотя они уже замерзли.

И в этот момент Олег увидел странную вещь.

По небу быстро и настойчиво двигалась черная точка.

Она появилась на периферии его зрения, и Олег сначала увидел не ее, а пышный хвост, белый и прямой, уходящий за горизонт, как будто из тонкой трубы, расширяясь, разделяя столб пара.

— Сергеев, — сказал Олег. — Посмотри. Что за зверь?

Сергеев, глядевший в другую сторону, обернулся. Точка приближалась к шару, закрывавшему середину неба, и готова была скрыться.

Сергеев сказал:

— Этого не может быть!

— Что? — Олег уловил невероятное изумление в голосе Сергеева.

— Это... это самолет, или ракета... или... Это может быть сделано только человеком.

Черная точка исчезла, и Сергеев поспешил на другую сторону корзины. Корзина накренилась.

Не замечая холода, они дождались, пока черная точка выплынет по ту сторону шара и пойдет дальше, уверенно, прямо, оставляя сначала тонкий, а потом все расширяющийся хвост.

— Как человек? — спросил Олег почти робко. — Здесь никого нет. Может, это птица?

— Подсчитай скорость, — ответил Сергеев. — И высоту. Я думаю, что это проба.

— Что?

— Исследовательский атмосферный скаут. Он идет со скоростью около двух тысяч километров в час на высоте десяти — пятнадцати километров. Такие бывают в геологических экспедициях.

— Значит, тут кто-то есть?

— Значит, тут кто-то есть, — произнес Сергеев. Он посмотрел на солнце, чтобы определить направление движения скаута.

Скаут начал снижаться. Им было видно, как он снижается и сбрасывает скорость. Паровой след иссяк недалеко от облачного слоя.

И все. Только размытый пропадающий след в синем небе.

— Спускаемся, — предложил Сергеев.

— Давай, — согласился Олег. — Я сейчас умру от холода. Опустились они на болоте, и потом всем поселком до вечера вытягивали оттуда шар. Все перемазались и промокли. Но это было не так важно.

На планете были люди. Другие люди.

Глава третья

Планета не имела названия.

У нее был цифровой код. Любой справочный компьютер выдавал о ней сведения, даже не подозревая, что людям приятнее, когда планета имеет название. Привычнее.

Но так случается с планетами, открытыми издали, из космоса, и затем включенными в список исследований.

Планету открыли несколько лет назад. Потом, как и положено, к ней была отправлена станция «Тест». Автоматическая станция, которая вышла на орбиту, выпустила скаутов, сняла ее поверхность, выкинула на поверхность пробы, которые взяли образцы воздуха и почвы. Затем «Тест» собрал всех своих слуг и отправился к трассе, где его подобрал корабль-матка. На корабле-матке младший научный сотрудник Кирейко проглядел материал, сделал квалифицированные выводы, и все материалы по планете отправились в архив, ждать очереди.

Младший научный сотрудник Кирейко мог обнаружить, что планета представляет собой исключительный интерес то ли потому, что на ней есть разумная жизнь, то ли потому, что неразумная жизнь необыкновенная, то ли потому, что там замечательный климат и отличные условия для колонизации, то ли, наконец, потому, что ее минеральные богатства ошеломляют разнообразием и выбором.

Ничего такого младший научный сотрудник Кирейко не обнаружил.

Планета была лишена разумной жизни. Ее высокие широты были заняты снежными горами, ниже располагались закрытые вечным облачным слоем первобытные леса, а к экваториальной области тянулись на тысячи километров раскаленные пустыни. Угол ее наклона к орбите был неслыхан, период обращения чуть больше тысячи дней. Ничего особенного.

В принципе средние широты, туманные области лесов и более жарких прерий были пригодны для человека, но отда-

ленность планеты от космических трасс и нехватка исследовательских групп в этом неблизком секторе Галактики обрекли планету на частичное забвение.

А раз на планете нет разумной жизни и мало шансов на ее появление в ближайшие тысячелетия, то и в имени планета пока не нуждалась.

«В крайнем случае, — подумал Павлыш, собирая рабочий стол, — мы можем окрестить планету по собственному усмотрению (разведгруппы имели на то право), например Фиалкой, при условии, что в каталоге галактических тел нет другой Фиалки».

Стол собрать никак не удавалось. В комплекте недоставало нижней трети телескопической ножки, правда, ящиков оказалось на один больше, чем нужно. Ящики Павлыш на дул, вдвинул на место, а лишний приспособил под мусорную корзину. С ножкой он поломал голову, пока не догадался приспособить рейку от палатки.

Клавдия видела эту борьбу и была недовольна. Клавдия не выносила беспорядка, отчего бы он ни происходил.

Павлыш поставил стол к иллюминатору так, чтобы серый сумеречный свет падал слева. Он не любил работать лицом к свету.

Клавдия поставила свой столик так, чтобы работать лицом к свету.

В ее комплекте, разумеется, все составные части стола были налицо, и ни одной лишней. Затем Клавдия начала раскладывать на столе приборы, чистые и аккуратные, хотя некоторые из них уже побывали на трех-четырех планетах, куда более сложных, чем эта.

Третий стол, принадлежавший Салли Госк, так и остался пока в плоском ящике. Салли отложила устройство личных дел, пока не устроится вся станция.

Станция должна была быть женской.

Экипаж Клавдии Сун.

Клавдия Сун — начальник группы и геолог. Салли Госк — радиист, электронщик и повар. Сребрина Талева — биолог.

Вместе они работали уже на четырех планетах.

Центр Космических исследований предпочитает не создавать в малых разведгруппах бытовых сложностей. Он комплектует такие экипажи либо из семейных пар, либо подбирает однополые группы. Купол станции невелик, душ и туалет отделены от общей рабочей комнаты пластиковыми шторками, а перегородки между спальными отсеками чуть выше человеческого роста.

Но Сребрина Талева умудрилась сломать бедро за день до высадки.

Капитан «Магеллана», старый друг Глеб Бауэр, вызвал Павлыша. Он смотрел на него сочувственно.

— Ты, конечно, понимаешь, — начал он, — что группа Клавдии Сан последняя на борту. Остальные высажены.

— Сребрину можно будет выписать только через месяц, — ответил Павлыш. — Очень сложный перелом.

— Я не об этом. Я хотел спросить, что они будут делать там без биолога? — Без биолога им трудно, — согласился Павлыш.

— Ты понимаешь, что мы им сорвали высадку?

— Мы-то тут при чем?

— Мы несем ответственность, — сказал Бауэр так, что ясно было — ответственность несет именно Павлыш.

— Отдать ей мою ногу?

— Слава, это не предмет для шуток.

Удивительно, как быстро капитаны начинают ощущать себя капитанами. Можно подумать, что прошло много лет с тех пор, как Бауэр ходил вторым штурманом на «Сегеже». Правда, Павлыш тогда был судовым врачом и сейчас им остался.

— Чего же ты предлагаешь? — спросил Павлыш. — У капитана должны на все быть рецепты.

Бауэр не хотел услышать иронии.

— Слушай, Слава, — сказал он куда мягче. — Ты же тысячу раз меня просил: пусти в поиск, надоело сидеть в железной банке. Просил?

— Мне стать Сребриной Талевой?

— Я спрашиваю, хочешь помочь разведчикам?

— Не хочу.

— Почему же?

— Не представляю, как буду работать в женской группе.

— В ней будет работать тридцать три процента мужчин.

— Клавдия Сун меня съест. Ты же знаешь, какая у нее репутация.

— Клавдия — милейшая женщина. Я тебе это гарантирую.

— Каждый остается при своем мнении. Я просил тебя отпустить меня, когда уходила группа Сато. Там была интересная планета, и людей я хорошо знал. — Ты боишься одной женщины или боишься работы?

— Пожалуй, одной женщины. Да и она не согласится.

— Тогда с тобой все ясно. А Сун полетит хоть с самим чертом, только чтобы не сорвалась экспедиция.

Разумеется, Клавдия согласилась лететь с Павлышом. Иначе бы пришлось возвращаться на Землю — больше на борту биологов не было. Правда, настроена она была скеп-

тически. И, как часто бывает, Павлыш помимо своей воли начал оправдывать ее самые плохие предчувствия. При по-грузке он умудрился разбить инфракоп, который теоретически можно скинуть с десятого этажа без всякого вреда для прибора. А вот теперь, к примеру, он не может сделать про-тейшей вещи — собрать рабочий стол.

В любой стае, включая человеческую, обязательно существует табель о рангах. Трех человек для такой системы достаточно. Появление Павлыша нарушило сложившуюся за несколько лет субординацию. Все было бы проще, будь Клавдия Сун пожилой мужеподобной дамой с громовым голосом и резкими манерами. На Клавдия Сун не производила впечатления космического волка и начальника разведэкипажа. Внешне она была сказочно хрупким и беззащитным созданием с большими, чуть раскосыми вишневыми глазами и упругими, склонными виться, чего им не позволяли, черными волосами, разделенными на прямой пробор и затянутыми в тугой узел.

Клавдия Сун была из тех женщин, которые безусловно и сразу начинают главенствовать в женской среде, но пасуют перед большими мужчинами и оттого становятся агрессивны и дерзки. К тому же у Клавдии порой отказывало чувство юмора, у Павлыша же оно не отказывало никогда.

Оробев внутренне перед Павлышом, Клавдия усилила внешнее сопротивление, как только обнаружилось, что в ее организованное женское гнездо подложили кукушонка мужского пола.

По наследству Павлышу следовало бы занять экологическую нишу Сребрины Талевой, женщины романтичной, склонной к неожиданным сменам настроения, открытой, веселой, но невезучей — обыкновенному человеку никогда не сломать бедро на космическом корабле. Но Клавдия сразу начала противопоставлять, даже порой несправедливо, «неловкого и неумного» Павлыша «идеальной работнице и замечательному человеку» — Сребрине. То есть он как бы стал Антисребриной.

Но Павлыш умел находить выгоды в положении, оставившем желать лучшего. Ему предстоит провести четыре месяца на совершенно не изученной планете — тысячи научных мечтают попасть в группы поиска. У него появились шансы оставить след в науке, открыть неизвестное семейство бактерий или новый тип симбиоза. А почему бы и нет? Да и что может быть лучше, чем вырваться из отработанной рутины корабельной жизни и броситься навстречу приключениям? Разве он сам не просил Бауэра отправить его с группой? Конечно, просил. Пускай в справочниках и инст-

рукциях тебя убеждают, что настоящая станция поиска должна обходиться без приключений, что хорошо организованная работа не допускает срывов, а любое приключение не более как досадный срыв... В общем, корабельный врач Владислав Павлыш, сорока лет от роду, в меру способный и любознательный, не слишком тщеславный, не потерявший вкуса к жизни, покинул борт фрегата, бороздившего космические моря, и более или менее добровольно высадился на берегу необитаемого острова в обществе двух прекрасных дам. Одна из них, Салли Госк, была девицей, вторая в разводе. Теперь оставалось лишь выяснить, есть ли на необитаемом острове кокосовые пальмы, тигры и Пятницы.

В этом месте его размышлений рейка от палатки скрипнула, въехала в трубку ножки стола — и стол, ловко избегнув попытки Павлыша сго подхватить, улегся посреди комнаты, разбросав по полу все, что Павлыш успел на него поставить.

Клавдия с некоторым раздражением смотрела, как ее новый биолог ползает по полу, собирая свое добро. Салли, выглянув из камбуза, сказала, разрываясь между жалостью к Павлышу и внутренним трепетом перед Клавдией:

— Может, пока подложим под ножку ящик, а потом Слава отрежет от какого-нибудь дерева сучок и сделает ножку?

— Разумеется, — сухо ответила Клавдия, не глядя на подчиненных, а обратя взор к иллюминатору, за которым темнел затянутый туманом лес. — Не хватало еще притянуть на станцию местную микрофлору.

— Один мальчик, — произнес Павлыш, возражая не столько против слов Клавдии, сколько против тона, — притащил домой крокодила, и тот откусил пальчик дедушке.

— Мой муж... — проговорила Клавдия неожиданно, закусив губы и замолчала.

— Не надо, Клавдия, — остановила ее Салли.

— Почему не надо? Пускай он знает.

Клавдия смотрела Павлышу в глаза.

«Господи, — подумал Павлыш, — я и не знал, что ее муж погиб на какой-то ужасной планете».

— Мой муж, — повторила Клавдия, — с которым я рассталась шесть лет назад, чуть не погубил экспедицию в системе Коррак, так как легкомысленно притащил на станцию местное животное.

«И после этого я с ним, разумеется, рассталась, — мысленно закончил за нее фразу Павлыш, — потому что не могла перенести столь вопиющего нарушения инструкций».

Вслух же он сказал:

— Я обещаю вам, Клавдия, никогда не приносить на станцию местных животных.

Клавдия с некоторым облегчением вздохнула — видно, решила воспринять это заявление как серьезное обещание.

Павлыш взял ящик из тех, что уже опорожнила Салли, и подложил его под короткую ножку стола.

* * *

Павлыш уселся за стол. Кресло послушно обняло его. Вроде бы удобно. Он поглядел налево. Стекло иллюминатора запотело. Павлыш протер его. Но не успел разглядеть лес, потому что заряд дождя со снегом полоснул по стеклу и серые стволы деревьев задрожали, расплылись, повторяя контуры дождевых струй.

— На окна надо поставить дворники, — сообщил Павлыш Клавдии. — Без дворников плохо любоваться пейзажем.

— Я давно об этом думала, — ответила Клавдия, — еще на прошлом поиске. Но нам самим их не сделать.

Павлыш вздохнул. Ему повезло с серьезной начальницей.

Снег пошел гуще. Снежинки тоскливо скреблись в окно, и деревья окончательно застило мутью.

— Сводку погоды не передавали? — спросил Павлыш.

— Как так? — удивилась Клавдия. И спохватилась: — Не говорите глупостей.

— А то я совершенно не представляю себе, что надеть, когда пойду гулять.

— Наденете скафандр биозащиты, — не желала шутить Клавдия. — И никогда не будете снимать его за пределами станции.

— Значит, сводку не передавали. — Павлыш вдруг поймал себя на том, что ему трудно остановиться. Ему хотелось дразнить Клавдию.

Салли хихикнула. Тут же что-то зашипело.

— Я молоко упустила, — сообщила она.

— У нас с вами, Павлыш, разное мироощущение, — сказала Клавдия. — Потребность постоянно балагурить ведет к браваде. Бравада — к неоправданному риску. Риск здесь крайне опасен. От вашей неудачной шутки может зависеть судьба всей станции.

— Я буду серьезен, — сказал Павлыш.

Зуммер связи прервал эту беседу. Салли попросила Клавдию сменить ее у плиты, а сама поспешила к передатчику. Вызывал «Магеллан». Он уходил дальше по маршруту, и через несколько часов, когда он начнет большой прыжок к следующей планете, связь прервется. Прервется на четыре месяца. Космические станции связи устанавливаются лишь на больших кораблях и на больших станциях. Разведста-

нциям космического передатчика не положено. В этом есть элемент риска. С ним приходится мириться. Гравитационный передатчик занял бы весь купол.

На крайний случай в открытом космосе, за пределами активного поля тяготения системы, находится маяк. Если что случится, до него можно долететь на планетарном катере.

С этого момента связь можно поддерживать лишь неспешным старинным образом. В случае необходимости сигнал идет с обычной скоростью радиоволны — до маяка, который находится в открытом космосе в световом месяце от планеты. От него сигнал пойдет на Землю-14. И поэтому раньше чем через шесть недель его никто не услышит.

В конце связи Бауэр передал всем приветы, просил не скучать.

И — до связи!

Еще через несколько часов корабль «Магеллан» исчезнет в этом участке космоса и возникнет в ином, отдаленном многими парсеками.

Павлыши слушал, как Салли завершала связь, принимала последние инструкции. Он подошел поближе к окну и поглядел на небо. Можно было и не глядеть: сплошная муть и серость.

Он знал, что их капсула приземлилась в конце весны в северном полушарии, в умеренной зоне. Значит, можно расчитывать, что с каждым днем погода будет улучшаться. Это место было выбрано по данным, собранным раньше автоматами. Здесь был оптимальный климат для исследователей: севернее начинались горные системы, пустые и мрачные, за ними — голая тундра, южнее, за океаном, — пустыня. Пояс, выбранный для работы, был наиболее биологически активным — значительная часть работ будет вестись в окрестностях купола.

Через иллюминатор Павлышу был виден переходник — округлый туннель, ведущий к куполу поменьше — лаборатории биоскаутов. Таких вспомогательных куполов было три. Один, с биоскаутами, принадлежал Павлышу. Второй, с геологическим оборудованием, — Клавдии. Третий был складом и гаражом, в котором хранился вездеход. Капсула, или планетарный катер, доставивший их сюда, стоял поодаль. Он был похож на детский волчок, только вместо остого конца, на котором ему положено вращаться, катер покоялся на трех ногах, тонких и вроде бы ненадежных. Хотя они были надежны.

— Если моя помощь не нужна, — произнес Павлыш, — я пошел на склад. Займусь разборкой.

— Идите, — сказала Клавдия. — А после обеда будете готовить биоскаутов. Завтра начинаем выполнять программу.

— Знаю.

Павлыш перешел во второй складской отсек. Контейнеры с оборудованием и припасами были сложены в четком порядке. За разгрузкой следила Клавдия, при виде ее даже роботы дрожали. Здесь было душновато. Павлыш подошел к кондиционеру и перевел его на деление. Тот зашуршал веялее. Павлышу показалось, что он слышит, как движутся, небрательно отсеивая все вредное и чужое для помещения, тончайшие лепестки многочисленных фильтров.

Начиналась самая сложная для Павлыша часть подготовительной работы. Надо было отыскать в этих аккуратных штабелях ящиков именно те двадцать три номера, в которых хранятся разобранные биоскауты, анализаторы, приемные устройства экспресс-лаборатории, диагности, полевая операционная, прозекторская и что-то еще.

Павлыш с грустью подержал в руке табличку со списком оборудования, понимая, что по крайней мере три из четырех месяцев он проведет в поисках и сборке своего хозяйства.

Но более всего хотелось отыскать контейнер, в котором лежали микрофильмы. Павлыш опасался, что, проверяя при погрузке багаж, Клавдия изъяла заветный ящичек, в котором Павлыш вез запас детективов и фантастических романов. Он понял, что микрофильмы лежат в шестнадцатом контейнере, который благополучно заставлен шестым и тридцать четвертым, самыми тяжелыми из контейнеров. Но ведь не ждать же, пока Салли заактивирует серворобота, чтобы тот таскал тяжести.

Стараясь не шуметь, Павлыш сволок в свободный угол контейнеры, добрался до заветного ящика, открыл его — самые худшие опасения оправдались. И он возненавидел Клавдию. Конечно же, она отыскала коробку с художественной макулатурой и вместо нее засунула свою коробку, крайне ценную для науки. Разочарование, хотя и ожидаемое, было глубоким и болезненным. Павлыш понял, что именно без детективов он не протянет и месяца в обществе этого овода.

Павлыш присел на контейнер и постарался убедить себя, что ему повезло, потому что теперь он сможет больше времени уделять полезному труду и шансы сделать ценный вклад в науку резко увеличатся.

Убедить себя ни в чем не удавалось, и Павлыш начал сочинять патетическое заявление об уходе ввиду садистской

жестокости, проявляемой начальством к коллективу станции.

Тут открылась дверь, вошла Салли и присела на соседний контейнер. Она была крепкой, склонной к полноте русоволосой женщиной с умными зелеными глазами и полными, хорошо приспособленными к улыбке губами.

— Я помогу вашему горю. — Салли широко улыбнулась. Она поднялась, подошла к стопкам контейнеров. — Идите сюда, Слава.

Они вытащили второй сверху контейнер с маркировкой 57, это означало, что он относится к геологической группе грузов. Салли открыла его и достала заветную коробку с микрофильмами.

— Это вы сделали? — обрадовался Павлыш, еле удерживаясь, чтобы не обнять очаровательную, добрую, любезную Салли. — Она вынула, а вы положили?

— Все не так просто, — сказала Салли. — Клавдия никогда бы не решилась оставить что-то, принадлежащее не ей, тем более без разрешения. Мы перекладывали вещи, а ее микробур не умещался. Вот мы и поменяли местами.

— Все равно спасибо.

— А я больше люблю классику.

— А Клавдия геологический справочник?

— Справочник и «Анну Каренину». Она всюду возит с собой «Анну Каренину». Как только ей плохо — начинает читать. Смотрите, чтобы сегодня она за нее не принялась. Она так переживает из-за вас.

— Из-за меня?

— Ей кажется, что вы над ней все время смеетесь.

— Нет, что вы, далеко не все время, — ответил Павлыш, чем развеселил добрую Салли.

Иллюминатор в складском отсеке был небольшим, и потому, когда к нему подошла образина, сразу стало темнее. И Павлыш и Салли эту перемену в освещении почувствовали.

Образина была почти белой, и если у нее были глаза, то они скрывались под жесткой длинной шерстью. Зато зубы, торчавшие вперед, — ими образина хотела испытать крепость стекла — были коричневыми, и Павлыш подумал, что образина их никогда не чистит. Между зубами, как за час-токолом древней крепости, сидели блестящие маленькие существа, похожие на недозрелые лимончики. У лимончиков тоже были зубы. Лимончики выбирались из своей крепости и, неизвестно чем цепляясь за гладкую поверхность, разбегались по стеклу. Двигались они так быстро, что сливались в зеленоватое мерцание. Образина закрыла пасть.

Павлыш сообразил, что Салли держит его за руку.

— Испугались? — спросил Павлыш.

Салли убрала руку.

— Из прогулки ничего не получится, — сказала она. — Я так надеялась, что здесь можно гулять.

— Вот и моя первая статья в «Космозоологию», — проговорил Павлыш. — Особенности симбиотических сообществ на планете... как она называется?

— Вы можете думать о посторонних вещах. Вы очень хладнокровный, Слава. А я сейчас умру от отвращения.

— Вы только задумайтесь, какими отвратительными мы кажемся этим существам...

Белая безглазая морда исчезла. Лимончики засуетились еще больше — видно, испугались, что их дом ушел. Салли вызвала Клавдию.

Клавдия кинула лишь один взгляд на лимончиков и тут же принесла свою камеру, уже распакованную и готовую к работе. Горький упрек в адрес Павлыша.

Черный хлыст ударил по стеклу, распоров одного из лимончиков, и его сок желтыми потеками пополз по стеклу. Остальные лимончики замерли. Хлыст полз медленно, расширяясь, пока не превратился в полосу шириной сантиметров десять. Полоса сложилась в трубку, и лимончики начали послушно в нее проваливаться. Через несколько секунд стекло стало пустым, только остатки желтого пятна напоминали о трагедии, которую они сейчас наблюдали.

— Мы до сих пор не включили внешние камеры, — напомнила Клавдия. — Даже не знаем, что творится снаружи.

— Спасибо, что не забыли мои детективы, — сказал Павлыш.

— Пожалуйста, вспоминайте иногда о своей работе.

— Я помню. Я даже помню латынь. И могу давать страшные названия всем гадам, которых мы увидим за окном. Для этого берутся латинские слова со значением «гадкий, страшный, отвратительный» и добавляется имя открывателя. Нам с вами представляются широкие возможности.

Клавдия вышла.

Салли посмотрела ей вслед.

— Когда решите кого-то назвать моим именем, поищите ис очень гадкое латинское слово.

— Вашим именем мы будем называть только мотыльков, — пообещал Павлыш.

В жилом отсеке Клавдия звенела посудой. Накрывала на стол.

— А здесь может быть разумная жизнь? — спросила Салли.

— Вряд ли. Тестовские пробы ничего не обнаружили. Да и общий биологический уровень развития низок.

— А все-таки?

— «Все-таки» мы сможем сказать, когда будем улетать отсюда.

— Я очень люблю новые планеты. Сначала полная темнота. Как будто ты только что родился. А потом начинаешь вживляться в этот мир. И становится светлее.

Павлыш снова подошел к иллюминатору. Мелкие насекомые ползали по стеклу вокруг желтых подтеков. Снег прекратился. Лес был пуст, насторожен.

«До чего мы здесь чужие, — подумал Павлыш. — Маленькие кусочки протоплазмы в пластиковой оболочке. Поймем ли мы этот мир? Отвергнет ли он нас? Или просто не заметит нашего присутствия?»

— Ближайший человек находится в миллиардах километров отсюда.

— Ну вот, — отозвалась Салли. — Зачем угадывать мои мысли?

— Но миллиарды километров не так уж и много, — заверил Павлыш. — Наше существование зарегистрировано везде, где только можно. В космофлоте, на Земле-14, в Дальней разведке, в ЦКИ, нам идет стаж и насчитываются премиальные недели. Если с нами что-то случится, поднимется большая буча — спасательные крейсеры кинутся сюда со всех концов Галактики...

— А если опоздают?

— Для того чтобы не опоздали, — произнес Павлыш наиздательно, — мы должны себя хорошо вести и слушаться тетю Клавдию. И ничего плохого не случится. Главное — мыть руки перед едой.

— Я догадалась, — сказала Салли. — Вам одиноко, и вы уже жалеете, что полетели с нами.

— Ни в коем случае.

Павлыш продолжал смотреть на лес. Ему хотелось увидеть в нем хоть какое-нибудь движение, жизнь. И ему показалось, что деревья начали медленно, будто вступая в сомнамбулический танец, покачивать ветвями, изгибать стволы, подчиняясь общему, как бы рожденному отдаленным боем барабанов ритму.

* * *

Станция поиска затаилась на краю большого леса.

После первых двух дней активности, суматохи, установки купола, разгрузки наступила тишина.

Никто не выходил из станции, и ее тонкие двойные стены заглушали любой звук, раздававшийся внутри.

Неподвижное не пугает.

Лес начал привыкать к тому, что рядом с ним живет чужое.

Павыш, хоть и был очень занят в эти первые дни, с любопытством наблюдал за процессом вживания станции в новый мир. Тем более что уже были включены камеры внешнего наблюдения, работал метеопункт, а буры, установленные под геокуполом, принялись шустро вгрызаться в землю — началось познание леса и земли, объективное, не связанное с органами чувств, потому что приборы немедленно кодировали информацию. А закодированные понятия ведут к обобщениям закономерным, потому что все планеты состоят из одних и тех же элементов, даже чаще всего в тех же сочетаниях, а живая природа подчиняется общим законам генетики и состоит из тех же белков в любом месте Галактики. Разница не в биологической сущности, а во внешних особенностях. Поэтому Павыш все время ощущал неудовлетворенность от расхождения между накоплением объективных знаний и полным чувственным неведением.

Он понимал, что безумие — выйти наружу, глубоко вдохнуть этот живой, не стерилизованный воздух, размять в руке лист дерева или сорвать травинку и понюхать ее. Он знал, что за спокойствием окружающего мира таятся силы, враждебные человеку, не потому, что они направлены именно против человека, а потому, что они абсолютно чужды ему, не знают его и постараются отторгнуть, как только он попытается войти с ними в контакт.

На третий день утром Павыш собрался запустить первый биоскаут.

Всего биоскаутов было три — им предстояло обследовать атмосферу, регистрируя химический и биологический состав на разных высотах. Подобные же скауты были и у Клавдии, но их задачей было снятие геологической карты планеты. Разница была в том, что, в случае необходимости, Клавдия могла заставить скаут опуститься на землю и даже провести опытное бурение. Скауты Павыша — накопители информации, о которой они сообщают по возвращении. Тогда Павыш проглядывает препарированный скаутом отчет, просматривает снимки, определяет точки, куда следует отправляться самому.

Павыш прошел низким овальным коридором в свою лабораторию.

Скауты ждали его, лежа на высоких подставках. Павлыш по программе, разработанной давно и для всех стандартных ситуаций, должен был на первом этапе послать скауты романшикой. Каждый вылет соответствовал лепестку ромашки. Длина «лепестка» — пятьсот километров, высота полета варьируется. Эллипс первого лепестка проходил на высоте тридцати километров, все последующие опускаются ниже. Таким образом исследуется как бы цилиндр атмосферы высотой в тридцать километров, диаметром в тысячу.

Сама процедура запуска была несложна. Задав скауту программу, Павлыш включал запуск, и дальнейшее происходило без его участия.

Скаут подмигнул ему зеленым огоньком готовности, подставка пришла в движение, поднимая скаут к куполу, в котором открылось отверстие, достаточное для выхода в атмосферу. Павлыш, закинув голову, увидел серое облачное небо. Капля дождя упала на шлем скафандра. Павлыш стер ее перчаткой.

Щелкнул запуск. Скаут медленно поднялся над подставкой и уверенно пошел к отверстию в крыше. Он поднимался, низко жужжа, как толстый жук, вылетающий на охоту.

Отверстие в крыше купола закрылось.

— Ну вот, — подумал вслух Павлыш. — Рабочий день начался.

Он включил интерком.

— Клавдия, я запустил первый скаут. Сейчас выйду наружу.

— Осторожнее, — предупредила Клавдия, ее голос, чуть искаженный в наушниках, казался девичьим и почти ласковым. — Вы анбласт не забыли?

— Нет, мой ангел, к тому же я взял неприкосновенный запас пищи, спальный мешок и большую палку. Заодно информирую вас, что отойду от купола ровно на сто метров.

— Слава, оставьте свои штучки. Это ваш первый выход.

— Ну, скажем, второй. Не забудьте, что когда мы сюда прилетели, нам пришлось побывать около часа на свежем воздухе.

— Под защитой планетарного катера, который нас спустил, — поправила его Клавдия, — и в обществе десяти членов экипажа.

— Спасибо. Я буду осторожен. Не беспокойтесь. Кстати, все равно надо проверить анбласт.

Он достал пистолет из кармана комбинезона. Анбласт был невелик, но тяжел. Рукоять удобно легла на ладонь. С этими бластерами бывали казусы в экспедициях. Цель оружия — иммобилизовать любого агрессора, от змеи до

склона, но выборочность его была, разумеется, относительна. К тому же эффект зачастую зависел от метаболизма хищника. Того, что одному было достаточно, чтобы мирно заснуть на неделю, другого лишь повсегда в легкую дрему, а третьего могло и убить. Так что в задачу Павлыши входило испробовать оружие на местных тварях, для чего желательно доставить образец в лабораторию и выяснить действие анестезатора. Если, правда, этот образец не будет возражать.

Люк переходника жадно чавкнул, прижимаясь к раме.

Павлыш немного постоял у купола, оглядываясь и ожидая, как будет реагировать на его появление местная фауна.

Фауна никак на него не реагировала.

Павлыш не спеша пошел по редкой траве к вездеходу, погладил его мягкий бок, нависающий над ним. Потом взглянул на иллюминатор геологической лаборатории. Так и есть. Клавдия стоит у иллюминатора и смотрит, умеет ли ее мальчик переходить улицу на зеленый свет.

Павлыш помахал Клавдии, та подняла руку в ответ, но от иллюминатора не отошла.

— Детей тебе надо, — сказал Павлыш, — пятеро как минимум.

Тут же он испугался, не включил ли интерком. Нет, не включил, она не слышала. А то бы обиделась.

Теперь можно не спеша оглядеться.

Кругой купол станции с рукавами коридоров и маленьими куполами-лабораториями стоял метрах в двухстах от края леса. На эту сторону и выходил иллюминатор, за которым стоял стол Павлыша.

Если обойти станцию, что Павлыш и сделал, то окажешься на пологом спуске, ведущем к большому озеру. Склон покрыт травой, а ниже из голой земли вылезали покатые спины камней, возле которых росли кущи кустов.

Само озеро было серым, ровным, да и вообще весь этот мир производил впечатление спокойной серости. Только впечатление. Павлыш понимал, что эта серость скрывает страсти и трагедии, первобытные, но оттого еще более жестокие, что этот мир затаился, приглядываясь к пришельцу.

Павлыш посмотрел вверх. За три дня облака ни разу не разошлись, чтобы хотя на минутку показать солнце. Они были такого же цвета, как и озеро, и такие ровные, что нельзя было понять, движутся они или висят над головой неподвижно.

Впереди что-то блеснуло.

Павлыш осторожно пошел туда вниз по склону и остановился в нескольких шагах от блестящего существа, которое

шустро закапывалось в землю. Существо не обращало на него никакого внимания. Павлыш подошел поближе, держа анбласт наготове. Металлически сверкающая окружая спинка существа уже почти скрылась под землей. Павлыш присел на корточки и начал осторожно разгребать разрыхленную землю вокруг. Потом он подхватил существо и резким движением вытащил его наружу.

Оно не сопротивлялось. Что-то треснуло. Павлыш увидел, что в землю уходит длинный щуп.

Он поднял шар на ладони и понял, что ему удалось поймать редчайшее для этих мест «животное» — бур-мобилю Клавдия, и теперь Клавдия оторвет ему за это голову — и правильно сделает.

Так как бур все равно придется чинить, он взял его с собой, затем вытащил из земли его тонкий щуп и все это сложил в контейнер для образцов. Потом, хоть и очень не хотелось этого делать, он нажал на кнопку интеркома и вызвал Клавдия.

— У вас все буры работают? — спросил он.

— Один только что отключился, — сообщила Клавдия. — Я как раз хотела вас попросить проверить, что с ним случилось.

— Не надо просить. Я устроил на него охоту и только что отловил. Я его принесу Салли, Салли починит.

— Но он металлический! Круглый! Его нельзя ни с чем спутать!

— Как видите, у страха глаза велики, — покаялся Павлыш. — Невежество ведет к роковым ошибкам.

Павлыш отключился. Он был зол на себя. Ни один нормальный биолог не спутает прибор с живым существом. А все полагают, что Павлыш — нормальный человек и даже ученый.

В этом опасность чужого мира и собственной настороженности. Удивительное сочетание — настороженность вкупе с безопасностью. «Ведь я полез за этим шариком, потому что знал: мой скафандр крепок, никаким зубам его не одолеть, мой анбласт может уложить любого хищника, я могу в крайнем случае убежать в купол и даже улететь в космос в капсуле и там ждать, пока меня подберут. У меня нет оснований бояться этой планеты, если она не захочет обрушить на нас какие-нибудь катаклизмы. И в то же время я ей не верю. Я ее опасаюсь и принимаю все меры, чтобы, изучая ее, ни в коем случае с ней не соприкоснуться. А что, если бы я попал сюда просто так, без куполов, скафандров, толстячков? Увидел бы я этот лес и это озеро тем же любопыт-

ствующим взором? Или лес таил бы для меня смерть, и озеро таило смерть, и воздух бы угрожал смертью?»

Это были пустые мысли, они ни к чему не вели. Лучше спуститься к озеру и взять пробы воды. Конечно, это может сделать и скаут, даже лучше сделать, чем Павлыш, но нельзя отдавать все на откуп скаутам. У них нет соображения, а у Павлыша оно отлично развито.

Павлыш обходил купы кустов, шел по открытому месту.

Кажется, фауна здесь очень бедна, что неправильно, так как с растительностью здесь все в порядке. Хотя не исключено существование мира, в котором господствует флора.

Тут он увидел насекомое — нечто черное и быстрое мелькнуло под ногами, взмыло черной точкой вверх и улетело к кустам.

«Ну вот, — удовлетворенно подумал Павлыш, — первое знакомство».

Павлыш спустился к самой воде. Постоял на берегу. Вода в озере была чистой, у самого берега покрыта тонким ледком. Ко льду снизу примерзли волоски водорослей. Тонкая змейка в палец длиной юркнула между камней и ушла на глубину.

Дальний берег озера скрывался во мгле, и можно было лишь угадать, что там поднимаются холмы.

Павлыш разбил ледок, набрал в пробирку воды, потом разворотил камешки, надеясь увидеть еще какую-нибудь живность. Но было пусто.

Далеко, метрах в ста от берега, вода вздыбилась, нечто темное, словно панцирь огромной черепахи, поднялось над ней, потом резко опустилось, и вода забурлила, пошла кругами.

Павлыш поднялся, держа пробирку в руке. Вода успокаивалась, озеро молчало. Оно ждало, что сделает Павлыш. Неизвестно он оглянулся — до куполов было далеко. Вода вновь взволновалась, но иначе: на ней появился бурый след — кто-то, не желая показываться Павлышу, быстро плыл к берегу.

И притом стояла мертвая тишина, даже ветер стих.

В Павлыше начал подниматься необъяснимый, иррациональный страх перед тем невидимым и беззвучным, что стремилось к нему. Он сделал шаг от берега, еще один, не поглядел под ноги, наткнулся на камень, еле удержал равновесие и неожиданно для себя побежал вверх по склону, не оборачиваясь и стараясь делать вид, что ему просто надоело гулять по берегу.

— Павлыш? — услышал он голос Клавдии. — Ничего не случилось?

У этой женщины была интуиция. А может, опыт.

— Ничего, — отозвался Павлыш, стараясь восстановить дыхание.

Он перешел на шаг, кинул взгляд через плечо на озеро.

Озеро было идиллически, безмятежно спокойно.

Лишь издали серой стеной шел снежный заряд, и вода перед ним мелко пузырилась.

— Ничего, — повторил Павлыш. — Иду обратно. Скучное озеро.

Купол был надежным, приятным зрелищем. Там, внутри, было тепло, туда нельзя заходить чудовищам, даже если они здесь водятся.

У капсулы стояла Салли Госк. Оранжевый скафандр поблескивал от влаги. Она помахала Павлышу рукой.

— Я узнала, что вы ушли гулять. И решила к вам присоединиться. Если не возражаете.

— А Клавдия не будет сердиться?

— Так даже лучше. По инструкции положено, чтобы в опасных и незнакомых местах разведку совершали группой.

— А где здесь опасное место?

— Далеко не отходите, — раздался голос Клавдии.

— Мы только заглянем в лес — и обратно, — ответила Салли.

Редкая трава, покрывавшая поляну, исчезла за три шага до первых деревьев. Оставалась лишь голая земля с пятнами мха.

Стволы деревьев были белесыми, одни с розоватым другим с желтоватым отливом. Впрочем, стволами их можно было назвать лишь условно — скорее, они напоминали подземные корни, которые почему-то решили выползти на белый свет. У самой земли корни завивались сложными узлами, словно опасались, что кто-то потянет их обратно под землю, и приняли против этого меры.

Листьев, в обычном понимании, на деревьях не было. Корни истончались, превращаясь в седые волосы, которые свисали бахромой и чуть покачивались от любого движения воздуха, что придавало лесу зловещий, колдовской вид.

Земля под ногами была мокрой, кое-где лежали лепешки снега, перемежаясь с оранжевыми и салатными клочьями лишайников и синими бугорками мха. Она казалась лоскутным одеялом.

— Как в страшной сказке, — проговорила Салли.

Она протянула руку и осторожно дотронулась перчаткой до ствола. Ствол мягко поддался, будто был из каучука, а волосы на голове дерева зашевелились. Салли вскрикнула и отдернула руку. Павлыш даже не улыбнулся. Зловещая атмосфера леса угнетала.

— Что? — резко спросила Клавдия.

— Все в порядке, — ответила Салли. — Привыкнем.

Они прошли еще несколько шагов, стараясь не дотрагиваться до стволов. Остановились.

— Поглядите, — тихо сказала Салли.

Перед ними, в нескольких шагах, из мха высовывались небольшие полушарии, как шляпки грибов, прорастающих из земли.

Павлыш хотел взять один из грибов, но Салли остановила его:

— Погодите, у меня щуп.

Она протянула к грибу тонкий щуп, и вдруг гриб от прикосновения металла исчез, провалился сквозь землю.

— Любопытно, — сказала Салли и протянула щуп к другому грибу.

Но в тот момент тонкий корень, отходивший от ствола и лежавший на земле, схожий со стволов цветом и потому на вид безопасный, метнулся к щупу, рванул его к себе, обмотал, и так как Салли не выпустила щуп, а старалась удержать его, то корень чуть не свалил ее — такая была в нем упругая сила.

Павлыш действовал почти инстинктивно. Он выхватил анбласт и ударил по корню зарядом. Корень сразу выпрямился, замер.

Салли стояла, прижав щуп к груди, словно боялась, что еще кто-нибудь захочет его отобрать.

— Извините, — проговорила она.

— Нас здесь не любят, — ответил Павлыш.

В лесу стало сумрачно. Снежный заряд, пришедший с озера, окутал лес суетней мокрых снежинок.

— Пошли домой, — предложила Салли.

— Согласен.

В снегу ничего не было видно за три шага. Наверное, они в короткой схватке с корнем потеряли направление, потому что прошли метров пятьдесят по лесу, но он не кончался. Лишь деревья стали еще теснее, стволы были толще и белее.

— Клавдия, — сказал тогда Павлыш. — Дай нам направление.

— Еще не хватало вам заблудиться.

Зазвучал зуммер наводки.

Они возвращались медленно, обходя кучи мха и лишайники. Один раз, правда, Павлыш наступил на оранжевую слизь, и она приклеилась к башмаку и начала ползти вверх по ноге. Павлыш нагнулся, чтобы стереть лишайник, но он тут же переполз на перчатку.

— Ладно, — произнес Павлыш, — будем считать, что мы несем с собой образец.

— Что несете? — спросила Клавдия.

— Очень неуютный лес, — объяснил Павлыш. — Я не хочу здесь заблудиться.

— Сейчас чаю поставлю, — сказала Клавдия.

— Отличная мысль, — согласился Павлыш.

Сквозь последние деревья были видны перечеркнутые струями дождя и снегопада купола станции.

Но оказалось, что до них не так просто дойти.

Межу лесом и куполами их поджидало животное.

Такое могло присниться лишь в босховском кошмаре. Шесть тонких ног несли тяжелое тело, покрытое зеленоватой, длинной, схожей с водорослями шерстью, украшенное по хребту высокими панцирными пластинками.. Страшная оскаленная морда медленно открывала и закрывала пасть, словно чудовище примерялось, как бы вгрызться в добычу.

При виде людей животное издало странный, блеющий звук, в котором Павлышу послышались угроза и вызов, и принялось раскачиваться так, что пластины на спине начали колыхаться, стучать, выбивая грозную боевую дробь.

Не переставая блеять, чудовище кинулось им навстречу.

Павлыш успел закрыть собой Салли и всадил в чудовище заряд анбласта. Взревев высоким голосом, чудовище закрутилось на месте, будто потеряло добычу из вида, маленькие красные глазки горели злобой. Павлыш выстрелил вновь — и снова без эффекта: он лишь напомнил чудовищу, где они стоят.

И неизвестно, чем бы закончился этот бой, если бы не Клавдия. С вершины главного купола ударили зеленый луч. Он полоснул по чудовищу, и оно рухнуло на землю.

— Ну и дела, — выдавил из себя Павлыш, стараясь улыбнуться. Он обернулся к Салли.

Салли молчала. Она пыталась вырваться из объятий дерева. Видно отступая от чудовища, она прижалась спиной к стволу, и тот обволок ее, словно хотел впитать в себя, высосать из нее соки.

Остаток заряда Павлыш выпустил по дереву. На него это подействовало. Ствол съежился, покернел, и Салли, сделав три шага вперед, упала Павлышу на руки.

— Ты что ж молчала? — спросил Павлыш.

— Не хотела пугать Клавдию, — ответила Салли тихо.

Поддерживая Салли, Павлыш подошел к лежащему во всю свою трехметровую длину телу чудовища.

— Все хотят нами поужинать, — сказал он.

Он взял у Салли щуп и осторожно приоткрыл им пасть чудовища. Вместо зубов в черной яме рта тянулись желтые тупые пластины.

Клавдия выбежала из купола. Остановилась рядом.

— Вывод первый, — проговорила она, — анбласт против крупных хищников здесь не действует. Или действует недостаточно эффективно.

— Это не хищник, — возразил Павлыш. — Такими пластины лучше перетирать пищи, чем рвать. Хотя, если бы оно нас перетерло, рассуждать было бы поздно. Спасибо, Клавдия.

— Я все время следила за вами.

— У меня коленки дрожат, — отозвалась Салли.

— Я довольна, что так случилось, — продолжала Клавдия. — Это предметный урок.

— Не понял.

— Предметный урок осторожности. Вы решили разгуливать по этой планете, как по Земле. Теперь вы этого делать не будете.

— Может, вы и правы. — Павлыш вздохнул. — Поможете перенести тушу в лабораторию?

— Я задействовала сервробота.

Словно услышав ее слова, из люка выбрался сервробот и мерно зашагал к туше чудовища.

— Что у вас на ноге? — спросила Клавдия.

Оранжевый лишайник покрыл тонким скользким слоем штанину скафандра почти до колен. Прежде чем пройти дезинфекцию, Павлыш соскреб лишайник в пробирку.

Глава четвертая

Шел дождь со снегом, словно зима решила вернуться, поэтому собрались у Старого, в классной комнате. Еле уместились. Ребята сидели на полу, их хотели выгнать, но никто не ушел, даже самые маленькие. Олегу казалось, что все взрослые задались одной целью — оспорить Сергеева, выставить его лжецом или фантазером. А Олега попросту не принимали во внимание. Олег не понимал, что это происходит из суеверного опасения — всем так хотелось, чтобы Сергеев увидел именно скаут, что аргументы против этого выдвигались самые отчаянные. Даже глупые, с точки зрения Олега.

Например, мать почему-то сказала, что это был автоматический спутник, оставленный еще старыми исследователями.

— В атмосфере? — отвечал Сергеев. — В достаточно густых ее слоях? Да после первого же оборота спутник сгорит.

— А высота? Ты уверен в высоте? — спросил Вайткус. Он раскраснелся, стал темнее своей рыжей бороды.

— Олег, повтори.

Олег повторил, в пятый, наверное, раз, что это был темный предмет, двигался он быстро и оставлял за собой пушинистый след.

— Высота до десяти километров, — объяснил Сергеев.

В комнате стало душно, но двери открывать не стали, потому что слепая Кристина была простужена и кашляла.

— Не исключено, — произнесла Луиза, — что у них здесь есть очень быстрые птицы. Сказочно быстрые птицы.

— Со скоростью тысяча километров в час? — терпеливо спросил Сергеев.

Олег удивился его терпению. Ему давно хотелось закричать: никакая это не птица, не спутник, здесь, где-то совсем рядом, есть люди, а мы почему-то сидим и тратим время на пустые разговоры!

— Для планетарного катера, ты думаешь, он мал? — спросил Вайткус.

— Ну, типичный скаут, понимаешь, типичный скаут, — ответил Сергеев. — Я их в жизни навидался — сотни. И сам запускал.

— Значит, они нас сфотографировали? — спросила Марьяна.

— Не думаю, — вставил Старый. — Карту планеты сняли в прошлой экспедиции, когда сюда прилетал «Тест». Это или биоскаут, или геологический...

— Ну, хоть ты веришь... — отозвался Сергеев.

— Мне бы хотелось верить, — ответил Старый.

— Значит, они могут нас и не заметить? — спросила Марьяна.

— Могут и не заметить, — согласился Сергеев. — А могут и заметить.

— Только не надо этого оптимизма, — осадила Кристина. — Никто нас не заметит. Для того чтобы заметить, нас надо искать. Вы что, не представляете себе, какой ничтожной точкой мы кажемся на лице этой планеты? Ничтожной, причем металла в нашем поселке так мало, что при любом анализе он будет казаться порождением леса и продолжением его. Никто нас не найдет.

— Но, может, случайно?

— Скауты берут пробы биосферы, воздуха, грунта, они не составляют карт, — сказал Старый. — Кристина права, шансы найти нас ничтожны. Нельзя забывать и о том, что мы всегда под облаками.

— Но они могут увидеть корабль, — вмешался Олег. — Над ним бывает чистое небо.

— Шанс чуть больше, но тоже невелик, — вздохнул Сергеев.

Все, подумал Олег, они начинают соглашаться. Они дали себя уговорить. Как будто сделали одолжение. Ему вдруг захотелось громко сказать, чтобы все слышали: если бы не его шар, они бы никогда не увидели скаут; может быть, эта экспедиция, которая запускает скауты, сидит здесь уже полгода и даже собирается улетать. И он так явственно представил себе корабль, похожий на «Полюс», но другой, и как там ходят люди, чистые и одетые в красные мундиры или скафандры, и как она закрывают контейнеры с образцами и говорят друг другу: вот и все, ничего на этой планете интересного, кроме крикливых коз и шакалов.

В комнате было очень тихо.

И тут раздался тихий голос Казика. Казик сидел на полу вместе с детишками, а Фумико лежала животом у него на коленях.

— А может, они уже улетают?

— Кто улетает? — спросила высоким голосом Кристина. — Почему ты решил? Они никуда не улетают.

Порыв ветра бросил о крышу заряд снега, и крыша задрожала.

Свет, проникавший сквозь окошки, затянутые пузырями мустангов, был таким тусклым, что лица людей расплывались в полумраке, и неясно было, что на них написано. Одинаковые серые пятна.

— Надо к ним пойти, — решил Дик. — Если мы будем сидеть, ничего не случится. Надо пойти и сказать им, что мы здесь.

— Молодец, Дикушка, — похвалила Марьяна и положила руку ему на плечо.

Глупо, подумал Олег с обидой. Это должен был произнести я. Почему я ждал, пока скажет Дик?

— И куда же вы пойдете? — спросила мать. — Может, этот скаут ходит по кругу? Может, он летел направо, а может, налево? Может, он должен сесть в другом полушарии?

— А ты что предлагаешь? — спросил Старый.

— Надо дать какой-то сигнал.

— И какой же мы дадим сигнал?

— Я думал об этом, — отозвался Сергеев. — По-моему, положение не так безнадежно. Мы точно знаем направление движения скаута. А я из своего опыта могу предположить, что скауты редко ходят кругами. Биоскауты ходят ромашкой.

— Если это был биоскаут, — добавила мать.

Олег понял, что мать сопротивляется не потому, что в самом деле не верит Сергееву и считает любую попытку найти экспедицию бессмысленной. Она просто испугалась, что искать экспедицию пошлют Олега. И не говорит об этом, а ищет другие причины.

— Он летел по очень пологой дуге, — вспомнил Сергеев. — И потом ушел в облака.

— Чего же ты раньше не сказал! — воскликнул Старый.

— Вы мне вообще не хотели верить, — ответил Сергеев. — А это частность.

— Ничего себе частность! — Вайткус высоким гулким голосом рассмеялся, и мать закричала, чтобы перекрыть его смех:

— А далеко это? Где эта точка?

— Я могу указать направление, — ответил Сергеев, — в котором находится база этого скаута. — И он поднял руку.

— Юго-восток, — определил Старый.

— Облака однообразны и обманчивы, — продолжал Сергеев. — К тому же я не могу точно сказать, сколько скаут пролетел в облаках и под ними.

- Но порядок, порядок? — уточнила Луиза.
- Несколько десятков километров. Вряд ли более.
- Ну, это уж чистое везение, — вырвалось у Вайткуса.
- «Он никогда не ходил в лес, — подумал Олег. — Он не представляет себе, что такое здесь сто километров. Никто из нас еще не ходил так далеко, даже Дик. Нет, мы ходим, но только к кораблю, в горы. А к юго-востоку очень трудный лес. И болота. Как-то Дик доходил до реки, передней болота».
- Можно считать везением, — согласился Сергеев. — По крайней мере, достичь их реально.
- Трудно, — произнес Дик.
- Но ведь реально, правда, реально? — В голосе Вайткуса появились просительные интонации. Он понимал, что мудо туда не дойти. Идти придется Дику. И Олегу.
- Они уже улетели, — повторяла мать. — Пока вы буде туда добираться, они наверняка улетят.
- Мы не можем потерять этого шанса, — возразил Старый. — Если нужно, я сам пойду.
- Куда уж, — качнул головой Дик. — Дорога трудная.
- Но дойти можно. — Казик вскочил. — Мы сделаем мот.
- А болота? — спросил Дик. — Я туда пробовал сунуться.
- Мы их обойдем. Они же кончатся.
- В конце концов, — напомнил Олег, потому что получалось, будто идти другим, а не ему, — мы ходили к перевалу. И это труднее.
- Пять-шесть дней пути, — вычислил Вайткус. — Я пойду с вами.
- Это более опасная дорога, чем к перевалу, — сказал Сергеев.
- За окошком стемнело, Старый зажег плошку, и огонек начал играть на лицах, делая их непохожими и злыми.
- Кто-то двинулся сзади Олега, приблизился, мягкая рука кнулась его шеи. Вайткус с Сергеевым спорили о местности, что лежала на юго-востоке, будто они там бывали. Олег вернулся, потому что ему хотелось, чтобы это оказалась Лиза Марьяны, но он знал, что это не Марьяна: у той сухая кисть ладонь. Это была Лиз.
- Она приблизила губы к самому уху Олега.
- Не ходи туда, останься, я боюсь за тебя.
- Она говорила шепотом, но люди сидели так тесно, что Олегу показалось — все услышали эти слова и будут смеяться. И он отдернул голову, чтобы освободиться от прикосновения, и ничего не сказал. В ушах шумело, и он с трудом знал, что Старый говорил о плоте.

— Для плота нужны бревна. А бревна надо срубить. Тот пор у нас один, пила — это скорее ножовка. И еще неизвестно, будут ли плавать стволы тех деревьев, что растут там.

— Если бы не река, — сказал Дик, — мы бы дошли за пять дней.

— Можно сделать пузыри, — решил тогда Олег, — пузыри, чтобы плавать. Ребяташки же у нас плавают на пузырях. Как воздушный шар, только поменьше. И мы переплыем.

— Это идея, — оценил Старый.

— Погодите, погодите! — Марьяна вдруг быстро заговорила, как будто боялась, что ее прервут или кто-то догадается, прежде чем она успеет произнести сама. — Олег сказал, что пузыри как шар. Но нам совсем не надо переплывать реку и идти по болотам. Ведь у нас есть шар!

— Воздушный шар! — услышал свой голос Олег. — А мы все говорим и говорим...

— А как же тогда лететь к кораблю? — спросил Сергеев.

— А зачем? — удивился Олег. — Корабль нам теперь не нужен.

Потом был общий шум, все друг друга перебивали, потому что шар был замечательным выходом из положения и встреча с той неведомой спасительной экспедицией, которая запускает скуауты, стала реальной и простой. Сесть в шар и долететь за один день, а то и меньше. Кто-то говорил о том, что ветры здесь дуют непостоянны, если потеплеет к ночи и выпадет роса, то ветер обязательно будет южный. Даже мать вдруг успокоилась и стала говорить Олегу в ухо, чтобы он теплее оделся. Но тут застонала Кристина и сказала, что ей душно, что ей плохо, и попросила отвести ее домой. А Лиз попросила Олега довести Кристину, потому что ей одной не справиться.

Олегу не хотелось уходить, потому что сейчас будут обсуждать самое важное, касающееся именно его.

К счастью, тут же поднялся Сергеев.

— Перерыв, — объявил он. — Все равно дышать нечем. Я предлагаю: все поужинают, а потом мы продолжим разговор. Ребят уложим и еще поговорим. Все ведь очень серьезно.

Олег не понял, почему все серьезно, но был благодарен Сергееву, что тот прервал разговор.

Они вели Кристину к ее дому, Лиз совсем не помогала Олегу, а просто шла рядом. Да и не нужна была Олегу помочь, Кристина легкая, совсем бесплотная, ее можно на руках донести.

— Я мечтаю, — говорила Кристина, — я нахожусь словно в сладком кошмаре. Неужели я увижу наконец настоящих людей? Я полагаю, что мою слепоту они вылечат сразу, может, даже здесь, на базе. Это же несложная операция, правда?

— Конечно, вас вылечат, — согласился Олег. Он все время ощущал взгляд Лиз.

— Я без тебя скучаю, — проговорила Лиз. — Ты совсем к нам не заходишь.

— А кому мы нужны? — запела свою печальную песнь Кристина. — Даже если они меня вылечат, мне никто уже не вернет молодости. Никогда. И может быть, лучше и не открывать глаз снова — что за радость увидеть в зеркале урода и развалину.

Но Олег не верил, что она так думает на самом деле. Она, наверное, думает, что ей возвратят и молодость. Ведь может так быть, что за двадцать лет в Галактике уже столько всего изменилось, что люди перестали умирать. Если у людей много места, чтобы жить — ведь столько свободных планет, — то всем хватит места. Природа, а это он учил еще на уроках Старого, рассчитала жизнь человеку как защиту от гибели вида. В каждом биологическом виде действует один и тот же закон — продолжительность жизни одного существа должна быть такой, чтобы он успел дать потомство и по возможности помочь ему выжить. Рыбы, которые мечут икру, могут погибнуть сразу, потому что икринок очень много. Уже млекопитающим важно выкормить детенышей и, может, даже несколько приплодов выкормить, чтобы вид увеличивался. И люди когда-то жили лет по двадцать, по тридцать. А потом они начали обманывать природу, вот тогда человек и стал цивилизованным. Потом человек избавился от многих болезней и теперь живет до ста лет. Виду не нужно, чтобы человек жил до ста лет, а он живет. Значит, в нем тоже есть какой-то смысл? Старый, когда Олег начал ему как-то развивать эту самую идею, сказал, что Олег — стихийный детерминист. Олег не стал спорить. Он уже твердо решил, что прав. Прав в том, что человек живет сто лет не случайно — так надо Природе. Она хочет заселить человеческим Галактику, все те планеты, где нет своей собственной разумной жизни. А для этого нужно много миллиардов людей. И старые люди нужны, потому что они владеют опытом и мудростью. И они нужны на новых планетах, может, больше, чем на Земле. Без Старого и Томаса деревня давно бы умерла или стала дикой. Может быть, люди откроют вечную молодость. И бессмертие. Но это будет означать, что им

предстоит совершить еще один прыжок — в другие галактики.

— Ты приходи ко мне, — повторяла Лиз, и Олег понял, что она говорит это все время, одинаково и терпеливо. — Я буду ждать. Когда все лягут спать, ты приходи ко мне. Кристина будет молчать.

— Я не буду молчать, — вмешалась Кристина, — вы мне будете мешать. Вы еще дети, вам рано об этом думать.

— А мы ни о чем не думаем, — ответил Олег.

Они подошли к дому, Олег оставил Кристину.

— Лиз, ты заведи ее, а мне надо идти.

— Я буду ждать, — повторила Лиз. — Я всегда буду тебя ждать.

— Спокойной ночи.

Он не особенно вслушивался в ее слова, и ему было странно, что Лиз может именно сейчас так говорить, он не понимал, что Лиз было очень страшно: вот он сейчас снова уйдет или улетит и опять надо будет ждать его и не знать, вернется он или нет. А она ничего не могла с собой поделать, она все время думала об Олеге и даже ночами выходила из хижины, шла к его дому и стояла за тонкой стенкой, чтобы слушать, как он поздно разговаривает со Старым или с матерью. И потом она слушала, как он спит, и боролась со жгучим желанием войти тихо-тихо в его дом и лечь рядом с ним, обнять его, теплого и послушного.

А Олег вернулся к Сергееву, где уже были Старый и Вайткус. Как бы совет поселка. Олега они не звали, но ведь не выгонят. В поселке как-то так получилось, что каждый сам решал, приходить ему на совет или нет. И сейчас Дик пошел спать, хотя разговор касался и его, Марьяна была в доме и Линда, они там жили, понятно, что им некуда уходить. И еще был Казик, только он не вошел, а стоял на улице, дрожал у стенки, слушал. Олег кинул ему:

— Ты заходи, чего уж.

Но Казик только отмахнулся. Он лучше знал, что можно, а что не надо делать.

— Я посижу? — сказал Олег вопросительно, войдя в комнату.

Никто не ответил, но никто и не возразил. Сергеев как бы подвел итог тому, что говорил раньше:

— Поэтому я остаюсь при своем мнении. Порядок приоритета должен оставаться незыбленным.

Все молчали.

«Какой порядок приоритета?» — подумал Олег. Надо ждать. Кто-то сейчас ответит, и станет понятно.

— Сергеев прав, — заключил Старый. Он подвинул единственной рукой чашку с чаем. Отхлебнул.

Марьяна поставила чашку перед Олегом.

— Извечная проблема, — продолжал Старый. — Журавля и синицы. Мы не можем сказать наверняка, есть ли здесь экспедиция или Сергеев с Олегом стали жертвой оптического обмана.

— Нет, — возразил Олег.

— Не перебивай. Мы не знаем, спускался ли скаут в том направлении для взятия пробы. Мы не знаем, собирается ли улететь экспедиция, ведь не исключено, что это автоматическая станция. Мы ничего не знаем. Значит, у нас журавль в небе. Конечно, соблазнительно встретить здесь людей. Это как светлая мечта. Но боюсь, что арифметика против нас. Зато у нас есть синица в руках — «Полюс». Он достичим. Олег, надеюсь, не зря провел зиму. Я проверял его, да и ты, Сергеев, тоже. Знания его, конечно, недостаточны, носолидны. И есть надежда, что вместе с ним вы сможете что-то сделать с передатчиком. Вот и все.

Старый принялся пить чай, и Олег не понял, к чему же он клонил. Не надо лететь на поиски экспедиции?

— Но это не оптический обман, — вмешался Олег. — Я уверен.

— Есть и другая задача, — произнес Вайткус. — О козе, капусте и волке.

Олег ее знал. Но опять не понял, к чему это сказал Вайткус. Остальные поняли, Сергеев усмехнулся и посмотрел на Олега.

— Объясните, — попросил Олег. — А то вы говорите загадками.

— Это не загадки, но задача, — поправил Сергеев.

Марьяна села рядом с Олегом, и он видел ее четкий профиль. Профиль был очень красивым, и Олег не стал на него смотреть, чтобы не пропустить слов Сергеева.

— Надо лететь к экспедиции, правильно?

— Конечно, надо. И на воздушном шаре, — согласился Олег.

— Пока что мы все согласны. Дальше: кому лететь?

— Я полечу. Могу с Марьяной. Могу с Диком, — ответил Олег. — У нас есть опыт.

— А мы думаем, что тебе лететь не следует.

— Как?

— Да просто. Ты только что слышал о журавле в небе и синице в руках. Наш поселок очень мал, и людей в нем тоже очень мало. И для того чтобы выжить, мы должны по мере сил исключить риск.

- Я не понимаю.
- Тебе предстоит идти к «Полюсу». Это обязательно. И идти скоро. Уже началось лето.
- Мы слетаем, и, если там никого нет, вернемся, и полетим к «Полюсу». Это так просто.
- Ни черта не просто! — почти закричал Старый и даже стукнул кулаком по столу так, что чашка поехала к краю и Марьяна еле успела ее поймать. — Мы не знаем, сколько продлится полет к экспедиции. Мы не знаем, где она находится, мы ни черта не знаем. В лучшем случае мы можем надеяться на то, что шар перенесет людей через реку и болота. Я не верю, что в этих лесах можно будет садиться на шаре и подниматься вновь. Вернее всего, шар придется бросить. И быть готовым к тому, что поход к людям займет много времени.
- Олег услышал движение у двери. Оказывается, Казик тихонько вошел, не мог превозмочь любопытства, а может, замерз на улице. И стоит у двери. Неподвижно, как дерево.
- А до корабля дойти можно, — продолжал Старый. — Мы знаем дорогу, мы лучше одеты, это путешествие трудное, но не экстраординарное. И ты для него нужен. Ты сможешь дойти туда с Сергеевым. Все ясно?
- А кто тогда полетит на моем шаре? — спросил Олег, непроизвольно сделав ударение на слове «моем».
- Это наш общий шар, — поправила Марьяна, будто обиделась.
- На шаре полетят Дик и Марьяна, — ответил Старый. — Они лучше всех могут прожить в лесу.
- И я, — тихо добавил Казик.
- Спать, Казик, — велел Вайткус. — Уже поздно.
- Казик остался стоять в дверях, и в его неподвижной позе было столько упрямства, что Вайткус сделал вид, что более не замечает мальчика.
- Что же это получается, — начал Олег гневно, — я испытывал шар, я лучше всех умею на нем летать. Я должен лететь на нем к кораблю, а его у меня отнимают?
- А как бы ты поступил на нашем месте? — спросил Старый. — Если бы думал не только о себе, но и обо всем поселке?
- Я бы отменил этот полет к скауту. Нет там никакого скаута.
- Ну вот, — улыбнулся Сергеев, — явный перебор.
- Тогда я полечу вместе с Марьяной. А к кораблю пойдет Сергеев. Он тоже много знает про рацию.
- Олег понял, что не может допустить, чтобы Марьяна и Диком без него полетели в такую даль — к болотам, к ри-

— а он будет здесь сидеть и ждать лета. И потому он бросился еще в одно наступление.

— Почему вы думаете, что на шаре нельзя спускаться и снова подниматься? Мы слетаем и вернемся. В крайнем случае без шара вернемся. И сделаем новый. Чистоплюй поможет, и мустангов еще отловим.

— Мустанги до осени откочевывают, — напомнил тихо Казик. — Мустангов больше не будет.

— Ну, это не так важно, — раздраженно отмахнулся Олег. — Мы все равно успеем к кораблю. Лето длинное.

Никто не возразил ему. Все молчали и не смотрели на него. Старый допивал чай, Вайткус крутил бороду, будто зашивал косички, а Сергеев вытащил ножик и стал состругивать сучок со столешницы.

Олег замолчал, и ему показалось, что с ним согласны. Молчат, значит, согласны, значит, он их убедил. А потом проговорила Марьяна.

— Они решили правильно, — проговорила она. — Только они боятся произнести вслух то, что надо сказать.

— Что? — Олег удивился тому, как она говорит. Они все знали нечто очевидное, чего он знать не мог. — Что?

— То, что мы — те, кто пойдет за скаутом, — можем не вернуться. Долго не вернуться. Или совсем. И тогда нужно, чтобы ты остался и дошел до корабля.

— Ты с ума сошла! — закричал Олег. — Как ты можешь так говорить!

А взрослые молчали, потому что были согласны с Марьяной и с самого начала допускали злодейскую, непростительную мысль, что Марьяна может не вернуться.

— Это так понятно, — закончила Марьяна. — Ты хочешь чаю?

— Я вообще больше не хочу с вами разговаривать! — рикнул Олег и кинулся к двери.

Казик еле успел отпрыгнуть в сторону.

Олег пробежал несколько шагов по улице, попал ногой в ледяную лужу. Он пошел медленнее к изгороди по грязной огороже. Под ногами хрустел тонкий лед. Олег не замечал ходов.

Он остановился у изгороди, глядя на темный лес, по которому носились быстрые голубые светлячки, услышал, как пропнула ступенька перед домом Сергеева, как вышли Вайткус со Старым. Услышал тихий голос Вайткуса:

— Что с ним стряслось? Неужели стало жалко шара?

— Это тоже, — ответил Старый. — Но есть и другая причина.

Но какая причина — Олег не услышал, потому что Старый конец фразы сказал шепотом.

— Странно, — протянул Вайткус, — ты, наверное, прав, а я не замечаю очевидных вещей. Они же выросли, они же почти взрослые. И вещи, очевидные и естественные на Земле, здесь как-то выпадают из поля зрения.

— И мне жалко парня.

— Но другого выхода я не вижу.

— Олег тоже поймет, — повысил голос Старый, и Олег со злостью подумал, что Старый сказал это нарочно, потому что знает, что Олег их слышит, и ему хотелось крикнуть им в ответ: ничего подобного! Я не хочу понимать!

Потом Вайткус со Старым распрошались и ушли.

Скрипнула дверь. Кто-то еще вышел из дома Сергеева. Олег сказал себе, что это сам Сергеев идет его уговаривать, но надеялся, что не Сергеев.

— Олег, — послышался голос Марьяны. Она искала его.

Олег готов был откликнуться, он был рад, что Марьяна ищет его. Но потому-то не откликнулся. Наверно, и сам бы не смог объяснить почему. Нет, смог бы, она сейчас будет уговаривать его, так же как и остальные. Она согласна лететь на его шаре, она согласна на то, чтобы Олег оставался здесь. Но ведь изо всех людей на свете именно она должна понимать, что нельзя слушаться осторожных стариков. Они всегда боятся. Они боятся умереть здесь, они боятся рисковать, им наплевать, что чувствует Олег, чего он хочет, они рады посадить его в яму, если, с их точки зрения, это выгодно поселку. А что такое выгода поселка? Ведь думают они о себе, каждый о себе. Выгода поселка — пустые слова. Наверное, те люди, которые на Земле начинали войну, чтобы покорить других людей, тоже говорили о выгоде своего поселка. Надо плюнуть на все, не обращать внимания. Рассвета подняться самому на шаре, одному, и улететь. Он знает направление. Он один долетит туда, найдет экспедицию. А в самом деле, что ему мешает улететь на рассвете? Где шар?

Шар сложен под навесом. Одному его не вытащить.

Олег решил попробовать, пока все спят. В этот момент он не думал о ветре, о том, что кто-то должен отвязать шар. Он повернулся и побежал к сараю. У него вся ночь впереди.

Тогда Марьяна, которая так и не ушла, потому что была уверена, что Олег где-то рядом, заметила его. Она не стала его окликать, а подошла к навесу.

— Ты что хочешь делать? — спросила она шепотом.

Олег вздрогнул.

— Ты что? — Он тоже говорил шепотом.

Марьяна не оделась, выбегая на улицу, под мокрым снегом волосы слиплись, повисли короткими прядями.

- Я боялась, куда ты делся.
 - Иди спать. Я сам обойдусь.
 - Ты хочешь улететь один. Это глупо.
 - Я самый глупый в поселке, — кивнул Олег. — Вы все умные, а я дурак. Поэтому я буду сидеть здесь и ждать.
 - Ты же всю зиму учился. От тебя так много зависит.
 - Если бы я знал, чем это кончится, я бы никогда не учился.
 - Я тебя люблю, потому что ты самый умный.
 - Меня никто не любит, меня просто хотят использовать, как машину. И никому нет дела до того, что я сам думаю.
 - Не бойся за меня. Я полечу с Диком. Ты же знаешь, что ничего не случится.
 - Если ничего не случится, то надо лететь вместе.
 - А вдруг случится?
 - Тем более.
 - Олежка, не надо. Ты бунтуешь, потому что они правы. И ты знаешь, что они правы. Пока мы будем лететь туда, ты будешь готовиться к походу.
 - Если там есть экспедиция, то мой поход никому не нужен. Это обман.
 - Нет, это мысли взрослых людей.
 - Они думают только о себе.
 - Глупо. И странно это слышать от тебя, Олежка. Они думают так, как и я. О ребятишках, которые уже подрастают и которым надо вернуться домой, чтобы учиться. О старых, которым надо жить. И о тебе тоже.
 - Тогда ты пойдешь со мной в горы.
 - А кто полетит?
 - Дик и Казик. Они справятся.
 - Ты этого никогда и никому не скажешь. Иначе я с тобой больше не знакома. Как тебе не стыдно привязывать меня, чтобы я сидела рядом! Зачем? Чтобы глядеть на тебя? У тебя для этого есть мать.
 - Они обойдутся без тебя.
 - Я знаю все растения и лекарства. Я там нужна.
 - Ты нужна мне.
 - Почему?
 - Ты знаешь. Потому что я люблю тебя.
- Скрипнула дверь, как будто рядом.
- Это отец, — сказала Марьяна. — Пошли спать. И если бы ты любишь меня, как говоришь, ты все поймешь.
 - Темная фигура Сергеева приближалась, темнела сквозь юдкий снежок.

Марьяна потянула Олега за руку, к домам. И он пошел. В голове была такая каша, что Олег сам не знал, что он думает.

— Я уж стал беспокоиться, — произнес Сергеев.

— Мы разговаривали, отец.

— Ну и хорошо. — Сергеев положил тяжелую руку на плечо Олегу. — Я бы тоже на твоем месте расстроился. Я понимаю. Но ты и нас пойми, Олег. Нам очень трудно. Мы живем все эти годы рядом со смертью. Ты слишком молод, чтобы ощущать это так, как ощущаем мы. Ты думаешь, мы не страшно отпускать Марьяшку? И в прошлом году было не страшно? Ты, пожалуйста, подумай.

* * *

На следующий день начали подготовку шара к далекому путешествию. Олег трижды поднимался на шаре с Диком и Марьяной, а один раз с ним поднялся и Казик. Казика никто не хотел отпускать, но потом все смирились с тем, что Казика не остановить. Он все равно полетит. А Дик с Марьейной не возражали. Казик не был обузой.

Они поднимались вдвоем с Диком, и Олег показывал Дику, как стравливать огонь в горелке и как лучше отпускать балласт. Дик был молчалив и послушен, в воздухе он терял свою уверенность. Они почти не разговаривали.

Потом они поднялись над облаками. На этот раз подниматься пришлось куда дальше, казалось, и конца этим облакам не будет, а на шаре начал поблескивать лед. Олег хотел было вернуться обратно, но потом решил еще немного потерпеть, потому что было договорено, что при каждом подъеме он будет стараться поднять шар над облаками, как в первый день, в надежде увидеть скаут.

Но на первых двух подъемах скаута они не увидели.

Олег смотрел на Дика. Он всю свою жизнь привык уступать Дику первенство, в лесу, в поселке. Потому что Дик сильнее и ловче. Правда, был случай, на корабле, когда Олег оказался сильнее Дика. Однако это произошло давнишно и забылось. Но сейчас, видя, как судорожно вцепились пальцы Дика в борт корзины, Олег снова почувствовал превосходство. И раздумал опускать шар. Вот если Дик попросит опуститься, тогда он согласится с ним. Но Дик молчал, и кисти пальцев у него были совсем белыми. То ли от холода, то ли от напряжения.

А облака все не кончались. Вокруг серая муть. Ветра не было и не могло быть, потому что шар двигался вместе с ветром, но холод терзал ужасно.

Надо опускаться, повторял про себя Олег, не отводя взгляда от пальцев Дика. Нас может отнести далеко.

Дик поднял голову, будто надеялся увидеть, что облака кончаются. И внезапно спросил:

— А может, мы не поднимаемся?

— Нет, поднимаемся, — ответил Олег, хотя не был уже в этом уверен, и на всякий случай бросил за борт последний мешок с песком.

Шар дернулся.

Дик снова замолчал.

И тогда Олег протянул руку к горелке, чтобы уменьшить пламя. И в этот момент понял, что облака кончаются и сквозь них просвечивает небо.

Наверху, под небом, они оставались недолго, потому что очень замерзли и прошло много времени со взлета. Но Олег был почти счастлив. Трудно объяснить почему. Может, оттого, что они все же достигли неба.

— Хороший шар ты сделал, — сказал Дик.

И Олег был благодарен Дику за эти слова. Если бы не было этих слов, он не сказал бы:

— Слушай, Дик, мне надо сказать тебе важную вещь.

— Мне?

— Только ты не смеяся. Я люблю Марьяну.

— Марьяшку? Любишь? — Дик не сразу понял, что значат эти слова. — В каком смысле?

— По-настоящему, как в романе. Я хочу жениться на ней.

Дик хмыкнул. Он не знал, что сказать.

— Я тебя очень попрошу, ты заботься о ней, хорошо? Всегда она девушка, ну, понимаешь?

— Дурак, — бросил Дик. — Что изменится? Разве я ее на руках буду носить? В лесу все одинаковые.

— Я понимаю. Но все равно прошу.

— Пускай она останется, — предложил Дик. — Мы с Каликом вдвоем слетаем.

— Нет, она полетит. Ее не отговорить.

Дик ничего не ответил. Он как будто был недоволен словами Олега. По крайней мере совсем не обрадовался им.

— Наверное, сегодня скаута не будет, — решил Олег. — Я стану опускаться, а то мы замерзнем.

Он уменьшил огонь, и шар погрузился в толщу облаков.

Дик молчал.

Так они и опустились без единого слова. Только когда облака кончились и стало видно землю, Олег сказал:

— Ты никому не говори.

— А кому интересно? — ответил Дик, думая о чем-то своем.

Под ними был редкий лес. Их отнесло довольно далеко, к счастью к северу, где были широкие пустоши. На пустоши они и приземлились. Когда-то, вечность назад, они шли здесь с Томасом к кораблю.

Поднялся ветер, шар потащило по земле, и они очень устали, пока смогли укротить его.

— Боюсь, что он на один раз, — сказал Дик, когда они сели на землю, отмахиваясь от мошек, усталые как черти. Рядом грудой блестящей ткани лежал шар. — Снова подняться из леса трудно.

— Лучше бы вы вернулись обратно на нем, — сказал Олег. — Я поэтому и просил, чтобы мне разрешили лететь с вами. Я лучше умею им управлять.

— Дело нехитрое, — отозвался Дик. — Ты тоже недавно научился.

Посыкались крики — из поселка бежали ребятишки во главе с Казиком. Они видели, как шар отнесло к пустоши.

* * *

Как ни спешили, прошло еще десять дней, прежде чем шар поднялся в небо и полетел на юго-восток. Последние четыре дня ждали ветра.

Аэронавты, так называл их Старый, были одеты очень тепло — им принесли все теплые вещи, потому что наверху холодно.

В эти дни Олег очень уставал — каждый день надо было готовить шар, запускать его, подниматься, потом тянуть обратно, чинить, исправлять упущенное, к тому же Сергеев требовал, чтобы Олег продолжал учить радиотехнику. И он учил. Может быть, Сергеев нарочно заставлял Олега учить, чтобы он понимал важность своего дела и меньше думал о том, что его не отпустили в полет. Марьяна тоже была занята. С пиццей было плохо, потому что лето только начиналось, еще не везде сошел снег, грибов почти не было, а старые запасы подошли к концу, в поселке и так недоедали. Три раза Марьяна с Казиком и Фумико ходили в лес, по известным ей местам, искали колонии молодых грибов, которые пока таятся в земле и отыскать их можно только по запаху и по писку мелких жгучих мошек.

В поселке была суматоха, все куда-то спешили, всем находилось дело, и было ощущение, будто улетают не только те трое, но все собирают вещи и готовятся уехать. Может, и в самом деле у всех было такое настроение. Даже коза это почувствовала, она семенила за людьми, чуть не завалила дом Кристины. Козел больше не появлялся, и коза напрасно ходила к изгороди, звала его. Она не знала, да и не узнает никогда, что доброго козла убил Павлыш, но это было далеко отсюда, к тому же никто в поселке не знал Павлыша.

Олег с Марьиной, конечно, виделись и разговаривали, но как-то получалось, что неловко было уединяться, все время на глазах, Олег даже не смог ни разу пойти с Марьиной в лес. Только в последний вечер перед полетом Олег отыскал Марьину под навесом, где она перебирала зерна, чтобы взять с собой те, что не подгнили. Он даже удивился, что она одна. Они в тот день поднимались на шаре, но третьим там был Дик, а при Дике они ни о чем не говорили. Марьяна не знала, что Олег сказал Дику о своей любви, а теперь он жалеет об этом и даже не понимает, как мог проговориться.

— Ты не устала? — спросил Олег.

— Нет, — ответила Марьяна. — Тебе труднее приходится.

— Ничего. А ты как ко мне относишься?

— Так же. Точно так же.

Он подошел к Марьине ближе. Она сидела на корточках и не поднялась, когда он подошел, но перестала перебирать зерна, замерла. Олег протянул руку к ее голове, Марьяна запрокинула голову и внимательно смотрела на него. И рука коснулась ее щеки. Щека была горячей. Это ощущение было как удар — все замерло, стянулось в узел под ребрами.

И тут же Марьяна легонько и незаметно отстранилась. Оказалось, что под навес вошла толстая Луиза, которая волокла корзину сушеных грибов, остаток осеннего урожая. Их тоже надо было перебрать.

* * *

Утром ветер дул с севера. Дождя не было. Олег начал надувать шар. Казик был в корзине, он связывал мешки с пеком, чтобы они не мешали — троим в корзине было тесно. Казик предпочитал не отходить от шара, он боялся, что его могут забыть. Потом пришел Дик, приволок мешок с припаками, проверил свой арбалет, попробовал зажигалку. Серге-

ев отдал ему свою зажигалку — это была лучшая в поселке, она давала искру всегда, даже в самую плохую погоду, у нее была крышка, которая откидывалась.

— Послушай, — спросил Олег Сергеева. — Может, все же я полечу?

Сергеев не ответил. Да Олег и не ждал ответа.

Старый торопил астронавтов, потому что ветер мог измениться. К тому же, когда торопишься, меньше остается времени для волнений.

К полудню на поляне собрался весь поселок. Только Лиз с Кристиной не пришли. Кристина опять хворала, а Лиз любила сидеть дома.

Олег стоял возле корзины.

Марьяна смотрела на Олега, но она была далеко, с той стороны корзины. Олег обошел корзину вокруг, проверяя, в порядке ли она. Они стояли с Марьяной, разделенные плотной сеткой. Но не дотрагивались друг до друга. Вокруг было слишком много людей.

— Скорее возвращайтесь, — сказал Олег. — Если через неделю не вернетесь, я пойду вас искать.

— Нет. Ты жди, но никуда не ходи. Мы вернемся. Может, не очень скоро.

— Внимание! — закричал Сергеев. — Где Олег? Пора отчаливать.

Олег хотел не слышать эти слова, но Марьяна велела:

— Иди.

И он побежал к канату — он отвечал за канат.

Остальные стали отвязывать веревки, которые держали шар.

Шар рвался вверх. Он был тую надут, спесив и очень важен. Будто понимал, чего от него ждут.

Потом шар начал подниматься, довольно резко, Вайткус помогал Олегу стравливать канат. Марьяна перебралась на ту сторону корзины, откуда их было видно, глядела на отца и махала ему рукой.

Канат натянулся, якорь вылез из земли, и Олег еле успел присесть, потому что якорь чуть его не задел.

— Тяни! — крикнул он. — Тяни канат!

Якорь пошел вверх.

Шар начал уменьшаться.

— Убей огонь! — кричал Олег.

Шар, подхваченный ветром, быстро понесся к лесу, он еще никогда не летел так быстро, но над лесом ветер, видно, ослаб, и шар завис, даже начал спускаться. Олегу было видно, как покачиваются черные головы над краем корзин. Дик усилил огонь. Шар пошел дальше и еще через минуту

скрылся над лесом, в той серой полосе, что отделяла вершины деревьев от серых облаков.

— Вот и все, — повернулся Сергеев к Олегу. — Остались мы с тобой сиротами.

* * *

Павлыш проснулся, когда было еще совсем темно. Он не сразу сообразил, где он, и сообразив и расстроившись из-за этого, постарался понять, отчего проснулся. Потом услышал плач и понял, что это Клавдия. Она иногда плакала или разговаривала во сне, даже кричала. Но потом утром ничего не помнила.

Если бы Павлыш был волен, он бы уже неделю назад перешел жить к себе в лабораторию. И даже пытался заговорить об этом, хотя и опасался, что заденет этим чувства Клавдии, но Клавдия холодным тоном, словно предусмотрела такую возможность заранее и заготовила ответ, объяснила, что лаборатория недостаточно стерилизована. Она буквально забита бактериями и вирусами, которые Павлыш вытаскивает снаружи. Вот если бы Павлыш занялся починкой переходника из лаборатории в туннель, это было бы куда лучше и полезней для станции.

Она ни словом не дала ему понять, что просьба об отселинии как-то задела ее. Она даже не спросила, почему он хочет жить в лаборатории.

Разумеется, неочные кошмары Клавдии были причиной такого желания Павлыша. Вернее, были маленькой составной частью этого желания. Если бы планета оказалась менее зловещей и негостеприимной, если бы можно было спокойно ходить по ней, уставать от этой ходьбы, питаться новыми впечатлениями, он бы не ощущал замкнутости и тесноты жилого отсека. Еще недавно Павлыш мечтал вырваться с корабля, который опостылел за месяцы полета, мечтал переместиться под небо нового мира. Теперь же корабль казался просторным, спокойным и уютным. Там можно окунуться в бассейн, посидеть с добрым собеседником в оранжерее, помузенировать в кают-компании...

Здесь же планета не только не допускала к себе, она протыкала злобные пальцы и внутрь станции. Вот та оранжевая плесень, которая прицепилась к штанине скафандра, — вода из душа ее не взяла. Павлыш отскребывал ее, бросив в бой достижения химии. Плесень не только успешно сопротивлялась, но и, когда Павлыш умудрился дотронуться до нее указательным пальцем, обожгла. Теперь обожженный пальец был залит пластырем, а Клавдии пришлось сорвать,

что обрезался, — она бы не простила, и правильно бы сделала, такого легкомыслия.

Впрочем, ничего особенного не происходило. Планета как планета, экспедиция как экспедиция. Настолько банальная, что можно думать об обожженном пальце. Да и очень агрессивной планету не назовешь — за исключением стычки с чудовищем, окончившейся плохо для чудовища, ни одного серьезного происшествия. И не только потому, что Клавдия блюла порядок. Салли с Павлышом тоже были не детьми и знали, что в Африке гулять без папы и мамы опасно. А с эмоциями можно справиться. Надо устроить большую поездку — и планом исследований она предусмотрена. Сесть в вездеход и поглядеть, чем живет этот мир за пределами поляны. Тем более что этап запусков скаутов уже выполнен, есть кое-какие интересные результаты, хотя ничего экстраординарного найти не удалось. Пока. Все как в археологической экспедиции, где идут во множестве осколки керамики или ржавые гвозди, представляющие большой интерес для науки, но неинтересные обывателю. В музее он равнодушно проходит мимо витрин с наконечниками копий и склеенными глиняными горшками. Ему хочется видеть сказочной красоты статую или золотую диадему. Любой археолог будет вам доказывать, что диадема — не цель археологии, ее цель отыскать как можно больше черепков и бусинок, чтобы определить пути миграции и уровень материальной культуры. Но можете быть уверены, что археолог лицемерит. В глубине души он мечтает о диадеме, о неожиданном блеске в завале черной земли, о той редчайшей сенсации, презрение к которой — основа основ археологической гордыни.

Биологически активная планета не может не таить в себе диадемы. Но это не означает, что диадема достанется именно Павлышу. Клочок планеты, который постепенно открывался ему, был ничтожно мал по сравнению со всем этим миром, и потребуется еще немало экспедиций и немало Павлышей, чтобы можно было сказать, что эта планета более или менее исследована и понята.

Павлыш признавал, что ни знаний, ни понимания планеты у него нет. Но интуиция все время предостерегала его против этого мира, а Павлыш привык доверять интуиции.

Он готовил вездеход к поездке, когда в служебный купол пришла Салли. Она хотела поехать вместе с Павлышом, но Клавдия ее не отпускала, потому что ей самой понадобилась помощница. Она обещала взять Салли с собой на следующий день к любопытным обнажениям на том берегу озера, открытом геоскаутами.

— Если вам попадутся цветы, — попросила Салли, — настоящие цветы — привезите мне ма-а-аленький букетик.

— А Клавдий?

— Страшнее кошки зверя нет.

— Я постепенно начинаю склоняться к мысли, что она права.

— Вы? Неукротимый бунтарь?

— Это все игра, Салли. А вот у меня вчера разболелся живот...

— Все ясно, можете не продолжать, — сказала Салли. — Три дня назад меня лихорадило, я немного простыла. И я начала подозревать эту коварную планету в том, что она умудрилась пронизать своими бациллами наши непроницаемые стены.

— К сожалению, старинные мечты о том, что где-то встретим невероятные формы жизни, пока не сбылись. Законы природы единообразны. Тот же набор хромосом, и за внешней экзотичностью те же принципы жизни. И почти везде обнаруживаются микроорганизмы, способные отлично существовать на человеческом материале.

— Салли, ты свободна? — раздался голос Клавдии.

Оба услышали.

— Иду, — ответила Салли.

Можно подумать, чуть было не произнес вслух Павлыш, что Клавдия ревнует.

Павлыш вывел вездеход из купола и взял курс по берегу озера, чтобы не углубляться в лес. Он ехал не спеша, поглядывал по сторонам, мирно журчали камеры, щелкали анализаторы — вездеход честно трудился, не обращая внимания на пассажира. Павлышу хотелось бы найти настоящие цветы, хотя он понимал, что вряд ли они здесь попадутся — высших растений на планете еще было мало, да и насекомых, которые могли бы опылять их, Павлышу тоже не встретилось.

День был теплый, парило, снег остался только в гуще леса. Земля пропиталась водой, и лес вокруг за последние дни заметно ожил — началось длинное, сумрачное лето. Больше снега здесь Павлышу не увидеть — они улетят раньше, чем лето дойдет до середины. Хотя, впрочем, он обязательно слетает в горы, там есть ледники и вечные снега. Жаль, что они выбрали место для работы в этом мрачном краю: южнее, у океана, где пустыня, климат куда суще...

Странное зрелище привлекало внимание Павлыша. Он даже остановил машину, чтобы поглядеть на огромных насекомых, как ни странно, схожих чем-то с лошадьми, стая которых, видно, шла на водопой и неожиданно натолкну-

лась на вездеход. Насекомые замерли на мгновение, и тут же на спинах у них, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, начали расти прозрачные пузыри. Стая бросилась бежать вдоль берега, а пузыри стали размером больше самих чудовищ, достигая метров трех в диаметре. Каждый шаг беглеца превращался в затяжной прыжок в несколько метров длиной — насекомые как бы парили над землей. В этом противоестественном беге была экзотическая грация. Затем вся стая повернула к озеру и бросилась в воду. Лишь пузыри да узкие черные головы с белыми, в плошку, глазищами высовывались из воды.

Далеко стая не уплыла. Внезапно вода перед передним насекомым взбурлила, и змеиная голова с разинутой, полной зубов пастью метнулась к сверкающему пузырю, пузырь лопнул, и черная морда ушла под воду, и там же скрылась змеиная голова. Остальные пловцы резко повернули к берегу.

Павлыш проверил, работали ли камеры, — эту сцену стоит прокрутить вечером дома. Клавдия скажет что-нибудь банальное, типа «жестокая борьба за существование». Сали будет поражаться, может, даже сочувствовать этим пузырям, а может, увидит в этом что-нибудь забавное — хотя нет, что забавного в этом лишенном чувства юмора мире?

Павлыш пустил машину дальше по берегу, рассуждая о том, что критерием цивилизованности мира должно служить именно чувство юмора. Порой может засмеяться и обезьяна, но нужна достаточно развитая речь, чтобы рассказать и увидеть хохочущие лица собеседников. Здесь же ничего смешного просто не бывает. Если ты зазеваешься, решишь посмеяться, тебя скушают.

Вскоре пришлось вновь затормозить — к берегу подступали холмы, поросшие кустарником, редким, белесым и каким-то хилым. Но среди кустов виднелись круги разрыхленной земли. Круги были совершенно правильными, проведенными будто циркулем.

Павлыш остановил машину на краю одного из кругов. Постоял. Ничего интересного не происходило. Тогда он включил щуп. Длинный гибкий прут выскочил из тела вездехода и начал ощупывать землю. Конец его медленно продвигался к центру круга. И вдруг, когда Павлыш решил было, что круги безопасны, земля раздалась, нечто белое, подземное и бесформенное вылезло наружу — то ли это был щупалец, то ли мягкое бесформенное продолговатое существо, — обволокло щуп и с такой силой потянуло к себе, в глубину, что щуп не выдержал и оборвался. Щупалец исчез, земля при-

няла снова ровный вид. Павлыш пожалел, что лишился щупла, и мрачно сказал похитителю:

— Подавишись ты моим щупом. Честное слово, подавишись.

Он повел вездеход стороной, поближе к склонам холмов, продираясь сквозь кусты.

И тут он увидел цветы. Или нечто, очень похожее на цветы.

Алые лепестки с ладонь размером окружали пушистый желтый центр цветка. Это было красиво. Длинные стебли чуть покачивались, согбаясь под тяжестью лепестков.

Павлыш осмотрелся. Вроде бы ничто ему не грозило. В любом случае его скафандр устоит против любого агрессора.

Он выскоцил из вездехода и пошел к цветам. Приятно доставить радость Салли.

Но в момент, когда перчатка Павлыша дотронулась до стебля, цветок отклонился, будто испугавшись прикосновения, и, сложив лепестки, скользнул в землю. Лишь узкая норка указывала на место, где он рос. Со вторым цветком Павлыш решил схитрить. Он ухватил его быстро, словно ловил муху, и дернул.

Цветок затрепетал в руке, стараясь уползти под землю, но Павлыш держал его крепко. Эта борьба продолжалась полминуты, пока цветок не сдался и не повис безжизненно в руке Павлыша. Павлыш попытался открыть лепестки, но это были уже не лепестки, а слизистый комочек красной протоплазмы.

Павлыш отбросил комочек, тот плюхнулся на землю и вдруг снова ожил, стебель, только что мягкий и безвольный, начал настойчиво вертеться, отыскивая в земле щель. После нескольких попыток это ему удалось, и он червяком уполз вниз, втянув и красный комок цветка.

— Живите, как хотите, — не скрывая отвращения, сказал Павлыш. — Цветов мы больше не собираем.

Справа стояла стена кустов куда более ярких, чем остальной кустарник. Листья у кустов были острыми, как иглы — будто молодая поросль сосенок грелась под теплым ветерком. Павлышу даже показалось, что, если раздвинуть колючие ветки, там, внутри, таятся настоящие крепкие скользкие маслята.

Чтобы отделаться от наваждения, Павлыш подошел к кустам поближе. Но не успел притронуться к ним, как кусты ощетинились длинными иглами, и в следующее мгновение иглы полетели в Павлыша, настолько тонкие, острые и крепкие, что сотни их умудрились вонзиться в непроницае-

мую ткань скафандра, и Павлыш чуть не потерял равновесия от совместного удара сотен игл.

Он отскочил, проклиная кусты, и потратил несколько минут, прежде чем удалось очистить скафандр от невероятно крепких и острых иголок.

Еще через несколько сот метров вездеходу пришлось снова остановиться. Холмы подошли к самому берегу, из воды здесь торчали острые камни, предупреждая, что плаванием по озеру может быть опасным. Тогда Павлыш поднял вездеход в воздух и пошел над вершинами деревьев.

Сквозь тонкие голубые и зеленоватые ветви трудно было увидеть, что происходит в глубине леса, к тому же пошел дождь и все заволокло.

Павлыш пытался уговорить себя, что ему здесь очень интересно, что как биолог и путешественник он сегодня многое увидел, что он первооткрыватель, Колумб этого мира и потому очень доволен своим первым путешествием. На самом же деле настроение было гадким, и все времяозвращалось видение того, как он тянет скользкий живой стебель из земли, как цветок превращается в комок красной слизи.

Может, вернуться? Павлыш представил себе, как войдет сейчас в тесный купол, полный чистых домовитых запахов, как с напускной строгостью посмотрит Клавдия и заявит, что он наверняка плохо прошел дезинфекцию на входе, и Салли начнет хлопотать у плиты, отдавая дань женскому желанию накормить охотника.

Лес оборвался у большой быстрой реки, которая впадала в озеро. Он подходил к реке плотно и густо — ни клочки свободной земли, деревья стояли в воде белыми стволами, как неуверенные в себе купальщики, не знающие, то ли им нырнуть и поплавать, то ли побрызгать на грудь ли дошками и брести обратно к расстеленному на берегу по лотенцу.

На дальнем берегу Павлыш увидел небольшой мыс, покрытый травой и окаймленный полосой гальки. Туда он и направил вездеход, решив, что этот мыс будет крайней точкой его путешествия.

Когда Павлыш вышел из вездехода, вокруг было тихо. Только чуть журчала вода, обтекая камни. Словно он вошел в комнату, где только что кипел непринужденный разговор, но при виде неожиданного гостя все замолкли и смотрят на него враждебно, ожидая, когда тот уйдет.

— Скучно живете, — с вызовом сказал реке Павлыш, и ответом было молчание.

Отмахнувшись от печальных размышлений, Павлыш стал глядеть вдаль. Неподалеку начинался лес, низкорослый и чахлый, дальше от берега он становился выше, вершины были темнее. А еще дальше лес сливался с пеленой дождя, Павлыш заметил колосальную обрывистую скалу. Впрочем, нет, вернее всего, это не скала, подумал Павлыш. Скорее, это похоже на колонны — две, три четыре... Колонны уходили в облака. Вот это уже интереснее, подумал он, и желание возвращаться домой пропало.

Павлыш поднял машину в воздух и полетел дальше. Через пять минут он приблизился к колоннам и мог разглядеть их как следует.

Больше всего, понял Павлыш, это похоже на стволы деревьев. Но стволы диаметром в несколько десятков метров и как бы сплетенные из множества канатов, каждый толще метра. Так как это сплетение было случайным, бессистемным, то в некоторых местах стволы расширялись, затем громадной шишкой, наростом, уходили в сторону, и все это сооружение было к тому же покрыто кустами, лишайниками, небольшими деревцами, выросшими из ствола. А в одном месте Павлыш разглядел даже уместившееся в развилке небольшое озеро, окруженное густым тростником. Потом он увидел пещеру — дупло, в котором мог бы уместиться трехэтажный дом, и у него даже появился соблазн нырнуть туда на вездеходе, но потом Павлыш представил себе, каким гадким характером могут отличаться его обитатели, и раздумал.

Кружа вокруг ствола, Павлыш медленно поднимал машину, и каждый последующий круг был все больше, потому что на высоте метров ста от ствола начали отходить корявые сучья, а ствол все тянулся вверх, пока не пропал, и только тогда Павлыш понял, что незаметно вошел в низкие облака, скрывавшие от него вершину дерева.

Павлыш включил прожектор. Сильный луч с трудом пробивался сквозь мглу и Павлыш мог лишь угадывать, что перед ним сплетаются сучья. Когда он приблизился к стволу метров на пять, то увидел, как луч отразился от неподвижных красных глаз какой-то твари, которая наблюдала за вездеходом, ожидая, что он подойдет еще ближе, чтобы можно было его попробовать на зуб.

Вдруг машину дернуло, и Павлыш даже ударился локтем о пульт. Он не сразу понял, хватаясь за ручное управление, что локатор вездехода остановил и увел машину в сторону, чтобы не налететь на огромный горизонтальный сук — десятиметровой ширины эстакаду, уходящую вдаль, к следующему дереву.

Больше ничего увидеть не удалось, надо вернуться сюда, когда погода будет получше, решил Павлыш. Пожалуй, если это не диадема, то по крайней мере серебряное ожерелье. Ему удалось найти самые большие деревья в Галактике, и это уже открытие.

И Павлыш повел машину вверх на автопилоте, доверяя ей больше, чем собственным чувствам.

Так как поднимался он медленно, то прошло минут десять, прежде чем вездеход вырвался из облачного слоя.

Стало очень светло. Непривычно светло.

Над головой сверкало синее небо, более темное, чем на Земле, на нем горели редкие звезды. Под самым вездеходом в бесконечность уходила вата облаков. Ничем не нарушаемая, спокойная, белая и чистая.

Значит, вершины деревьев скрываются где-то внутри облака.

«Ничего, дома разберемся — локатор зафиксировал абрик дерева». Павлыш развернулся вездеход и задал ему курс к лагерю, но опускаться в облака пока не стал.

Он пожалел, что раньше не догадывался подняться сюда. Запускал в этот чистый простор своих скаутов, а не подумал, какая замечательная психотерапия для удрученного смрадным влажным лесом человека — оказаться в просторе неба над надоевшими облаками.

Тут так хорошо дышалось...

Это тоже было психологическим эффектом — дышал Павлыш тем же воздухом, который был в скафандре.

— Отлично, — произнес он вслух. — Теперь, как станет тепло, буду летать сюда.

— Куда? — спросила Клавдия.

Оказывается, связь была включена, и Клавдия все это время слышала все его вздохи, проклятия и беседы с самим собой.

— Я возвращаюсь, — сказал Павлыш.

— Как полет? — спросила Клавдия.

— Очень интересный полет, — искренне ответил Павлыш. — И очень красивое небо.

* * *

Они неплохо пообедали. К счастью (должны же быть угощения), Салли набрала в экспедицию массу вкусных приправ и снадобий, Клавдия была великим мастером китайской кухни, и как-то Салли говорила Павлышу, что их группа славится на всю Дальнюю разведку кулинарными

изысками. А разнообразие и изысканность в пище в дальней экспедиции — это особый шик, недостижимый даже на большом корабле, потому что обычно повара идут по пути наименьшего сопротивления, подчиняясь инструкциям, написанным на обертке сублимированных, консервированных и прочих полуфабрикатов. Надо иметь желание и воображение, чтобы превратить сухой суп из шампиньонов в сказочный соус к пышному бифштексу. Да и пышность бифштекса достигается лишь при высоко развитой интуиции: мгновением раньше, мгновением позже — и бифштекс превращается в стандартный кусок мяса, одинаковый на любом корабле или базе.

Павлыш лениво отодвинул недоеденный пудинг — больше сего душа не принимала — и сказал:

— Теперь я намерен вас угостить, мои прекрасные дамы, сказочным зреющим, равного которому вы не встречали в Галактике.

Он включил проектор.

На экране медленно летели насекомые, влекомые воздушными пузырями. Вот они поворачиваются к воде и плывут, радужно сверкая, словно мыльные пузыри.

Салли сидела на полу, охватив колени полными руками.

— Как жалко, что меня с тобой не было, — сказала она тихо.

Павлыш заметил, что впервые она назвала его на «ты».

Клавдия продолжала работать. На столе перед ней лежал разделенный на ячейки плоский ящик с образцами пород. Она перебирала спектrogramмы, легонько настынивала что-то почти неслышное, упрямые волосы выбились из слишком тугой прически. Лампа очерчивала четкий круг на столе. Павлышу показалось, что, продолжая работать, Клавдия как бы укоряет его за то, что он развлекается любительскими фильмами и отвлекает от нужной работы Салли. Он был неправ. Клавдия поглядывала и на экран, потому что вдруг бросила:

— Интересно, этот змей отлично знает, как обращаться с пузырями. Он прокусывает их. Значит, твои лошадки имеют обыкновение плавать в озере. А он имеет обыкновение на них охотиться.

Павлыш предупредил:

— А сейчас я потеряю щуп.

На экране появились круги взрыхленной земли.

Салли ахнула.

— Очень разумный способ подкарауливать жертву, — оценила Клавдия. — Во всей Вселенной этим занимаются различные хищники.

— Вплоть до женщин, — неудачно пошутил Павлыш. Он ожидал афрона, но его не последовало. Наоборот, Клавдия вдруг улыбнулась.

— Не бойтесь нас, Павлыш. Но разве приятно, когда к тебе в дом лезут железной палкой?

Наконец подошла очередь гигантских деревьев.

На экране деревья выглядели совсем не так величественно, как в жизни. Павлышу даже захотелось просить зрительниц, чтобы они не верили тому, что видят. Серые расплывчатые стволы, утопающие в тумане, ручища сучьев, озерко в развилке...

— Камера не может вреть глазами, как я, — проговорил Павлыш. — Поле ее зрения ограничено, наше воображение питается нелогичностью движения глаз.

— Нет, почему же, — отозвалась Клавдия. — Зрелище впечатляет.

— И много там таких деревьев? — спросила Салли.

— По-моему, три или четыре — в пределах видимости. Может, дальше целый лес.

— Наверное, это не деревья, — предположила Клавдия. — Это мне кажется скорее симбиотическим сообществом — лесом, принявшим такую форму. Вы видите, что каждый ствол сплетен из сотен стволов, как канат из волокон. — И каждое такое дерево — это целый мир, — добавила Салли. — Ведь там наверняка живут существа, которые и не подозревают, что есть еще что-то за пределами дерева.

— Надо будет как-нибудь совершить специальную экспедицию к этому дереву, — решил Павлыш. — На несколько дней.

— Может, оставим это на долю большой экспедиции? — засомневалась Клавдия.

— Вы хотите лишить меня открытия, которое меня прославит.

— Слава, никогда не надо печься о сенсациях. — Клавдия вдруг снова потеряла чувство юмора. — Вот поглядите, она протянула ему кусочек темной породы, отшлифованный с одной стороны. Через породу тянулась широкая золотая полоса. — Это жильное золото, — продолжала она. — Мои скауты обнаружили здесь гору, буквально пронизанную золотыми жилами. Редчайший феномен. Романтик, подобный вам, тут же написал бы хлесткую статью, и досужие журналисты расписали бы вас в сотнях интервью — еще бы, цело век, отыскавший золотую гору! Но для меня это лишь еще один и довольно не важный штрих в общей геологической картине планеты.

Салли положила ладонь на руку Павлыша, будто опасалась, что он скажет какую-нибудь колкость и Клавдия расстроится. Ладонь ее была теплой и мягкой. Клавдия оборвала свой монолог, и Павлыш понял, что ей не понравилось движение Салли, которое не укрылось от ее глаз. Салли тоже поняла это и убрала руку, и наступило неловкое молчание, и Салли прервала его.

— Мне хочется чаю. Кто-нибудь составит компанию?

— С удовольствием, — отозвался Павлыш.

Он выключил камеру. Клавдия наклонилась над столом. Она задумчиво вертела в руке кусок породы с золотыми прожилками.

После чая Клавдия вдруг решила заняться уборкой. Она заявила, что за последние дни из-за легкомыслия Павлыша станция потеряла гигиеничность. Павлыш в уборке не участвовал, но так как ничем не займешься, если в доме на ночь глядя устроили уборку, то он отправился в лабораторию. Там он улегся с книгой — работать не хотелось.

За окнами лаборатории уже стемнело, воздух был синим. И можно вообразить, что он сидит в домике на Земле и в любой момент может отправиться на прогулку. Читалось как-то плохо, никак не вживешься в сюжет. Павлыш встал, включил внешний динамик. Лес был тих, но тишина была неполной, она складывалась из множества настороженных звуков. Вот хрустнула ветка, потом что-то прошуршало в траве совсем недалеко от корабля. Издалека донесся утробный звук, низкий, почти неуловимый, но могучий, потом зачавкало, словно рядом бродил кто-то в болотных сапогах, с трудом вытягивая ноги из тины...

Наша беда в том, подумал Павлыш, что в своих путешествиях человек старается все более исключить элемент риска. Каравелла Колумба была игрушкой штормов и ветров, каждый риф таил для нее гибель, каждый шквал грозил перевернуть. Но путешественники снова и снова уходили в море или шли с караванами через негостеприимные горы — ведь не только страсть к на живе влекла их. Проснуться под сенью неведомых гор, услышать шум чужестранного города, увидеть пальмы на берегу еще не открытого острова... Наверное, мы стали куда как рациональными — мы стараемся приспособить Вселенную к нашим трезвым нуждам, разложить ее по полочкам и даже раздражаемся, если что-то не влезает на полочку, на положенное место. Путешественники древности верили в гипербореев и людей с песнями головами, и это их не пугало. Мы же уверены в том, что генетический код един для Вселенной, и при виде человека с

песьей головой не ахаем удивленно и восторженно, а начи- наем считать хромосомы.

Еще в детстве мы читаем про Робинзона, и он, как и сто, и двести лет назад, покоряет нас своей наивностью, своим гордым одиночеством и человеческим вызовом, который ис- сет в себе его судьба. Он не мирится с природой, не ждет появления человека с песьей головой, а подсчитывает запа- сы зерна или шьет себе одежду из козьих шкур. Значит, Ро- бинзона следует запретить — вот он, источник всех наших бед, вот кто — Даниэль Дефо — заложил основы нашего ра- ционализма. Признав это, Павлыш стал искать альтернати- ту и пришел к выводу, что ему более всего по душе Синд- бад-мореход. Хоть тот и был торговцем, но птицу Рух воспринимал как часть естественного в своей сказочности мира. И потому Павлыш стал планировать альпинистский поход на гигантское дерево, который, вернее всего, не оп- равдает риска и затрат времени, но совершенно необходим Павлышу, чтобы наладить собственные отношения с этой планетой.

Они здесь уже давно, три недели, но кроме взаимной враждебности ничего не добились. Золотая гора безлична и равнодушна. Она может встретиться и на безатмосферном астероиде. Клавдия имеет дело в основном с предметами ис- одушевленными, поэтому она может провести здесь целый век и оставаться чужой на чужой планете. Понимание входит в функции Павлыша. А его не достичь, скрываясь за надеж- ными стеклами куполов.

Споря внутренне с Клавдией, Павлыш, как и положено в таком заочном споре, почти не давал ей возможности ответить. Все воображаемые возражения Клавдии были неубедительны, тогда как аргументы Павлыша — несокру- шимы.

Дикий высокий визг раздался над самым ухом. Павлыш даже вскочил и лишь через секунду понял, что визг донесся из леса — из того мира, который продолжал жить, словно Павлыша, со всей его техникой и могуществом, не сущес- твовало.

Павлыш метнулся к окну. За окном в темноте, разрезанной лучами медленно врачающихся прожекторов, кипел клубки тел. Несколько хищников — и не разберешь в такой сумато- хе, что за твари, — терзали толстого зеленого неповоротливо- го зверя, и в этой схватке была такая первобытная жестокость и такой страх смерти, что Павлыш, глядя, как клубок тел ка- тится к лесу, выключил звук и отошел от окна. И с некоторой печалью подумал, что, вернее всего, он так и улетит с этой планеты, ни черта не узнав и не поняв, хотя формально увезет

отсюда солидный груз биологических исследований и образцов флоры и фауны.

Читать совсем расхотелось, но он не спешил возвращаться в жилой отсек. Сейчас женщины в своих конурках укладываются спать, под душем на полчаса застряла чистюля Клавдия, а Салли, что уж совсем не положено отважному разведчику, в пятый раз раскладывает пасьянс. Ему захотелось, чтобы Салли отложила пасьянс и пришла к нему сюда, потому что соскучилась, потому что ей надоело слушать, как Клавдия насвистывает под душем...

— Я не помешала? — спросила Салли.

— Хорошо, что ты пришла.

— Что за шум был? Мне показалось, что кто-то кричал.

— Я включил свой внешний динамик, а там зверье выясняет отношения.

Салли подошла к окну.

— Пусто. Никто здесь не живет. Они только приходят иногда попугать нас. А мы ведь не из пугливых?

— С тобой — да.

— Я серьезно.

— Где только не живут люди! Здесь, по крайней мере, нормальный воздух и нормальный дождь.

Павлыш подошел к Салли и дотронулся пальцами до ее плеча.

— Тебе здесь не нравится, тебе здесь скучно, ты жалеешь, что попал в эту экспедицию. А я — единственное человеческое развлече-
ние, — определила Салли.

Павлыш убрал руку.

— Если бы мы были на Земле...

— На Земле ты бы просто меня не заметил, — вздохнула Салли. — Я не умею кокетничать. Ничего удивительного нет.

Она обернулась и поглядела ему в глаза.

— Может быть, я чувствую то же, что и ты. И я тоже бы не обратила на тебя внимания... Это обидно?

— Нет.

Салли прижалась к Павлышу, взяв ладонями его голову, скав виски, и поцеловала его в щеку у уголка губ.

— Спасибо, — проговорил Павлыш.

— Глупый ответ, но не худший, — улыбнулась Салли.

Она отступила на шаг, освобождаясь от его рук, и Павлыш увидел, что они не одни — за спиной Салли в окно глядела глупая белая морда.

— Уйди, — велел морде Павлыш.

Салли обернулась и засмеялась.

— Клавдия бы спросила, почему ты не включил камеру.

— Я не давала тебе оснований смеяться за моей спиной! — резко бросила Клавдия.

Она стояла в переходнике у входа в лабораторию. Она была в халате, мокрые волосы забраны полотенцем.

Павлыш почувствовал, что краснеет, как мальчишка, которого застали, когда он тащил конфеты из заветного башкинского шкафа.

И неизвестно, давно ли Клавдия стоит здесь.

— Я никогда не смеюсь за твоей спиной, — сказала Сали. — Ты же знаешь.

— Завтра рано вставать, — напомнила Клавдия.

«Детей отправляют по кроваткам». Павлыш не сказал это вслух. Он теперь старался реже говорить вслух то, что могло задеть Клавдию.

— Завтра рано вставать, — согласился он.

Глава пятая

Поселок уменьшался на глазах, дома стали игрушечными, такие лепил для малышей Вайткус. Еще он лепил для них коров, коз, собак и всякую земную живность.

Потом поселок заволокло туманом, и человечки, стоявшие на выгоне, и коза, так и не понявшая, куда исчезла ее любимая Марьяшка, и холмик кладбища — все это исчезло; внизу пошел лес, одинаковый и бесконечный.

Воздушный шар летел ровно, как будто его тянули на веревке, движение угадывалось только по тому, как упливали назад деревья. В корзине стояла тишина, и воздух был неподвижен.

Все трое и раньше поднимались на воздушном шаре и знали, как с ним обращаться, но это был первый настоящий полет шара — не подъем к облакам, а путешествие.

В каждой группе людей по договору или негласно устанавливается разделение труда и обязанностей. Никто не просил Казика становиться к горелке и определять курс, это случилось само по себе. Летал Казик не больше других, да и вообще был еще подростком, маленьkim даже по здешним меркам. Но в корзине шара с ним произошло немедленное превращение, подобное тому, что происходило с ним, когда он попадал в лес. Казик из существа скорее робкого и молчаливого превратился в уверенного в себе человечка, будто он всю жизнь только и делал, что летал на воздушных шарах. И уверенность его была столь очевидна, что и Марьяна, и Дик безо всяких возражений уступили ему первенство в управлении шаром, к которому оба относились с некоторой опаской.

Марьяна до последней возможности вглядывалась во мглу внизу, ей все казалось, что она видит Олега, который так крабрился в последние минуты, скрывая свой страх за Марьяну и зависть к тем, кто улетает. Марьяна не боялась за себя — никогда было об этом думать, да и пустые это мысли — бояться за себя. Она хотела сейчас одного: как

можно скорее слетать, не важно даже, найти или не найти ту экспедицию, в которую ей трудно было поверить, как раньше в существование корабля, пока она не дотронулась до него. Но если корабль всегда существовал в разговорах и памяти жителей поселка, то появление на планете научной экспедиции было из области снов. Это была какая-то несуществующая экспедиция, и ее неумение отыскать поселок и выручить их лишь усугубляло это ощущение. Поэтому Марьяна боялась только, как бы им не заблудиться, не улететь слишком далеко, потому что надо вернуться до того дня, как Олег уйдет в горы к «Полюсу», и пойти вместе с ним.

Для Дика экспедиция, на поиски которой они летели, тоже не была реальностью. Она никак не вписывалась в космогонию его мира. Правда, прошлогодний поход к «Полюсу» эту картину изменил, но не разрушил — ведь «Полюс» был мертв, он был продолжением поселка и в то же время его истоком. Дик не представлял себе жизни вне планеты, вне леса. Его тщеславие удовлетворялось борьбой с лесом и покорением леса. Он никогда не представлял себе жизни на какой-то другой планете, допустим, на Земле, хотя бы потому, что там другой лес и другие звери.

Лишь Казик жил уже на Земле. Если жители поселка знакомились с воздушным шаром по мере того, как он воинил и принимал форму, то Казик увидел его внутренним взором куда раньше остальных. Интуитивно Казик знал все, что можно было знать о воздушных шарах. Уже в первых полетах с Олегом он постиг характер шара лучше самого Олега, но ничего ему об этом не сказал — Казик и сам не думал, что лучше Олега знает, как управлять шаром. В первые минуты, пользуясь тем, что и Марьяна и Дик мысленно еще оставались внизу, Казик получше укрепил мешки с балластом и пищей таким образом, чтобы достичь максимального равновесия, или, как он сам себе это объяснил, для того чтобы шару было удобнее их везти. Он воспринимал шар как нежное живое существо, которому бывает тяжело, легко, весело и даже неудобно, и он помогал шару, чтобы ему было приятнее.

Дик смотрел вниз. Он старался угадать в лесу свои тропы и места привалов, но сверху лес был совсем иным, будто Дик не исходил эти места вдоль и поперек. Вдруг он узил поляну. На ней год назад он заколол большого медведя, и медведь оставил у него на руке отметины — три параллельных шрама. Дик взглянул на шрамы, а когда снова посмотрел вниз, поляна уже исчезла.

Ветер стал тише, Казик засуетился возле горелки, увещивая пламя, потому что почувствовал, что шар начал син-

жаться. Видимость стала еще хуже, даже деревья внизу за-
волокло туманом.

— Ниже спускаться? — спросил Казик.

Это были первые слова, сказанные с момента отлета, и потому они показались очень громкими.

— Спускаться? — Дик не сразу осознал причину вопроса. Ведь полет еще не окончен. — А река?

— Не видно, куда летим, — объяснил Казик.

— Мы правильно летим, — подтвердила Марьяна. — Ско-
ро первое болото.

Шар дернулся и завис — заряд дождя ударил сверху, и было слышно, как капли гулко стучат по тонкой оболочке. Корзину закачало. Дик вцепился в ее край, а Марьяна присела — ей показалось, что борт корзины очень низкий и ее может выбросить.

— Я наверх пойду, — решил Казик. — Мы будем искать ветер. А то обратно в поселок принесет.

— Не надо обратно, — сказал Дик. — Они будут смеяться. Дик не выносил мысли, что над ним можно смеяться.

Казик подтащил к борту мешок с песком и, развязав, высыпал часть песка вниз. Мешок он берег, мешок еще пригодится.

Шар сразу пошел вверх — видно было, как уменьшаются и тонут в тумане деревья.

— Правда, здорово? Я высыпал, а он меня слушается, — радостно произнес Казик, но никто не ответил.

Было страшно, потому что шар ненадежен и в нем жило страшное своимравие. И Дику и Марьяне стало ясно, что они — пленники шара, ничтожные игрушки его прихоти. Хочет — унесет в небо, хочет — бросит об землю. Они, в отличие от Казика, не чувствовали шара и не повелевали им.

Через несколько секунд шар скрылся в облаках, и стало еще неприятнее, потому что за пределами корзины, вторгаясь в нее, висел непроницаемый туман, в котором что-то таялось. Может, летающий зверь, может, скала, может, нечто необъяснимое.

— А теперь совсем непонятно, — признался вслух Казик. — То ли мы вверх летим, то ли никуда не летим. Я не знаю.

— Давай поднимемся, — предложил Дик. — Поднимемся наверх, выше облаков, как с Олегом.

— Балласта много, — сообщил Казик, — он может понадобиться.

— Тогда сделай огонь побольше, — сказала Марьяна.

— Олег велел не очень надувать, — ответил Казик. — Если он лопнет — мы, как камень, вниз грохнемся.

Казик почувствовал свою власть над старшими, он понял, что ничего не боится, что ему увлекательно до щекотки в груди подниматься в облаках или нестись над землей, а им страшно, непривычно.

— Поднимайся, — приказал Дик, который уловил скрытый бунт.

Казик пожал узкими плечами и прибавил огня в горелке.

Стало холоднее, корзина была мокрой, крупные капли стекали по оболочке шара и срывались с нижнего обода.

Казику хотелось выразить торжественное чувство полета, но выразить его можно было только в песне. И если бы он был один, то обязательно запел бы и даже запел бы со словами, которые умел складывать в стихи. Но он стеснялся это делать при остальных. Не посмел и сейчас. Он беззвучно напевал, сжав губы.

Дика охватило отчаяние бессилия. Облако никогда не кончится. Они потерялись. И не надо было вообще этого затевать. Пошли бы пешком, как-нибудь перебрались бы через реку. Ничего особенного. А теперь ни реки, ни поселка не будет...

И тут стало светлее, шар выскочил в промежуток между облаками — над головами был еще слой, и их несло к почти черной громадной туче, которая стеной стояла впереди, словно поджидала шар, чтобы сожрать его. В туче проскальзывали, сверкали молнии, она казалась живой и горячей.

— Ух ты, как красиво! — крикнул Казик. — Как сейчас трахнет!

— Вниз! — велел Дик. — Давай вниз, не понимаешь, что ли?

— Жалко. — Казик протянул руку к горелке, чтобы убить огонь. — Я такого еще никогда не видел. Снизу это не так интересно.

— Мне неинтересно, — сказала Марьяна.

Шар почему-то не снижался, а продолжал лететь навстречу грозовой туче, и грохот, исходивший от нее, был почти непрерывным, будто кто-то вел огромный палкой по огромной изгороди.

Дик оттолкнул Казика и резким движением потушил горелку.

— Это тебе не игрушки!

Порывы встречного ветра ударяли по шару, он мстали между облаками и никак не мог спуститься.

— Нельзя совсем тушить! — закричал Казик. — Вы дураки!

— Молчи, — оборвал Дик. — Надоел.

Грубостью он прикрывал свой страх, потому что даже себе не хотел признаться, что может бояться.

Шар вдруг задрожал, попав в воздушный вихрь, и закользил вниз.

— Зажигай! — крикнул Казик. — Неужели не понимаешь — сейчас он остывает.

— Успеем. Сначала надо спуститься вниз.

— Нельзя так сразу. Где зажигалка?

Зажигалка была у Дика, и он ее не давал Казику, потому что не верил в то, что шару что-то угрожает внизу. Ему хотелось одиого — скорее уйти от грозовой тучи.

— Ты посмотри, он же уменьшается! — Казик показал вверх, но лишь его глаза увидели, что шар теряет упругость и скорость его снижения увеличивается.

— На. — Дик все же встревожился от настойчивого тона Казика и протянул мальчику зажигалку.

Зажигалка хлопала, щелкала и никак не хотела загораться.

Было влажно, сырьо, все уже промокли. Трут в зажигалке тоже мог отсыреть. Если бы Казик знал, что Дик потушит огонь, он бы заранее спрятал зажигалку и держал бы ее сухой.

Вокруг снова были облака, опять было полутемно, и грохот, исходивший от грозовой тучи, чуть утих, остался там, наверху, почти над головами.

— Хорошо, что успели, — произнес Дик, оправдываясь. Краем глаза он смотрел, как Казик снова и снова щелкает кресалом.

— Дай-ка я сам. — Дик выдрал зажигалку из напряженных пальцев Казика. Зажигалка не слушалась и его. Казик стоял рядом и глядел на искорки, вылетавшие из кремния. Они казались холодными и маленькими.

— Он меньше стал, — проговорила Марьяна испуганно. Она смотрела вверх и видела, что веревки сетки, которой был обмотан шар, все глубже врезаются в его оболочку.

Дик взял зажигалку в ладони и постарался протереть фитиль.

Теперь всем было ясно, что шар падает все быстрее.

— Может, заткнуть дырку? — спросила Марьяна, но осеклась — она поняла, что дырку внизу шара им закрыть нечем.

— А твоя, твоя зажигалка! — вдруг закричал Казик. — У тебя же должна быть!

— Конечно, — ответила Марьяна, — как же я не вспомнила. У меня она есть.

— Давай!

— А где она?

— В кошельке на шее, — подсказал Казик.

Марьяна быстро развязала лечебную сумочку, которая висела у нее на груди, и достала оттуда зажигалку.

Казик выхватил ее и, оттолкнув Дика, начал высекать огонь.

Но горелка не зажигалась.

— Открути ее! — закричал Казик Дику. — Ты же ее зажмурил.

Корзину снова качнуло, Дик потерял равновесие и еле успел ухватиться за борт.

Казик сам, чуть не отломав колесико, открутил горелку и с наслаждением вдохнул отвратительный запах газа, который выделился из трубы.

Зажигалка, к счастью, не погасла, и на конце трубы вспыхнул лиловый огонек. Казик сразу прибавил огонь, и пламя на секунду исчезло, потом занялось ярко и увесленно.

Казик заглянул в отверстие шара — теплый воздух пошел туда, в полутьму.

И в этот момент они вывалились вниз из облаков.

— Мы все равно падаем, — сказала Марьяна тихо.

Ветер был несильным, но порывистым, шар толчками двигался вниз.

— Поздно, — произнес Дик. — Теперь держись.

Он успокоился. Лес был ему знаком, а поверить в силу удара о деревья, представить то, что никогда не испытывал, он не мог. Ему казалось, что лес примет их и не убьет.

— Мешки! — закричала Марьяна, прерывая наступившую паузу зачарованного ожидания.

Она сама кинулась к мешку, лежащему у ее ног, и с трудом перевалила его через борт корзины, чуть не вывалившись за мешком.

В тот момент шар как раз достиг вершин деревьев — это было мгновение, когда можно было разглядеть каждый листок на деревьях, и Казик, который вспомнил о балласте только после крика Марьяны, смотрел как зачарованный на приближение земли, не боясь за себя, но очень жалея такой красивый шар, которому суждено сейчас разорваться.

Вершины деревьев, такие близкие, вдруг толчком ушли вниз, и земля как бы с сожалением отсрочила встречу с ним.

И в следующее мгновение все ожили. Дик тоже подхватил мешок. Третий мешок тащил Казик, но не кинул его, кинул Марьяна, а, быстро придя в себя, высыпал песок из мешка

и был очень доволен тем, что подумал об этом даже в такой момент.

— Мешки беречь надо.

Но его никто не слышал. Марьяна и Дик смотрели вниз на вершины деревьев, уплывавшие в туман. Они продолжали смотреть, даже когда Казик спокойно занялся делами. Ведь никому не было нужно, чтобы шар снова умчался в облака, тем более что больше балласта не осталось. Казик подкрутил горелку и смотрел, чтобы шар больше не поднимался. Это было трудно сделать, потому что уже разыгралась гроза и ветер никак не мог успокоиться. Шар продолжал болтаться мыльным пузырем в туманном пространстве между облаками и лесом.

— Ну вот, — сказал Дик, — а вы боялись.

В корзине было трудно стоять. Тем более что она стала легче без балласта и ее кидало из стороны в сторону. Туча выплюнула из себя короткий шквал, шар понесся, наклонив корзину, словно хотел выбросить из нее людей, и они сжалась на полу корзины, вцепившись в прутья и веревки и пережидая, пока шквал не прекратится и не хлынет, как знак окончания безумств, сильный и ровный ливень.

— Не повезло, — заключил Дик, поднимаясь с пола и взглядываясь вниз. — Теперь уж совсем неизвестно, куда нас унесло.

— Сначала мы летели правильно, — заверил Казик. — До того, как поднялся ветер. Мы летели правильно почти час, а потом нас мотало минут десять.

В поселке не было часов, но понятия часа, минуты и даже секунды остались. У Казика было чутье на время. И ему верили.

— Значит, мы в нужной стороне? — спросила Марьяна.

— Только неточно, — ответил Казик.

Они промокли и замерзли. Даже куртки и сапоги из рыбьей кожи не спасали. Но они только теперь поняли, как замерзли, — до этого они думали, как бы не разбиться.

— Будем смотреть вниз, — предложила Марьяна. — Вы охотники.

— Мы должны увидеть реку, — напомнил Казик. — И болота перед ней.

— Если мы не перелетели через нее, когда были наверху, — вмешался Дик. — Нет, такой скорости ветра нет. До руски пять дней пути, если идти по земле.

Шар теперь плыл медленно.

— Дождь кончится, — предупредил Казик, — и мы поднимемся наверх.

— Зачем? — спросил Дик.

— Посмотрим на солнце и узнаем направление. Сейчас теней нет, ничего нет.

— Лучше спуститься и поискать на земле, — ответил Дик неуверенно.

Он понимал, что это не лучшее решение, потому что если они окажутся в незнакомом месте, то с земли найти направление еще трудней. Но подниматься наверх не хотелось.

— Вы голодные? — спросила Марьяна.

— Нет, — качнул головой Казик.

Но Марьяна достала из мешка сухарей, намазала их грибным паштетом, и мужчины принялись хрустеть, поглядывая вниз, в надежде увидеть что-нибудь знакомое.

Один раз Дику показалось, что он узнает холм, выдавшийся из леса, но Казик сказал, что это другой холм. Время шло. Дождь все не прекращался, хотя гром гремел издалека и не страшно. Прошло еще часа полтора. Марьяна, чтобы согреться, приседала в корзине, пока не устала. Но не согрелась, а только запыхалась. Дик усился на дне и принял протирать арбалет. Казик грел руки у горелки, потом он сказал Марьяне, чтобы она тоже погрелась. Все очень устали от неизвестности. Казалось, что они улетели так далеко от поселка, что никогда уже не вернутся обратно.

Дождь прекратился. Сразу стало тише, потому что капли перестали стучать по оболочке. От теплого шара поднималася пар.

Казик долго смотрел вперед, потом вдруг крикнул:

— Смотрите!

В начинающихся ранних сумерках впереди, у горизонта, была видна светлая полоса.

Дик всмотрелся туда и сказал, что это, наверное, река.

— А может, кончается лес, — проговорила Марьяна.

Она стояла с другой стороны корзины и тоже увидела светлую полосу на горизонте. Получалось, что они видят две реки.

Еще через полчаса неспешного полета они убедились, что впереди в самом деле река — возник и другой темный берег. Светлая полоса справа была очень широкой и терялась за горизонтом, а река с ней соединялась.

Дик сказал, что это другая, очень большая река.

А Казик предположил:

— Хорошо бы это было море.

— Море? — Марьяна знала это слово, но не представили себе, что на этой планете тоже может быть море, и притом так близко.

— Или очень большое озеро, — сказал Казик. — Но все-таки лучше море. Тогда мы построим корабль и уйдем в плавание.

— Только бы шар не унесло в это море, — произнес Дик.

Он все вглядывался вперед, стараясь угадать, та ли это река, что им нужна. Когда-то, кажется в прошлом году, он доходил до реки, но не смог из-за болот, кишащих всячими гадами, выйти на берег. У него кончилась еда, а охота была плохая. Пришлось вернуться. Он помнил холмы у реки, но здесь таких холмов не было видно.

Они решили подняться повыше, к облакам, в поисках по-путного ветра. Шар устал лететь и поднялся еле-еле, лениво и нехотя.

Здесь ветер в самом деле был сильнее, но тоже дул не туда, куда хотелось. К тому же снова пошел дождь. Это всем надоело — ленивый шар, холод, влага, и тем более обидно, когда ты уже у цели, еще немного — и перелетим через реку, а там уже можно спускаться, переночевать и искать людей.

Несколько больших птиц, которые живут высоко в небе и потому их можно увидеть только издали, снизились к шару и с криками, хлопая перепончатыми крыльями, принялись виться вокруг, недовольные тем, что он нарушил границы их владений.

Одна из них даже умудрилась вцепиться когтями в веревки и несколько раз ударила усеянным зубами клювом по оболочке.

— Вот этого я тебе не советую, — сказал Дик, быстро поднимая арбалет.

Стрела пронзила птице грудь, и та мгновенно убрала когти, оторвалась от шара и пролетела совсем рядом с корзиной, кругами планируя вниз. Дик даже протянул руку, надеясь схватить ее, и Марьяна повисла на нем, потому что Дик вывалился бы из корзины.

— Жалко, — огорчился Дик, — у нее вкусное мясо.

Он выстрелил в другую птицу, но промахнулся.

Птицы еще некоторое время преследовали шар, но потом скрылись в завесе дождя.

Реку уже можно было разглядеть. Она была широкой, темно-серой, в цвет облаков, и текла прямо, почти не извиваясь, не то что ручьи, к которым они привыкли.

— Если не перелетим, — предупредил Дик, — то трудно будет перебраться.

— Может, опустимся на ночь? — предложила Марьяна. — А утром подождем ветра и полетим дальше.

— Хорошо бы, — неуверенно ответил Казик. — И балласта еще наберем. Только садиться негде.

Он был прав: внизу не было ни поляны, ни большого открытого места, чтобы посадить шар.

Они замолчали, слушая тишину, царившую над миром. Стук капелек по шару лишь усиливал эту тишину.

И тут впереди возникла серая стена.

Марьяна ахнула, когда первой увидела, что громадная сырьевая стена поднимается перед шаром. Порыв ветра подхватил шар и понес его быстрее, словно шар нарочно хотел отомстить людям за то, что они заставили его так долго лстить.

— Казик! — закричала Марьяна.

Казик тоже увидел стену, выплывающую из дождя.

Он до отказа открыл горелку.

— Все кидайте! Все кидайте вниз!

Балласта уже почти не оставалось, только маленький мешочек. Дик швырнул его за борт. Марьяна подняла мешок с едой, но колебалась.

— Скорее! — велел Казик, и Дик вырвал у Марьяны мешок и кинул его вниз, потом он подхватывал со дна корзины разные вещи, не думая, что это такое, и швырял за борт.

Шар, поколебавшись несколько секунд, пошел вверх.

В изумлении, замерев, астронавты смотрели, как уходила вниз серая стена.

Это было дерево, немыслимое, гигантское дерево. Они увидели, как от главного ствола отходит сук толщиной с метров в двадцать и тянется почти горизонтально. Шар пролетел рядом с суком, чуть не дотронувшись до него. Выше ветви расходились все чаще, и только чудом шар не наталкивался на них.

Никто не знал, сколько минут продолжался этот подъем, но вдруг стало темно и ствол исчез из глаз — шар вошел в облака.

Дерево было рядом, оно еще не кончилось, оно тянуло к шару свои серые лапы.

Порыв ветра подхватил шар и кинул его в сторону дерева.

— Держись! — крикнул Дик, падая на пол корзины и увлекая за собой Марьяну. Казик упал сверху.

И вовремя.

Раздался очень громкий треск, корзину бросило вперед, потом она налетела на препятствие, заметалась, как птенец, попавший в ловушку, что-то ухнуло с треском над головами, шар сделал несколько судорожных предсмертных движений.

И наступила тишина. Ничего не видно вокруг.

Корзина, круто наклонившись, медленно покачивалась.

— Вот и все, — сказал Казик печально. — Нет больше шара.

— Главное, мы живы, — возразил Дик. — И не разбились. Это главное.

* * *

Они сидели на дне корзины, стараясь не раскачивать ее, чтобы не сорваться вниз. Языки облака ползли через корзину, порой скрывая темное пятно отверстия в шаре, порой рассеиваясь, и тогда можно было заглянуть в загадочную глубь пузыря. Но понять, что с ним случилось, никак не удавалось. Светало так медленно, что казалось, день не наступит никогда. Клочья облаков были светлее воздуха, но постепенно воздух сравнялся с ними цветом, и все стало одинаково серым.

Дрема оставила астронавтов, тягучая дрема, на грани сна, которая связывает языки и сковывает члены, но не заменяет сна, потому что все время чувствуешь, как холодно и ненадежно.

— Я никогда не думал, что бывают такие деревья, — проговорил Казик.

— Наверное, даже на Земле их нет, — ответила Марьяна.

— На Земле деревья еще больше, — произнес уверенно Казик. — Например, секвойя. Она растет в Скалистых горах.

— Может, это не дерево, — засомневался Дик. — Может, такая скала?

— С сучьями? — спросила Марьяна.

— Разве разглядишь?

— Но мы висим.

— Может быть, висим на выступе. Если это дерево, то съе хуже.

Марьяна осторожно шарила вокруг в надежде, что выбросили не всю пищу, что-нибудь осталось. Но корзина была совсем пуста.

— Зря выбросили топливо, — пожалел Казик.

— Мы больше не полетим, — отозвался Дик. — Хватит. Лучше ходить пешком.

— Надо скорее спуститься вниз, — решила Марьяна. — И отыскать мешки. А то кто-нибудь их найдет раньше и все съест.

— Ну, топливо вряд ли кто съест.

Дик подполз к краю корзины и стал вглядываться в уман.

Марьяна вскрикнула. Она выпрямила ногу, а нога так онемела, что по всему телу прошла иголками боль. Дик вздрогнул, корзина зашаталась.

— Я думаю, — сказал Дик, — что шар зацепился за всх и разорвался. Если мы будем шатать корзину, она может со- всем оторваться, а до земли далеко.

Ветерок погнал ключья облака, и в просветах между ними можно было разглядеть ветви дерева, серую с темными про- плешинами и провалами стену. Вершина шара все еще скрывалась в тумане.

— Надо выбираться, — предложил Дик неуверенно.

Он вытащил из колчана стрелу с тяжелым наконечником и кинул вниз.

Было тихо. Казик считал про себя. Он досчитал до двад- цати.

Ничего они не услышали.

— Может, на дерево упала, — предположил Казик. — Или в мох. Я полезу. — Куда? — спросила Марьяна.

— По веткам вверх. Чего ждать? А потом вам крикну.

— Давай, — согласился Дик. — Ты самый легкий.

Казик проверил, хорошо ли держится нож. Потом, держась за канат, осторожно вылез на край корзины.

— Совсем не страшно, — сообщил он. — Ничего не видно и поэтому не страшно.

Он ухватился обеими руками за канат и подтянулся так, чтобы ухватить его ногами. Марьяна и Дик замерли с дру- гой стороны корзины. Корзина раскачивалась. Казик пообре- щал:

— Я вам буду рассказывать, чтобы вы знали.

Он лез быстро — привык лазить по лианам. Через полми- нуты Казика уже не было видно, только корзина раскачивалась в такт его движениям.

— Ну и как? — спросил Дик.

— Лезу. Шар совсем без воздуха, как тряпка.

Через некоторое время корзина перестала покачиваться.

— Что? Добрался? — спросил Дик.

— Нет, это я отдыхаю. Уже скоро доберусь.

«Ждать всегда плохо, особенно когда не знаешь, чем кон- чится ожидание, — думала Марьяна, — но почему-то мы всегда чего-то ждем. Даже жить некогда. Вообще-то мы ждут, когда мы улетим на Землю, а я жду, когда вернусь к Олегу. Дик ждет, чтобы скорее оказаться в лесу. Теперь мы ждем — оборвется шар или нет. Очень глупо ждать, самое обыкновенное и самое неправильное занятие. Жить надо так, чтобы совсем не ждать...»

Корзина снова начала покачиваться. Послышался треск. Марьяна поняла, что это трещит оболочка шара. Корзина дернулась и опустилась рывком на полметра.— Осторожнее, — предупредил Дик.

— Сейчас, — ответил Казик. Голос был глухим, как будто сго обгряз туман.

Корзина качнулась сильнее.

— Выбрался! — сообщил Казик. — Вы не бойтесь, шар хорошо зацепился канатами. Здесь большой сук, с меня толщиной. И еще ветки. Так что не бойтесь. Лезьте. Я вас жду.

— Ну, иди, — велел Дик Марьяне. Он поднялся и приторочил к спине арбалет, чтобы не мешал при подъеме. Он верил Казику и больше не боялся, что шар оборвется. — Если устанешь, отдыхай. И вниз не смотри.

— Все равно ничего не увидишь. Не бойся за меня.

— Ты отдыхай, не спеши, — повторил Дик. — Я бы полез сразу за тобой, но канат может двоих не выдержать.

Марьяна встала на борт корзины, крепко держась за канат. Канат был влажным и скользким. Но страшно в самом деле не было. Она тоже умела лазить по деревьям.

Через несколько минут она уже стояла рядом с Казиком на широкой, нависающей над землей дороге — так выглядел сук дерева. Шар зацепился за острые ветви, торчащие из главного сука, запутался в них и в листвиях, похожих на ножи, порвался, но канаты держались крепко.

* * *

Уже совсем рассвело, и теперь, когда самое страшное было позади, всем жутко захотелось есть. Но чтобы поесть, надо как можно скорее спуститься на землю и отыскать мешок с сдой.

— Пошли, — сказал Дик, беря арбалет на руку, чтобы быть готовым к неожиданностям. — Ты, Марьяш, иди в сединке.

— Нет, — возразил Казик.

— Что еще?

— Ты забыл. Нам же вниз спускаться.

— Ну и что?

— Я веревку возьму.

Дик остановился. Он понял, что Казик прав.

Но тут же возникла проблема: как достать веревку. Они попытались потянуть за одну из веревок, но все они были так крепко переплетены, что ни одна отдельно не поддавалась. Вытащить наверх весь шар тоже не удалось — корзина

была слишком тяжелой и ноги скользили по покатой спине громадного сугуба.

— Ждите, — бросил тогда Казик, и, прежде чем Дик успел возразить, он скользнул вниз по сетке шара, скрылся в тумане и возвратился вновь минут через пять, запыхавшийся, но довольный. Он потянул за канат, по которому спускался, и канат медленно полез наверх.

Канат был крепким и длинным. Казик сматывал его в колышко и повесил через плечо. Ему было тяжело, но он не подал вида.

За то время, пока Казик спускался, чтобы отрезать канат от корзины, Дик прошел вперед, до того места, где большой сук вливался в главный ствол дерева. Ничего опасного он не встретил. Марьяна тоже не теряла времени даром, она присела на корточки и отрезала кусочек от сугуба. Это было дерево, настоящее дерево, с твердой толстой корой, скользкой и плотной сверху, но куда более рыхлой, поддающейся ножу в глубине. От этого, если идешь по сугубу, он чуть пружинит под ногами.

Они пошли к главному стволу. Марьяна посмотрела, как Казик сгибается под тяжестью каната, и поняла, что он никогда не согласится его уступить. Поэтому она сказала:

— Казик, зачем нести канат без пользы? Я думаю, нам лучше связаться этой веревкой, и если кто-то нечаянно упадет, остальные его удержат.

— Здорово! — обрадовался Казик. — Как альпинисты, которые штурмуют Эверест.

Ни Дик, ни Марьяна не помнили, что такое Эверест, и не знали, чем занимаются альпинисты, но спрашивать не стали.

Они обязались канатом, он был таким длинным, что не мешал идти.

Так они прошли до начала сугуба, до того места, где он присоединялся к стволу. Тогда стало понятно, что этот сук на самом деле — одна из гигантских лиан, из которых было сплетено дерево. Только она отклонилась почти под прямым углом. Сук не вливался в ствол, как у обыкновенного дерева, а продолжался дальше, внутрь его, раздвинув соседние лианы. Это было как в девичьей косичке, у которой одна прядь выбилась наружу. В том месте над суком образовалась сужающаяся кверху щель, уходившая в туман, как туннель, темный и мрачный, стены которого поросли длинным шевелящимся мхом и лишайниками.

Они остановились перед входом в туннель, не зная, что делать дальше. То ли забраться в темноту, то ли поискать другой путь вниз.

Марьяна осторожно потрогала мох. Он был ей знаком. Зеленая масса вздрагивала при прикосновении, прижималась к коре. Такой пугливый мох, только поменьше ростом, часто встречался на деревьях в глубине леса, есть его нельзя, он горький. Но порой в нем живут орешки — это вроде болезни мха, — крепкие, хрустящие, почти безвкусные. Их обычно едят только ребяташки, потому что съесты от них мало. Но теперь бы и орешки не помешали.

Пока Марьяна безуспешно искала во мху орешки, Дик осторожно, на длину каната, вошел внутрь щели. С каждым шагом гигантская лиана шла все более наклонно, водопадом скатываясь внутрь ствола. Дик поскользнулся и упал на живот, чтобы не съехать вниз, в черную бездну, и не потянуть за собой остальных. Потом он выполз обратно.

— Будем снаружи спускаться, — решил Дик. — Ничего не нашла?

— Нет.

— Пить хочется, — сказал Дик.

Они развязали веревку и замотали ее конец за ветки, которые, как кусты, вылезали у самого основания суха. Казик, укрепив другой конец у пояса, начал спускаться вниз по стволу, цепляясь пальцами за неровности коры и растения, которые гнездились в коре.

Дик все время был настороже. Он не надеялся на то, что ветви надежны, и все время ждал рывка — если ветви обернутся, ему придется принять на себя вес Казика? И он боялся этого, потому что удержаться на скользкой покатой поверхности нелегко.

А Казик спускался очень медленно, он тоже был осторожен. Он поглядывал вниз, стараясь увидеть в тумане, нет ли там площадки или другого сучка. Чтобы развлечься, он представлял себя земным альпинистом.

Неожиданно он увидел острый сучок, торчавший из ствола чуть в стороне от его пути, и протянул руку, чтобы за него схватиться. Но в то мгновение, когда он дотронулся до суха, тот разделился на два зазубренных ножа, и лишь мгновенная реакция Казика спасла его руку. Он успел отдернуть пальцы, но все же ножи полоснули по ним. Веревка дернулась. Дик подхватил ее сильнее и крикнул сверху:

— Ты чего?

Казик ответил не сразу. Кровь полилась из подушечки ладони, разрезанной ножами, которые оказались челюстями крупного насекомого — оно скрывалось в норе, вырезанной в коре дерева, и подстерегало добычу, сделав вид, что его жалы — лишь обломанный сучок.

Перевязать руку было нечем. Казик крикнул наверх:

— Ничего, оцарапался. Здесь паршивец сидит, кусается.

— Осторожнее, — ответил Дик. — Не сильно поцарапался?

— Не сильно. Дальше спускаюсь.

Но, видно, запах крови возбудил в паршивце желание по завтракать, и он начал выползать из норки. За челюстями, которые нервно раскрывались и закрывались, будто насекомое норовило примериться к добыче, показалось членистое тело, оно лезло и лезло из норы, и казалось, конца ему не будет.

— Ого, — произнес Казик.

— Что? — спросил Дик.

— Длинный.

Казик держался здоровой рукой за канат, другой вытащил нож, и, когда паршивец — теперь уже похожий на головастую радужную змею на множестве маленьких цепких ножках — подбежал к нему, Казик полоснул ножом, отрезав голову. Тело змеи продолжало шустро, но бесцельно бегать по стволу, а голова упала вниз, и метрах в трех внизу из ствола мгновенно высунулись другие щипцы, подхватили голову сбрата и утянули внутрь.

Руке было больно — наверное, от яда.

Казик предупредил:

— Тут осторожно надо спускаться. Эти паршивцы норы накопали и ждут.

— Может, поднять тебя? — спросил Дик.

— Нет, наоборот, — ответил Казик. — Я буду побыстрее спускаться и ствол трогать не буду. Там внизу что-то есть.

Не обращая внимания на боль, он взялся за веревку обеими руками и соскользнул вниз.

Крышки нор, в которых жили паршивцы, с треском распахивались, и оттуда, как вытолкнутые, высакивали ножки челюстей, тянулись к Казику, но, к счастью, не успевали.

Внезапно белая вата облака ушла в сторону, и Казик увидел, что конец веревки лежит в воде. Его даже посетила надежда, что дерево оказалось куда ниже, чем они ожидали, и потому он уже видит землю. Но это было лишь озерко, которое уместилось между двух сросшихся лиан. Озерко было длинным и узким, вокруг него росли кусты и даже две небольшие сосенки.

Казик стал спускаться еще быстрее, но когда до поверхности воды осталось метра три, он не выдержал боли и отпустил руки. И ухнул с плеском в озеро, сразу уйдя в него головой.

Казик выбрался из воды, сел на берегу, поросшем травой, и сразу вернулась боль в руке. Но он не хотел говорить о

ией Дику и потому стал спокойно объяснять, что нашел озеро и что, когда Марьяна и Дик будут спускаться, лучше не дотрагиваться до ствола.

— Я их выжгу, — решил Дик, — у меня бластер.

— Не надо, — ответил Казик. — Бластер нам еще нужен, и этих паршивцев здесь много. Только они не успевают тяпнуть, если быстро спускаться.

* * *

Вода в озерце была темной, гниловатой, в ней жило множество мелких тварей. Когда Марьяна, спустившись, намазала мазью и перевязала распухшую руку Казика, она дала своим спутникам по таблетке из тех, что Олег принес с корабля, потому что от незнакомой плохой воды можно заболеть дизентерией или даже отравиться.

Они напились, но от этого голод стал еще сильнее.

Марьяна поспешила к соснам. Сосны, что росли здесь, были махонькими. Наверно, когда-то их споры занесло сюда ветром, и они укоренились в мягкой коре. Под соснами всегда бывают грибы, только Марьяна не была уверена, что грибы здесь есть, потому что нет земли, чтобы закапываться. Но ей повезло — в трухе у сосенок она поймала несколько грибков, тоже небольших, но самых настоящих. Грибы были незнакомого цвета и могли быть ядовитыми, иногда ядовитые грибы притворяются настоящими. Она надкусила один — он был настоящим, сладковатым; конечно, их лучше бы сварить, а то потом будет щипать рот, но сейчас не до костра, все такие голодные. И Марьяна поймала все грибы, что росли там (их набралось два десятка), принесла мужчинам, их разделили и съели.

А руку Казика разнесло так, что она стала толще ноги. И онемела. Это было неплохо, потому что она меньше болела. И его не знобило, не тошило, и это тоже было хорошо — значит, яд у челюстей был несильный. Плохо только, что рукой Казик не мог пользоваться и ему было трудно спускаться по веревке, а ведь все равно придется спускаться — до земли еще далеко.

Стало теплее, здесь был нижний край облаков, а облака днем поднимаются выше, поэтому, когда они поели, оказалось, что внизу чисто и можно даже разглядеть землю.

Земля была очень далеко внизу. Как с воздушного шара. Увидеть ее можно было с трудом, потому что ствол в некоторых местах раздувался, когда лианы расходились, образуя лабиринт туннелей. В одном месте, метрах в ста ниже, по-

лучалась широкая площадка, с леском и проплещинами бояротца.

Путешественников охватило уныние.

— Лучше бы и не видеть, — вздохнула Марьяна. — Когда не видишь, кажется, что уже немного осталось.

— Теперь наш мешок наверняка кто-то съест, — сказал Казик. Он был страшно голоден.

— Здесь какая-нибудь добыча будет, — успокоил Дик. Он держался за ствол сосны, упругий и мягкий, и глядел вниз, рассматривая лесок на развилке. — Только бы туда спуститься.

— Жалко, что Олег не сделал парашют, — произнес Казик. — Я ему советовал сделать парашют и прыгать с воздушного шара, но он сказал, что сделает его потом.

— Олег бы что-нибудь придумал. — В этих словах Марьяны Дику послышался укор.

— Ему хорошо думать там, в поселке, — сказал он. — А здесь надо действовать.

— Олег хотел полететь с нами, — напомнила Марьяна. — Его не пустили.

— Тогда и нечего жалеть.

На самом деле он не сердился на Олега. Это сейчас не играло роли. Главное было — спуститься вниз.

Казик прошел по суку дальше, за озеро, чтобы посмотреть вдаль.

И, увидев эту даль, не выдержал и закричал:

— Скорее сюда! Вы только посмотрите!

Они подбежали к нему.

Казик отодвинул свисавший сверху лист размером больше его самого, и в этом окне стала видна широкая река, отсюда совсем близкая. Можно было даже увидеть, как по ней бежит рябь от ветра. Река делилась дальше на несколько рукавов и вливалась в озеро, было понятно, что это озеро, а не море, потому что за его громадным зеркалом была полоска голубых холмов, отороченных темной каймой леса. В дельте реки, по песчаной косе, брело стадо мустангов. Что-то слугнуло их, и они, надув пузыри, поспешили к воде.

За рекой лес был другой, темнее по цвету, в синь; он поднимался на невысокие сопки и уходил в мягкие долины,казалось, что там застыло пологими волнами голубое море. И это было красиво.

Лагерь экспедиции им не был виден — до него оставалось километров двадцать и он скрывался за волнами сопок. Им очень хотелось его увидеть, и они долго обшаривали взглядами лес за рекой.

— Блестит! — закричал вдруг Казик и показал туда, в лес.

Над лесом поднялась блестящая точка, как огонек на фоне серых облаков, и исчезла.

Остальные не увидели этого огонька, потому что он исчез в облаках слишком быстро. Но поверили Казику, потому что очень хотелось поверить. Место, откуда поднялся огонек, было недалеко от берега озера, и потому Дик сказал:

— Мы переберемся через реку поближе к озеру, там неширокие рукава, легче переплыть. И пойдем по берегу.

— Правильно, — подтвердил Казик. — У озера и лес не такой густой.

Они еще долго стояли и глядели в то место, надеясь что-нибудь увидеть. Но в то утро Клавдия запустила только один геоскаут. Она хотела запустить и второй, но потом решила, что ей достаточно работы и без этого. У нее было плохое настроение, и она не хотела признаться себе, что причиной было увиденное ею вчера вечером в лаборатории. Вернее, она ничего не увидела, но почувствовала по неловкости Павлыши и Салли, по тому, как близко они стояли друг от друга, что их связывает тайна, которой они не намерены с ней делиться. Это было обидным предательством со стороны Салли.

Павлыш об этом не подозревал. Он задумал полет к горам. Ему надоело препарировать здешних злобных тварей и каталогизировать бесконечные виды бактерий. Ему хотелось оказаться там, где синее небо и чистый снег, где ничего не ползает, не крадется, не подстерегает, где не поднимается вонючая сырость из предательских топей, где можно снять шлем и погулять, не думая о болезнях, — там только чистый снег, мороз и синее небо.

В тот момент, когда ребята с великого дерева взглядывались в лес, окружавший станцию, Павлыш разговаривал с Салли, взявшейся расконсервировать планетарный катер. Он сказал, что хотел бы улететь на целый день в горы. И Салли попросила, чтобы он ее взял, потому что ее также угнетал сырой лес, и она очень обрадовалась, что Павлыш чувствует то же, что и она.

* * *

Следующую ночь путешественники провели в воздушном лесу на большой развилке дерева. Это был настоящий лес, в котором росли не только сосны, но и злобные кустометы. Правда, если ты их увидел вовремя, то они не опасны. Кустометы чувствуют тепло, и если к ним приблизится неосторожный зверь, они мечут в него свои острые длинные иглы. Иглы летят так сильно, что могут пронзить козу или медве-

дя. Бороться с ними научились быстро. Надо было только, не доходя до куста шагов десять, кинуть в него чем-нибудь теплым. Можно даже снять куртку и кинуть, кусты сразу метнут все иглы, а потом уж можно смело подходить. Их иглы идут в хозяйство, а молодые побеги очень сочные.

Увидев кусты, Марьяна обрадовалась. Она наломала ветвей, и они ели их целый час, пока не надоело. От них во рту оставался приторный привкус. Голод не утолился, он только заглох, и очень захотелось чего-нибудь еще более солидного.

Дик пошел по леску, чтобы поискать добычу, он был убежден: здесь что-нибудь гнездится. Он бродил по леску целый час, однако, кроме несъедобной змеи и птицы, которая улетела, как только его заметила, ничего не нашел.

Но вниз они спускаться не стали. Погода опять испортилась, и, хоть было тепло, даже теплее, чем обычно, снизу поднялся туман. К тому же у Казика болела рука, и его даже в лес спускали, привязав к веревке.

* * *

В тот вечер, пока не стемнело, Павлыш решил поехать на вездеходе по берегу озера, но не в сторону реки, а туда, где раньше еще не был.

Проехав километров десять вдоль озера, он добрался до небольшой быстрой речки, впадавшей в него. По ней поднялся еще на несколько километров. Потом он увидел странное и чем-то привлекательное ленивое существо размером чуть больше собаки. Существо поросло густыми, длинными, до земли, водорослями. Оно брело среди низких кустов, не обращая на вездеход никакого внимания, иногда разгребало землю длинными когтями, выискивая пищу. А дальнейшее случилось так неожиданно, что, только вернувшись в лабораторию и прокрутив пленки, Павлыш понял, что этот зеленый медведь приблизился к невинным на вид кустам, поросшим колючками, к тем самым, что плевались иголками в Павлыша. Куст тут же метнул иглами в медведя, и тот, превратившись в дикобраза, свалился замертво.

Павлышу было непонятно, зачем кусту такая агрессивность. Ведь медведь ничем ему не угрожал. Поэтому он вытащил несколько иголок из шкуры медведя и в лаборатории рассмотрел их под микроскопом. И обнаружил любопытную вещь, которая еще раз подтверждала расхожий неумолимый и вечный закон — в природе нет ничего бессмысленного. Оказалось, что на концах игл находились микроскопические споры. Споры, попавшие в кровь, сразу же проросли.

Утром Казик проснулся раньше всех. Пожевал молодых побегов и тихонько, чтобы не разбудить старших, пошел к своему наблюдательному пункту. Озеро еще было покрыто туманом, и потому дальний берег скрывался в белесой бесконечности. И легко было представить, что это Тихий океан, а он — английский капитан Дрейк, который с помощью индейца поднялся на высокое дерево, что растет на Панамском перешейке, и смотрит сверху на простор океана, который намерен покорить на своей «Золотой лани». Там, в просторах Тихого океана, его ждут атоллы, на которых качают пышными головами кокосовые пальмы, встреча с испанским серебряным галеоном, запах муската на островах пряностей и таинственные берега Африки... Мир был светел, романчен и открыт для него — великого путешественника.

С темно-зеленого листа, которым можно было бы перекрыть целую хижину, вереницей спускались змейки — сверкающие гребни, раздвоенные хвосты, — спешили на утреннюю охоту. Сизые толстые тли, облепившие лист, зашевелились, почувствовав опасность; полосатый жук родился из стебля, на глазах превратился в летающий волос и полетел по своим делам, за ним, хлопая крыльями, погналась белая птица; рой мошек вился над головой. Казик почувствовал, что сейчас из ствола ближайшей сосенки выползет ядовитый увалень. Поэтому он, только скосив глаз и не прерывая потока сладких мечтаний, метнул нож в открывающееся в коре отверстие и загнал увальня назад. Теперь до вечера не посмеет высунуть жала.

- Казик, ты здесь? — услышал он голос Марьяны.
- Здесь.
- Рука болит?
- Лучше.

Потянуло дымком. Это Марьяна развела огонь, чтобы поджарить побеги куста и грибы, которые вылезли из мха за ночь.

Казик оторвался от лицезрения «Тихого океана» и велел ожидавшему внизу «индейцу» отвести его обратно к «Золотой лани». По краю суха, по откосу, цепляясь за тонкие лианы, он пробрался к серой стене главного ствола и переполз через мостик из высохшего суха к следующей развилке. Тут ему повезло, удалось высмотреть старую лиану, толщиной в полметра, которая обвивала ствол спиралью, и по ней спуститься метров на тридцать ниже до входа в дупло размером мастерскую Сергеева. Казик вытащил нож и осторожно проник в черную пещеру. Постоял, пока глаза привыкали к

темноте. Потом кинул вперед шишку. Шишка прокатилась по полу дупла, запрыгала, легко цокая, потом был плеск. Значит, там вода. И если вода, то выхода нет — вода бы сюда нашла. Потом, как бы в ответ на плеск, послышалось уханье — видно, Казик разбудил жильца этого дуба. Можно было подождать, пока жильтя выползет наружу, но еще неизвестно, чего ждать. Как человек леса, Казик предпочел без нужды не рисковать.

Казик вернулся к старшим. Посев, они все вместе спустились к дуплу и, стараясь не шуметь, чтобы не разозлить неизвестного жильца, стали внимательно рассматривать ствол, надеясь все же отыскать путь вниз. Что же им, помирать на этом дереве?

— В крайнем случае, — сказал наконец Дик, — будем вырезать ступеньки в коре. И по ним спускаться.

— Сколько же ступенек надо вырезать? — ахнула Марьяна. — Это на целый год!

— Попробуем. Раз ничего лучше нет.

* * *

После обеда Павлыш сказал Клавдии, что полетит в поиски и берет с собой Салли, потому что мотор вездехода барахлит и он хочет чтобы Салли поглядела на него в работе.

— Хорошо, — позволила Клавдия, — только далеко не отлетайте.

— Спасибо, — сказала Салли, когда они поднялись в воздух. — Ты мне покажешь эти деревья?

— Конечно, самому не терпится на них взглянуть снова. Мне даже не верится, что они существуют.

Вездеход перелетел через реку, и, когда Салли увидела сплетенные из гигантских канатов стволы, уходящие в облака, она не смогла сдержать возгласа восхищения.

— Такого не бывает. Такое может только присниться.

— Мне хочется разогнать облака, — произнес Павлыш. — Чтобы снять их во всей красоте.

— Клаву надо сюда свозить, — решила Салли. — Ей понравится.

— Она не выйдет со станции. Удивительное дело — сюда больше всех отвратительна планета, которую она изучает. В этом есть что-то неправильное.

— А тебе, Слава, она нравится?

— Очевидно, нельзя подходить к планете с такими мерками.

— Разумеется, нельзя, даже к живому существу нельзя подходить с такими мерками. Субъективизм исследователи

опасен... прости, я заговорила словами Клавдии. Но главное не это, главное то, что эта планета нам всем не нравится. В общем, мы избалованы цивилизацией. Мы таскаем с собой наш мир, включая шампиньоновый соус, и глядим на новый мир сквозь надежные иллюминаторы вездеходов. Они для нас как окуляр микроскопа.

— Значит, ты не согласна с Клавдией?

— При чем тут мое согласие или несогласие? Клавдия та-
кая же, как и я, жертва высокой цивилизации. К тому же она человек, у которого очень сильно развито чувство долга. Она превращает в долг и те пункты инструкции, которые придуманы в чистых кабинетах Земли-14, придуманы ум-
ными людьми...

— Которые в свое время прошли не одну планету...

— И хотят, чтобы исследование обходилось без случай-
ных жертв. Тем более что контакт с неизвестным первобыт-
ным миром часто опаснее для этого мира, чем для нас. Мы-
то пока живы-здоровы. А нескольких представителей этого
мира мы уже убили.

— С перепугу, — улыбнулся Павлыш

— В общем-то, мы оба отлично понимаем, что люди, ко-
торые пишут инструкции, совершенно правы. Сначала надо
узнать, с чем мы имеем дело, а потом уж делать выводы. Ведь ставка — не только мы, ставка — и другие люди, кото-
рые придут после нас, и те, с кем мы войдем в контакт, ког-
да вернемся домой. Я не хотела бы занести на Землю какой-
нибудь дикий вирус.

— И нам помогает то, что планета нам не нравится, — за-
кончил Павлыш.

— Может быть, — согласилась Салли. — Давай как-ни-
будь совершим с тобой восхождение на это дерево, как на
горы.

— Я об этом второй день мечтаю.

Они поднялись выше, метров на двести, к нижней кромке облаков. Там переплетались ветви, в широкой развилке уместилось озерко воды и даже несколько небольших дере-
ревьев.

— Идиллический уголок, место для пикника, — оценил Павлыш.

— Не дразнись. — Салли положила руку на локоть Пав-
лыша. — Ты же знаешь, что я хотела бы устроить пикник. Только не здесь. Здесь водятся скорпионы.

— Мы в скафандрах.

— Что за пикник в скафандрах?

Они поднялись еще выше. С громадного горизонтального суха, протянувшегося по нижней кромке облаков, как виа-

дук забытой цивилизации, свисала огромная рваная тряпка, обмотанная жилами, с тельцем вроде плетеной корзины, достаточно большой, чтобы уместить несколько человек. Пав-лыш сфотографировал тряпку и сказал:

— Представляешь, природа здесь додумалась до воздушного шара.

— Совсем не похоже.

— А мне кажется, что в живом виде это существо представляло собой громадный пузырь, наполненный воздухом. Я видел здесь подобные существа, только небольшие, они в минуту опасности раздувают пузырь на спине — помнишь, я показывал вам пленку? И вот оно летает где-то в обла-ках... А когда мы освоим эту планету, то молодые смелчаки будут кататься на них.

Глава шестая

Минул третий день, как улетел воздушный шар.
Поселок жил в нервном ожидании.

Стояла теплая погода, как к концу лета.

Они сидели в мастерской — Олег, Старый и Сергеев.

Видно было, как на огороде возятся Вайткус с женой, пропалывают овощи; ребята носят ботву и складывают ее у забора. Там дежурит коза, которая привела к этому месту своих детей, и они копаются в ботве, выискивая вкусные побеги.

— Плохо, — произнес Сергеев, который уже похудел и осунулся за последние три дня. — При нормальных условиях они бы долетели туда за день-два. И сегодня бы мы встретили гостей.

Олег непроизвольно поглядел в сторону ворот. Он уже много раз за последние два дня смотрел в ту сторону, представляя себе, как из леса выйдет, чуть покачиваясь, блестящий обтекаемый экспедиционный вездеход, и как они все побегут к нему, и как из вездехода выйдут настоящие исследователи и будут удивляться: неужели можно выжить на этой планете? И даже развести огород?

Но лес был молчалив, как прежде.

— Не исключено, то есть даже вероятно, — вмешался Старый, — что они спустились на шаре где-то в лесу и не могут найти лагеря экспедиции — в лесу это нелегко сделать.

— Я все эти варианты просчитывал, — ответил Сергеев.

В мастерскую заглянула толстая Луиза, спросила, починил ли Сергеев лопату. Тот отдал ей лопату. Олегу вдруг стало неприятно, что Луиза может думать о лопате, когда неизвестно, что случилось с Марьиной.

Старый перехватил взгляд Олега.

— Как-то Лев Толстой, да, если не ошибаюсь, Лев Толстой, был на холере и вошел в избу, где только что умер

мужик, единственный кормилец. И там сидела жена умершего мужчины и ела щи. И кто-то из людей, что пришли с Толстым, стал возмущаться — как это можно, в такой горестный момент есть щи? А старуха ответила: «Не пропадать же пище». Может, я неточно пересказываю, но ты, Олежка, неправ. Луиза переживает не меньше тебя. Только она понимает, что поселку надо жить, нельзя опускать руки. У нас бывали времена и потяжелее, и то мы продолжали работать — иначе бы не выжили.

— Я ничего не думал, — возразил Олег.

— Ну и хорошо, — отозвался Сергеев. — Что же будем делать?

— Наверное, надо идти в лес, — решил Старый. — Если они спустились — мы знаем направление полета. Мы их найдем.

— Правильно, — согласился Олег, — я пойду, можно?

— Нелепо, — ответил Сергеев. — Подумайте. Ветер мог измениться, и их могло унести далеко в сторону. Очень далеко.

— А вдруг они совершили вынужденную посадку?.. — Олегу трудно было выговорить это, но он заставил себя сказать: — И пострадали, разбились, и им нужна помощь.

— Где им нужна помощь? Покажи! — жестко сказал Сергеев.

— Мы пойдем до реки, мы пойдем по тому пути, по которому летел шар. Это четыре-пять дней.

— И кто же пойдет? — спросил Сергеев.

Почему-то голос его был злой. И Олег не понимал, что злость эта происходит от сознания собственного бессилия. Все мысли Олега и предположения Сергеев за последние дни взвесил, просчитал и отверг, хотя он тоже хотел бы уйти сейчас за астронавтами и искать их в нескончаемом лесу. Только не сидеть и не ждать.

— Я пойду, — предложил Олег. — С вами. И можно взять Фумико. Она хорошо ходит по лесу.

— Это очень большой поход. На столько дней в незнакомый лес не уходил даже Дик. Запасов пищи сейчас почти нет, весь поселок впроголодь сидит.

Олег не любил начала лета, потому что оно всегда было голодным. Звери в это время еще не приходили, грибов было мало, зелень только начиналась. Кристина говорила, что поселок перенял у христианства древний обычай — великий пост. В древности люди тоже голодали перед летом, когда кончались все запасы, и религия придумала, что этот голод

угоден богу — это называлось «пост» и в него нельзя было много есть.

— Значит, взять с собой практически нечего — что было, мы отдали на воздушный шар. Так? — произнес Сергеев.

— Мы убьем что-нибудь в лесу, не пропадем... да и как можно сейчас об этом думать?

— Думать полезно всегда.

Олег поглядел на Старого, ища поддержку. Старый молчал.

— Но речь идет о наших... вдруг им плохо?

— Мы всегда живем рядом со смертью, — сказал Сергеев. — Отправить сейчас тебя и других людей с тобой в лес без надежды на успех, потому что мы тревожимся о судьбе близких, равнозначно трагедии для поселка. А поселок — это в первую очередь не мы с Борисом, и даже не ты, а те ребяташки, которые от нас зависят. Ну хорошо, мы ушли в лес. Кто остался в поселке?

— Много людей, — ответил Олег. — И Старый, и Вайткус, и женщины, и Лиз. Много.

— Вайткус болен и слаб. Старый тоже. В поселке не остается ни одного защитника, ты понимаешь — ни одного защитника!

— Ты неправ, — возразил Старый. — Если нужно, мы еще тряхнем стариной.

— Если в лесу не справятся Дик с Казиком, — продолжал, будто не слыша его, Сергеев, — то у нас с Олегом совсем мало шансов их отыскать. Зато очень много шансов, что мы больше не доберемся до корабля. Об этом вы забыли?

— Корабль подождет, — упрямо проговорил Олег.

— Ты забыл, почему мы не пустили тебя на воздушном шаре? Потому что ты обязан дойти до корабля.

— А если я пойду к кораблю, кто защитит поселок? — Олег отыскал слабое место в аргументах Сергеева и вцепился в него. — Кто? Вы же сами говорили! Теперь что, сидеть и ждать?

— Мы живем в тисках необходимости, — произнес Сергеев. — Мы живем всегда между двух зол, между трех зол, между множества зол. И остаемся людьми, потому что всегда думаем.

— И теперь мы не идем помочь Марыяне!

— Да помолчи ты! — вдруг рассердился Старый. — Ты думаешь, Сергееву легко так рассуждать? Ты уже взрослый, ты наш наследник. Наследник нашего маленького царства.

на тебя мы надеемся. А ты споришь с нами, как мальчишка. Ты влюблена в Марьяну...

— Что? — Олег искренне возмутился. — Ничего такого нет!

— Это видно, — улыбнулся Старый, — только ты сам об этом долго не догадывался. А теперь, по-моему, догадался, потому и возмущен.

— Ладно, чего спорить, — поднялся Сергеев. — Раскричались на весь поселок.

Олег отвернулся от них. Влюблена или не влюблена — не красивое слово, глупое — их это не касается. Он знал ужс, что убежит ночью из поселка, убежит и сам их найдет. Пускай он будет идти пять дней, десять, пускай все чудовища леса встанут против него, но он найдет Марьяну и Казика. Ну, и Дика тоже. Только надо взять себя в руки и не спорить. На шаре он улететь не мог — не драться же ему с ними. Но уйти в лес — этому никто не помешает.

— Я обращаюсь к твоему разуму, которого у тебя, как оказывается, немного, — говорил Сергеев. Олег не хотел его слушать, но не мог не слушать. — Путь к кораблю известен и относительно, я повторяю, относительно безопасен. И этот путь — твой, Олег. Это и есть твоя судьба и поселка. Если даже случилась трагедия с моей дочерью («Он нарочно сказал «с моей дочерью», чтобы я понял», — подумал Олег)... и если никакой экспедиции нет и никто нас не найдет — будем готовы к худшему, — то остается корабль. И остаешься ты. Понял?

— Понял, — тупо ответил Олег, как на уроке.

— Ни черта он не понял, — сказал Старый. — Он не понимает, что принадлежит не себе. Что бывают моменты в жизни, когда человек не имеет права принадлежать только себе. Это бывает тогда, когда от его действий зависит судьба других людей.

* * *

Вечером, когда стемнело, а мать была у Линды — они с ней шили, — Олег собрал свой небольшой мешок. Он выбрал из коробки на полке всю муку и сладкие корешки — больше дома ничего не оставалось, — поточил нож. Конечно, можно было взять и арбалет, но арбалет будет мешать — ему ведь придется идти очень быстро, а почти от любого хищника в лесу можно убежать. Олег находился во власти упрямства. Он понимал, что прав не он — правы старшины, но в их правоте была холодная жестокость, с которой Олег

не мог смириться. Ведь он не отказывается идти к кораблю, он пойдет к нему потом, но сейчас они в лесу ждут помощи, а мы здесь разговариваем. Он представил себе, как пойдет: по прямой к болотам, к реке. Ему не было страшно, хотя если бы ему сказали, чтобы он пошел в лес ночью, неизвестно куда, один, сказали бы в обычновенной жизни, он бы испугался. Но сейчас важно было только одно: незаметно уйти из поселка и зайти так далеко, чтобы его не догнали и не вернули. Ведь с них станется — догнать и вернуть.

Вечер тянулся очень медленно. Олег зажег светильник, заправил его жиром, раскрыл учебник — он его уже прочел трижды, и Сергеев лепил ему из глины объемные модели пульта, чтобы легче представить, но Олегу сейчас важно было доказать самому себе, что он своим побегом не отказывается от похода к кораблю — просто откладывает его немного.

* * *

— Ты не спиши? — спросила Лиз, входя в хижину.

Олег оторвался от книжки. Оказывается, незаметно для себя он вчитался в текст и мысленно был на корабле, в рубке связи.

— Не сплю.

— Занимаешься? Я тебе помешала?

— Нет, ничего. Матери нет, она у Линды.

— А я к тебе пришла.

— Зачем? (Лиз ему еще не хватало!)

— Я такую травку нашла, — сказала Лиз. — У забора растет. Она чудесно пахнет. Я ею руки намазала. На, понюхай.

Глупо руки нюхать.

Но сказать Олег ничего не успел, потому что Лиз положила ладони ему на лицо, чуть не задушила, хотя положила очень нежно. Ладони приятно пахли, но ничего необычного — эту травку Марьяна часто срывала и сушила. Из нее получаются хорошие примочки, когда воспаление.

— Хорошо, правда? Это я сама нашла.

— У Марьяны такой травы целый мешок.

Лиз ничего не ответила. То ли обиделась, то ли думала, что еще сказать. Она села рядом с Олегом на скамью так, что Олег ощущал тепло от нее. Волосы у Лиз были распущены и лежали по плечам. Красивые волосы, таких больше ни у кого в поселке нет, золотистые, тяжелые. Когда Лиз

была маленькая, Кристина заплела ей косы, и Олег деграл ее за них, но это было давно, как в другом мире.

— Ты за них переживаешь? — спросила Лиз.

— А ты нет?

— Я тоже переживаю. Мне всегда за всех страшно, — искренне проговорила Лиз. — Как кто уйдет в лес, я уже боюсь. Меня никогда в лес не затянешь, никакими сладостями.

— Знаю.

— А у тебя волосы длинные отросли, можно заплетать. Хочешь, я тебя постригу?

— Не надо, мать пострижет.

— Я так волнуюсь.

— А чего?

— Не знаю.

— Ну, тогда иди спать, — предложил Олег.

— Еще рано. И потом, так скучно, ты не представляешь, как скучно. У тебя все-таки дела есть, а я все должна с этой сумасшедшей Кристиной сидеть. Мне скучно, я к тебе пришла. И еще я переживаю за Дика. И за Марьяну с Казиком. Они сейчас в лесу, наверное. Или, может, они уже нашли ту экспедицию? А? — Если бы нашли, сюда бы прилетели.

— А я думаю, что они только сегодня нашли. И их там ужином кормят. Как ты думаешь, они с Земли привезли всякие кушанья, да? Которых мы никогда не ели?

— Может быть. Вряд ли они на охоту ходят.

— А ты, когда на корабле был, что ел?

— Ты разве забыла, мы с собой привезли?

— Вы сгущенное молоко привезли, а его Линда спрятала, только детям, когда болеют, давала, а я почти не болела, одну ложку, может, съела.

— Ты неинтересно живешь. — Он гнал от себя соблазнительную мысль о том, что Марьяна уже в безопасности, что они просто не спешат возвращаться, ведь люди с Земли их допрашивают, все хотят знать.

— А что здесь может быть интересного? — удивилась Лиз. — Ты ведь знаешь, как я скучаю, а совсем со мной не занимаешься.

— Мне с тобой не очень интересно.

— А с ней?

— С ней интересно.

— Мы какой-то детский разговор ведем, — произнесла Лиз.

Она перешла со скамьи на кровать, присела.

— Здесь мягче, — сказала она.

— Почему детский?

— Потому что мы должны думать о будущем. А ты не умешь. Наверное, оттого, что я старше.

— Ты почти не старше.

— Ты не понимаешь, Олежка, ты еще совсем мальчишка. Бегаешь по лесу, строишь воздушные шарики. Ты ведь уже вырос, а допускаешь, чтобы с тобой обращались как с мальчиком.

— Ты что-нибудь знаешь?

— Я ничего не знаю, но я все чувствую.

— Это твое дело. — Олегу вдруг стало неловко, что она с ним говорит о таких вещах. — Меня это не касается.

— Жаль. — Лиз замолчала.

Они молчали долго. Олег делал вид, что читает, но, конечно, не читал. Оттого, что Лиз сидела, подобрав под себя ноги, на его постели, в комнате все изменилось, и могло что-то случиться, хотя он понимал, что ничего не должно случиться.

— Иди садись сюда, чего я тебе через всю комнату кричу.

— Мне слышно, — ответил Олег. — Комната маленькая. А то еще мать придет.

— Ну и что?

— Ничего, она удивится.

— Ей уже можно не удивляться. Я бы на ее месте удивлялась, что ты до сих пор младенец.

Они снова замолчали. Олег сидел за столом. Ему хотелось, чтобы Лиз поскорее ушла, но Лиз не собиралась уходить.

Наконец Олег проговорил:

— Тебе пора спать.

— Знаю, — ответила Лиз. — Ты хочешь, чтобы я ушла. Почему? Ты боишься меня?

— Я никого не боюсь.

— Тогда иди сюда, я замерзла. Мать твоя не скоро придет. Они с Линдой до полуночи будут сидеть — я заходила. Линда плачет, а мать ее утешает. А Старый тоже не придет, они с Вайткусом в шахматы играют. Я все про всех знаю.

— Мне надо уходить.

— Тебе? Ночью?

Олег не ответил.

— А, я знаю. Господи, что ж я сразу не догадалась! Наш отважный мальчик убегает в лес искать своих несчастных друзей, которые пьют чай и совсем о нем забыли. Я права?

— Помолчи.

— Почему я должна молчать? Я не хочу, чтобы ты уходил в лес. Ты там обязательно погибнешь, а мне без тебя будет

плохо. Честное слово... — И вдруг Лиз заплакала, тихо, но глубоко и печально. — Я никому не нужна, — повторяла она шепотом. — И ты тоже хочешь от меня отделаться...

Она съежилась на койке, свернулась в клубок, и ее плачи вздрагивали.

Олегу стало ее жалко. Он подошел к кровати, остановился, протянул руку и погладил Лиз по плечу.

— Ну, не надо. Все к тебе хорошо относятся.

— Мне всех не надо, — сказала Лиз, всхлипывая. — Мне надо только тебя. Ты этого не понимаешь, ты никогда не испытывал настоящей любви и никогда не знал, что это значит, когда ты не нужен.

Она протянула руку и мягко привлекла Олега к себе. Он подчинился — не вырываясь же.

Лиз была горячей, как будто у нее была лихорадка и высокая температура. Она сразу обняла Олега и начала гладить и прижимать к себе, но не сильно, а очень нежно. Она была такой беззащитной и нежной, что Олегу было приятно гладить ее по голове и по плечам, и он утешал ее и говорил, что не надо расстраиваться, все еще будет хорошо, и мы полетим на Землю, мы обязательно полетим, и все будет хорошо. вот только страшно, как там ребята, потому что если шар упал, то они могут потеряться в лесу. А Лиз говорила, что она все понимает и понимает, как Олежка все чувствует, потому что он храбрый, и очень добрый, и заботится о других. Она говорила, что это очень правильно — пойти сейчас в лес, только она ни за что не отпустит Олега одного, она пойдет с ним вместе, она будет его защищать, ведь правда в лесу лучше вдвоем, она раньше никогда в лес не ходила, потому что страшно боялась, но с Олежкой ей ничего не страшно, она будет с ним всегда, как сейчас, и так, в его сильных объятиях. И она как-то незаметно устроилась в его объятиях, вписывалась в его руки и прижималась всем телом. Было почти совсем темно — светильник не вешал только стол, и не было видно мешка под столом, и не было видно лица Лиз, только чуть поблескивали ее глаза и волосы...

— Иди ко мне, — шептала горячо Лиз, — иди ко мне, мой милый, мы будем с тобой вместе, всегда вместе, я с тобой пойду куда хочешь, хоть в лес, хоть на край света, ты мне, пожалуйста, верь, потому что я тебя люблю, ты поцелуй меня, вот так, и еще, пожалуйста, я прошу тебя, нет, не отворачивайся, я тоже хочу тебя целовать...

И уже Олег не понимал, где он, потому что ничего не было, кроме горячей Лиз — она была со всех сторон, и это было сладостно и щекотно...

Дверь заскрипела так, словно пилой провели по железу, — жутко громко. Шаги матери сразу зазвучали рядом.

Олег вырвался из рук Лиз, а может, с трудом оторвал от нее собственные пальцы и вскочил.

А Лиз села на кровати и прижала руки к груди. Олег не столько увидел это в густой полутьме, сколько почувствовал. И увидел все глазами матери.

А мать от неожиданности испугалась.

— Вы что? — вееклинула она. — Вы что здесь делаете? Олег!

Ей показалось, что она увидела Олега, потом она поняла, что это Лиз.

— Я ничего, — произнесла Лиз, сразу она стала очень далекой. — Я пришла, мы с Олегом сидели, разговаривали, я уйду, вы не бойтесь.

— Вот этого я не ожидала, — сказала мать так, словно она ожидала чего-то другого, только вот этого не ожидала.

— А чего этого? — Олег сразу стал агрессивным, потому что ему было очень стыдно.

— Сам понимаешь. И от тебя, Лиз, я не ожидала.

— Простите. Я так переживала за Олежку, он собирался в лес убежать, искать Марьашку с Диком, совсем один, и я уговаривала...

— Лиз, ты что! — возмутился Олег.

Это было низкое предательство.

— Ты можешь на меня сердиться сколько хочешь, — отвела Лиз, — но я забочусь только о тебе, я знаю, что идти в лес — это чистая смерть. Вы знаете, я его так хотела отвлечь, я даже сама предложила в лес пойти, честное слово.

— Странное отвлечение, — бросила мать и тут же обернулась к Олегу: — Ты в самом деле хотел в лес убежать?

— Врет она, — проговорил Олег тупо.

Он не умел лгать, но сейчас не это было важно, плохо, что Лиз оказалась предательницей. Она испугалась матери и хотела отвлечь ее.

— Нет, Олежка. — Лиз как будто угадала его мысли. — Нет, я не предательница, я тебя очень люблю, и мне не стыдно, что я тебя так люблю, и я лучше умру, чем пущу тебя в лес.

Мать неожиданно нагнулась. Она знала Олега лучше всех на свете. Она вытащила из-под стола мешок.

— А это зачем? — спросила она.

Лиз своего добилась. О ней забыли.

Она поднялась, запахивая куртку, поискала оброненный башмак.

— Это что? Ты меня хочешь убить? Ты меня обязательно хочешь убить! — Мать накачивала себя, вызывала гнев.

— Я пошла, — уронила Лиз, но никто не обратил на нее внимания.

Бурная сцена еще не кончилась, когда на шум заглянул Старый, узнал, в чем дело, и сказал:

— Я подозревал, что ты выкинешь что-нибудь в таком духе. Только у тебя ничего не выйдет, мы с Сергеевым договорились сегодня дежурить у изгороди, а тебя от дежурства освободить. Так что мы бы все равно заметили. Эх, глупость человеческая...

— Это не глупость.

— Это не глупость, это эгоизм, — возразила мать.

— А ты знаешь, Ирина права, это и есть эгоизм.

— Я не для себя...

— Ты для Ты для себя хочешь быть героем, ты для себя хочешь принести на руках Марьяну или приволочь на спине Дика.

— Вы ничего не понимаете!

Олег выбежал из дома как бы, в одной рубашке. Было холодно, он сидел на бревне, на пустоши, ему не хотелось возвращаться, и он всей шкурой ощущал, как за ним следят — следят из хижин. И Лиз, и мать, и Старый, и Сергеев. И никто ему не верит.

А там, в лесу, они ждут помощи...

Было холодно, очень хотелось укутаться и спрятаться, но не идти же домой. И предательское воображение начало строить картины того, как Марьяна с Диком сидят в гостиной у экспедиции, и смеются, и едят всякие вкусные вещи... Это была не его мысль, ее придумала Лиз, но мысль оказалась очень удобной, и было трудно ей не поддаться.

— Олег! — закричала мать от дверей дома. — Иди спать, простудишься!

Пришлось идти, и так весь поселок слушает.

Олег не разговаривал с матерью, она тоже молчала.

Он залез в кровать, и кровать, как назло, пахла Лиз. Телом и той травой, которой она намазала ладони.

Олег хотел думать о Марьяне и, засыпая, вызывал в памяти ее образ. Это было сладко, но когда он заснул, ему снилось, что он обнимается с Лиз, и он ничего не мог помянуть с собой во сне, хотя понимал, что это неправильно.

На следующий день Казик начал вырубать ступеньки в коре дерева. Это была утомительная, занудная работа, к тому же Казик и сменявший его Дик были голодны.

Казик за первый день вырезал ступеньки метров на двадцать вниз, до обломка суха, который торчал из ствола. Обломок был крепкий. Казик обрезал канавкой кору вокруг так, что можно было закрепить за обломок веревку.

Следующий день ушел на то, чтобы вырубить ступеньки еще на тридцать метров вниз. Дик мог бы спуститься, как и Казик, по ступенькам, но Марьяну нужно было страховать веревкой, она была слабее их. Марьяна говорила, чтобы они оставили ее на дереве и спускались без нее, а она дождется, пока они сходят за помощью, но Дик отказался так сделать. Он сказал, ведь может получиться, что никакой экспедиции нет или что она улетит. Тогда придется возвращаться домой — а это значит, что Марьяне жить одной на дереве, может быть, десять дней, может, две недели. А за это время, как сказал он, Марьяна превратится в скелетик. Он был прав, Марьяна с ним больше не спорила. Когда она уговорила ребят оставить ее, она боялась, что они поддадутся на ее горячие уговоры и оставят одну — а она бы умерла от страха и одиночества.

Казик отыскал небольшую дырку в стволе, выгнал из нее зловитую змею. Получилась еще одна станция — место, где можно укрепить веревку. А требовалось еще три или четыре таких станции до земли: она была очень далеко.

На четвертый день Дик поднялся к остаткам шара, в облако, и принес оттуда еще одну веревку. Заодно ему удалось убить древесного зайца, и они более или менее сытно поели, а так как намаялись от голода, то проспали часов десять. Прошла уже вечность с тех пор, как они покинули поселок, а цель их пути была почти так же далека, как и в первый день.

Когда они проснулись, погода была очень хорошей, и было далеко видно. Казик, прежде чем спускаться вниз, к своей работе, поточил нож, который уменьшился вдвое — так сточился, потом Марьяна помазала ему руки остатками мази — пальцы у Казика кровоточили и распухли, хорошо еще, что прошел укус. Казик пошел на свой наблюдательный пункт смотреть в сторону, где должен был быть лагерь экспедиции. Он сидел там полчаса, но его никто не торопил, все и так понимали, что мальчик трудится больше остальных. Он смотрел, пока не увидел, как поднимается блестя-

щий шарик — это Павлыш летел на вездеходе на тот берег озера. Теперь они не сомневались, что знают, куда идти.

Со второй веревкой у Казика дело пошло быстрее. В тот день он смог проложить дорогу метров на пятьдесят. Работы осталось дня на два.

Те два дня прошли тоскливо и неинтересно. Марьяна часто ходила на наблюдательный пункт и ждала, когда что-нибудь поднимется над берегом озера. Она видела, как Павлыш с Клавдией полетели на тот берег озера — к золотой горе. Это было первое путешествие Клавдии по планете. Она была напряжена и оживилась только, когда увидела самородки, вымытые ручьем у горы, и толстые, как сверкающие канаты, золотые и кварцевые жилы. Павлыш тоже был поражен этим зреющим. Ему захотелось выковать для Салли золотой браслет, только у него не было инструментов. Когда они вернулись, Клавдия заставила его дважды пройти дезинфекцию — Павлыш ворчал, его утешали только ветвистые самородки, которые он разложил вокруг и любовался ими. Полет в горы снова пришлось отложить, а может быть, Павлыш подсознательно находил дела, чтобы отложить его. Полет в горы был праздником, елкой, вокруг которой можно будет плясать. Но ведь после него снова наступят будни. К тому же он никак не мог оставаться наедине с Салли. Клавдия не выпускала их из поля зрения. Салли к этой ситуации относилась с юмором, к тому же она любила Клавдию и не хотела расстраивать ее.

Тут еще подошел день рождения Павлыша. Салли с Клавдией постарались на славу, соорудили такой праздничный стол с пирогом и свечами, что Павлыш был растроган.

* * *

А Казик через два дня наконец-то добрался до того места, где в пятидесяти метрах от земли стволы расходились пира мидой, отсюда уже можно было спуститься без веревки.

Крикнув наверх, чтобы не беспокоились, он сполз на землю. Это было счастьем — иди куда хочешь. Земля мягкая, можно по ней кататься, бегать — и никуда не упадешь. Казик побежал вокруг ствола, чтобы поискать мешок с пищей, сброшенный неделю назад при крушении шара, но не нашел — то ли его кто-то утащил, то ли он потерялся в подлеске. Казик так отвык жить в лесу, что чуть было не попал в когти к шакалу, еле от него убежал. Убежать от шакалов Казик не любил, но что поделаешь, если о ножа остался лишь жалкий огрызок, таким даже шкуру

шакалу не пропорешь. Казику удалось набрать грибов, и он принес их наверх, на развилику.

На следующее утро они стали спускаться вниз.

Дик привязал веревку наверху к стволу дерева, потом Марьяна, держась за веревку и упираясь ногами в неглубокие ступеньки, спустилась до обломка сука и там остановилась. Казик был уже ниже, на следующей станции. Затем Дик отвязал веревку и спустился по ступенькам к Марьяне. Отдохнув, Марьяна начала спускаться ниже, к Казику. Путешествие было очень медленным; Марьяна уставала, а от духа над пропастью мало помогал. С каждым метром ее руки слабели и ноги все больше дрожали, она не признавалась в этом, но и так было ясно.

И тут еще хлынул ливень. Струи дождя хлестали по рукам и по голове, норовя смыть людей-муравьишек с громадного ствола, и некуда было от них укрыться. Веревка сразу набухла, стала тяжелой, скользкой, ноги хуже держались на ступеньках.

Оставались еще две станции.

Дик сверху кричал, чтобы Марьяна остановилась и не шла вниз, но ей невмочь было стоять, распластавшись под стекающими струями, которые грозили ее смыть, и она стала спускаться дальше. Она миновала предпоследнюю станцию. Оставалось еще метров тридцать — сорок, а там уже ствол расширялся и спускаться стало спокойнее. Казик, пока спускался на землю и снова поднимался, не успел приготовить веревку, и Марьяна сползла без нее, нащупывая ногами ступеньки и прижимаясь исцарапанным животом к скользкой неровной коре.

Казик старался спускаться недалеко от нее, он боялся, что она сорвется, хотя понимал, что, если так случится, ему ее не уберечь. Но все равно он держался поближе и подсказывал ей, куда ставить ногу.

И Марьяна добралась до того места, где ствол начал расширяться, и поняла это, потому что внизу уже была не пропасть, а крутой склон. И Казик тоже перевел дух: все кончилось благополучно. Заслоняя глаза от дождя ладонью, он стал смотреть вверх, как там спускается Дик.

И в тот момент он услышал короткий, совсем негромкий крик — и мимо, задев его и чуть не утащив с собой, пролетела Марьяна. Вернее, она не пролетела, а скатилась по этому крутому склону, который был все же крут настолько, что держаться на нем не было возможности. Казик в ужасе мотрел, как ее тело летит вниз.

Он не помнил, как спустился сам — вроде бы он даже и не смотрел на ступеньки, а держался, как жучок, за неровности коры. Казик спустился очень быстро и побежал к тому месту, где лежала, раскинув руки, Марьяна. Он стал звать ее, а она не откликалась. Он приложил ухо к ее груди и долго не мог услышать биения сердца.

И тут к нему подбежал Дик. Он отстранил Казика и велел ему держать куртку над головой Марьяны, чтобы дождь не падал на лицо. Казику было холодно, и дождь стегал больно.

— Она живая, — сказал Дик.

Он стал трогать ее руками, чтобы узнать, не сломано ли что-нибудь. И когда дотронулся до неправильно лежащей ноги, Марьяна, не открывая глаз, застонала, и они поняли, что у нее сломана нога, а это очень плохо.

Дик пошел в лес и срезал тонкие палки.

Марьяна была в полуза�оты, видно, она еще ударила и потому потеряла сознание, но, когда Дик стал прилаживать палки к ноге куском веревки, который принес с собой, она закричала от боли, заплакала и пришла в себя. Дик не слушал ее плача, хотя Казик просил его остановиться и не мучить Марьяну. Но Дик все же сначала замотал ногу так, чтобы она была неподвижна.

Они осторожно отнесли Марьяну в лес, где под густым покровом листвы ливень не так свирепствовал. Она уже совсем очнулась, ей было больно, но она терпела.

— Как глупо, — говорила Марьяна, — как я вас подвела.

— Молчи, — велел Дик. Он старался разжечь костер, и Казика послал найти большой пустой орех, чтобы в нем вскипятить воду.

— Ничего, — успокаивал он, — все-таки мы спустились.

Марьяна так устала, что, несмотря на боль, вечером заснула. А Дик и Казик долго еще сидели у костра и думали, что делать дальше, потому что все было очень сложно.

Можно было, конечно, послать Казика обратно в поселок. Но идти в поселок надо дней пять, если не больше, и идти тяжело: болота, густой лес — плохие места. Да и оставаться одному Дику с Марьяной тоже было опасно. Один человек обязательно должен ходить на охоту, на дровами, и тогда Марьяна останется одна, беззащитной. А лес не любит беззащитных. Даже если ей оставить ближайший, все равно может подкрасться какой-нибудь гад, спрятавшийся в кустах.

— Ладно, — решил наконец Дик, — значит, мы делаем тебе носилки инесем Марьяну к реке.

— Правильно, — сразу согласился Казик. — Главное — переправить ее через реку, ну или хоть бы одному из нас переправиться. Правда? Мы доберемся до людей и позовем их.

— Так и сделаем. До реки мы ее дотянем за полдня. Там мы перебраться.

— Только бы они не улетели, только бы они нас подождали, — сказал Казик со страстью, словно молился. — Они не должны улететь. Они должны понять, что без их помощи нам здесь конец. Но они же с Земли, они умные, они все понимают.

— Давай спать. Спи, а я посижу. Потом разбуджу тебя. Завтра дойдем до реки.

— Дойдем.

— Нам уже немного осталось.

Дождь стучал по листьям, он утихал, и тяжелые капли срывались и падали на мох.

* * *

В тот день до реки не дошли, хотя она сверху и казалась близкой. По дороге к ней надо было перебираться через болото, к тому же они потратили немало времени, чтобы соорудить для Марьяны носилки.

Дик срезал жерди для них, но тонких лиан, чтобы их связать, не нашлось. Марьяне стало хуже от боли, которая ее не отпускала, и от сотрясения мозга. Правда, они не знали, что у Марьяны сотрясение мозга, но ее тошнило, болела голова — и она с трудом узнавала своих спутников. Синяки на щеке, на груди, на боку стали черными.

Ночью опять поднялась буря, правда, почти без дождя. Молнии били по стволу дерева и скатывались на землю огненными змеями. Дик порадовался, что они успели слезть.

Порывом бури сорвало с верхних ветвей остатки воздушного шара — они увидели его падающим и сначала в темноте не поняли, что это такое: молнии освещали черное блестящее покрывало, которое медленно опускалось с небес.

Утром Казик подкрался к неизвестному существу, которое лежало недалеко от них, и понял, что это их старый шар. Он теперь совсем был не похож на себя, и даже трудно представить, что он мог подниматься в воздух. От оболочки остались лишь громадные рваные клочья, от корзины — калкие обломки. Но были веревки, была пленка пузырей. Так что Дик с Казиком сделали чудесные носилки для Марьяны и даже сверху соорудили что-то вроде полога, что-

бы у реки не мучили мошки, которые там роятся черными тучами.

Весь следующий день ушел на переправу через кишащее гадами болото, и заночевать пришлось на островке, сплетенном из тростника и водорослей. Островок притулился к берегу реки.

Марьяна была в бреду, у нее поднялся жар, и некому было дать лекарства, так как в них разбиралась только она сама.

Островок чуть покачивался — под ним катилась река, если сильно наступить, то нога проваливалась. Ночью Казик убил большую змею, которая тоже хотела переждать темноту на островке. Казику казалось, что они улетели из поселка страшно давно — может быть, год назад, и с тех пор куда-то идут, ползут, карабкаются, и никогда это не кончится. Чтобы отвлечься, он представлял себе сладостные картины встречи с настоящими землянами, а потом стал вспоминать названия всех гор на Земле высотой больше восьми километров. Эти слова мало что значили для Казика — они были заклинаниями, ниточкой, которая связывала его с Землей.

Утром они сварили и съели змею, а потом искали подходящие стволы, чтобы сделать плот, и измучились пробираясь по болотистому берегу, по песчаным косам и зарослям кустарника.

Марьяну они ни на секунду не оставляли одну. Тем более что места были незнакомые и опасные. Здесь встречались другие болотные звери и гады. В глубине болота, выше по реке, куда они не заходили, было какое-то скопление животных — если забраться на дерево, можно увидеть, как бурлит вода, словно обитатели ее жили в постоянной вражде и драке.

Лишь к вечеру Дик отыскал два поваленных дерева, но лежали они очень неудобно, в топи, и неясно было, как их вытащить и связать. Казик сообразил, что если обрезать корни, которые держали их прибрежный плавучий островок, его можно сплавить к этим деревьям. А потом они притянули деревья к островку, и получился корабль — сырой, ненадежный, почти неуправляемый, но зато он плавал.

Под Марьяну положили много сухой травы и веток, покрыли их кусками пузыря от шара — ей стало сухо. Марьяна все терпела, только стонала иногда. Нога была красная, распухла. И ей трудно было делать все человеческие надобности. Она стыдилась, несмотря на боль, и ничего не хотела есть. Казика она меньше стеснялась, а Дик отходил в сторону.

ну. Казик ухаживал за ней, как за большой Луизой, когда та болела, он все умел. А Дику было страшно. Куда страшнее, чем в лесу.

На следующий день Дик сделал длинные шесты, правда, они были не очень твердыми и гнулись.

Казик дал новому «кораблю» имя — «Золотая лань». Они с Диком сильно оттолкнулись шестами, «корабль»-островок нехотя оторвался от берега и поплыл. Его сносило вниз, но эта протока, первая из трех или четырех, которые надо было одолеть, была мелководной и тихой. Они доставали шестами до дна даже на середине.

Путешествие получилось нетрудным, и все развеселились. Марьяна приподнялась на локтях и смотрела, как они плывут.

Они никогда еще не плавали по большой воде, и это было интересно. Если смотреть вниз, то сквозь прозрачную воду видно песчаное дно, водоросли, тянущиеся наверх, и даже иногда рыбы. Над ними кружили незнакомые птицы, маленькие и крикливые, иногда одна из них бросалась в воду и выхватывала из нее рыбешку.

Промежуток между первой и второй протоками был неширок и низок — узкая полоса гальки, обкатанной водой. Им легко удалось перетащить во вторую протоку свой «корабль». Правда, это заняло часа три, и Казик с Диком очень устали, да и островок потрепался. С полосы гальки они увидели широкое и быстрое русло, а за ним — третье, еще более широкое. Между вторым и третьим руслами был длинный холм, поросший травой, и, как перетащить через него корабль, было совершенно непонятно. Поэтому они решили, что дадут воде нести «корабль» вниз, ближе к озеру, там протоки сливались.

Заночевать пришлось на том берегу протоки, у самого озера — так далеко их отнесло вниз.

На завтра осталась самая трудная часть переправы.

Казик спал, Марьяна то засыпала, то просыпалась, и Дик, чтобы не будить Казика, сам кипятил воду в пустом орехе над костром, чтобы давать Марьяне пить. Дик был убежден в целебной силе горячей воды. Потом он, хоть и очень хотел спать, лазил по кустам в поисках других стволов или больших сучьев, чтобы укрепить островок.

Ночью опять моросил дождь, но не злой, теплый. Дик накрыл всех пленкой. Марьяна не спала. Нога болела, и казалось, что по ней бьют молотом со скоростью ударов пульса. Ий хотелось оторвать эту проклятую, тяжелую, неподвижную ногу. Сквозь дыру в пленке девушка глядела на черное

небо. Было сыро и душно, рядом хрюпал во сне Дик, вскрикивал, сеорился с кем-то Казик. Марьяна старалась думать об Олеге, как он там — наверное, уже ушел к кораблю и речшил, что она погибла. Он, наверное, очень страдает. Она радовалась, что страдает он зря — она жива и вернется к нему. А потом вдруг заплакала, беззвучно, чтобы не разбудить остальных. Она плакала потому, что представила себе, что ей отрежут ногу, потому что у нее гангрена, и Олег обязательно разлюбит ее и бросит. Тогда пускай он улетает на Землю, а она останется здесь, в поселке. Поселок будет совсем пустым, в нем останутся Марьяна и слепая Кристина, и Марьяна будет заботиться о Кристине и кормить козу...

* * *

Они собрались все вместе, только без ребятишек. Из младших пришла лишь Фумико, сестренка Казика. Она все эти дни ни с кем не играла, но не плакала — они с Казиком никогда не плакали. Она ходила как автомат, не слыша и не видя ничего. Не было и Старого. Старый простудился и третий день не вставал.

В большой комнате Сергеева было свободнее: трое отсутствующих — много для маленького поселка. Сразу чувствуешь, что их нет, что рядом пустые места.

— Мы уходим, — сообщил Сергеев. — Мы уходим с Олегом, потому что ждать нельзя.

— Еще рано, — сказал Вайткус, — у меня ничего не поспело.

— Ребята собрали грибов, — ответил Сергеев. — В этом году лето очень теплое, и нет гарантии, что тепло продлится. Ты помнишь, как два лета назад сначала была жара, а потом пошел снег? Это может повториться. А сейчас уже больше недели стоит тепло, и снег у перевала должен подтаять.

— Мы вдвоем пойдем, — добавил Олег. — Нам много еды не надо.

— Олег прав, — подтвердил Сергеев.

— А что это изменит? — вдруг вмешалась мать.

Олег понимал, что она сейчас будет придумывать аргументы против этого похода, он ждал, что она начнет говорить об этом. Ей казалось, что если она будет говорить умно и убедительно, то ее поймут, послушают, и Олег останется с ней.

— Нет никакой гарантии, что вы сможете хоть как-то наладить связь.

— Мама, я все это уже слышал, — произнес Олег. Остальные молчали, понимая, что именно он должен ответить матери. — Двадцать лет назад не было времени. Корабль был мертв, холоден, оба связиста погибли, ты же знаешь, и капитан погиб — все, кто был на пульте управления, погибли. Тогда надо было выжить, все думали, как уйти, никто не думал, чтобы оставаться и замерзнуть на корабле, правда?

— Правда, — подтвердил Вайткус.

— Если наши заблудились, не могут вернуться, наша надежда — корабль.

— Не говори чепухи, — сказала мать. — Корабль в горах.

— Мама, мы долго все обсуждали. Если мы наладим связь, наш сигнал перехватят. Понимаешь? Пока эта экспедиция здесь, есть шанс, что наш сигнал услышат. — Такого шанса нет, — упрямилась мать. — Сигнал космической связи — гравиграмма. А у них здесь планетарная связь. Радиосигналы. Зачем лелеять несбыточные надежды?

Глаза у Ирины были влажными, она еле сдерживалась, чтобы не заплакать, и оттого лицо ее было злым и напряженным.

— В тот-то и дело, — объяснил Сергеев, — что мы постараемся наладить не космическую связь, а планетарную.

— Вам ее не наладить.

— Ее наладить легче. Потому мы и идем, мама, именно сейчас. Когда мы догадались об этом, я чуть не запрыгал от радости.

— И молчали? — спросила Ирина.

— Вайткус знает, — ответил Сергеев. — И Старый тоже. Но мы не хотели говорить об этом заранее.

— Глупые тайны, — проговорила Линда. — Никому не нужные тайны.

Она тоже не хотела, чтобы Сергеев уходил.

Олег смотрел на старших. Все было решено.

Теперь судьба поселка в его руках. И в руках Сергеева. И надо успеть.

И в этот момент дверь хижины распахнулась, чуть не повредились веревки, которые держали ее.

Старый громоздким силуэтом возник на пороге.

Он не вошел в дом. Он медленно оглядел сидевших за столом.

— Борис, этого еще не хватало! — Появление Старого подарило Ирине возможность сорвать на нем злость, даже немависть к людям, которые угрожают жизни Олежки. — Ты же болен! Ты сошел с ума. Уйди, уйди!

Старый засмеялся. И это было очень странно. Время не подходило для смеха.

— Идиоты, — сказал он весело. — И я главный идиот.

— Садись, — предложила Линда, поднимаясь, чтобы помочь Старому. Может быть, она подумала, что Старый бредит.

— Да послушайте вы меня, — кивнул Старый. Он подошел к столу, уперся в него единственной рукой, и свет коптилки отразился в его глазах. — Мы говорили, как бы нам починить планетарную связь на «Полюсе». Говорили?

— Конечно, — кивнул Сергеев.

— Только последние идиоты могли тратить на это время, — произнес Старый торжественно. — Потому что планетарную связь не надо чинить.

— Почему? — спросил Вайткус.

— Да потому, что ее надо просто включить!

— Ты что имеешь в виду? — спросил Сергеев, который уже понял, что Старый не бредит. Старый что-то придумал.

— Кто мне ответит, где, кроме узла связи, на корабле есть передатчик?

— Ты прав, — почти сразу отреагировал Сергеев. — Мы самые последние идиоты.

— Что он имеет в виду? — спросил Олег.

— Проще простого, — сказал Сергеев. — Передатчик есть на катере. На спасательном катере, который остался на «Полюсе».

— А насколько мне известно, — добавил Старый, — передатчик катера совершенно цел. И мы не думали о нем, потому что нам не приходило в голову, что можно выйти на связь с кем-то на этой проклятой планете.

Стало очень тихо, словно Старый сказал эти слова на неизвестном языке. И каждый для себя переводил их.

— Ого, — пробасила в тишине Луиза. — Это же меняет дело.

Это меняет дело, повторил про себя Олег. Это меняет дело. За минуту до слов Старого путешествие к кораблю было жертвой, подчинением холодной и разумной Необходимости. Каждый шаг к кораблю уводил от Марьяны и отнимал у нее и ребят шанс спасения. Минуту назад уже подчинившийся ненавистной Необходимости, Олег проклинал поход и тех, кто заставил его идти к «Полюсу», все были врагами, потому что готовы были примириться с гибелью Марьяны. Идея Сергеева, хоть и дававшая некую тень надежды, не обещала надежды немедленной... Какое хорошее, добroе ли это у Старого. Какой он умный и мудрый. А почему не я? И

тут же возникло, как удар, как позор, понимание, что о передатчике на планетарном катере должен был вспомнить он, Олег. И не нужно было никакого полета на воздушном шаре к реке. Уже давно, десять дней назад, две недели назад надо было лететь на «Полюс» и вызвать земную экспедицию...

— Я должен был подумать об этом раньше. — Сергеев был мрачен, будто слова Старого его не обрадовали.

И Олег понял почему: он был отцом Марьяны и думал сейчас так же, как Олег. И тогда впервые Олег ощутил свое родство с Сергеевым — они оба любят Марьяну.

— Чего же мы стоим? — Олег сначала услышал этот крик, а потом только понял, что это кричит он сам. — Надо сейчас же идти.

— Сначала соберем все по сусекам, — сказал Вайткус, — чтобы вы не померли с голоду.

* * *

— Ты уходишь с утра? — спросила Лиз, когда все расходились.

Эти дни она к Олегу не подходила, молчала, только смотрела на него издали пристально и жалко. И мать с Олегом тоже не говорили о том вечере. Олег вроде бы понимал, что виноват он сам — не надо было жалеть Лиз и тогда бы он сам не стал обманщиком, ведь трудно даже представить себе подлеца, который целуется с девушкой, когда другая, которую он любит, погибает в диком лесу. И потому он просто старался об этом не думать, а думал о Марьяне и походе к кораблю. И это у него, надо сказать, отлично получалось. Как будто Лиз и не было в поселке. И потому, когда она подошла, Олег сразу вспомнил и ощущил свою вину, и в нем возникло недоброжелательство к Лиз. Даже к тому запаху душистой травы, который вновь исходил от нее. И наверное, он сказал бы что-нибудь несправедливое и обидное, но в тот момент он уже был в походе, в горах, он уже включал радио...

— Ухожу. Не надо меня жалеть. У меня все в порядке.

— Да, конечно, я очень рада. Но мне за тебя страшно. Ведь мне ничего от тебя не надо, понимаешь, только чтобы ты на меня не сердился и помнил меня.

— Хорошо, — Олег кинул взгляд вокруг, не слышит ли кто-нибудь разговора. — Я буду помнить. Ты не волнуйся.

— Пойдем вечером погуляем, — предложила Лиз очень тихо, одними губами. — Погуляем?

— За изгородь, недалеко.

— Да ты что? — искренне удивился Олег. — Я всю ночь буду собираться, мы с рассветом выходим.

— На немного, — попросила Лиз. — И ты вернешься.

— Посмотрим.

Олегу опять было жалко эту девушку, и в его руках и губах жила стыдная, но неизгладимая память о ее коже и ее губах, он понимал, что нельзя никуда с ней ходить, и не хочется, ведь в самом деле не хочется.

И он убежал в мастерскую, чтобы помочь Сергееву сделать кошки — железные крючья, с которыми легче лазить по ледяным склонам. А потом он забыл о Лиз.

А она долго стояла у изгороди, подальше от ворот, в тени, ждала, хоть и сама не верила, что он придет. Потом замерзла и побрела спать, а Олег вернулся к себе еще позже, когда Сергеев выгнал его, чтобы выспался перед выходом.

И только когда ложился, Олег вспомнил о Лиз и подумал с облегчением: «Ну и хорошо, что я забыл».

Глава седьмая

На этот раз торжественных проводов не было. Не то настроение, да и не тот поход.

Было совсем рано, ребята еще спали, у ворот собрались только старшие, и прибежала Фумико, она до последнего момента надеялась, что ее возьмут. Она подслушала, что Олег будет разговаривать по радио с теми, кто спасет Казика, и хотела слышать, как это все будет происходить. Но, конечно, и речи не могло быть о том, чтобы ее взять в горы: она слабенькая, будет обузой.

От свой хижины спешила Лиз. Она несла мешочек. Лиз не проспала, но задержалась, отыскивая, что бы вкусное дать с собой Олежке. Она была как мышка — всегда прятала вкусные вещи, но порой забывала о них. А теперь перекопала все и нашла сладкие корешки, ком сахара, еще прошлогоднего, и жалкие остатки своей зимней попытки испечь пирог. Лиз хотела завернуть все покрасивее, но спешила, и не получилось — пересыпала все в обыкновенный мешочек, с которым ходят по грибы, и побежала к изгороди.

Олег взял мешочек, ему казалось, что все смеются. Лиз стояла в двух шагах и смотрела на него так, словно хотела втащить к себе в глаза.

Мать подвинулась, чтобы встать между Лиз и Олегом, и стала поправлять ему воротник куртки. Олег не сопротивлялся.

— Ладно, — бросил Старый, — времени тратить не будем.

— Сегодня все на прополку пойдут, — сказал Вайткус.

Голос у него дрогнул, и Олег догадался, что Вайткусу плохо — все уходят, а его оставляют с женщинами и детьми. Ему нельзя далеко ходить. И он очень много делал — на нем были огород и все хозяйство.

Заплакала Линда. Она ни слова не сказала, но плакала. Еще недавно она провожала Томаса, и Томас не вернулся. А теперь она с Сергеевым, и вот он тоже уходит.

Олег с Сергеевым поправили мешки и быстро пошли к горам. По земле стоял туман, чуть парило, день обещал быть теплым. Олег спешил, он угадывал вехи их прошлогоднего пути. Сергеев во всем слушался его — он верил памяти Олега. Они почти не разговаривали, только по делу.

Гриб-гигант был на прежнем месте, он даже подрос за зиму. Они не задерживались возле него — уже темнело, и Олег хотел дойти до пещеры, а может, если удастся, и дальше. Каждый день они должны были проходить больше, чем в прошлом году.

* * *

Они собирались начать переправу через широкий рукав с рассветом, но, пока укрепляли расплывшийся за ночь острок, Марьяна заснула. Она ночью не выспалась, а тут пригрелась и заснула. Дик с Казиком не стали ее будить, они отошли подальше по берегу и ждали, пока она проснется.

— Устал? — спросил Дик.

Казик удивился. Дик никогда не спрашивал о таких вещах. Если мужчина устал, это его дело. Если ты сильно устал, то Дик возьмет у тебя мешок или добычу. Ничего не скажет, просто возьмет. «Может, он тоже устал?» — подумал Казик. А вслух ответил:

— Ничего, немного осталось.

Дик стукнул его по плечу ладонью, не больно, но чувствительно. Казик думал: «Вот мы сидим рядом с Диком, и он не знает, как я его люблю. Я его люблю больше всех, даже больше Марьяны и тетки Луизы, потому что я хочу быть таким, как он — сильным и молчаливым. Хорошо бы, мы дружили с ним и на Земле. Я ведь быстро вырасту и тоже стану взрослым, а он еще будет довольно молодой. Мы можем вместе отправиться в далекое путешествие».

— А может, поднимемся на Эверест, — произнес Казик вслух.

— Дался тебе этот Эверест, — сказал Дик, который понял, что Казик опять думает о Земле.

— Ну, на охоту.

— На охоту там нельзя. Я спрашивал Старого. На Земле не охотятся. Не хочу я на Землю.

— И не хочешь посмотреть?

— Посмотреть можно. Только оставаться там не хочу. Мне скучно. Там этого нельзя, этого нельзя... Они все сильные, красивые, как на фотографии.

— А мы для них грязные.

Казик не стал спорить, потому что понимал, почему Дик так говорит. Это не уменьшало его любви к Дику: так понимание слабостей любимого человека даже делает его ближе. Дик боялся людей с Земли, потому что завидовал им.

— Мы там тоже будем не последними, — сказал Казик.

— Где?

— На Земле. Там наши таланты понадобятся. Мы будем следопытами. В Дальнем космическом флоте.

— Возьмут нас... они с пеленок учатся, — выдал себя Дик.

— Мальчики, — позвала Марьяна. — Мы почему не плывем?

— Проснулась? — Дик поднялся. — А мы решили немножко отдохнуть, потому что трудно плыть будет. Как нога, болит?

— Лучше, — соврала Марьяна.

— Пить хочешь?

— Дай.

Дик принес ей воды в скорлупе. Он подержал ей голову, чтобы удобнее было пить, затылок Марьины был очень горячим. Дик боялся за Марьяну — у них совсем не было лекарств. Дику всегда нравилась Марьяна, больше всех в поселке. Но он все понимал про Марьяну и Олега и чувствовал в этом несправедливость... Впрочем, не обижался. Раз так хотят, пускай.

Они столкнули в воду островок и начали отталкиваться шестами от мягкого дна. Шесты застревали, и толкать было трудно, потом их все больше стало сносить вниз. Берег удалялся, но тот, другой берег тоже удалялся, потому что река становилась все шире, готовясь влиться в озеро. Шесты перестали доставать дно, и Дик с Казиком принялись грести широкими жесткими листьями, которые утром отыскали на берегу. Течение было сильным, и неясно было, помогает ли гребля. Вроде бы и не помогала.

Они вспотели и устали. Марьяна расстраивалась, что не могла помочь. Одно из бревен отвязалось, и пришлось потерять немало времени, прежде чем связали разорвавшуюся веревку и примотали бревно на место. За это время их унесло еще ниже, справа было озеро — серое и гладкое, по нему были рассеяны темными пятнами островки, образовавшиеся в дельте, за ними серая мгла, дальний берег с воды не был виден.

Их пронесло над мелью, но они не успели за нее зацепиться, потому что Дик слишком сильно нажал на свой шест, шест обломился, и Дик чуть не свалился в воду. К тому же островок — основа плота — весь как-то расползлся,

и только бревна удерживали вместе массу грязи корней; за «кораблем» по реке плыл хвост веток и водорослей.

Берега резко разошлись в разные стороны, подул ветер — совсем другой, чем в лесу, свежий, — их качнуло, и ход «корабля» замедлился. река была позади.

— Что случилось? — спросила Марьяна.

— Ничего, — ответил Дик. — Плырем.

— Так даже лучше, — сказал Казик. — Здесь теченис медленное. Выгребем.

Но течение все же было, и их тянуло все дальше от берегов, пока она не наткнулись на мель, которая впереди высывалась из воды плоским, чуть ли не вровень с водой, песчаным островком.

Если не смотреть на ничтожную полоску песка, отделявшую их от простора воды, ощущалось, что они продолжают плыть по озеру. Устье реки, которая вынесла их наружу, было таким широким, что низкая поросль по берегам речных рукавов казалась лишь меховой оторочкой на серой ткани. И была очень далеко. А так как они начали переправу поздно, во второй половине дня, то уже начало темнеть. Они развели на островке костер — хорошо еще, что огни хватило, чтобы согреть воды для Марьяны. Дик и Казик напились прямо из озера, они пили много, нарочно пили много, потому что, если напьешься воды, это помогает против голода. Правда, им не помогло.

Вечером Дик попытался ловить рыбу — у него еще осталось несколько стрел. Но он никогда раньше не стрелял в рыбу из арбалета и потому промахивался. А бластер он жалел — он не знал, много ли в нем осталось зарядов, и боялся, что тот скоро перестанет стрелять.

Ночь выдалась трудная, потому что ветер усилился и волны начали перекатываться через островок. «Кораблик» по качивался, и приходилось все время подталкивать его шестом на мелководье. А когда волны стали совсем большими, Дик и Казик слезли в холодную воду и удерживали таинственный плот. Марьяна тоже не спала.

* * *

Олег с Сергеевым шли налегке, шли быстро и, главное, шли иначе. Изменилось их отношение к дороге. В прошлом году это было путешествие почти невероятное, на которое можно решиться лишь от отчаяния. Смерть Томаса была единственной платой за достижение несбыточной цели, и сам

«Полюс» казался таинственным, далеким воспоминанием, реальность которого была сомнительна.

Сейчас они шли по трудной дороге к определенной цели с конкретными намерениями. Главное — дойти как можно скорее и связаться с экспедицией.

Сергеев обыденно и спокойно признавал в пути главенство Олега, и оттого, что старший не старался ничем подчеркивать разницу в годах и опыте, Олег так же спокойно признавал эту разницу. Это было путешествие двух взрослых мужчин.

Они как раз миновали гигантский гриб и шли среди скал, когда Сергеев спросил:

— Ты в самом деле любишь мою Марьяну?

— Мне так кажется, — ответил Олег. Он подумал, что более категоричный ответ будет Сергееву неприятен.

Сергеев словно не заметил дипломатичности ответа.

— Никто из нас не мог подумать, что мы доживем до свадьбы, до свадьбы следующего поколения.

— Мы об этом с ней не говорили, — смутился Олег.

Он вспомнил о Лиз, и ему захотелось спрятать эту мысль поглубже, чтобы Сергеев не увидел ее.

— Если все обойдется, — сказал Сергеев, — поселок этой свадьбы не увидит. Поселка не будет. Его сожрет лес.

Олег обернулся. Ему показалось, что сзади идет слон. Уже начало темнеть, и из-за снежных струй мир был закован в серую мглу. Сергеев шел спокойно. Он полагался на чутье Олега.

— Мне его не жалко, — произнес Олег.

— А мне жалко. Это почти половина моей жизни и большая часть жизни сознательной.

— Ты не хочешь домой?

— Не в том дело. Мы прожили долгие годы в нищете и бессмыслии, человек с Земли, увидевший нас с тобой, решил бы, что лицезреет обезьян. А я убежден, если мы вернемся домой, то в воспоминаниях останутся победы и моменты торжества, которых ты и не заметил.

— Я был маленький?

— Для тебя было естественно, что мы остаемся людьми, что ты ходишь в школу и ешь ложкой. А знаешь, какой праздник был, когда я сделал первую ложку? Олег резко дернул Сергеева за рукав, свалил с ног, тот только крякнул от боли.

Над головами пронеслась черная стая. «Как всадники Апокалипсиса», — подумал Сергеев, глядя на стремительное и стройное движение черных теней.

— Что это было? — спросил он Олега.

— Не знаю. Я их как-то видел, давно еще, но не знаю, кто они. Ты говорил про ложку?

— А еще было много смешного. Мы часто смеялись. Раньше чаще, чем теперь, — теперь мы устали.

Они миновали пещеру, где в прошлый раз Олег провел тревожную ночь. Может, стоило остаться на ночь в ней — все же укрытие, но еще не совсем стемнело, и неизвестно, какая погода завтра. Упорство, с которым мокрый снег устипал землю, было тревожным. Сергеев не спорил с Олегом, хотя устал куда больше, чем тот. Уже через полчаса Олег пожалел, что они не остановились в пещере. Снег повалил гуще, Олег испугался, что они заблудятся. Они разбили палатку, забрались в нее, обнялись. Ночью похолодало. Сергеев, пока не уснул, рассказывал, что мать Марьяны его не любила. И даже хотела уйти от него, но осталась из-за Марьшки. Это было странно: как можно уйти от человека в поселке?

Поднялся ветер и кидал горстями снег на маленькую палатку.

Они поднялись, когда рассвело настолько, что можно было разглядеть землю под ногами. Вернее, драное одеяло мокрого снега, сквозь которое торчали камни и редкие кусты.

Снег утих, но ветер выл с прежней силой, он был мокрый и злой. Олег глядел, как ежится под ветром Сергеев, какие у него темные корявые пальцы, которыми он резко отводил со лба прядь длинных пегих волос. И тут Олег понял, что боится. Бояится, потому что в прошлом путешествии он не нес ответственности. Дик лучше охотился и находил дорогу, Томас помнил прежний путь, Марьяна умела лечить и знала травы. От Олега требовалось одно — идти. А если они теперь сбились с дороги? Если они не найдут ущелья, в котором течет холодный ручей? Возвращаться обратно? Это самое худшее, что может случиться. Только не возвращаться.

— У тебя кипит, — сказал Сергеев.

Олег высыпал в банку горстку сухих грибов. Они быстро набухли и всплыли. Сергеев и Олег по очереди, обжигаясь, вытаскивали из банки скользкие мягкие шарики, дули на них, потом жевали. Олегу есть не хотелось, это была необходимость, которую надо выполнить, иначе на хватит сил. В поселке всегда было плохо с солью. Раньше ее вообще не было, а теперь Вайткус отыскал за болотом солоноватый источник, и вокруг него можно было наскрести соли. Правда, она была скорее горькая, чем соленая, и Вайткус хитроумно

выпаривал ее. Грибы, которые они жевали, были лишь чуть подсолены, но недостаточно, чтобы отбить противный, надо-свящий привкус.

— Пошли? — спросил Сергеев.

Олег и не заметил, как он поднялся и начал сворачивать палатку — полотнище из рыбьей кожи.

Олег проверил арбалет. Тетива отсырела, и ее пришлось подтянуть.

Они пошли дальше, вверх по склону. Олег не узнавал мест и со злостью на себя подумал: как глупо было на оставить знаков, ведь два раза прошли этим путем.

— Может быть, мое настроение, — как бы продолжил Сергеев, когда они прошли с километр, — вызвано еще и тем, что моя деятельность, моя ценность там, на Земле, теперь равна нулю. Мне предложат отдохнуть.

— Почему? Ты еще не старый и сильный.

— Мне уже не вписаться в мир, который изменился, в котором я в лучшем случае стану экзотическим Робинзоном, вызывающим сочувствие. Придется писать воспоминания.

— Воспоминания? О чем?

— О нас... Я пошутил. Я не буду писать воспоминаний, я буду нянчить внуков. Вам с Марьяшкой тоже будет нелегко. Ты представляешь, сколько всего знают ваши сверстники?

— Я буду учиться.

— Разумеется. Тебе будет трудно.

Сергеев не понимал, что для Олега проблемы земные не подкреплялись зрительными образами, предыдущим опытом — Земля оставалась пока краем обетованным. Если нужно учиться — выучимся. Это потом придут разочарования.

Олега все более беспокоила неузнаваемость мест, по которым они шли. Давно уже должен был появиться ручей, ущелье, но скалы вокруг были чужими, незнакомыми.

Сергеев ощутил беспокойство Олега.

— Мы что, заблудились? — спросил он.

— Все иначе, чем тогда. Это из-за снега.

— Не беспокойся, — сказал Сергеев, — мы не можем сильно сбиться. Пока мы знаем общее направление, пока мы идем вверх, ничего страшного.

— Погоди. — Олег услышал журчание воды.

Снова зарядил снег. Они вышли к ручью через несколько минут и дальше пошли вверх по нему, хотя это было ненадежно. В прошлый раз к ручью они вышли уже из ущелья. А сколько здесь течет ручьев?

Они шли до вечера, почти не останавливаясь. Никаких приключений с ними не было. Олег стрелял по зайцу, но

промахнулся. Снег не прекращался. Он липнул к одежде, но было не холодно, только с каждым шагом труднее вытаскивать ноги из снега.

Когда стемнело, они вошли в ущелье. Но это было совсем другое ущелье. Скорее, широкая промоина. Там и остались ночевать. Оба понимали, что сбились с пути, но возвращаться было поздно. Если там, наверху, снега не так много, то остается надежда выйти к перевалу. Но говорить об этом не хотелось. Олег разделил оставшиеся грибы на три части. Дрова они экономили и, как только вода в банке согрелась, сразу потушили огонь, а головешки сложили в сумку.

Они спали под обрывом, ночью был мороз, и ветер скатывался по промоине, как поток весенней воды.

* * *

Утром Павлыш собрался в горы.

Он позвал с собой Салли, как и договаривались, но воспротивилась Клавдия, потому что подошел день профилактики и Салли должна была проверять аппаратуру — это ее обязанность. Павлыш стал уговаривать Клавдию перенести профилактику на другой день, но начальница была непреклонна. Она глубоко убеждена в том, что ею правит чувство долга, и только чувство долга. И никаких других чувств она не знает.

— Бог с вами, Клавдия, — сказал Павлыш. — Если вы не хотите, чтобы со мной летела Салли, полетим с вами.

Ему показалось, что Салли, слышавшая это предложение, улыбнулась, но он не посмел посмотреть в ту сторону.

— Вы с ума сошли, — произнесла Клавдия, неожиданно покраснев. Павлыш даже не подозревал, что Клавдия умст краснеть. — Вы полагаете, что именно я и есть главная бездельница на нашей станции?

— Я ничего дурного не имел в виду. Я только думал, что и вам рано или поздно придется лететь в горы. Это же ваша стихия.

— Моя стихия — вся планета. Горы уже обследованы сканутами. Система, находящаяся к северу от леса, сравнится но молодая, без активного выветривания. Если там и есть что-либо не банальное, то потребуется глубокое бурение...

— Мое дело пригласить. Место в вездеходе найдется.

— Спасибо за приглашение, в другой раз...

Салли завернула Павлышу несколько бутербродов на ло рогу и дала термос с кофе.

— Не расстраивайся, — сказала она, когда Клавдия удалилась к себе в лабораторию. — Мне в самом деле сегодня надо работать. Мы слетаем с тобой в следующий раз.

— Не знаю, когда он будет, — ответил Павлыш. — Завтра возникнет еще миллион дел.

— Придумаем что-нибудь. Сегодня ты найдешь какие-нибудь особенно красивые места. Хорошо?

Салли поднялась на цыпочки и лягушонко поцеловала Павлыша в висок. Она была высока ростом.

— Я знаю, что сделаю. Я уже все обдумал.

— Что?

— Я переселяюсь в лабораторию. Вместе с тобой.

— Со мной?

— Да. У нас будет свой домик, мы сможем закрыть за собой дверь. Почему нам нужно притворяться и делать вид, что мы не нравимся друг другу?

— Ты не умеешь делать вид.

— Тем более. Клавдия все равно недовольна.

— Разумеется. Это крушение принятых норм. Она отлично знает, откуда берутся дети, не считай ее лиловым чулком. Но в экспедиции она привыкла, что на твоем месте находится Сребрина Талева. Наши отношения неправильны, неожиданны, и она никак не может к ним приспособиться, а нас всегда раздражает то, к чему мы не можем приспособиться. Например, нас раздражает эта планета.

— Не надо философствовать. Поставим ее перед фактом.

— Ничего не выйдет — лаборатория недостаточно стерилезована. Клавдия скорее умрет, чем позволит кому-нибудь жить там.

Закончить этот разговор они не успели, потому что вернулась Клавдия. Она принесла желтый листок.

— Третьего дня, — сказала она, — один из моих скаутов зарегистрировал металлическую аномалию вот в этом квадрате. Причем его сообщение сбивчиво — я не смогла понять, что там за выход. Если тебе все равно куда лететь, погляди в этой долине. Аномалия поверхностная, и это тем более странно.

— С удовольствием, — проговорил Павлыш.

* * *

Павлыш сделал круг над станцией, погода была хорошая, видно далеко. Туманной скалой поднимались, исчезая в облаках, стволы гигантских деревьев. По озеру шли некрутые волны, дальше, на глубине, они курчавились барабашками. На Земле Павлыш давно бы вышел в озеро на надувной лодке и

порыбачил или понырял бы в свое удовольствие. Впрочем, на-
до будет совершить экскурсию по дну озера. На той неделе.

Затем Павлыш поднял вездеход выше, прорезав облака.

Из облаков вылетела стая птиц — таких Павлыш уже видел, это были странные создания, наверное, пресмыкающиеся, — надо будет отловить экземпляр для исследования; они устроили в воздухе отчаянную драку: сплетались клубком, разлетались снова, бросались друг на друга.

Вершины гор, еще далекие, высились над облаками. Ближе — черные, беснежные; дальше — покрытые снегом, массивные, спокойные и знакомые — горы везде одинаковы, на любой планете.

Вездеход снизился к горам. Теперь можно было понять схему расположения горной системы. Горы поднимались уступами от долины, переходя в первый, сравнительно невысокий и пологий хребет. За ним тянулись высокогорные долины, в которых даже сейчас, летом, не таял снег. За долинами цепью возвышались горы повыше — уже настоящие великаны, высотой более пяти километров. Дальше — Павлыш знал об этом, но издали было трудно увидеть — располагался могучий узор вершин, самых высоких на планете, и наивысшая гора высотой больше одиннадцати километров, которой еще предстоит получить достаточно красивое и гордое название.

Туда Павлыш пока не полетел.

Он опустил машину на пологом склоне второго хребта. Посидел немного, не открывая люка.

Было очень тихо. И тишина эта была чистой и торжественной. Тишина, которую никогда и никто еще не нарушал звуком голоса.

Затем Павлыш вышел на связь и спросил, как дела на станции.

Клавдия ответила, что все в порядке, и попросила не опаздывать к обеду. Она была настроена мирно, напомнила Павлышу, чтобы он заглянул в ту долину, где замечена аномалия.

— Обязательно, — заверил Павлыш. — Только чуть позже.

Он открыл люк и вышел наружу. Ветра не было. Ноги сразу уплыли в снег — почти по колено, снег был покрыт блестящей твердой коркой: за длинный день летнее солнце растапливало его. Но внутри он оказался сухим, рассыпчатым и слишком белым — здесь еще Павлышу не приходилось видеть такого яркого белого снега.

Павлыш взял пригорюшню снега и сжал перчаткой. Снег рассыпался и пурпурой потек вниз.

Потом Павлыш совершил преступление против инструкций, но как биолог он понимал, что здесь ему ничто не грозит. Он снял шлем.

Холодный воздух обжег лицо, на секунду Павлыш даже удержал дыхание, чтобы не пустить в легкие мороз. Когда он все же вдохнул, то все ожидания сбылись — это был хрустальный, первозданный, замечательный воздух.

Держа шлем в руке, Павлыш пошел, проваливаясь по колено в снег. Он не спешил. был только один звук — звук хрустящего снега. Здесь, на высоте, с непривычки сбивалось дыхание — а всего километра четыре, не больше.

Белая птица пролетела вдали. Значит, и здесь есть какая-то жизнь. А почему ей не быть — воздух нормальный.

Замерзли уши. Павлыш пожалел, что не взял теплой шапки — у него была с собой старая вязаная шапка.

Павлыш надел шлем, включил отопление.

Ему не хотелось уходить. Он стоял, медленно поворачивая голову, и разглядывал поочередно вершины, столь схожие и столь величественно разные — это была особенная, торжественная и совершенная архитектура, которая свойственна лишь большим горам. Яркое белое солнце плыло над вершинами, и небо было куда темнее, чем на Земле, и были видны звезды.

Павлыш вернулся к вездеходу, поднял его вновь и прошел к дальнему большому хребту. Он летел вдоль горной цепи, взглядываясь в детали великанов: в скальный обрыв километровой высоты, в узкий гребень, над которым навис снежный карниз, на трещину в леднике, уходящую в голубую бесконечность... Одни любят смотреть на огонь, другие — на море. Павлыш больше всего любил смотреть на горы.

Он почувствовал, что устал и проголодался. Достал бутерброды, выпил кофе, снова поговорил со станцией и снова услышал напоминание Клавдии заглянуть в ту долину.

Поэтому Павлыш перед возвращением взял курс туда. В полете он мирно прихлебывал кофе, нежась в умиротворенном состоянии человека, который не обманулся в высоких ожиданиях.

Вездеход опустился на склоне долины, схожей с огромным цирком.

— Ну, где здесь у нас аномалия? — сказал вслух Павлыш и выглянул в иллюминатор.

С той стороны ничего не было — белый склон. Он поглядел в другую сторону, вниз.

Потом произнес:

— Так. Именно так.

Из всех невозможных зрелищ, которые выпадают на долю человека, ему выпало самое невероятное.

Внизу, в долине, на арене снежного цирка, маленький отсюда, сверху, лежал космический корабль.

В первое мгновение он показался Павлышу совершенно целым, и он даже подумал на мгновение: может, это другая экспедиция... А потом понял, что корабль погиб.

Диск стоял склонившись, касаясь краем снежного поля. снежная ледяная шапка прикрывала его вершину.

Павлыш резко поднял вездеход и бросил его к кораблю.

Выскочив из вездехода, он вспомнил, что не сообщил об открытии на станцию, чем еще раз непростительно нарушил инструкции, но потом выкинул эту мысль из головы.

На боку корабля поблескивала надпись: «Полюс».

* * *

Корабль не хотел пускать Павлыша внутрь.

Пассажирский люк был приоткрыт, но добраться до него не было возможности — он оказался на высоте трех метров. Трап не смогли или некому было опустить. Грузовой люк был заклиниен при падении. Обойдя корабль и поняв, что находится в положении кота, которому предлагают напиться из кувшина с узким горлом, Павлыш, проваливаясь в снег, медленно брел вокруг «Полюса» и вдруг поймал себя на мысли, что не спешит проникнуть в корабль, боится встречи со зрелищем внезапной, давно замерзшей смерти.

В то же время хотелось надеяться... На что? И тут же Павлыш придумал ответ: на то, что кто-то остался жив, смог поднять планетарный катер и уйти в космос.

Нелепость этой мысли заставила досадно поморщиться. Ведь Павлыш отлично знал, что это за корабль, знал, что он давно пропал без вести. Последняя связь с ним была, когда он уходил в большой прыжок совсем в другом секторе. Что-то произошло во время прыжка. Корабль из него не вышел. И сгинул бесследно, что бывает крайне редко, может, раз в десятилетие.

Оказывается, корабль вышел из прыжка только для того, чтобы бессильно рухнуть в этих холодных горах. И разумеется, никто с него не спасся. По той причине, что если бы они запустили спасательный катер, то могли бы добраться до обитаемой планеты. Этого не произошло.

Павлыш вернулся к себе в вездеход, вспомнил, что Клидия, наверное, сходит с ума — так давно он молчит.

Если Клавдия и сходила с ума, то она отлично держала себя в руках.

— Что-нибудь случилось? — спросила она ледяным голосом, когда услышала Павлыша.

— Как тебе сказать...

Клавдия молчала. Связь работала отлично, Павлышу было слышно ее быстрое дыхание.

— Я нашел «Полюс», — сказал Павлыш.

— Какой полюс?

— Помнишь, ты мне говорила об аномалии? Это не аномалия. Это космический корабль «Полюс». Может, ты слышала, что он исчез двадцать лет назад?

— Ой! — раздался голос Салли. Видно, она стояла рядом с Клавдией. Может, тоже беспокоилась, куда пропал Павлыш. — А люки?

— Он погиб. Разбился. Сейчас я постараюсь проникнуть в него.

— Подожди, — остановила его Клавдия. — Мы не знаем причины гибели.

— Он разбился, — повторил Павлыш. — Прошло двадцать лет.

— Тогда нечего спешить. Мы прилетим туда вместе. По инструкции нельзя идти одиому.

— Я в скафандре.

— Конечно, Слава пойдет, — проговорила Салли. — Я бы тоже пошла.

— Я категорически против, — отрезала Клавдия.

— Прости, — ответил Павлыш и отключил связь.

Это было открытой революцией, мятежом на борту.

Павлыш открыл ящик с экспедиционным снаряжением. В экспедиционном катере должны быть первобытные вещи — веревки, крючья. Обстоятельства бывают столь неожиданными, что вся технология космического века оказывается бессильной без куска троса.

Павлыш сразу же отыскал идеальное приспособление, чтобы проникнуть на корабль, — реактивный ранец.

* * *

Внутри корабль сохранился замечательно. Он был как бы заспиртован ледяным воздухом.

Павлыш медленно шел коридорами корабля, заглядывая в каюты. Его целью был пульт управления. Там должен сохраниться судовой журнал.

Каюты были пусты. Это было странно: даже если большая часть команды находилась в анабиозном отсеке, вахтенных на таком корабле должно было быть не менее десяти человек.

В каютах все оставалось таким же или почти таким же, как в момент гибели судна, вещи на местах, но ни одного трупа.

На корабле летели семьями. В одной каюте — Павлыш запомнил ее номер: 44 — его вдруг тронула картина запечатленного мгновения. там стояла детская колыбель, возле нес початая бутылочка детского молока. Игрушки в колыбели...

Павлыш был уже убежден, что после аварии на корабле оставались живые люди. И ему предстояло понять, что с ними случилось потом.

Павлыш отыскал пульт управления. Он сильно пострадал. приборы управления были разбиты. В мертвом хаосе чудом казалось зеленое мерцание сигнала автоматической наводки на Землю. Павлыш выключил его — мерцание зеленого огонька в столь окончательно погибшем корабле было зловещим.

В узле управления и в других служебных помещениях «Полюса» Павлыш никого не нашел. Не было и судового журнала. Не было людей и в двигательном отсеке, пострадавшем более всего. Наконец Павлыш добрался до анабиозного отсека. Дверь в него была заперта. Но Павлыш был готов к этому. Он захватил с катера резак.

Замок поддался довольно легко.

В анабиозном отсеке было темно — стены здесь, в отличие от других помещений, не были покрыты светящимся составом. Павлыш включил шлемовый фонарь.

И тогда все понял.

Люди в анабиозных ваннах погибли вместе с кораблем. Вернее всего, при аварии сразу отключился энергоблок, и оставшиеся в живых обитатели корабля не могли оживить систему реанимации. Хотя, судя по всему, пытались. Некоторые ванны были открыты, но старания оказались тщетными.

А потом растворы в ваннах замерзли, и те, кто спал в момент гибели корабля «Полюс», оказались закованными в прозрачные ледяные глыбы.

И тут же, в проходах между ваннами, Павлыш нашел тех, кто погиб вне отсека. У кого-то хватило сил перетащить их тела сюда.

Павлыш не стал задерживаться в анабиозном отсеке. Ему было там страшно. Можно быть сколь угодно рациональным, трезвым и даже отважным человеком и все равно

внутренне сжаться, услышав за спиной, в ледяной тишине, воображаемые шаги и увидев вдруг в неверном луче шлемового фонаря, как под стеклом анабиозной ванны дрогнет вечно или дернется в усмешке рот человека, погибшего двадцать лет назад.

Павлыш отступил к выходу, не в силах обернуться спиной к кладбищу «Полюса». А когда закрыл за собой дверь отсека, то прижался спиной к стене коридора и простоял так несколько минут, чтобы прошла проклятая слабость в ногах.

Затем он пошел к выходу, который оказался очень далеко. Павлыш шел все быстрее и задержался только раз, заглянув в распахнутую дверь какого-то складского помещения, потому что его удивил разгром, царивший там — словно какие-то дики или животные добрались до ящиков и пакетов, разбросав по полу, раскрыв кое-как, будто камнями и когтями, банки и пакеты, пробуя и бросая их, если не понравились. Этого не могли сделать обитатели корабля, даже в момент крайней нужды, хотя бы потому, что знали, как открывать банки... Значит, в корабле кто-то побывал после того, как последние люди погибли или оставили его. Объяснения этому не было, объяснение требовало существования на планете достаточно высокоорганизованных животных или даже первобытных людей. А Павлыш как биолог был совершенно убежден, что высших животных на планете нет. И лишь когда он отошел на несколько десятков метров от разгромленного склада, простая и убедительная мысль пришла в голову. Подсознательно он раньше гнал ее от себя: люди умирали на погибшем корабле постепенно, один за другим, и последние, или последний, раздавленные безнадежностью и ужасом, сошли с ума. И умирающий безумец, не сознавая, что делает, приполз в этот склад, потому что смерть была немилостива к нему...

Скорей на волю! Чтобы было солнце и свежий воздух. Скорее вырваться из безмолвной гробницы, населенной ледяными тенями давней, но законсервированной стужей трагедии!

* * *

Они так уморились и промокли за ночь, что к рассвету, когда волнение стихло и островок перестало заливать, свалились и заснули как убитые.

Дик и Казик обняли Марьяну и прижались к ней с двух сторон. Они думали, что так теплее, и даже во сне старались не шевелиться, чтобы не сделать ей больно, а Марьяна, которая

все время просыпалась, не могла согреться, ее бил озноб, и надо было сдерживаться, но Олег все не шел, он уходил куда-то, она звала его, бежала за ним, тут отказывала больная нога — у нее и не было вовсе ноги, — и Олег не оборачивался, и догнать его не удавалось... Земля качалась, потому что было землетрясение и сверху на нее падала крыша...

Марьяна очнулась — пленка закрыла лицо и мешала дышать, Марьяна отодвинула ее. Дик и Казик лежали по обе стороны, и она вспомнила, как в прошлом году они лежали на снегу и замерзали, и ребята тоже клали ее в середину, чтобы согреть. И тогда она не знала, что снова придется замерзать так далеко от дома, но в двух шагах от Земли — ведь правда, в двух шагах?

Островок укачивал ее, хотя не должен был этого делать.

— Дик, — произнесла Марьяна. — Мы плывем?

— Что? — спросил он во сне, но через несколько секунд проснулся, сел, откинул пленку и сказал: — Этого еще не хватало.

Зашевелился, застонал, никак не мог проснуться Казик. Кожа да кости, в чем душа держится — о нем всегда так говорили женщины в поселке, сейчас бы им на него поглядеть.

Марьяна попыталась сесть. Локти проваливались в подстаканку, а нога сегодня почти не болела.

Вокруг была только вода — ничего больше. Их унесло, пока они спали.

Дик встал, ухнул по колено в воду; опершись ладонями, вытащил ногу и стал осматриваться. Проснулся Казик.

— Нам повезло, — проговорил Дик, — могло быть хуже.

Пока они спали, «корабль» стянуло течением с острова. Но ветер дул удачно, и потому они оказались ближе к дальнему берегу реки.

Они стали грести к берегу, пользуясь попутным ветром, гребли ладонями, даже Марьяна подползла к краю, свесилась через бревно и подгребала.

Казик снял с себя рваные штаны и куртку, от которой остались только клочья, и прыгнул в воду. Он плыл за плотом и булыхал ногами, толкая его перед собой. А потом, когда берег уже стал ближе и их всех охватило нетерпение, за ним прыгнул Дик и тоже толкал плот, даже не чувствуя, какая холодная вода.

Они толкали, задыхаясь, этот проклятый тяжелый плот, который, как живой, сопротивлялся им. И вдруг Дик ударил ногой дно. Он сильно толкнул плот вперед. Казик потерял равновесие, чуть не захлебнулся, потому что для него там еще было глубоко. Дик вытащил его из глубины, и они по-

шли к берегу за плывущим плотом. Они шли не спеша, лишь подталкивая его, когда он замедлял движение, и через несколько минут вынесли Марьяну на низкий пологий берег, под сень невысоких белесых сосен.

Под соснами пахло грибами, во мху бегали насекомые, шуршали кусты, принюхиваясь к пришельцам.

До конца пути оставалось совсем немного.

* * *

На обратном пути Павлышу пришлось отвечать на бесконечные вопросы Клавдии и Салли. Ни одной экспедиции не приходилось еще отыскивать погибший космический корабль. Причем корабль, исчезновение которого было у всех на памяти.

— Его не должно быть в этом секторе, — говорила Клавдия, словно Павлыш нарочно, чтобы ее позлить, привел сюда «Полюс».

— Если авария случилась во время прыжка, — возразил Павлыш, — они могли выйти и здесь.

— Да, но комиссия решила, что они так и не вышли.

— Ты уверен, что никто не выжил? — спросила Салли.

— Я ни в чем не уверен, — сказал Павлыш. — Но думаю, что некоторые умерли сразу.

— Если кто-нибудь и остался, они бы не выжили здесь и дня, — решила Клавдия.

— Когда это было? — спросила Салли.

— Я не нашел судового журнала. Но даже летом там мороз. Ночью опускается до сорока. В другие времена года хуже.

— Им некуда было идти, — произнесла Клавдия.

— Мы обследуем окружающие горы, — предложил Павлыш.

— Там было много людей, — припомнила Клавдия.

— И дети, — добавила Салли. — Экспедиция и колонисты.

Женщины разогрели ужин к прилету Павлыша, но есть ему не хотелось. Он сразу начал прокручивать пленки.

...Корабль в снежном цирке.

Он же — ближе, нависает блестящий бок. Крупный план — тусклая, исцарапанная ветрами и снегом поверхность борта. Коридор корабля. Яркий свет от шлемового фонаря Павлыша. Пульт управления, осколки приборов... Следы взрыва и двигательном отсеке... холодное запустение смерти.

Они пили кофе, они сидели в маленькой, теплой и чистой гостиной станции, и каждый представлял себе мертвый хо-

лод космоса, продолжением которого были те горы, где нашел смерть корабль «Полюс».

— Посмотрим остальные пленки? — спросил Павлыш.

— Не надо, — сказала Клавдия. — Завтра. Надо выяснить, что положено делать.

— А что положено? — Павлыш понял, что никогда не встречался с такой ситуацией. А ведь есть правила на все — на выход в открытый космос и на поведение при встрече с аборигенами. Даже самые немыслимые ситуации и те имеют соответствующее правило.

— Что мы можем использовать? — спросила Клавдия.

— Как использовать? — не поняла Салли.

— Планетарные катера целы?

— Катер поврежден. Точка удара пришлась на транспортный отсек.

Клавдия включила информаторий. Он выдал текст на экран, буквы были строгими, четкими, не допускающими возражений. Клавдия повторяла текст вслух:

— «При эвакуации с исследуемой планеты экспедиция должна убедиться в том, что на планете не остается ни одного предмета земного происхождения, за исключением приборов, оставление которых предусмотрено с целью их дальнейшего извлечения...»

— Это не совсем тот случай, — сказал Павлыш. — Пожалуй, тут имеется в виду моя зубная щетка.

— Зубная щетка?

— Три дня не могу отыскать, — объяснил Павлыш. — Может, она завалилась в какую-нибудь щель, и через миллионы лет, когда здесь возникнет цивилизация, они откопают щетку и поймут, что на их планете побывали пришельцы.

— Не время для шуток, — оборвала Клавдия, склоняясь к дисплею. — Здесь должно быть что-нибудь еще. Я точно помню. Вот.

Снова зажегся экран информатория: «В случае обнаружения на исследуемой планете попавших туда в результате небрежности предыдущей экспедиции либо в результате несчастного случая предметов земного происхождения экспедиция обязана забрать их с собой, а в случае невозможности этого сделать — уничтожить».

— Я же говорила. — Клавдия была рада, что память ее не подвела.

— Ну как же так, — возразила Салли. — Там же люди...

— Люди погибли двадцать лет назад.

— Можно не спешить, — проговорил Павлыш. — Мы еще не улетаем.

— Надо спешить, — сказала Клавдия.
Она опять копалась в индексе.

Павлыш не понял, что Клавдия ведет с ним войну. Он начисто забыл о своем бунте, о том, что пошел на «Полюс», открыто не подчинившись Клавдии, и она вынуждена для самой себя утверждаться в главенстве.

— Это где-то в примечаниях, — припомнила она. — Там должны быть примечания.

— Я не понимаю, — произнесла Салли. — Что может случиться?

— Я могу ошибиться в точных формулировках, — сказала Клавдия, — но смысл мне понятен. Как и должен быть понятен вам. Корабль, потерпевший крушение, — источник земных микроорганизмов. По нашей вине может произойти экологическое бедствие.

— Микробы вымерзли, — возразил Павлыш.

— Ты можешь гарантировать? Как биолог?

— Нет, не могу, — согласился Павлыш.

Он понимал, что хочет сказать Клавдия. Павлыш заходил в корабль. И если что-то из чужого этому миру, а может, и вредных для него микроорганизмов или вирусов оставалось там, Павлыш предоставил им шанс вырваться наружу. И сейчас не так уж холодно — даже высоко в горах. И неизвестно, случится что-либо или нет. Вернее всего, не случится. Но инструкции составляли очень умные и предусмотрительные люди.

— Однако нельзя же... — начала Салли. — Он сейчас как памятник... — Она осеклась.

— Люди вышли в космос не для того, что оставлять памятники, могущие погубить чужую жизнь. Мы — не источники заразы, — произнесла Клавдия. — Смысл настоящей цивилизации — гуманизм.

Высокие слова зажгли глаза Клавдии светом подвижника. «Тебя бы на костер, — подумал Павлыш, — пламя бы отступило».

Салли поднялась и вышла из комнаты поставить чай.

Остановилась в дверях.

— Ты так всегда уверена в своей правоте...

Клавдия не ответила.

* * *

Когда они отдохнули немного, Казик собрался идти к станции.

Марьяна предложила ему:

— Ты подожди, обогреешься, обсохнешь.

— Я обсохну по дороге. Я быстро хожу.

Дик отдал ему свой нож — нож Казика никуда не го-дился — и хотел отдать бластер, но Казик не взял. Он не до-верял бластеру. Он сказал:

— Тебе нужнее. Я буду идти, а тебе надо сидеть и ждать.

Казик шел до темноты, но на пути ему встретилась речка, она была очень быстрой, и он пошел вверх по ней в поисках места, чтобы перебраться, однако забрел в болото.

И уже в темноте вернулся обратно.

Он увидел костер, который разжег Дик.

— Это я! — крикнул он издали.

— Не нашел? — спросил, поднимаясь, Дик.

— Завтра найду. Теперь я знаю.

Марьяна лежала с открытыми глазами и молчала. Ей было больно, но не в ноге, а во всем теле — тупая медленная боль.

* * *

...Они поднялись, когда рассеялся утренний туман. Туман уходил, стекая, как кисель, в озеро и прячась в лесу. Среди ключьев тумана был и дымок костра, на котором Дик кипятил воду. Павлыш, улетавший с Салли к «Полюсу», не заметил дыма. А если бы и заметил, то принял бы его за стелящийся туман, но Казик посмотрел на небо как раз в тот момент, когда катер мелькнул над вершинами деревьев.

— Вон они! Улетают! — закричал он.

— Ты видел? — спросила Марьяна.

— Да, маленький корабль.

— Наверное, они полетели на разведку, — решил Дик.

— Хорошо бы не все полетели, — отзвался Казик. — Как ты думаешь, их много?

— Не все ли равно?

— Если много, у них есть другой корабль, чтобы забрать Марьяну, — сказал Казик. — Я пошел, хорошо?

Он был взвинчен — свидание с Землей было таким близким.

— Подожди, выпей чаю, — напомнил Дик.

Дик мог бы оставить Казика и пойти к станции сам, но он ничего больше не произнес. В лесу одинаково опасно. Человек, который движется, находится не в большей опасности, чем тот, кто охраняет беспомощную девушку. Он понимал, какое это счастье для Казика — увидеть настоящих землян.

А сам этого чувства не испытывал. Он только беспокоился за Марьяну: она была сегодня совсем плохая. Он заставил Казика выпить горячей воды и сказал:

— Ну, беги.

Он знал, что никто на планете не ходит по лесу быстрее, чем Маугли.

* * *

Клавдия плохо спала в ту ночь.

Вечером снова вспыхнул спор с Павлышом: Клавдия настаивала, чтобы с утра он принял меры к ликвидации корабля. Слово «ликвидация», которое она употребляла по отношению к «Полюсу», как бы обезличивая действия Павлыша, помогало ей не видеть за «Полюсом» того, что видел Павлыш. Существовал предмет, который представлял собой угрозу для планеты. Существовали инструкции, которые предусматривали ликвидацию опасного предмета. Корабля «Полюс» не существовало давно. Разумный акт ликвидации, который она навязывала Павлышу, как бы подводил черту под событием, имевшим место двадцать лет назад.

Клавдия сама вскрыла контейнер с имплозивом — взрывчатым устройством, не распространяющим взрывных волн и не нарушающим природного баланса, перетащила тяжелый ящик в кают-компанию и безапелляционным тоном приказала Павлышу во исполнение инструкции завтра с утра ликвидировать корабль «Полюс», сделав голограмму его внутренних помещений для отчета в Звездной комиссии. Если нужно, согласилась она с требованием Салли, Павлыш может изъять из «Полюса» все предметы и материалы, могущие представлять ценность для исследований или сенитментальное значение для родственников тех, кто погиб.

После этого Клавдия выдержала бурный, неорганизованный и слишком эмоциональный напор Павлыша, который категорически отказывался взрывать корабль.

— Мы находим, — проговорила она спокойно и размеренно, — в дальней разведке. Когда вы, Павлыш, соглашались лететь в эту экспедицию, вы отлично знали, что в чрезвычайных обстоятельствах решение остается лишь за начальником экспедиции. В случае неподчинения член экспедиции, виновный в этом, навсегда, я повторяю, навсегда лишается права работы в космосе. Вы можете оспаривать мое решение, вы можете считать его неразумным. За это решение ответственность несу только я. Вы же обязаны ему

подчиниться. Правило это, как вы знаете, не имеет исключений. Ни раз оно спасало экспедиции.

— Клава, — возразила Салли. — Это не тот случай. Нашей экспедиции ничто не угрожает. Мы можем отложить это решение до отлета. Время еще есть.

— Мы не можем отложить решение до отлета. С каждой секундой повышается опасность заражения этой планеты.

Павлыш молчал.

Логика и железная уверенность Клавдии обладали неким гипнотическим эффектом. Возможно, он бы продолжал спорить и находить аргументы, не будь он воспитан на дальнем флоте, где авторитет капитана, начальника экспедиции — обязательный и чуть ли не главный элемент воспитания. Клавдия была права — в решающий момент командир корабля или начальник экспедиции имеет право и даже должен принять решение, которое не обсуждается. Элемент ошибки, который заключается в этом, всегда меньше, чем риск возникновения анархии. Человечество может достичь звезд, всеобщего благополучия, люди могут путешествовать во времени и покорять дальние галактики. Но они остаются теми же людьми, каким были тысячу лет назад. Самый гуманный и талантливый человек будет бояться смерти и стремиться к любви. Одни буду жаждать славы, другие покоя, люди буду выбирать себе друзей и спутников жизни, но будут встречать и врагов и соперников, идеального человека, идеального общества, к счастью, быть не может — иначе бы человечество замерло в нирване и сгинуло бы в благостной неподвижности. Поэтому в космосе должен властвовать Закон, придуманный людьми, недостаточно совершенный, чреватый ошибкой, но единый для всех и нерушимый.

Этот закон олицетворяла сейчас Клавдия Сун, маленькая упрямая женщина, уверенная в своей правоте так же, как был убежден в своей Павлыш. И правота Павлыша должна была отступить.

— Лучше бы я не находил его, — такими были последние слова Павлыша.

Он вдруг понял, что смертельно устал за день и никого не хочет видеть. Ни правильную Клавдию, ни добрую Салли. Они чужды ему, если, подчиняясь закону, человек продолжает осознавать свою неправоту перед силами высшими, не жели закон.

Клавдия не спала всю ночь, потому что ей было страшно спать. Она не была на корабле, но видела пленки, снятые Павлышом. Ее воображение было достаточно развито, чтобы представить себя на мертвом корабле.

Стоило ей заснуть, как мертвый корабль оживал и люди, которых она обрекла на вторую смерть, сходились к ней, приближались вплотную и что-то пытались сказать. С ними надо было спорить, доказывать, что она лишь выполняет свой долг, а те не понимали и грозили, хотя лиц их она не видела, старалась увидеть, но не было лиц... Клавдия в ужасе просыпалась и старалась не заснуть снова. Ей казалось, что она не спит, и лишь новый приход тех людей доказывал, что она снова заснула...

К утру эта бесконечная борьба с людьми с «Полюса» истощила ее настолько, что она поняла — убедить их не удастся и придется оставить их в покое. И эта мысль принесла такое облегчение, что Клавдия тут же заснула глубоко и без сновидений. Когда она проснулась, было около десяти часов утра — станция была пуста. Павлыш с Салли улетели, не стали ее будить.

Клавдия поднялась, голову ломило, она старалась восстановить в памяти кошмар, но он был бесформенным и каким-то глупым. Она поняла, что не приказывала Салли лететь с Павлышом, хотя, разумеется, лететь вдвоем было правильнее...

Клавдия умылась ледяной водой, сделала гимнастику, выпила чашку крепкого кофе — эти действия не исправили тягучего, отвратительного настроения, но полностью изгнали из памяти кошмары. И она представила себе, как Павлыш летит, сидя рядом с Салли, и они посмеиваются, вспоминая о вчерашних спорах, может, даже говорят о ней с усмешкой. Разумеется, с усмешкой, а Салли с готовностью кивает, соглашаясь... Клавдия не стала вызывать катер. Приказ отдан. Он должен быть выполнен, иначе завтра на станции воцарится анархия.

В конце концов это эпизод, не более как эпизод. Давно погибший корабль, давно погибшие люди... Освоение космоса не обходится без жертв. И если не подчиняться дисциплине, то жертвы утруются.

И Клавдия попыталась заняться делами.

* * *

Казик спешил, он теперь знал, как надо идти — болото обогнуть повыше, через гряду холмов, а потом резко взять по лощине к тому месту, где речка растекается по камням и становится мелкой.

У реки он задержался, отыскал место поспокойнее, где вода была как зеркало. Не такое, конечно, как то, что Марьяна оставила в поселке, но все же можно поглядеться. Он даже удивился — лицо стало таким узким и темным, что только белки глаз не испачканы. И волосы кажутся застывшей кашей.

Причесаться было нечем, но мылся Казик минут пять — и просто водой, и илом. Он понимал, конечно, что земляне будут им недовольны — Казик совершенно за собой не следит, не зря его всегда ругает тетя Луиза.

Он перешел через реку вброд, в одном месте было почти по пояс, и замерз он страшно, так что по лесу он побежал. Лес был негустой, сосняк, светлые голубоватые стволы отклонялись от него, боялись шума, хищные лианы он срезал на бегу ножом — хороший нож, может, Дик его потом подарит, а то Казик остался без ножа... Он обязательно попросит у земных людей книгу по географии. Первым делом, когда все кончится, он попросит у них книгу по географии с цветными картинками. Старый говорил, что бывают книги с объемными и движущимися картинками. Что еще нужно человеку?

* * *

Олегу не было холодно. Снег, сыпавшийся густо и упрямо, сначала срывал палатку жесткими струями, а потом, превратив ее в холмик и затихнув, словно довольный тем, что восстановил чистоту и близину горной долины, стал тяжелым, душным и теплым.

Олег устал, ему хотелось спать, мысли двигались лениво и безвольно. Вчера они шли весь день, они старались идти так, чтобы все время подниматься. Они уже знали, что заблудились, но не переставали надеяться, что все же выйдут к перевалу, пускай не в нужном месте, это не так важно — только бы вырваться из облака, наверх, где нет бесконечной пурги.

Они упали — сил не было даже на то, чтобы согреть воды, — не дождавшись темноты. В серой мгле, молча, будто совершили уговоренный ритуал, они расстелили палатку, удерживая ее, чтобы не унесло выногой, потом закутались в нее и покорно лежали, чувствуя, как полог тяжелест, заваленный снегом.

Ночью Олег проснулся — а может, ему показалось, что он проснулся, — от жалости к матери. Он уже догадался — именно тогда, ночью, во сне, — что никогда больше не увидит мать. И ему стало бесконечно жалко ее, потому

что теперь мать, даже если их найдут и привезут на Землю, всеми мыслями останется здесь, на планете, у нее ничего больше нет. И ему стало стыдно, как часто он грубил ей, не слушался ее и не хотел слушать рассказы об отце и прежней жизни. Олег заплакал и беззвучно, чтобы не разбудить тяжело дышавшего Сергеева, просил у матери прощения.

* * *

Клавдия села за стол поработать. И ничего у нее не получалось.

Через несколько минут она поймала себя на том, что тупо глядит в окно. Лес за эти недели изменился: лето заставило распуститься листья на деревьях — маленькие зеленые листочки на длинных волосах ветвей; мох выпустил свежие побеги, которые вздрагивали, когда близко пролетало насекомое, стараясь схватить добычу; лишайники вс путились и медленно дышали; в чащце появилось куда больше животных — то ли пришли с юга, то ли проснулись от зимней спячки. Лес вызывал в Клавдии отвращение, но и притягивал ее. Это было странное желание, которое овладело Клавдией, как жажда, — выйти в этот лес и пойти по нему, просто так, без скафандра, ничего не опасаясь.

Нет, так не пойдет, спохватилась Клавдия и заставила себя думать о работе...

Не хватало еще этого корабля! Гробница Тутанхамона!

Клавдия была легко ранима и впечатлительна, но старалась скрыть это от окружающих, потому что в ином случае ей нет места в дальней разведке. Она привыкла за последние годы подавлять чувства, которых стыдилась, и поддержание репутации вычислительной машины, вызывавшей к ней уважение, но редко — симпатию, казалось целью ее жизни. Удивительно, но Клавдия не догадывалась, что Сребрина и Салли работают с ней уже не в первой экспедиции совсем не потому, что Клавдия методична, работоспособна и пунктуальна. Наоборот, они любили другую Клавдию, которую та скрывала даже от себя самой. Видели, понимали ее и привычно игнорировали сухую оболочку начальницы. Обе они опекали Клавдию, как неловкого сына, которого не любят соученики по классу, отличника и занудного зубрьлу, потому что знают: дома, когда никто не видит, он совсем другой и часами возится с больным

котенком, рисует цветы или выпиливает из дерева рыцарский замок.

Клавдия влюбилась в шумного и неправильного Павлыша еще на корабле, когда и речи не было о том, чтобы взять его в экспедицию. И, влюбившись, стала относиться к нему резко, холодно и подчеркнуто враждебно. Ей на этот раз удалось обмануть не только себя, но и проницательную Салли. Когда же оказалось, что волей случая Павлыш лестит именно с ней, ее охватила такая бешеная радость, что она сама привычно, умев бороться с собой и не понимая себя, истолковала ее как волнение, потому что именно такой человек, как Павлыш, — опасность для налаженной экспедиции. Но так как Клавдия была человеком дела, она тут же доказала себе, что задачи экспедиции важнее всего и следует пойти на жертвы, чтобы экспедиция не сорвалась. Стиснув зубы, изнывая от любви к Павлышу, она приняла его на станцию. Когда же обнаружилось, что Павлыш и Салли, два больших, веселых и добрых человека, тянутся друг к другу и их сближение — лишь дело времени, потому что оно естественно, Клавдия нашла массу аргументов, заставляющих ее как человека, ответственного за экспедицию, воспрепятствовать этому сближению.

Может, из-за того, что Клавдия находилась в постоянном возбуждении, не давая себе возможности разобраться в его действительных причинах, она прониклась таким активным отвращением к планете. Тем более что планета и в самом деле была первобытной, опасной и враждебной человеку. Впервые в жизни Клавдия хотела одного — чтобы экспедиция закончилась и можно было вернуться в обычный мир камеральных работ и деловой суматохи, мир, в котором ее никто не понимал, но все считали, что ее понимают.

И в то же время, как бы ей ни была отвратительна планета, как бы ни возмущала она ее праведную и мятущуюся душу, этот мир ее притягивал и тревожил.

...Клавдия поднялась. Ею владела тревога, неумолимое желание действий. Она не могла больше работать. Она даже не могла думать о работе.

Она подошла к плите, хотела поставить кофе, налила воды, но включать плиту не стала.

Потом прошла в переходник и надела скафандр.

«Я выйду, — повторяла она себе, — я выйду на минуту, дойду до леса. В конце концов, почему я должна неделями сидеть в этой тюрьме?»

Будь на станции кто-нибудь, кроме нее, она никогда бы не позволила себе выйти. Сейчас никого рядом не было. И никто не увидит ее. А потому можно представить себе, что не увидит и непреклонная Клавдия Сун. Нет ее, Клавдии, улетела тоже в горы. И выходила в лес не она, а то нелегальное, неосознанное и формально не существующее естество Клавдии, над которым она не имеет никакой власти.

Клавдия проверила, герметичен ли переходник — все пункты инструкции выхода она соблюдала точно, — и шагнула в лес.

До того она бывала снаружи, разумеется, бывала — по делу. То надо было помочь скауту выгрузить пробы, то сходить в планетарный катер. Но она ни разу не была в лесу. И когда Павлыш полушутя и весьма осторожно уговаривал ее отправиться туда вместе с ним, она сухо отказывалась, давая понять, что необязательными вещами она заниматься не намерена.

Клавдия пересекла поляну, оглянулась. Купола станции и лаборатории смотрели вслед, не одобряя ее поступка.

Ей казалось, что ветер, колеблющий листву, овеял и ее лицо. Она даже провела перчаткой по забралу шлема, проверяя, герметичен ли он. Все было в порядке.

Она вступила в лес, она шла широкой прогалиной медленно, глядя под ноги, чтобы не ошибиться и не наступить на какую-нибудь гадость, потому что ее путешествие по лесу совсем не означало примирения с ним. Это было испытание для себя — если бы вместо леса перед ней был кратер вулкана, возможно, она в таком душевном состоянии спустилась бы и в кратер.

К собственному удивлению, Клавдия с каждым шагом обнаруживала в лесу нечто — то сухой лист, то причудливо изогнутый корень, то пышное движение лишайника, — что ее привлекало своей первозданной красотой и естественностью, всплесками красок, необычностью форм... Клавдия останавливалась, разок даже нагнулась, разглядывая смешного полосатого жучка на длинных ногах.

Жучок при виде Клавдии поднялся на задние лапки и подпрыгнул, и Клавдия не испугалась — она подумала, что он похож на ластишегося щенка, который хочет лизнуть в губы.

Милый жучок промахнулся и обиженно загудел, улетая.

К счастью для Клавдии, она не знала, что яд этого полосатика хотя и не смертелен, но вызывает глубокие неизаживающие язвы и, встретив его в лесу, надо бежать без

оглядки. Впрочем, она была в скафандре, и ей ничего не грозило.

Улыбаясь смешному жучку, Клавдия проводила его взглядом и хотела было возвращаться, но тут увидела впереди цветы.

Цветы редки на планете — здесь царство простых растений. И чаще всего цветы — это лишь кажущиеся цветами иные существа, даже не обязательно растения.

Клавдия остановилась на небольшой поляне. Центр ее был занят кружком изумрудной травы — травинки блестели, словно намазанные жиром; ближе к деревьям, под нависающим сверху сплетением ветвей, ютились беспомощные нежные комочки — одуванчики, только куда меньше земных и нежнее.

Когда Клавдия приблизилась к одуванчикам, они заколыхались на тонких стеблях, отклоняясь от ветра. Это были одуванчики для Дюймовочки.

Клавдии страшно захотелось дунуть. Дунуть, чтобы они полетели белыми пушинками.

Этого делать было нельзя.

Клавдия даже оглянулась — не подглядывает ли кто-нибудь, не видит ли он преступления?

Лес был тих и безмятежен.

Клавдия немного, на несколько сантиметров, все еще улыбаясь, приподняла забрало шлема и дунула.

Белым облачком пушинки взвились в воздух, закрутились, кидаясь во все стороны.

Несколько невесомых пушинок коснулись ее лица, и Клавдия отмахнулась от этого холодного, щекочущего прикосновения.

И тут же закрыла забрало.

Прикосновение, хоть и было нежным и безвредным, испугало и отрезвило ее. Она быстро выпрямилась.

Зеленые стебельки, на которых только что были одуванчики, спрятались, как живые, под землю.

«Идиотка», — сказал себе Клавдия.

В носу свербило — она успела вдохнуть запах леса, гнилостный, тяжелый, чужой.

Очарование пропало.

Клавдия оглянулась. Лес стоял со всех сторон, неподвижный, настороженный, враждебный чужому.

Она не сразу сообразила, куда ей идти — было неприятное мгновение нерешительности. Потом сквозь прогалины блеснула крыша купола — она же отошла всего на пятьдесят метров.

Она добежала до купола, сорвала скафандр, бросила его в дезинкамеру и сама тут же перешла в душ.

Горячая, пахнущая лекарственными травами вода хлестала ее. Она мыла лицо, еще и еще раз, все более проникаясь презрением к себе самой. И ей все казалось, что нежное прикосновение пушинок ничем не смыть.

Даже маленький ребенок в поселке бы не приблизился к одуванчикам и, если бы увидел их издали, сразу рассказал бы об этом старшим, потому что нет ничего хуже, чем натолкнуться в лесу на гнездо снежных блох. И взрослые сразу стали бы наблюдать за человеком, увидевшим в лесу гнездо снежных блох, — вернее всего, он заражен и обречен через полчаса или через час потерять рассудок в бешеном припадке... Почти все в поселке прошли через это несчастье, многие по несколько раз. Из-за этого, когда в прошлом году припадок случился с Олегом, погиб Томас Хинд.

* * *

Что-то Казику в лесу не нравилось. Он был оживлен, кипел жизнью и звуками — это бывает летом, но впереди, куда лежал путь, было кудатише. Может, потому, что там станция, люди распугали зверей? Казик принял эту версию и поспешил дальше.

Пришлось пробираться сквозь завал — видно, здесь была большая буря и на возвышенности лес повалило. Нож Казик держал наготове, двигался бесшумно, стараясь быть незаметным и проскальзывать как тень. Но он задержался в этом завале, все равно здесь не побежишь, да и в трухлявых деревьях любят прятаться всякие гады.

Издали Казик заметил обтянутое паутиной жилище Чистоплюя и обежал его стороной. И тут же учゅял стаю шакалов.

От них далеко пахнет в лесу — они никого не боятся и гонят добычу. Чаще они нападают в одиночку, они неутомимы и злы, но иногда собираются в стаю — такая стая напада в прошлом году на Дика с Марьяной. Вот почему в лесу так тихо.

Ничего, сказал себе Казик, от вас мы убежим.

Шакалы тоже почуяли Казика. Первого шакала он углядел, когда пробирался через лощину, и пришлось идти медленнее.

Шакал показался сверху, справа, он смотрел спокойно, будто Казик его не интересовал, будто он просто из любо-

пытства выглянул из кустов и даже удивился: кто это шумит в лощинке?

Но Казик знал, что теперь шакал не успокоится — он или погибнет, или убьет Казика.

Хорошо бы, шакал был один.

...Второй шакал поджидал Казика на пути. Как только он выбежал из лощины на плоское место, шакал уже ждал там, присев на задние лапы, — белая шерсть дыбом, черная пасть нараспашку. Словно улыбается.

— С дороги! — крикнул Казик.

Он знал, что шакалов не испугаешь, на там самому было менее страшно.

Казик кинулся на шакала, преградившего ему путь, но тот не шлохнулся, равнодушно поджиная сумасшедшую добычу, которая сама несется в глотку. Ростом он был выше Казика, а когда поднимался на задние лапы, то вдвое выше.

В последний момент, перед самым носом шакала, Казик вильнул в сторону и успел проскочить в нескольких сантиметрах от рванувшейся к нему оскаленной морды.

Казик перепрыгнул через живой корень и побежал дальше. Сзади стучали когти — шакал бежал по следу, и бежал, конечно, быстрее Казика. И как назло, вокруг только сосны с мягкими прямыми стволами — не влезешь, чтобы отсидеться. Впрочем, от шакала трудно отсидеться. Он может ждать целые сутки.

Казик на бегу обернулся, и ему стало обидно от невезения: шакалов уже было трое. Он стал забирать правее, к берегу озера, — может, удастся уйти в воду. Казик не знал, умеют ли шакалы плавать, но все же надеялся: а вдруг нет? Ведь до станции бежать еще километр или два — обязательно догонят.

Впереди высыпался крутой холм. Казик из последних сил бросился к камням и вскарабкался наверх. Шакалы, все трое, окружили это убежище.

Казик дышал глубоко и часто — он ослаб за последние дни. Может, будь это около поселка, он смог бы убежать, но сейчас не убежишь...

Первый из шакалов начал подниматься наверх, отшвыривая когтями камни. Он поднимался медленно и спокойно. Шакалы все делают медленно и спокойно.

Когда шакалья морда была уже у ног Казика, тот ударил его ножом в горло. Горло — самое слабое место у шакала. Нож наткнулся на кость. Шакал отпрянул, будто не ожидал удара, но тут же полез вновь. Казик успел нанести еще один удар, удачный, прежде чем ему пришлось спрыгнуть с хол-

ма и бежать снова, потому что остальные шакалы тоже болезни на холм.

Теперь у Казика было только два врага. А он был цел, ни царапины.

Казик продолжал бежать вперед, и шакалы вновь настигли его у большого мягкого голубого дерева. Он прыгнул на ствол, но поскользнулся, потому что его дернула за руку жгучая хищная лиана.

И в это мгновение зубы первого шакала рванули кожу на плече. Было очень больно.

Казик обернулся и начал бить шакала ножом, прячась за ствол, который изгибался, пытаясь посторониться, и шакалу удалось еще раз укусить Казика. Казик понял, хотя от боли и отчаяния он соображал плохо, что ему не устоять, надо бежать, надо спасаться.

И он побежал, виляя между стволами...

И вдруг выбежал на поляну.

На поляне спокойно, уверенно и гордо стояли настоящие земные купола — блестящие, серебряные и непобедимые.

* * *

Прошло около часа с неудачной вылазки в лес, а Клавдия все не могла успокоиться. Почему-то начала протирать приборы, потом включила стиральную машину и сложила в нее постельное белье. Ей не хотелось, чтобы возвращались Павлыши с Салли, словно она еще не была готова их увидеть. Потом она убедила себя, что проголодалась, открыла экспресс-обед, но есть не стала, а спустила его в мусорокамеру.

Она старалась не смотреть в окна, но они, как назло, встречались на каждом шагу, и лес, враждебный и хитрый, подглядывал за каждым ее движением.

Начало знобить. Клавдия не знала, что это — первый признак укуса снежной блохи, но инстинктивно чувствовала, что с ней творится неладное и это неладное связано с выходом в лес.

Все собирался пойти дождь, стемнело не ко времени, темные тучи нависли над станцией. Ее пораженному болезнью воображению казалось, что деревья шевелятся и собираются все ближе и ближе к дому, чтобы ворваться внутрь.

И когда из леса выскочила окровавленная обезьяна и бросилась к куполу, ведя за собой страшных белых взъерошенных чудовищ — именно такими она увидела Казика и шакалов, — она восприняла это как попытку леса напасть на нее.

Клавдия тут же распахнула шкаф, выхватила анбласт, и все это заняло секунду — она действовала по инструкции, предусматривавшей оборону станции от нападения диких зверей. Делала она все это быстро, механически, преодолевая страх и отвращение.

Звери, напавшие на станцию, сплелись в клубок, и она даже с некоторым облегчением поняла, что у них свои дела: она выясняют свои отношения — это продолжение извечной борьбы за существование, в которой обезьяне придется погибнуть...

Так как свет внутри станции был включен, детали яростного сражения у станции Клавдия не могла разглядеть. Она подумала, что надо включить камеры, и, может, включила бы их, но дурнота и озноб все более овладевали ею, и она не могла бы сказать, почудилось ей или в самом деле в какой-то момент она увидела большие, отчаянные, разумные глаза обезьяны, которая прижалась к стеклу окна. Темная, исцарапанная, окровавленная морда отчаянно двигала губами, словно призывая на помощь.

Устрашась этого зрелища, устрашась морды белого зверя, возникшей рядом с мордой обезьяны — все это заняло доли секунды, — Клавдия подняла анбласт, чтобы выстрелить, защищаясь, в этих чудовищ, но ее остановило сознание, что выстрелом она нарушит герметичность купола и впустит в него инопланетную микрофауну. Обезьянноподобное существо увидело движение Клавдии и метнулось в сторону.

Клавдии показалось, что в лапе у него нож или, может, это был длинный коготь. Существо упало, звери накинулись на него. Зрелище было отвратительным, кровавым, типичным для этой планеты, и Клавдия не хотела смотреть, но смотрела, как в предгрозовой мгле, при свете молний это существо — такое впечатление, что у него не шерсть, а клочья меховой одежды, — ну и шутки играет с ней воображение! — умудрилось вырваться из когтей белых зверей и побежало, падая и поднимаясь вновь, огрызаясь из предсмертных сил, вниз, к озеру...

* * *

Скатываясь по склону к озеру и теряя последние силы, Казик все видел перед собой испуганные глаза земной женщины, прекрасной, чистой, окруженной сверканием земных, совершенных вещей, которая целилась в него из бластера, хотя этого не могло быть никогда, и руки его, сквозь

всебущую боль, болели от отчаянной силы, с которой он колотил кулаком в окно этого прекрасного дома...

А шакалы, терзая и словно играя, гнали добычу к серой воде озера...

* * *

В корабле Салли старалась не отходить от Павлыша.

Он был мрачен, почти не разговаривал, даже лицо осунулось.

«Как странно, — думала Салли, — типичный сангвиник, сама смотрела в карточку, склонен к компромиссам, отступает перед авторитарным мнением, ищет компенсации во второстепенных проблемах... Милый человек, который никогда не станет лидером».

Интуитивно Салли поняла, что окончательное, последнее решение убить «Полюс» зависит не от непреклонной Клавдии и не от бунтующего Павлыша — от нее, обстоятельствами поставленной в роль третейского судьи, что не выражалось вслух и даже не формулировалось мысленно.

Поэтому она встала первой, с рассветом, приготовила завтрак, и Павлыш, поднявшись следом и заглянувши в камбуз, где хлопотала Салли, ничуть не удивился, увидев, что она одета к походу: в обтягивающей старенькой куртке и узких брюках — под скафандр. Обычно же на станции Салли ходила в сарафанах или открытых платьях, немодных, но уютных, домашних. Клавдия уверяла, что Салли — единственный сотрудник дальней разведки, которая одевается столь странно.

Салли сказала Павлышу, что не надо будить Клавдию. Она наверняка ночь не спала, только теперь забылась. Павлыш подчинился. Он понял, что самою Салли руководила не только жалость к начальнице экспедиции, но и нежелание объяснять, почему она, не спросив разрешения, летит в горы с Павлышом.

Павлыш мрачно молчал, завтракать не стал, молча перетащил в катер контейнер с имплозивом. Он совершил все действия, словно и не сомневался в том, что взорвет «Полюс». Он был обречен взорвать «Полюс», только Салли совсем не была в том уверена, но подозревала, что бунту Павлыша потребуется катализатор — ее союзничество. Однако она сама еще не знала, что перевесит в ее решении.

А на корабле она обрела. Салли приходилось бывать во многих экспедициях, она видела, как погибают люди, она знала мощь злобных стихий и ничтожество человека перед лицом этих стихий. Она знала, что корабль мертв, и давно.

Но все это было неправдой. Корабль был тяжело болен, он был в коме, но жизнь оставила в нем настолько явственные следы, что изгнать их не смог и многолетний мороз этих гор.

Салли помогла Павлышу перетащить в корабль контейнер со взрывчаткой, но когда Павлыш, вместо того чтобы распределить заряды по инструкции, велел ей оставить контейнер у входа, она с облегчением подчинилась.

Они налегке обошли корабль. Побывали на пульте управления, в отсеке управления, заглянули в анабиозные камеры, потом Павлыш отвел Салли в каюту 44, где стояла детская колыбель. Устроив эту экскурсию по кораблю, Павлыш не старался склонить Салли на свою сторону. Он был занят чем-то иным. Салли понимала: Павлыш все время что-то ищет, настороженный, как охотничий пес.

Он высвечивал ярким лучом фонаря пол неподалеку от входа, потом долго осматривал помятые, вскрытые банки и разорванные пакеты в разгромленном складе, спустился в «гараж», где стоял поврежденный планетарный катер, забрался в его кабину, там пробыл несколько минут. Салли даже не выдержала и позвала его:

— Слава, там что-нибудь есть?

— Иду.

Потом они вновь вышли к открытому люку.

Только вершины гор поднимались над толстым серым облачным одеялом, тую закрывшим долины и пропасти. Одеяло дергалось, шевелилось, сдвигалось к западу, словно капризный гигант тянул его в свою сторону. Салли представила себе, какая там, под одеялом, выюга, и даже поежилась. Но здесь, над облаками, ветер дул ровно, вольно, и Павлыш откинул забрало шлема. Салли последовала его примеру. Щеки сразу обожгло морозом, и холодный воздух рванулся в легкие — Салли от неожиданности закашлялась и прикрыла рот перчаткой. Даже глазам было холодно. Но закрывать забрало она не стала. Воздух, хоть и разреженный, нес в себе свежесть и чистоту, по которой так истековались легкие.

Павлыш отстегнул от скафандра плоский матовый прибор, который Салли раньше не приходилось видеть.

— Я захватил с собой биоискатель, — сказал он. — Мы осмотрим с тобой долину.

Он почему-то не сомневался, что Салли охотно будет его сопровождать.

— А... приказ? — Салли хотела было произнести «взрыв», но язык не повернулся.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что нам не надо спешить.

— Ни черта я не буду взрывать, — бросил Павлыш, наступившись, словно мальчишка, который не отдаст никому пойманного жука.

Салли сразу увидела, каким он был мальчишкой. И неизвестно улыбнулась.

Павлыш удивился:

— Что?

— Я так... ты понимаешь, что Клавдия, хотя бы из уважения к самой себе, сообщит о невыполнении приказа.

— Я и ей не дам взрывать.

— Я не о том. Она закроет тебе космос.

— Знаю, знаю!

Павлыш резко поднялся. Прибор матово поблескивал в руке.

— Ты не ответил, готов ли ты отказаться от космоса?

— Салли, милая, не говори глупостей. Вопрос не в отказе или согласии. Что бы ты сделала?

— Я спрашивала тебя, а ты отвечаешь вопросом.

— Вот контейнер. Действуй.

— Я бы сделала то же, что и ты.

— Тогда мы вместе не полетим. Остаток дней проведем на Земле. Ничего страшного.

— Ты дурак, и я тебя люблю, — произнесла Салли.

Павлыш спустился по трапу, что они привезли с собой, снег вокруг корабля был истоптан ими, но ветер быстро заметал следы.

— Закрой шлем! — крикнул Павлыш снизу. — Простудишься.

Салли спрыгнула. С трех метров она ударила по насту так, что провалилась почти по пояс. Пришлось выбираться.

Ей стало весело. Потому что была ясность. Ясность не только мгновения, но и окончательного решения.

— Если они шли, — сказал Павлыш, держа прибор в перчатке на руке, вытянутой вперед, — если они покинули корабль, а я в этом почти не сомневаюсь, они должны были постараться выбраться из гор. В долину, к лесу. Зимой эта задача невыполнима. Но у них не было другого выхода. Если я прав, то мы найдем кого-то из них. Под снегом.

Веселье Салли исчезло.

— Не надо.

Но Павлыш уже вел вокруг себя биоискателем, внимательно глядя на стрелку. Он словно не слышал ее.

— Потом, — попросила Салли. — Не сегодня. Оставь их в покое.

— Ты не поняла, — объяснил Павлыш. — Мне важно узнатъ, в какую сторону они пошли.

— Почему?

Павлыш заметил, как дрогнула стрелка, и медленно пошел по жесткому насту в ту сторону.

Салли шла рядом.

— Потому что они могли выйти отсюда.

— Это наивно. Так быть не могло.

— Салли, милая, ты накладываешь на других людей собственные ощущения. Тебе эта планета кажется смертельной. Ты убеждена, что на ней нельзя прожить и минуты без скафандра. Ты думаешь так, потому что живешь в комфортабельном помещении, дышишь стерилизованным воздухом, пьешь дистиллированную воду. Представь себе, что у тебя нет выхода. Или смерть, или приспособление.

— Тогда лучше смерть, — сказала Салли убежденно.

— Смерть никогда не лучше.

Стрелка дрогнула. И пошла влево.

— Это как детская игра, — проговорила вдруг Салли. — Холодно, тепло, еще теплее...

— У него небольшой радиус действия, — ответил Павлыш. — Это сделано для того, чтобы не сбивать картины при множественности объектов. Ты знаешь — биоискатель придумали альпинисты, спасатели. Сначала с его помощью искали тех, кого завалило лавиной... Здесь!

Павлыш остановился перед пологим возвышением.

— Подержи. — Он передал биоискатель Салли, а сам принялся перчатками разбивать наст, чтобы пробиться к более мягкому снегу.

Салли заставляла себя смотреть на руки Павлыша, но потом отвернулась. Она не хотела увидеть то, что должна была сейчас увидеть.

— Странно, — произнес Павлыш.

Голос его был только удивленным, не более. Салли обернулась.

Под снегом она увидела желтоватую белую шерсть. Там было погребено какое-то крупное животное, словно белый медведь.

— Когда вернемся в следующий раз, — решил Павлыш, — мы раскопаем его целиком.

— Зачем?

— По двум очевидным причинам, мой ангел, — сказал Павлыш. — Во-первых, это животное неизвестно науке. Во-

вторых, мне важно узнать, почему оно погибло. Но потребуется лопата.

Расширяющимися кругами они шли вокруг корабля, все более удаляясь от него. Салли устала, наст держал не везде, иногда она проваливалась в снег. Ветер дул все сильнее и мешал идти, он срывал поверхностный слой снега, и порой было трудно увидеть что-либо в трех шагах.

За два часа поисков они ничего не нашли.

Наконец Павлыш остановился. Посмотрел на Салли и спросил:

— Устала?

— Да.

— Прости, я увлекся. — Он виновато улыбнулся.

— Я не сержусь.

— Полетели на станцию. После обеда я вернусь сюда и продолжу поиски.

— Почему ты убежден, что кто-то мог остаться в живых?

— На корабле нет ни одного трупа, кроме тех, что спрятаны в анабиозном отсеке.

— Но даже если они ушли, то погибли в горах...

— А если дошли до леса?

— Ты же знаешь, что представляет собой лес.

— Знаю. Но кто-то побывал на корабле сравнительно недавно. Помнишь разгром в кладовой?

— Это были не люди.

— Не люди поднялись к люку, открыли его, прошли по коридору до склада, а уходя, закрыли люк за собой?

— Это твое предположение.

— Достаточно серьезное, чтобы бросить ради него все дела и искать!

Они подошли к катеру.

— Клавдия, наверное, с ума сходит. Мы ее забыли.

— Ничего страшного, — упрямо сказал Павлыш.

Салли вызвала станцию.

Клавдия не отвечала.

Павлыш задраил люк катера, прошел к пилотскому креслу.

— Она молчит, — удивилась Салли.

— Она могла отойти от связи, — предположил Павлыш. — Мало ли куда человек может пойти на станции.

Павлыш поднял катер наверх. «Полюс» превратился в черную пуговицу на белом халате долины. Салли продолжала вызывать Клавдию, но безуспешно.

Павлыш заложил крутой вираж и, набирая скорость над озером, рванул в облака так, чтобы спуститься вертикально к станции.

Под облаками хлестал ливень и было сумрачно.

Павлыш поставил вездеход у купола лаборатории и, выключив двигатель, поднял большую сумку с вещами, взятыми с «Полюса».

— Ничего не забыла? — спросил он.

Салли отрицательно покачала головой.

Они прошли прямо ко входу. Внутри горел свет, и окна на станции, круглые, в ряд, приятно и уютно светили, кидая теплый свет на серые косые струи ливня.

Станция была закрыта. Клавдия не открыла дверь, когда спустился катер.

Салли нажала на кнопку у двери. Слышно было, как звон разносится по станции.

Павлыш заглянул в люк.

Струи воды текли по нему, мешали смотреть.

Салли набрала код. Дверь в переходник отодвинулась. Они вошли.

— Там неладно, — произнес Павлыш.

Струи дезинфектанта ударили по скафандрам. Салли выключила душ, сорвала шлем. Она первой бросилась в кают-компанию.

Павлыш начал вылезать из скафандра и в этот момент услышал крик Салли.

Он вбежал в комнату. Комната была ярко освещена. При ярком свете картина показалась особенно невероятной.

Все в кают-компании было перевернуто. Словно здесь буйствовал целый полк. Следы боя видны были во всем: в перевернутой мебели, в разбитой посуде, в разгромленных приборах. И среди всего этого хаоса на полу лежала, откинув руку с анбластом, Клавдия.

Салли склонилась над ней, слушая сердце.

— Погоди. — Павлыш отстранил Салли.

Он приподнял веко Клавдии, реакция была.

— Жива, — проговорил он, — но в глубоком шоке.

Павлыш быстро провел руками вдоль ее тела, стараясь понять, есть ли раны, но серьезных повреждений не нашел.

— Она отстреливалась, — сказала Салли.

Павлыш тоже заметил следы выстрелов на мебели и на стенах. Руки Клавдии были окровавлены — все в царапинах и ссадинах. Павлыш не мог знать, что в припадке безумия, вызванного укусом снежной блохи, Клавдия сражалась с невидимыми врагами. Павлыш решил, что враги были настоящими, что кто-то ворвался внутрь станции и чуть не убил Клавдию.

Павлыш перенес Клавдию на диван, потом собрал портативный диагност, который, к сожалению, ничем помочь ему не смог — он дал лишь общую картину глубокого беспамятства, нервного истощения, но ни перспектив, ни лечения дать не мог, потому что даже по аналогии с подобным явлением не сталкивался.

Все попытки Павлыша вывести Клавдию из беспамятства оказались бесплодными.

Время шло. Уже двадцать минут, как они на станции.

— По-моему, пульс слабеет, — прошептала Салли.

Павлыш взглянул на приборы и отрицательно покачал головой.

— Я должна была почувствовать, — сокрушилась Салли.

— Непонятно, — сказал Павлыш, — словно тайна запертой комнаты. Дверь была закрыта, замок в порядке, никаких чужих следов внутри станции не вижу. И в то же время кто-то проник...

— Что мы знаем! — с горечью ответила Салли. — Мы чуть царапнули поверхность планеты и оставили нетронутым ее нутро.

— Уж если кто был осторожен, так это Клавдия!

— Ты лучше скажи, что делать. Я так больше не могу.

— Очевидно, выход один. Поднимаем планетарный катер.

— Идти к маяку?

— Да, на максимальной скорости через три часа мы будем у маяка.

Маяк был в открытом космосе, за пределами поля тяготения планеты, которое препятствовало космической связи.

— Наверное, ты прав, — решила Салли.

С маяка можно было выйти на связь с Галактическим центром и подключиться к диагностическому пункту, который даст рекомендации, что делать.

Они перенесли Клавдию в катер.

Потом Павлыш бегом вернулся под купол. Могло случиться так, что придется идти на randevu с проходящим мимо кораблем и они не скоро вернутся сюда. А может, и не вернутся.

Павлыш включил камеру — у него было полминуты, пока Салли задавала катеру программу полета, — и снял картину разгрома. Снимок может помочь, когда в Галактическом центре будут анализировать причины драмы. Причина может оказаться достаточно серьезной, и тогда планету закроют для исследований, переведя в разряд опасных миров.

Последнее, что сделал Павлыш, уходя со станции, — он включил программу консервации. Станция сама соберет себя в контейнеры, сложит, запакует, подготовит к возможной эвакуации.

Все. Павлыш бегом побежал в катер.

Салли сидела на полу, поддерживая голову Клавдии. Павлыш осторожно поднял катер.

* * *

— Дик, — позвала Марьяна. — Дикушка.

Дик наклонился над ней.

Собиралась гроза — вот-вот хлынет ливень. Дик как раз хотел накрыть Марьяну остатками пленки.

— Я думал, ты спиши.

— Я не сплю. Я плыла... я была далеко... Где Казик?

— Сам беспокоюсь. Давно нет.

— Иди к нему, с Казиком беда, понимаешь?

— Ты откуда знаешь?

— Я ничего не знаю, мне плохо, потому что с ним беда.

— Нет, не могу тебя оставить.

— Со мной ничего... со мной ничего. Иди.

Марьяна говорила настойчиво, будто колдовала, будто и не видела ни Дика, ни предгрозового леса — ничего; она смотрела куда-то вдаль, внутрь пространства, в ее голосе был приказ.

— Дождь, — сказал Дик, размышляя вслух, — он быстро смывает следы. Если идти, то сейчас.

— Скорей, — торопила Марьяна, — будет поздно, может, уже сейчас поздно.

Дик подчинился. Но сначала он согнул вершины трех небольших сосенок, связал их веревкой и поднял туда Марьяну. Это была не очень надежная постель, да и над землей она возвышалась чуть больше чем на метр, зато наземные гады не смогут добраться до Марьяны. Марьяна терпела, только повторяла: «Иди».

— Я тебе оставлю бластер.

— Не надо, я буду лежать тихо, затаюсь. — Марьяне было трудно говорить.

— Здесь легкая кнопка, почти не надо давить. А у меня сеть арбалет, это привычнее.

Он вложил бластер в руку Марьяне.

Та ничего не возразила.

— Я побежал, — сказал Дик.

— Скорее.

Дик бежал по следам.

Хоть туча нависла низко, шел дождь и было темно, Дик замечал то сломанную ветку, то перевернутый камень. Земля была мокрой. Но кое-где Дик угадывал отпечатки ступней Казика — сапоги тот потерял еще в озере и бежал босиком.

Вдруг Дик замер. Он почуял запах шакалов. Не свежий, но шакалы проходили здесь.

А вот здесь останавливался Казик. Настороженно — приподнимался на цыпочки, — значит, тоже почуял шакалов, но для него тот запах был куда более близким и свежим.

Дик еще более встревожился. Если шакал был не один, Казику надо было скорее спешить к дому землян — с ножом мальчишке не справиться даже с одним шакалом.

Дик миновал узкую лощину и понял, что шакал был один. Их было по крайней мере три.

Холм, груда камней. Кровь. туша шакала...

Вот они и настигли Маугли.

Запах крови шакалов. Запах крови Казика.

Дик побежал еще быстрее. Он был страшен, и лес съживался, прятался при виде его. Лес чувствовал, что бежит зверь, охваченный яростью, в которой страшна даже беззащитная коза, если она спешит на помощь своему козленку.

И так же, как Казик, неожиданно для себя Дик вылетел на поляну перед станцией.

Станция была слабо освещена, она была сказочным зреющим — несколько куполов, связанных туннелями, и круглые окошки — свет. Станция была из того же мира, к которому принадлежал «Полюс». Но в этот момент Дику некогда было сравнивать и рассуждать.

Он увидел, как темное округлое тело поднимается в воздух, и это могучее беззвучное ускоряющееся движение заставило его замереть.

Он смотрел, как несется вверх, превращаясь в светящуюся точку, планетарный катер, не зная, конечно, что это пла-

нестарный катер, и не понимал, кто и почему улетает со станции.

Он побежал к двери.

Воздух был тяжелым, но дождь почти перестал.

Он толкнул дверь — она не поддалась.

Он заглянул внутрь. Там было пусто.

— Эй! — закричал Дик. — Откройте!

Никто не отозвался. Дик протер стекло.

Через окно было видно, что внутри большой светлой комнаты был бой — все перевернуто, вещи валяются на полу, сломаны... Следы крови на мягком ковре. Бластер, не такой, как у Дика, — длиннее и больше — тоже валяется на полу.

Дик ударил в дверь кулаком. Где же Казик?

Вдруг догадался: Казика взяли с собой и повезли наверх, в небо, где у них есть корабль. Конечно же, Казик был ранен, когда на него напали шакалы, и они взяли его на корабль.

Эта мысль была большим облегчением.

Дик перевел дух. Теперь надо возвращаться за Марьейной...

Но что-то смущало его. Что-то было неправильно. Запах шакалов? Да, но это не свежий запах. Запах Казика? Дик посмотрел в сторону озера — запах Казика вел туда.

Дик поглядел под ноги и увидел следы Казика, перекрытые следами двух шакалов. Это было странно.

Дик медленно пошел по следам, и с каждым шагом запах Казика и запах шакалов становился свежее. Почему же Казик не вошел в дом? Ведь они здесь были. Они поднялись в небо на глазах Дика.

Казик, видно, бежал из последних сил, останавливался, отрызаясь, отмахивался ножом — все это можно видеть по отпечаткам ступней, — рвался дальше к воде. Дик на его месте тоже бы попробовал прорваться к воде.

Идти Дику пришлось недалеко.

Казик успел вбежать в воду. К камням у берега.

Он забежал еще шагов на двадцать и упал там. Шакалы не посмели войти в воду. И ушли.

Дик увидел тело Казика, наполовину погруженное в воду, в несколько прыжков достиг его и подхватил на руки.

И в этот момент в блеске молний и оглушительном грохоте словно прорвалось небо, вновь хлынул ливень.

Голова Казика бессильно свисала, и Дик старался поддерживать ее.

— Ты живой? — спрашивал он. — Ну скажи, ты живой?

Он положил Казика на берегу и наклонился, прикрывая собой от водяных струй.

— Жалко, — произнес вдруг тихо, но явственно Казик. — Я так просил, а она не пустила.

— Что? — не понял Дик.

— Они нас непускают, — сказал спокойно Казик. — Они боятся. Мы дикие...

И он замолчал.

И Дик понял, что Казик умер.

Он подхватил его и побежал вверх по берегу. Ему казалось, что еще можно что-то сделать.

Он стал бить по стеклу окна, чтобы войти в станцию. Но стекло равнодушно и упруго отражало удары Дика.

— Сволочи! — кричал Дик. — Вы его убили! Пустите же, не прячьтесь!

Он понимал, что никого на станции нет, что в доме пусто, но продолжал биться в дверь.

Он обернулся в отчаянии, отбежал, поднял здоровый камень. Такой ему никогда бы не поднять в обычном состоянии. Обняв его, метнулся обратно к двери и изо всей силы ударил по окну.

И стекло, и сам купол рассчитаны на больше нагрузки. Но слабым звеном оказалась металлическая рама. Удар был так резок и силен, что стекло, не разбившись, вылетело из нее.

Со звоном упало внутрь и, подпрыгивая, покатилось прочь.

Дик нырнул в окно, потом втащил внутрь Казика и попытался расшевелить мальчика. Но тот не отзывался.

Дик побежал в другую комнату, он распахивал шкафы — хотел найти лекарство, но не знал, где искать, да и како нужно лекарство? И как дать лекарство человеку, который уже мертвый?

— Я вас убью, — повторял он. — Вы только мне попадитесь, я вас всех убью!

Станция была пуста. И не отзывалась.

В дальнем коридоре Дик вдруг заметил движение: странный металлический прибор — небольшая плоская платформа медленно тащила блестящий ящик. Дик в ярости, оттого что в первое мгновение испугался и оттого что надо сорвать на ком-то гнев, ударил ногой по платформочке — та остановилась. Он схватил ящик (ящик был тяжелым) и ударил им по платформе, она покосилась и замерла.

— Так тебе! — закричал он.

И тут он вспомнил о Марьяне. Марьяна в лесу. Одна.

На нее тоже могут напасть.

Он выскочил под дождь и помчался в темноту мокрого леса.

Салли вела планетарный катер на пределе возможностей двигателя. Шла так, чтобы уложиться меньше чем за три часа.

Клавдия не приходила в сознание, но Павлыш, наблюдая за ней, убедился, что состояние ее не ухудшается.

Все было странно. Странности складывались как в калейдоскопе, казалось бы, нелогичным узором, когда все кусочки стекла разного цвета, но виден ритм и симметрия, только непонятен смысл, который несет в себе узор.

У Павлыша было время рассуждать.

Перебирая все события и образы планеты в поисках странного, нелогичного, он вспомнил громадное дерево, уходящее вершиной в облака, и свисающую с сука тряпку...

Павлыш достал контейнер с пленками — его он взял со станции.

Индикатор мгновенно нашел нужную пленку, и Павлыш включил проектор. На экранчике возник гигантский сук, кусты на нем и обвисшая пленка, под которой покачивался на ветру комок... нет, не комок, это не тело животного, как заставил себя в свое время поверить Павлыш, — это корзина. Павлыш остановил пленку и постарался дать увеличение. Конечно, в эту корзину можно заглянуть, она пустая. И веревки. Как же он с самого начала не увидел, что там веревки...

— Салли, посмотри.

— Что это?

— Мне кажется, воздушный шар.

— Похоже, — сказала Салли равнодушно. Она вся была в заботах о Клавдии, в беспокойстве о ней.

«Что еще? — думал Павлыш, не выключая изображение шара. — Что-то есть еще. Ага, разоренный склад на корабле... Надо найти и эту пленку... На полу разбросаны открытые банки и коробки. Рваный пакет, смятый клок фольги... Он не просто смят. На нем отпечатки пальцев, вся пятерня».

— Салли!

— Тише! Ты меня испугал. Что это?

— Неужели ты не видишь?

— Рука. Откуда?

— Они были на складе. Помнишь?

— Мне кажется, что эта рука обезьяны.

— Поверь уж мне, — произнес Павлыш твердо. — Вон след большого пальца. Видишь, как он стоит? Ни у одной обезьяны ты не найдешь этого — только у человека.

— Тогда все ясно, — догадалась Салли. — Они умирали на корабле, но спасали детей. Взрослых уже не осталось, только дети. Потому и разгром на складе.

— А воздушный шар?

— Воздушный шар — это очень вольное допущение.

* * *

Дик ничего не сказал Марьяне, отыскав ее и волоча на одеяле из пленки через лес к куполу, к Казику. Никаких сил не оставалось, но надо было это сделать. Он не мог оставить Казика, не мог оставить Марьяну, он был самый старший, самый сильный из них, и потому он должен был терпеть.

Марьяна была тяжелой, она была в горячем беспамятстве.

Дик приволок Марьяну к куполу и втащил внутрь.

Казик так же лежал на диване.

Только свет в куполе стал тусклее, будто догорала свеча. И что странно — куда-то исчезли, сложились, свернулись в рулоны два из малых куполов и меньше стало вещей в большом куполе.

Дик положил Марьяну на постель, которую нашел за перегородкой.

Постель была покрыта очень белыми простынями, но Дику не было жалко простыней.

Он сел на диван в ногах у Казика.

Он сидел так минут пять и ничего не делал, потому что был обессилен, да и не знал, что делать.

Еще один железный уродец въехал в комнату и начал скатывать ковер с пола.

Дик, не вставая, достал бластер и врезал заряд в уродца.

Тот съежился, обуглился и замер.

— Если кто еще войдет... — произнес Дик. — Только войди!

Он сидел на диване, рядом с мертвым Казиком и умиравшей Марьяной, и ничего не мог сделать, и лишь клялся себе, что посвятит всю свою жизнь, сколько бы ее ни осталось, чтобы отомстить этим землянам, которые убили Казика и убежали, чтобы Марьяна умерла.

Он найдет их, он найдет их, куда бы они ни спрятались, чтобы убить, как жалких шакалов.

— Слава, — сказала Салли, — смотри.

Она склонилась к Клавдии. Клавдия глубоко вздохнула. Приборы на медицинском пульте показали, что пульс немногого участился, дыхание стало глубже. Она приходила в себя.

Шел второй час полета.

Павлыш ввел стимулятор сердечной деятельности. Судя по показаниям приборов, состояние Клавдии было почти нормальным. Павлыш еще раз проглядел анализ крови. В крови были следы токсического воздействия. Какие — сложно определить в полевых условиях. Нужна настоящая лаборатория.

Клавдия открыла глаза.

— Салли, — удивилась она, — почему мы здесь?

Она сразу поняла, что они в катере.

— Не двигайся, тебе вредно, — велела Салли. — Все будет хорошо.

— Но что было? — Клавдия нахмурилась, стараясь вспомнить. — Был лес, да? Одуванчики. Очень красивые одуванчики. И эта обезьяна. Я ее отогнала — все это зверье так и лезет в окна... А что потом?

— Мы не знаем, — сказал Павлыш. — Мы думали, что ты помнишь. — Павлыш неожиданно для себя перешел с Клавдией на «ты».

— Я не помню. Я помню, какие страшные звери лезли в окна. И потом были кошмары...

— Скажи, какие звери? Они тебя напугали? — спросил Павлыш.

— Нет, просто противно. Все так противно. Гадкий мир. Они всегда дерутся в лесу, все дерутся... Нет, я их не боялась. А потом не помню.

— Постарайся вспомнить все по порядку. Что случилось?

— Я была в лесу.

— Ты вышла в лес?

— Я вышла в лес. Немного прошлась. Там были одуванчики... Наверное, я открыла шлем, мне хотелось на них дунуть.

— Ты сняла шлем?

— Не помню. Кажется, приподняла забрало.

— А что потом?

— Потом было гадкое настроение, плохо себя чувствовала, а в окно лезла эта обезьяна, и она дралась с другими зверьми.

— А потом?

— Она убежала, они все убежали, а мне стало совсем худо... Простите. Я вам доставила... беспокойство. Почему мы в катере?

— Мы летим к маяку. Подключиться к диагносту центра. Может быть, эвакуировать станцию?

— Тогда возвращаемся.

— Все же я хочу подключиться к диагносту — пускай тебя проверят. А вдруг потенциальная инфекция.

— Я не хочу. — Клавдия с трудом села. Она была бледна. — Я не потерплю, чтобы из-за моих... недомоганий срывалась работа экспедиции.

И Павлыш понял, что для Клавдии отступить — непростительный позор.

— Погоди, — произнес он, — ты хорошо разглядела эту... обезьяну?

— Нет, я не вглядывалась.

— Понимаешь, — объяснил Павлыш, — на этой планете не должно быть никаких обезьян... Это мог быть человек?

— Дикарь? Но если не может быть обезьян, откуда взяться дикарю?

— Я сейчас думаю о людях.

— О каких? Откуда им здесь взяться?

— О людях с «Полюса». Допустим, что кто-то смог выжить.

— Это немыслимо. Этот мир погубит любого.

— Одного погубит. А если это был не один человек? Если тут есть колония людей, которые стараются выжить, дождаться нас, людей с Земли, ждут спасения, понимаешь?

— Не верю.

— Тогда погляди.

И Павлыш прокрутил еще раз пленку с воздушным шаром.

* * *

Олег никуда не хотел идти. Ему было все равно.

Но Сергеев, когда совсем рассвело и выюга немного стихла, заставил себя подняться. Он никогда бы не поднялся, если бы не дети. Марьяшка и Олег. Он знал, что если он не сможет подняться, то Олег с Марьяшкой никогда не найдут друг друга, не увидят, не прикоснутся. Его жизнь не имела ценности без продолжения в Марьяшке и Олеге. Сергеев смог уговорить себя поднять голову, на это усилие только его и хватило. К счастью, в резком, судорожном движении

Сергеев ударился головой о снежную крышку их убежища, в этом месте довольно тонкую. Крыша рухнула, впустив ледяной воздух, Сергееву холодом обожгло лицо и плечи — и он сразу очнулся.

Он выкарабкался наружу и долго сидел на корточках, пока совсем не окоченел. Затем приказал себе выкопать из снега мешок с дровами и разжечь огонь. Когда вода согрелась, он растолкал Олега и влил в него, открывая грязными, корявыми пальцами рот, горячую воду. Олег вяло сопротивлялся, сонно бормотал, что хочет спать. Потом Сергеев растяпал его, тряс, совсем устал и не заметил, как в этой возне опрокинул банку с горячей водой, которая тут же пролилась в снег, оставив на поверхности лишь дыру с оплавленным серым льдом вокруг.

Но тогда пришел в себя и Олег. Он пришел в себя настолько, что смог снова разжечь огонь, сюда вскипятить воду и напоить Сергеева. Теперь роли поменялись. Сергеев, правда, не сопротивлялся и все отлично осознавал — просто у него не осталось сил.

А потом они пошли дальше, вверх, сквозь облако, в тумане, влекомые лишь несбыточной надеждой на то, что милостивое чудо выведет их именно к той котловине, где лежит «Полюс».

Часа через два они упали в снег. Им казалось, что они прошли очень много. На самом деле они одолели меньше километра. Они собрали последние дрова и снова пили горячую воду как лекарство. Они уже не говорили, оба были обморожены, пальцы на ногах и руках онемели. И всех же они снова поднялись, правда, на этот раз им пришлось обняться и идти рядом, поддерживая друг друга, отчего продвижение вперед стало совсем уж малым. Но им казалось, что они идут. И они ждали, что вот-вот разойдутся облака — и над ними откроется синее небо...

* * *

Дик видел, как опустился катер. В первое мгновение им овладела радость — они все-таки вернулись!

Но тут же вспомнил, что должен им отомстить.

Он должен убить их, потому что они виноваты в смерти Казика и в том, что умирает Марьяна. Они могли их спасти. Могли все сделать. Но не захотели.

Никогда раньше Дику не приходило в голову, что можно убить человека. Людей на свете мало. Люди помогают друг

другу. Без этого люди погибнут, потому что лес сильнее каждого из людей.

Но эти, из чистого купола, не могут быть людьми.

«И если вы все такие, то не нужна нам ваша Земля, ваши белые простыни и гладкие столы. Я знаю, — лихорадочно думал он, — вы вернулись, потому что забыли взять свои вещи. Вы хотите отобрать у нас все, потому что мы грязные и некрасивые, потому что вам стыдно думать, что мы с вами прилетели с одной и той же Земли. Вы нам не нужны! Уходите. Но я не отдам вам этих вещей — эти вещи останутся здесь. Мы все придем сюда, мы будем сами жить здесь. И никогда не полетим на Землю!»

Ярость к людям, которые хотят отнять у поселка станцию, как добычу, которую Дик преследовал столько дней, как добычу, ради которой погибли его друзья, заслонила в его сознании разумную, казалось бы, мысль: если люди вернулись, надо попросить их вылечить Марьяну.

Измученный, доведенный до предела душевных сил, почти обезумевший, Дик не мог рассуждать логично. Он был дикарем, порождением леса, шакалом, приподнявшимся на задних лапах над добычей... Но, в отличие от шакала, у Дика был бластер.

Павлыш, посадив катер, первым выскоцил из него. Они уже договорились, как будут действовать: сначала женщины запустят все скауты, но не на обычную высокую орбиту, а под облаками. Площадь, которую надо было исследовать, была относительно невелика. Она ограничивалась с севера хребтом, у которого лежал «Полюс», а с юга большим озером, на берегу которого стояла станция. Любое человеческое поселение, оказавшееся в этих пределах, будет найдено скаутами в течение часа.

А пока Павлыш, взяв на станции анblast, обищет ближние окрестности станции. Человек, дикарь, которого видела Клавдия, не мог уйти далеко.

Открыв люк и выскоцив на мокрую траву, Павлыш увидел, что малые купола уже свернуты — станция начала самоконсервацию. Правда, эту работу станции положено производить куда быстрее. Павлыш не знал, что виной задержки Дик — он перестрелял половину роботов. Впрочем, о консервации Павлыш не думал. Думал только о том, как все сделать скорее. Не забыть бы взять в аптечке перевязочные материалы. Захватить в камбузе глюкозу и шоколад...

Он не успел сделать и двух шагов от катера — женщины еще оставались внутри, — как увидел в окне темный силуэт человека.

По инерции Павлыш продолжал идти, понимая уже, что надо что-то сказать, правильное, соответствующее моменту. «Как хорошо, — успел он подумать, — что они тоже нас искали и мы догадались вернуться...»

И тут он услышал хриплый низкий голос:

— Уходи!

— Что? — Павлыш не понял. Он продолжал идти.

— Уходи. — Голос сорвался. — Уходи, я убью!

— Постойте, — проговорил Павлыш.

Он остановился. Свет внутри станции был ярче, чем полумрак снаружи, и он мог разглядеть лицо человека. Голова казалась слишком большой — наверное, из-за гривы волос. Сознание отмечало пустяки, детали. Павлыш не мог понять, что происходит.

Где он видел эту картинку? Давно, в детстве. Да, в «Робинзоне Крузо». Робинзон на острове — волосы до пояса, одежда из шкур. Хорошо, что они еще не разучились говорить.

— Уйди, — повторил Дик. — Уйди.

Оттого, что он говорил и ему отвечали, он не в силах был выстрелить. Он видел этого человека, высокого, выше, чем Старый, в скафандре. Дик знал, что такое скафандр. Шлем был прозрачным шаром, не мешал разглядеть лицо. Лицо было чистым, простым, обычным лицом. Оно было бритым, а так как Дик никогда еще не видел взрослого бритого человека, то ему вдруг показалось, что перед ним очень большой подросток. Ведь даже у Дика уже была борода, короткая, он обрезал ее. Только у Олега борода еще не росла.

— Уйди, — повторял Дик, как заклинание. Он уже не хотел, чтобы тот человек ушел, но других слов не было. Была инерция и страшная тупость, как в приступе лихорадки.

Рядом с тем большим человеком уже стояли две женщины. Одна была большая, почти как мужчина, вторая маленькая, худая, как Марьяшка. Обе были в скафандрах. На их лицах было удивление и даже страх. Они увидели в руке Дика бластер.

— Не надо! — закричала вдруг маленькая женщина. — Это я во всем виновата. Я не поняла! Когда вы прибежали, я не поняла!

Она быстро пошла к станции.

Мужчина хотел задержать ее, но маленькая женщина вырвалась. Она шла частыми, неверными шагами, словно больная.

И тогда Дик уронил на пол бластер и отступил к дальней стенке, к дивану, на котором лежал мертвый Казик. Он стоял, опустив сильные руки, и ждал, что будет дальше, потому что теперь он уже ничего не решал и совсем не думал.

Клавдия мгновенными движениями набрала код на двери, чтобы ходить по-человечески, а не через иллюминатор — несмотря на слабость, ее руки действовали четко. Эта ситуация, несмотря на всю неординарность, подходила под категорию чрезвычайных обстоятельств, а Клавдия недаром уже столько лет работала в экспедициях. Если ситуация имеет объяснение, если ей существует аналог: люди терпят бедствие, нуждаются в немедленной помощи, — Клавдия могла и умела действовать быстрее, чем любой другой человек в Галактике.

Павлыш и Салли еще стаскивали с себя шлемы, а Клавдия уже знала, что на станции не один человек — изможденный, дикого вида косматый юноша в звериной шкуре. Кроме него еще двое. Мальчик, лежавший на диване в каюте-компании, и очень худая девушка, без сознания, в бреду, со страшно распухшой ногой.

Спокойно и строго Клавдия сказал Дику:

— Садись и отдохтай. Не вмешивайся.

Павлыш входил в кают-компанию, когда Дик уже послушно опустился в кресло.

— Сначала мальчик, — велела Клавдия Павлышу. — Может быть, он еще жив.

— Нет, — хрюпко сказал Дик.

— Салли! — Клавдия не обратила внимания на слова Ди-ка. — Горячую воду. Много горячей воды. И немедленно набери приказ станции, чтобы прекратить консервацию.

К счастью, роботы не успели добраться до стенного медицинского шкафа, и, пока Павлыш шел через кают-компанию к Казику — десять быстрых шагов, — она успела открыть шкаф, выхватить диагност и кинуть его Павлышу, уверенная, что тот догадается протянуть руку и схватить прибор.

Разумеется, она была права.

Дик не помогал им. Он смотрел, как быстро и деловито двигаются люди с Земли, и ему с каждой минутой становилось все более стыдно, что он вел себя как дикарь, как животное. Люди хотели помочь. Люди могли сначала ошибиться — каждый может ошибиться, если увидит такое чудище, как житель поселка. Они, наверное, и не ждали,

что здесь кто-то живет. Ну, как им догадаться! Ведь Сергеев говорил, что поселок отыскать очень нелегко, даже с самыми современными приборами — он как часть леса.

Дику хотелось подняться и посмотреть, что люди с Земли делают с Казиком и Марьяной. Они негромко переговаривались, и из слов нельзя было понять, помогут они ребятам или уже поздно. Но ДиК знал, что если сидеть тихо и внимательно слушать, то обязательно поймешь. Главное — не вмешиваться, потому что они и так, наверное, принимают его за обезьяну. Может, они даже думают, что нас на планете всего трое. Трое дикарей. Они, наверное, удивились, услышав, как я им крикнул. И ДиК продолжал сидеть неподвижно, стараясь уловить смысл слов. Ему страшно хотелось пить, но он не просил.

Павлыш и женщины говорили очень мало. Пульс Казика почти не прощупывался. Он потерял столько крови, что неизвестно было, почему в нем еще теплится жизнь. Некоторые из его ран были глубокими. Разорвана брюшина, сломаны ребра... Эти данные выдавал диагноз, а они молча считывали их. Салли приготовила воду, собрала прибор для переливания крови, отыскала сухую универсальную плаズму, приготовила ее. Заживляющего пластиря не хватило бы на все раны этого парнишки, и Салли на несколько минут сменила Павлыша, пока он запускал синтезатор. На Дику не обращали внимания. Правда, раза два, входя в кают-компанию, Салли бросала на него настороженный взгляд, но дикарь сидел окаменев — вспышка агрессивности мимошла. Все же Салли улучила минутку и накапала в стакан с водой транквилизатор. Она дала его Дику. Тот послушно взял стакан, но не выпил, пока Салли не велела ему пить. Вода была странная, горьковатая, но ДиК допил до конца. Он должен был вести себя, как цивилизованный человек.

Девушкой занималась Клавдия. Павлыш, оторвавшись на минуту от Казика, заглянул к ней. За Марьяну он не беспокоился — случай был тяжелый, но он знал, что они вытащат девушку в несколько часов. Гангренозное воспаление, крайнее истощение — неприятно, но ничего страшного.

Марьяну раздели, Клавдия обтерла ее губкой. Тело девушки было таким худым — все кости наружу, таким грязным, так густо покрыто шрамами и царапинами, что трудно было определить ее возраст. Ей могло быть пятнадцать лет, могло быть больше.

Когда освободился аппарат для переливания плаズмы, Салли перенесла его в лабораторию и передала Клавдии. К тому времени Клавдия уже приготовила и ввела Марьяне пи-

тательный раствор. Все было бы проще, окажись в экспедиции два реанимационных аппарата. Но аппарат был один, и он был нужнее мальчику. Он уже окутал мальчика датчиками и осторожно ввел в основные его сосуды свои питательные нити. Микрошузы проникали в грудную клетку, массируя сердце, поддерживая его ритм. Павлыша беспокоило, нет ли изменений в мозгу — все же мальчика вытаскивали из клинической смерти. Он вновь и вновь заставлял диагноза сообщать, как функционирует мозг.

Дик услышал, как мужчина и большая женщина разговаривают в той комнате, возле Марьинки. Они говорили очень тихо, думали, что он не услышит. Они не знали, что Дик — дитя леса и слух его втрое чутче, чем у них.

Сначала были фразы, полные медицинских слов. Дик понимал, что это медицинские слова. По тону он уже догадался, что Марину они вылечат. Голоса их становились тревожнее, когда они смотрели на Казика. К своему удивлению и суеверной робости, Дик понял, что Казик не мертв. Или эти люди обладают способностью оживлять мертвых? Дик не слышал о таком от Старого, только в сказках, которые ему когда-то рассказывала мать.

— Надо накормить его, — тихо сказала большая женщина в соседней комнате.

Маленькая женщина куда-то вышла.

Дик понял, что слова относятся к нему.

— Не укусит? — еще тише, с усмешкой в голосе, произнес большой мужчина, которого они между собой называли Славой.

— Проблемы только начинаются, — ответила женщина.

— Феномен Маугли?

Дик удивился — откуда они знают о Маугли, но тут же догадался, что они имеют в виду другого Маугли, который жил в лесу и которого воспитывали волки. А что за феномен — он не знал. Но знакомое имя услышать было так странно, что он даже не обиделся на слова женщины.

— Интересно, он видел когда-нибудь тарелку? — задала вопрос женщина.

— Видел, — вырвалось у Дика. — И ложку видел.

— Но он внятно говорит, — сказал мужчина. — Хоть они прожили здесь двадцать лет.

— Это какая-то невероятная тайна, — проговорила большая женщина. — Сколько их, как они существуют, где? Как они умудряются сохранить человеческий облик... одежду, наконец?

— Воздушный шар, — напомнил мужчина.

— И разгром на складе.

— Слава, — сказала женщина громче. — Она приходит в себя.

— Дик, — услышал Дик слабый голос Марьяны. — Ди-кушак...

И тут его словно выбросило из кресла. Он забыл о гордости, о том, что надо молчать.

Дик вбежал в комнату. Марьяна лежала на диване. Лицо было бледным, они, оказывается, раздели ее и накрыли простыней.

— Марьяшка, — произнес Дик, наклоняясь над ней. — Ты как?

— Все хорошо. — Марьяна открыла глаза. — Казик живой?

Взгляд ее остановился на мгновение на лице Дика, потом скользнул к Павлышу, замер, встретившись с улыбкой Салли.

— Спасибо, — сказала Марьяна. — Мы так боялись, что не найдем вас.

— Девочка... — Салли вдруг заплакала. — Бедная моя! Твой Казик будет жить, обязательно. Все будет хорошо.

Клавдия появилась в дверях. Она молчала.

— Дик вам рассказал? — спросила Марьяна.

— Нет, — ответил Дик. — Некогда было. И они не спрашивали.

— Небольшое недоразумение, — отозвался Павлыш. — Но последнее.

— У вас есть корабль, чтобы лететь в поселок? — спросила Марьяна. — Наши вас так ждут.

* * *

С Диком в поселок полетела Салли. Павлыш и Клавдия остались с ранеными.

Дик был сыт, впервые сыт за много дней, и его мучило. Но жаловаться было нельзя, потому что Салли очень спешила в поселок. И Марьяшка, прежде чем заснуть — Павлыш дал ей снотворное, чтобы снять возбуждение, — тоже попросила:

— Дикушка, пожалуйста, они же так волнуются...

Дик подумал: она боится, что Олег, не дождавшись их, ушел к кораблю. Она боится за Олега.

Если бы не так мучило, Дик, конечно, воображал бы, как спустится над поселком катер, как все выбегут из домов, как он выйдет первым и скажет: вот эта женщина с Земли, ее зовут Салли. Но теперь ему было все равно. Катер летел низко, под облаками, чуть не касаясь вершин деревьев. Дик

точно знал направление и был уверен, что они не промахнутся. Лес сверху казался сплошным серо-зеленым морем.

Они перелетели через реку. Трудно было даже представить, что переправа через нее заняла у них три дня — это была совсем не широкая река. Слева пронеслись, стеной врезаясь в облака, стволы гигантских деревьев.

— Мы там были, — показал Дик. — Наверху.

— Да, — отозвалась Салли, — мы видели воздушный шар. Но не сразу догадались. А я не поверила. Это Слава сообразил.

— Жалко, — сказал Дик. — Надо было раньше сообразить.

Он смотрел на ее руки. Руки были такие белые и гладкие, что невероятно было — может, она никогда не снимает перчаток? Руки лежали на пульте и легкими движениями пальцев заставляли катер наклоняться, подниматься выше. Дику захотелось попросить Салли, чтобы она разрешила ему сесть на ее место и управлять катером. Но, конечно, он промолчал.

Салли увеличила скорость, зелень внизу слилась в неясную ровную массу. И Салли первой, раньше, чем Дик, увидала прогалину в лесу и поселок.

Она сбросила скорость, но все же катер пролетел над поселком, и пришлось сделать круг, снижаясь у изгороди. Старый дежурил у ворот в изгороди, набросив на голову накидку из рыбьей кожи, потому что снова зарядил дождь, а Старого мучила простуда. Но какое-то шестое чувство заставило его сбросить накидку в тот момент, когда катер выскочил над вершинами деревьев, совсем низко, и начал делать круг над поселком.

Старый дико закричал и начал бить колотушкой тревогу, словно из леса лезло целое полчище шакалов. Люди высказывали из домов и ничего не понимали, потому что Старый колотил, кричал и при этом почему-то прыгал на месте, словно укушеннный змеей.

Салли разглядела сверху обширную пустошь, огороженную покосившейся длинной изгородью. На пустоши кое-где росли невысокие кусты, видны были неровные грядки, пятна луж, отражавших сизые облака.

И еще Салли увидела дома, в которых жили люди. Кривые, жалкие, покосившиеся хижины тянулись в два ряда вдоль грязной полосы улицы. Полоса загибалась к проходу в изгороди и ветвилась, протягиваясь к двум косым навесам, над одним из которых поднимался серый дымок. Если нарочно изображать бедность и ничтожество, до которого мо-

жет докатиться человек, то, наверное, ни один художник не придумал бы столь грустной картины.

Катер опустился на пустоши, возле крайнего дома.

Салли выключила двигатель и посмотрела на Дика.

Но Дик молчал. Салли посмотрела на него, ощущая вину за то, что она в скафандре, что она не смеет снять его. Дик медленно повернулся к ней и посмотрел в упор. Глаза возбужденно горели, но рот был сжат и казался злым. «Господи, — подумала Салли, — тебя бы под душ, тебя бы отмыть». Голубоватая бледность кожи лишь угадывалась под слоем копоти и грязи. Длинные черные волосы прилипли к щекам. Дику было жарко в кабине вездехода, ему было очень плохо, и он из последних сил старался не показать этой чистой женщине, как ему плохо. И Салли его не поняла.

Дик начал дергать люк со своей стороны, Салли наклонилась и помогла ему открыть люк.

Дик выскочил из вездехода. Салли вышла за ним.

И тут она увидела ребятишек. Они бежали по грязи, по лужам, голые, лохматые, босые. Они кричали и махали руками.

А следом бежали взрослые. Три или четыре женщины, потом мужчина с широкой дремучей рыжей бородой, которая скрывала все лицо, лишь красный нос наружу, красный нос и голубые глаза. Одна из женщин, в кожаном балахоне, была толстой, и Салли успела удивиться тому, что женщина толстая. Потом она увидела высокого сутулого однорукого старика, который хромал, опираясь на палку. Открылась дверь крайнего дома, и оттуда светловолосая девушка вывела слепую женщину — Салли сразу поняла, что женщина слепая: она ощупывала свободной рукой воздух перед собой, опасаясь натолкнуться на препятствие.

Салли стояла, ожидая, пока все подбегут, и ей было страшно думать, что они могли улететь и оставить этих людей здесь.

Люди остановились в нескольких шагах от Салли. Было тихо.

Молчание протянулось на целую минуту.

Салли увидела, как плачет грузная женщина. Она плакала беззвучно, глотая слезы, и ее пальцы елозили по груди, словно искали пуговицу.

Салли смотрела на детей. Детей оказалось много, ей как-то и в голову не пришло, что люди здесь, в этой грязной пропасти, могут плодить детей. В этом было что-то животное, уни-

зительное. Салли видела в поселке не продолжение Земли, а умирающую горстку бедствующих погорельцев.

Тягостную тишину нарушила слепая женщина.

— Где они? — спросила она громко. — Они в самом деле прилетели?

— Здравствуйте, — сказала тогда Салли. Труднее всего было произнести первые слова. Первое слово.

— Где Казик? — проговорила груная женщина. — С ним ничего не случилось?

— Они остались там, тетя Луиза, — ответил Дик. — Их вылесчат, они обещали.

— Их жизнь вне опасности, — подтвердила Салли.

— А Олежка? Где Олежка? Он пошел в горы! — закричала вдруг худая старая женщина. — Его надо догнать. Пожалуйста!

— Погоди, Ирина, — остановил однорукий старик с палкой. — Меня зовут Борис, — продолжал он. — Я тут как бы старейшина. И от имени всех нас я хотел бы сказать вам спасибо...

Дик отбежал в сторону, за дом. Его вырвало. Но на него никто не смотрел.

Салли здоровалась со всеми по очереди. Каждый протягивал руку и представлялся ей, даже маленькие дети. И в этой церемонности встречи было нечто, разрушавшее образ погорельцев. Салли была рада, что не надела перчаток, когда улетала со станции.

Внимание Салли отвлекло страшное животное — она узнала в нем чудовище, которое убил Павлыш. Окруженное целой стаей таких же, только поменьше, чудовище тяжело и угрожающе неслось к группе людей вокруг катера. Салли хотела крикнуть, чтобы люди бежали, но один из ребятишек смело двинулся навстречу чудовищу, пронзительно крича:

— Уйди, коза, не мешай, к нам люди прилетели! Уйди, глупая.

Чудовище, у которого было такое странное имя, вдруг остановилось и попятилось. А одного из козлят, который никак не понимал, почему он не должен мешать, маленькая хромая девочка оттащила за длинные уши. Козленок блеснул, вырывался, но коза не посмела прийти к нему на выручку.

«Ну, разумеется, — вдруг поняла Салли, — если они живут, живут трудно, но остаются людьми, они должны привлечь животных, ходить в лес, вскапывать огород. А чего же я ждала?»

— Если вы не очень утомились, — произнес однорукий старик, — мы попросили бы вас полететь в горы. Там Олег

и Сергеев. Они пошли к «Полюсу», чтобы наладить связь и вызвать вас по радио. Но в горах очень плохая погода.

* * *

Через двадцать минут — терять время было нельзя — катер поднялся вновь. Дику стало лучше, он полетел с Салли. Он знал дорогу от поселка к «Полюсу», которой они шли в прошлый раз.

Многие хотели полететь в горы за Сергеевым и Олегом, особенно дети, мать Олега даже рвала в катер, но Старый сказал:

— Ирина, нельзя. Они обойдутся без тебя. — Он обернулся к Салли и попросил: — Возвращайтесь скорее.

Но он сказал эти обыкновенные слова очень серьезно, стараясь сохранить не только свое достоинство, но и достоинство поселка. Он стоял очень прямо, Дик никогда раньше не видел, чтобы Старый стоял так прямо. Единственной рукой он упирался в набалдашник палки. Ребятишки перестали гомонить и прыгать вокруг катера. И мать Олега медленно отступила назад.

— Хорошо, Борис, — ответила Салли, — мы постараемся поскорее их найти.

А когда катер поднялся, Дик сказал:

— Ты видишь эти красные скалы? Нам туда. За ними пещера. Мы там ночевали в первый раз. Не спеши, а то я потеряю путь.

Катер летел медленно. Он поднялся над ущельем, в котором бурлил в ледяных закраинах ручей. По ущелью тянулись клочья тумана, оно было завалено снегом, и Дик подумал, как трудно пришлось здесь Олегу.

Катер поднялся над плато. Дик узнал место, где он нашел флягу с коньяком, потом место, где погиб Томас.

— Здесь Томас разбился, — указал он. — Олега укусила снежная блоха, Томас его не пускал, а сам разбился.

Салли кивнула, хотя впервые услышала имя Томаса. Она знала, что не раз еще услышит эту историю, и Томас станет для нее знакомым, как и живые.

Катер шел метрах в ста над снегом, потом Салли опустила его еще ниже и совсем снизила скорость: катер вошел в толстый слой облаков, и она боялась пропустить людей.

— Они дальше должны быть, — сказал Дик. — Они уже к «Полюсу» подходят. Если до «Полюса» дошли, тогда не страшно, они там отсидаются.

Салли чуть не призналась Дику: «А мы хотели «Полюс» взорвать». Как объяснить человеску, который вырос в лессу, существование инструкций?

Еще через несколько минут они вышли из облаков. Здесь царило синее небо, сияли звезды. Было видно далеко вокруг.

Дик был пока спокойен. Он ждал, когда появится «Полюс». «Полюс» лежал в котловине, такой же точно, как год назад.

Катер сделал над ним круг. Следов Сергеева и Олега нигде не было видно.— Может, они в корабле? — сказал Дик. — Холодно ведь.

Салли опустила катер рядом с люком. Из люка свисал трап, который оставил здесь легкомысленный Павлыш. «Хорошо, что он легкомысленный», — подумала Салли.

Они с Диком обежали корабль, заглянули в отсек управления и на склад, потом спустились к отсеку, где стоял плавающий катер, потому что Сергеев с Олегом могли быть в нем, стараясь наладить связь.

Но они никого не нашли.

Они вышли из «Полюса». Дик был мрачен. Вокруг стояла зловещая космическая тишина.

— Будем искать дальше? — спросил Дик, боясь, что Салли скажет: она устала, надо возвращаться. Ведь Олег и Сергеев чужие для нее.

— Погоди. Сначала выйдем на связь.

Салли вызвала станцию и сказала Павлышу, что была в поселке, а теперь полетела к «Полюсу». Но не нашла людей. Потом она спросила, как себя чувствуют дети. Дик чуть усмехнулся — Марьяну нельзя было называть ребенком. Смешно.

Павлыш сказал, что все в порядке, и потом добавил:

— Летите быстрее сюда. Я тебя сменю.

— Я не устала.

— У меня есть биоискатель. Ты забыла. Без него вам их не найти. Их могло занести снегом, они могли заблудиться.

— Ты прав, — согласилась Салли.

— Что у него есть? — спросил Дик с надеждой.

— Прибор, который может найти органику.

Салли сообразила, что Дик никогда не слышал слова «органика», и стала искать другое, взамен. Но Дик сказал:

— Я понял.

Он и в самом деле понял. Вайткус преподавал им химию.

Катер резко поднялся над котловиной.

— Только я тебя попрошу, — произнес Дик, — полетим не прямо, а сначала сделаем круг над горами.

— Павлыш прав, с биоискателем легче.

— Я знаю.

— Хорошо,— кивнула Салли.

Она была согласна с Диком. Никто из них не сказал вслух, но оба понимали, что если люди заблудились, то в этом морозе каждая минута может оказаться роковой. Конечно, если бы на месте Салли была Клавдия, она бы никогда не согласилась терять время, кружась над снежными долинами. Она бы доказала, что для блага заблудившихся лучше потерять полчаса — долететь до станции, а потом воспользоваться биоискателем. Но Салли была не так рассудительна. И они полетели вниз, делая большие зигзаги, прочесывая широкую, в несколько километров полосу.

И оказались правы.

Когда они уже опустились до верхней границы облаков и поняли, что придется прервать поиски, остроглазый Дик увидел далеко справа черную точку на снегу.

— Поверни! — закричал он.

Точка была неподвижна. Салли тоже увидела ее и так резко развернула катер, что Дик еле удержался в кресле.

Точка быстро росла, и тут они увидели, как точка шевельнулась. Это был странный бесформенный комок, который рос и увеличивался. Уже опускаясь к нему, они поняли, что комок — два человека, которые, падая и снова поднимаясь, вцепились друг в друга и потому были как одно существо.

Когда катер опустился на снег в двадцати метрах перед Сергеевым и Олегом, те не увидели его — они ослепли от снежного сияния. На глазах Дика и Салли, которые выскочили из катера, они вновь упали и с трудом, глухо рыча, начали подниматься на колени.

— Олег! — закричал Дик, кидаясь к медленно ворочающемуся клубку тел. — Олег, я здесь! Ты меня слышишь? Олег, это я! Это мы! Мы прилетели!

СОДЕРЖАНИЕ

Закон для дракона	3
Белое платье Золушки	51
Поселок	133

**Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Серия А
Том 2
Доктор Павлыш**

**Составитель А. В. Алексеев
Художник К. А. Сошинская
Ответственный редактор Т. В. Бобрынина
Технический редактор А. Н. Аникеев
Корректор Т. Л. Сологуб**

Лицензия № 061445 от 17.07.92.
Подписано к печати 08.09.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
«Таймс». Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 26,9. Тираж 50 000 экз. Заказ 1237. С3
«Хронос» 127254, г. Москва, а/я 19.
При участии МП «Энталпия» и ТОО «Пилигрим»

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1 Министерства печати и
информации России. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

